

Аннотация к книге "Горничная для Мага"

Едва Фабиана вернулась из пансиона, её выдают замуж. Всё бы хорошо: жених — богат и влиятелен. Вот только вряд ли его сын обрадуются такой молодой мачехе. Единственное, что ей остаётся — бежать. Но место, чтобы скрыться от погони новоиспечённого жениха, она выбрала публичный дом... Сбегая от одного высокородного господина, девушка оказалась в таинственном замке другого, ещё более высокомерного лорда. И у неё очень плохое предчувствие по поводу него...

Горничная для Мага

Богатова Властелина

Глава 1

Фабиана

«Её цена высока», — стучала набатом в голове фраза дядюшки, от которой Фабиану выворачивало наизнанку.

«Хочу её»

«Сколько?»

«Семьсот золотых»

Коридор, в который Фабиана выбежала, расплывался, глаза жгло от проступающих слёз, девушка подобрала подол юбки, побежала вперёд, гулко стуча каблуками по деревянному полу. Добежав до своей комнаты, зло толкнула двери и вбежала внутрь. Хлопнув створкой, ринулась к столу, одним рывком смахнула с него чайный сервиз, который с грохотом полетел на пол. Глубоко дыша, Фабиана оперлась руками о столешницу и смежила ресницы, пытаясь унять яростно kloкочущее сердце.

— Подлец! Какой же подлец! — шипела она.

В следующий миг Фабиана всхлипнула, но тут же заставила себя не плакать. Новый приступ гнева охватил девушку снова, она схватила вазу из годеонского стекла со свежими, нарезанными утром служанкой розами, замахнулась в стену и застыла. В голове что-то щёлкнуло. «Что она делает? Всевидящая, что она делает?» Фабиана глянула на разбросанный сервиз на полу и задержала дыхание.

«Это не я», — отозвалось эхом в голове. Она — всегда примерная, скромная, послушная, добродетельная, отзывчивая — никогда не была такой разгневанной, разъярённой до душного жара в груди. Просто... Просто Фабиана никогда не испытывала всю глубину отчаяния.

Как он мог!? Фабиана думала, что дядя — единственный родственник, который так бережно заботился о ней всю жизнь, любил, опекал, дарил тепло — вдруг в одночасье оказался предателем. Чужим. В груди заныло. В ответ своим чувствам Фабиана нахмурилась. Теперь этот родной человек отдаёт её замуж за этого старикана! Нет. Не отдаёт — продаёт, как вещь! Как товар! Как рабыню! Выставляет вон из её собственного дома!

«Семьсот золотых» — Фабиана горько усмехнулась.

Что ужаснее всего, дядюшка давно планировал избавиться от них — от неё и брата. Давно замыслил, едва только не стало О-Лидэров. Фабиана зажмурилась, сглатывая ком, понимая, что дядя хочет присвоить всё их наследство себе. Все эти вещи её родителей, которые обогревали, которыми она дорожила с детства, теперь всё это Витор, этот лжец, хочет отнять у них.

— Ненавижу! — шикнула зло сквозь зубы.

В груди сдавило, и сложно было понять, что Фабиана испытывала — боль? Предательство? Ярость? Всё вместе.

Крепче сжала вазу и со всего маха швырнула её в стену. Дорогое стекло лопнуло, взорвалось голубыми искрящимися осколками и брызгами воды.

— Ничего у него не выйдет. Я приняла решение. Я уйду. УХОЖУ!

Она уйдёт сама, сбежит, но не позволит, чтобы об неё вытирали ноги, отдавали за старика с трясущимися руками, у которого, между прочим, молодые сыновья её возраста. Немыслимо!

Фабиана кинулась к шкафу, выгребая из ящичков ценные вещи: украшения, деньги, документы, всё, что было и осталось у неё в личном пользовании. Сгребла всё в охапку, вернулась к столу. Расстелила кружевной платок и выгрузила всё на него, связала в узел.

Фабиана могла бы подождать, отправить весточку брату, дожидаться ответа, его личного визита, но сколько пройдёт времени?! Он не успеет, дядюшка благополучно выдаст её замуж и скажет, что она по доброй воле была на это согласна. Будет поздно. Потому нужно действовать решительно и быстро.

Торопливо спрятала узел за пазуху.

— Фабиана! — раздался мужской бас позади.

Девушка вздрогнула и развернулась, натягиваясь струной. Строгий тяжёлый взгляд мужчины скользнул по разбросанному сервизу и подтёкам на стене.

— Я вижу, ты не рада.

Сердце пропустило удар. Не рада? Ха! Фабиана едва сдерживала себя, чтобы не вылить всю ярость и обиду, но усилием, так что её затошнило, подавила это желание.

Улыбнулась, но улыбка вышла фальшивой. Ну и пусть! Какая теперь разница?!

— А как вы думаете? — голос предательски дрожал от напряжения, даже горло сдавливало в спазме, но Фабиана продолжила: — Вы моим родителям дали обещание над надгробной плитой заботиться о нас, и насколько исполняете этот долг, ведомо только вам, — очень хотелось призвать его к раскаянию.

Но нет. Витор гневно сузил глаза, в которых заиграло холодными искрами раздражение.

— Да, я забочусь о тебе как о собственной дочери и думаю, что в этом союзе ты станешь счастлива, — бесстрастно отпарировал Витор.

Яд презрения всплеснул где-то в горле, и девушка едва подавила горький смешок.

Бессмысленно. Он считает, что поступает разумно, правильно. Оставалось только надеяться, что тех денег, что заплатил ему эрн Груно, не хватит, чтобы заглушить голос совести, и она рано или поздно съест его.

— Не задерживайся, гость ждёт, — бесцветно напомнил дядюшка, — верю, что ты покажешь себя с лучшей стороны, ведь не зря же я оплачивал твоё обучение все эти годы, — теперь без тени лицемерия заявил он, показывая свои истинные гнилые намерения в обидных до слёз словах, от которых подкосились ноги.

Фабиана скорбно промолчала, в полной мере чувствуя свою беззащитность. Ощутила её ещё острее, когда он вдруг приблизился. Мужчина был намного выше, имел высокий лоб, выпирающие скулы, тонкие сжато губы и крупные крылья носа. Он поддел подбородок девушки пальцами с аккуратно подстриженными ногтями, заставляя посмотреть на него. В серых глазах вдруг вспыхнуло презрение, ревность и что-то ещё — Фабиана не успела понять.

— Вся в мать, — вдруг выплюнул он.

Девушка содрогнулась, будто Витор этим тоном осквернил память матушки. Будто в этих словах скрывалось что-то большее, чем просто ненависть. Дёрнулась, отшатываясь, выказывая всё своё омерзение, кривя губы, но со стороны она загнанный в угол зверёк, слабая и беспомощная. И это было так.

Витор небрежно ухмыльнулся, бросая на нее до глубины колкий звериный взгляд, сбрасывая маску и показывая всем своим видом, насколько она ему безразлична, насколько чужая. Как же Фабиана обманывалась всё это время, считая его родным! Этот человек совершенно для неё чужой, корыстный, бездушный, алчный подлец, готовый продать душу за мешок монет. Фабиана пристально смотрела замутнённым взглядом мужчине в спину, пока дверь за ним не захлопнулась. Её всю трясло. Она чувствовала себя в ловушке. Сбросив наваждение, хрустя каблуками по стеклу, подступила к постели. Рывком сдёрнула одеяло и простыни. Скрутила их в канат и перекинула через оконную раму, крепко привязав к железной жерди, на которой держались горшки с её любимыми фиалками. Убедившись, что всё держится крепко, забралась на подоконник и, ухватившись за «канат», с лёгкостью принялась спускаться. В пансионе она научилась не только вышивать гладью и исполнять ноты, но и, поддерживая форму, верховой езде.

Наконец, настигнув земли, девушка прыгнул на траву, растёрла зудящие ладони, расправила складки и, поправив причёску, пустилась почти без оглядки в сад, выбирая потаённые тропки, чтобы случайно не наткнуться на садовника. Уже через пару минут она настигла бетонной стены, поросшей диким плющом, пошла вдоль неё и вскоре оказалась у кованой дверцы. Выдернув из волос шпильку, взяла покрывшийся утренней росой замок. Открыть его было несложно, в детстве Фабиана проделывала этот трюк множество раз, когда они с братом убегали от гувернантки играть с другими детьми у старых мельниц. Правда, после им доставалось от родителей. Фабиана оттринула прочь далёкие воспоминания, когда матушка и отец были живы.

Замок щёлкнул. Сбросив цепь, Фабиана, оглядевшись по сторонам, скользнула за дверь. Шла быстрым шагом, иногда пускаясь в бег, преодолевая густые липовые рощи. Платье становилось от травы мокрым и тяжёлым, но ей было всё равно. Главное — оказаться как можно дальше от усадьбы О-Лидэр.

— Я ещё поборюсь за своё наследство, по праву принадлежащие мне и Тánору!

Танор на год младше Фабианы, он служит в гвардии королевства Вальштора и занимает особую должность в обороне. Брата Фабиана не видела с того мига, как отправилась в пансион, точнее, её отправил дядя, чтобы спокойно управлять делами своего погибшего брата. Прошло уже восемь лет с того мига, как она видела любимого Танора. Но Фабиана никогда не забывала о младшем брате и слала ему письма на годовые праздники, безумно скучая. Танор не всегда отвечал, но это и понятно, он сильно занят и часто бывает в разъездах. Иногда он отвечал, и пусть эти письма были короткими и немногословными, но всё же безмерно радовали.

Торговая площадь, куда Фабиана за потоком мыслей добралась довольно быстро, гудела и кипела жизнью. Это не загородные тихие рощи с безбрежными озёрами, тенистыми тропками и реками, а самая настоящая толкучка. Фабиана почувствовала себя в коробе с пчёлами. Если она когда-то и бывала здесь, то проездом.

Все пихались, ругались, гремели колёса, лаяли псы, даже пешим сложно протолкнуться, и когда девушка выбралась к многоэтажным лавкам и хозяйским дворам с черепичными крышами, откуда веяло сдобными выпечками и жареным на углях мясом, свободно выдохнула. Передохнув, двинулась вдоль харчевен и лавок, рассматривая висевшие на поржавевших цепях железные вывески с разными названиями и рисунками, пока не наткнулась на опрятное крыльцо, украшенное цветами.

— Надо же... — девушка встала у порога, прочитав выкрашенные красивыми буквами название хозяйственного дома, попутно разглядывая окна, в которых виднелись занавески, и удивлялась тому, что среди вонявших рыбой и жареным луком забегаюлок можно найти приличное заведение. Ей на первое время нужно найти хоть какое-нибудь жильё. И лучше это будет что-то неприметное и подальше от пригорода, где Витор даже не подумает её искать. Этот хозяйственный дом оказался весьма кстати.

Набрав в грудь больше воздуха, шагнула на порог и тут же едва не столкнулась лбом с выходившей посетительницей.

— Простите, — виновато буркнула Фабиана.

Девушка в ответ брезгливо скривила губы, но следом вперила оценивающим и даже слегка удивлённым взглядом. Конечно, на Фабиане хоть простое платье, но из весьма дорогой ткани, и это может заметить любая простолюдинка.

— Можешь даже не заглядывать, — бросила она задерживаясь. — Мест нет. Так что разворачивайся и топай назад, откуда пришла.

Нахальный тон возмутил и поднял бурю чувств, но Фабиана понимала, что сейчас она обычная девушка, ищущая укрытие — как-никак день клонился к ночи.

Незнакомка ещё раз проскребла взглядом по телу девушки с толикой зависти, дёрнув подбородком, сошла с порога с выпрямленной спиной и почти сразу затерялась среди прохожих.

Постояв немного, Фабиана повернулась к двери. Решительно толкнула створку, проходя внутрь. В комнате, в которой она оказалась, было сумрачно, после шумной площади — очень тихо. Из других дверей навстречу сразу вышла высокая стройная женщина в строгом платье. Фабиана даже издала слышала усталый вдох.

— Мест нет, — заявила управляющая.

— Простите, — терять надежду Фабиана не собиралась, тем более это самое приличное заведение на этой улице, — может, вы посмотрите лучше, я доплачу.

Женщина застыла, вытянутое лицо закаменело, но в следующий миг она вышла на свет, оглядывая девушку пристальнее. Конечно, денег было не столько много, но сейчас не было выбора, позже Фабиана подыщет что-то дешевле.

— Сейчас много приезжих, и все гостиные дома заняты. Но... — женщина смолкла и добродушно улыбнулась, — меня зовут Жаклит. А тебя?

— Фа... Мариса, госпожа, — прикусила язык, едва не выдав себя.

— Сколько тебе нужно мест, Мариса? На сколько ночей?

— Одно место на одну ночь, — платить лишнее она не собиралась.

Оставаться надолго поблизости пригорода опасно. Дядя может её легко найти. Поэтому поутру

Фабиана отправится в центр города искать встречи с Танором.

— Хм... — Жаклит задумчиво подвела глаза к потолку. — Пожалуй, есть один вариант. Подожди меня здесь.

Фабиана кивнула и вскоре осталась одна. Девушка прошла к окну, коснулась бархатных занавесок. Здесь пахло горьким табаком и деревом, совсем как в кабинете отца, который занял Витор. Похожая на знакомую обстановка немного расслабила. В полной тишине наблюдая за суетой на улице, Фабиана представила, как разъярён сейчас дядюшка, даже уши загорелись.

Ожидание продлилось недолго, Жаклит появилась уже через пару минут, шурша тяжёлым подолом платья.

— Вот, — сказала женщина, протягивая Фабиане свёрток бумаги. — Здесь написан адрес гостиницы дома «Золотой пион», там есть свободное место как раз для такой милой девушки. Эту записку передашь хозяину двора Вилберну эрн Гордсиону. Скажешь, что ты от господина Мельвиля. Он сразу поймёт.

Фабиана, выслушав всё внимательно, забрала свёрток, немного расстроившись — ведь придётся куда-то ехать, хотя это, может, и к лучшему.

— Благодарю, — присела в реверансе, но поздно поняла, что это лишнее.

— Ох, пустяки, рада помочь, — мило улыбнулась Жаклит.

«Золотой пион» оказался едва не на самом краю Вальштора — Фабиана бы уже добралась до брата. Небольшой пригород на побережье Даранского залива раскрылся во всей своей красе с множеством мостовых, с рядами каменных многоэтажных построек, которые плотно прилегали друг к другу. Место с первого взгляда показалось приятным, особенно в вечернем, потухавшем в рифах закате.

Расплатившись с почтовым возничим, что любезно согласился довезти, да и тому было по пути, Фабиана повернулась к дороге. Признать, она недоумевала, зачем было отправлять её в такую даль. Но дело сделано, и она здесь. Осталось только найти тот самый двор.

Здесь тоже было много народу и повозок со скучающими возничими. Женский смех доносился до слуха откуда-то из цветущих акаций. Фабиана пошла по улице, разглядывая постройки, вот только, едва сталкиваясь с толпой мужчин, спросить о том, где находится двор, она не решалась. Девушка начала замечать, что здесь что-то не так, и, наконец, поняла: мужчины не совсем приличные. И дело не в одеждах, а во взглядах, с которыми они встречали её и провожали — откровенные, похабные, оценивающие, от которых хотелось отгородиться и поскорее уйти.

Девушки и женщины тоже не вызывали доверия, слишком раскрепощённые, развязные. Чуть дальше из раскрытых дверей шумных трактиров вываливались пьяницы, они шумели и хохотали. Фабиане с каждым шагом становилось не по себе. Что это за место? Куда её отправили?

Дошла до конца улицы, уперлась в каменную стену и поняла, что заблудилась, а уже заметно смеркалось.

— Вот же проклятье. И где этот дом? — закрадывалось чувство, что её обманули.

Но только зачем? Фабиана не понимала.

— Эй, красотка! — раздался со стороны каменной арки мужской голос. Фабиана вздрогнула и обернулась. К ней шёл мужчина: молодой, худощавый, с бледным лицом и такими же светлыми бровями и волосами, одет с серебристый сюртук, шейный платок растрёпан, как и полы рубашки, торчавшие из штанов. — Заблудилась? Или ждёшь кого? — шатающейся походкой приблизился молодой мужчина.

Фабиана попятилась назад. Что ему нужно от неё? Бежать некуда, а мужчина явно нетрезв. Сглотнула, слыша доносившийся издали неразборчивый гул и городской шум. Девушка выпрямилась, взяв себя в руки, хоть сердце застучало, как ошалелое.

— Я ишу трактир «Золотой пион», — призналась, всё же не теряя надежду, что парень не откажет ей помочь.

Но едва он приблизился, Фабиана поняла, что помогать он не намерен. Липкий взгляд голубых глаз похотливо скользнул по её фигуре, тонкие губы скривились в мерзкой ухмылке. Фабиана напряглась. Ткань платья прилипла к спине и колола.

— И кто же там ждёт такую сладкую уточку?

Бесцеремонный тон вызывал прилив злости.

— Какая вам разница? — позабыв о страхе, выпалила она, когда мужчина подошёл ещё ближе, закрывая ей дорогу.

— А может, ищешь меня, а? — нахал распустил руки, обхватывая ее за пояс и бесцеремонно притягивая к себе.

Фабиана упёрлась кулаками в его грудь, пыталась увернуться и вырваться, но мерзавец бесстыдно сжал мягкое место ниже поясницы, вжался пахом в неё, прильнув к шее мокрыми губами. К лицу девушки прихлынул жар, такой душный, что она задохнулась, хватая ртом воздух. Охватившая паника застала врасплох. Фабиана хотела его ударить коленом, но ничего не вышло, когда наглец потеснил её к стене и придавил своим весом.

— От-пустите, слыши-ите... — шипела она хрипло, пытаясь увернуться от жёстких липких губ, грубых рук.

Ещё ни один мужчина не смел ее касаться, особенно так. Отчаяние вместе со страхом лишали ее воли, и хотелось уже плакать, Фабиана даже кричать не могла, испытывая всю безысходность, навалившуюся на неё в виде пьяного гуляки. Где-то на краю сознания билась мысль, что это всё нужно остановить, иначе... иначе. Она готова была умереть.

Мужчина сопел, пытаясь справиться с застёжками на её воротах, рвал ткань и царапал кожу. Ещё немного, и он обнаружит ценные вещи! Фабиана, собрав остатки воли, поднатужилась, прикладывая силу, отстраняя от себя тяжёлое тело.

— Немедленно прекратите! — яростно процедила сквозь зубы, пытаясь. — Меня ждёт почтенный господин, и ему не понравится, если я ещё хоть насколько-то задержусь...

Хватка немного ослабла. Мужчина с сомнением сощурил глаза. Внутри Фабианы заликовало.

— ...У меня есть записка для этого господина, да, — во рту пересохло, она не понимала, что говорила, но это было единственным её спасением.

— Выкладывай, кто тебя там ждёт? — проявил он скушающий интерес, но всё же чуть отстранился.

Судорожно дыша, полезла в складки платья. Пальцы не слушались, внутренняя дрожь мешала думать, но когда Фабиана с диким ужасом обнаружила, что бумажного свёртка не оказалась в женской поясной сумочке, вся её решимость рухнула. Как же так?!

Она снова и снова трясла её, щупая дно. Нет. Пусто. Неужели выпала?

— Обманиваешь, уточка, — подал мерзкий голос мужчина, — думала, поддамся на уловку? Как бы не так! Раз пришла, поработай хорошенько, а я, возможно, если мне понравится, заплачу, — он грубо схватил девушку за запястье, толкнул, впечатывая в стену, склоняясь к лицу.

Фабиана успела увернуться, зажмуриваясь, ощущая, как щетина царапает нежную кожу.

— Я не вру, я скажу его имя. Вам крупно не повезёт, если он сейчас придёт за мной, — голос не принадлежал ей, в глазах плыло.

Мужчина снова застыл и медленно повернул голову.

— Ну и кто он? — кажется, это его останавливало, видимо, в этом квартале были свои влиятельные лица, которых остерегались.

— Господин... — Фабиана с ужасом поняла, что забыла имя, о котором ей говорила Жаклит. Всевидящая! Хотелось заплакать от обиды. — Господин...

— Хэварт Ламмерт, — раздался мужской голос откуда-то со стороны.

Насильник резко повернулся, выпуская девушку. Она глянула туда, откуда появился этот голос — уверенный, сильный. В тени кто-то стоял, Фабиана разобрала за туманом мужской силуэт. Откуда он взялся? И что он видел? Щеки запылали, когда поняла, что видел он многое, раз подхватил разговор и спас ее. А может, он случайный прохожий и окажется одним из таких же, как этот мерзавец? И попросту сейчас присоединится к своему соотечественнику? Эта мысль ввергла в ещё большее оцепенение, девушка перестала дышать, понимая всю глубину своей безысходности. Попятилась, скользя ладонями по холодному камню, вжимаясь в него, медленно отступая,

сдерживаясь, чтобы не броситься в бег.

Тот мужчина, который назвал своё имя, уверенно двинулся в их сторону. Фабиана смогла разглядеть его лучше, едва он вышел из сумрака: высокий, чуть худощавый, но с рельефным телом — это заметно даже под жакетом, идеально завязан шейный платок, на руках кожаные перчатки — одним словом, аристократ высшего слоя. На мгновение её взгляд встретился с его. Карие глаза под тёмные прядями, падавшими на лоб, утянули в бездну. Он насмешливо приподнял бровь, будто знал её, видел всю насквозь. Нет, не может быть, чтобы он оказался из таких проходимцев, как первый. Ведь так? Так?

Фабиана сглотнула, когда её взгляд задержался на его шее, где проступала испарина. Губ незнакомца коснулась откровенная ухмылка, разбив вдребезги все иллюзии. "Он такой же", — разлилось горьким разочарованием. В ушах зашумело от притока крови и стыда, Фабиана отвела взгляд.

— Да неужели? Как докажешь, что ты Ламмерт? — встрепенулся подлец, криво усмехаясь, забывая о своей «добыче».

И только тут Фабиана увидела сверкающий сталью нож в его руке. Спина и ладони вмиг покрылись холодным потом, сердце заколотилось молоточком в груди, горло сжало клещами страха, но не за себя. В воздухе повисло такое напряжение, что казалось — полетят искры или произойдёт взрыв. Незнакомец, не обращая внимания на угрозу, спокойно прошёл к Фабиане. Что он намеревается делать? Она растерянно захлопала ресницами, когда он встал почти вплотную, нависая, закрывая собой. От мужчины насыщенно пахло горячей смесью ароматов, Фабиана не могла разобрать так быстро, потому что незнакомец вдруг склонился и, обхватив ладонью её лицо, впился в губы.

Фабиана охнула, всколыхнувшись, как пойманная птица, но пальцы настойчиво вдавились в челюсть, вынуждая застыть и подчиниться. Губы сами раскрылись, бесстыдно скользили о губы мужчины, вызывая странные тянущие ощущения, наливающие её тело горячей тяжестью.

"Что происходит?! Что, вообще, происходит?" — твердил голос разума, когда рот девушки был всецело занят.

— Что вы себе...

Фабиана попыталась отстраниться, задыхаясь, но мужчина в ответ только переместил руку на затылок, вжался в губы сильнее, страстнее, углубляя поцелуй, крадя остатки дыхания и разума, оставляя лишь настойчивые движения мягких сухих губ, чуть горьких и пряных. Смесью острых смешанных чувств растекались зыбким жаром по телу девушки, ослабляя колени. Фабиана сквозь туман поняла, что это выглядело со стороны так, будто они страстные любовники, безумно соскучившиеся друг по другу.

— Эй! — крикнул мерзавец, дёргая незнакомца за плечо.

Мужчина чуть отстранился, приоткрыв ресницы, позволяя Фабиане вдохнуть и тут же утонуть в блестящих звёздами чёрных безднах.

— Отойди в сторону, — прошептал он, обдавая влажные губы, горячим дыханием.

По телу пробежали мурашки и внутренняя дрожь от его вкрадчивого голоса, от того, как в чёрных глазах сверкнуло что-то холодное. Опасное. Фабиана никогда не бывала в таких передрыгах. Она судорожно кивнула, доверившись незнакомцу, да и был ли выбор? Быстро отступила, скользя по стене, не отрывая взгляда от молодого мужчины, будто загипнотизированная им.

— Ты на страх хочешь взять, да? Эта не твоя девка, я тебя насквозь вижу, убирайся, эта шлюха моя! — подонок явно нарывался, набычившись, готовясь к драке.

В следующий момент он и в самом деле рассёк воздух ножом, выставляя его вперёд, делая выпад, едва не задевая незнакомца.

Фабиана вскрикнула, зажав губы ладонями. Всё происходило слишком быстро: незнакомец перехватил руку нападающего, вскинул локоть и резко ударил им в лицо противника. Раздался глухой неприятный стук, подонок крутанулся вокруг соперника, словно нашкодивший пёс, и тот круто заломил ему руку. Подонок согнулся пополам и заорал, его бледное лицо исказила неподдельная боль.

— Отпусти! Отпусти, я всё понял, понял! — ревел он, оглушая Фабиану.

— Твоё? — склонился к нему кареглазый, что-то показывая.

Фабиана рассмотрела что-то металлическое в его руке — обычные карманные часы на цепочке.

— Твоё? — рыкнул, потребовав ответ, заламывая руку круче.

— Что-о-о? — на бледном лице мерзавца отразилось искреннее недоумение. — Сукин с... — он не договорил — на лице отпечатались гримаса теперь уже беспомощной муки. — Моё, мо-ё-ёо, отпусти только.

Он полетел вперёд, но, сделав два шага, потерял равновесие, споткнулся и рухнул на землю.

Фабиана сглотнула.

Незнакомец швырнул следом и часы, которые упали рядом с негодеем на землю.

— Да нужна мне эта потаскуха! Их тут целый курятник! Забирай! — рывкнул проходимец, утирая кровь, шедшую из носа, что заливала его подбородок, пачкая шейный платок.

— Пошёл прочь, — шикнул темноволосый, брезгливо оскаливаясь.

Фабиана аж вздрогнула от его вида — холодного и неприступного.

Подонки хорошо знал, кто перед ним. Знал и боялся. А значит, и Фабиане тоже следовало поостеречься. Девушка перевела дыхание, когда гуляка торопливо подобрался и, шатаясь, бросился прочь, вскоре исчез под сводом ворот.

Господин Ламмерт, как он представил себя, склонившись, подобрал часы, расправил плечи, которые, между прочим, были притягательно широкими, делая его фигуру и без того стройной и гибкой, передёрнул ими и строго с каким-то укором глянул на девушку, вернул взгляд на часы.

Эти часы... Он их что, вытащил из его кармана? Но как? Ведь он даже не приближался к подонку? Мысли замельтешили роем. Фабиана ничего не понимала, во рту стало сухо, сердце всё ещё болезненно трепыхалось, а губы до сих пор пекло, напоминая бесстыдный поцелуй. «Всевидающая, что это вообще было?!» Разве она должна позволять такое? Девушка снова почувствовала на себе взгляд карих, почти чёрных глаз, заставлявших её напрячься до такой степени, что мышцы задревенели, и Фабиана не выдержала, что-то лопнуло внутри — оттолкнувшись от стены, и девушка пустилась наутёк.

— А ну стой! — ударил в спину приказ.

Фабиана не остановилась, бежала как сумасшедшая со всех ног, ледяной страх толкал вперёд, но она даже не успела добежать до первого фонаря, как её обхватили поперёк туловища мужские сильные руки и оторвали от земли.

Фабиана взвилась и теперь уже закричала, пока её рот не запечатала ладонь в холодной коже перчатки, перекрывая звук, и девушка только неразборчиво промычала.

— Тиши ты, или всех тут хочешь собрать, чтобы в очередь встали? — шикнул раздражённо над ухом мужчина

Что? Кого собрать? Фабиана смолкла, и он освободил ей рот, но на этом не остановился. Незнакомец потащил её в другом направлении, проходя под аркой, куда убежал тот проходимец. Да что он себе позволяет?! Куда он её тащит?! Фабиана спотыкалась, едва поспевая за широким мужским шагом. Девушку охватила паника, когда она поняла, что он тянет её в эти омерзительные дворы. Постояльцы провожали их затуманенными хмелем взглядами. Но похититель не потащил в трактир, повернул к дороге, где стояла небольшая... карета? Фабиана перебивалась в такой растерянности, что не поняла, как оказалась в сумрачной глубине повозки. Мужчина потеснил её и залез сам, закрыв за собой дверку. Девушка прижалась к стенке, стараясь отодвинуться как можно дальше. Теперь она оказалась заложницей того, кто выручил её — не попала ли она в более опасное положение, чем было с тем подонком? Если тот заявил сразу о своих желаниях, то от этого господина девушка не знала, чего и ждать.

Некоторое время Фабиана слушала своё шумное дыхание и грохот сердца, которое билось где-то в горле. Она опустила взгляд и всколыхнулась, быстро поправляя край подола, закрывая оголившееся колено.

Мужчина наградил её ледяным взглядом:

— Так ты вспомнила, как зовут того господина? — будто с издёвкой спросил он, щуя карие глаза.

— Я просто заблудилась. Мне нужно попасть в «Золотой пион», — выпалила на одном дыхании.

Мужчина в лёгком удивлении приподнял брови, кажется, это его изумило. В полумраке его черты с этим разлётом бровей, прямым носом и чуть пухлыми, но сомкнутые в строгую линию губами были резче, приковывали внимание, неумолимо гипнотизировали.

— Ты не заблудилась, «Золотой пион» здесь, — мужчина кивнул в окно, — бордель, куда стремятся молодые девицы за лёгким заработком, тебе нужно туда?

Фабиана нахмурилась, глянула в окно и не поверила глазам. Постоялый двор оказался очередным притоном для гуляк, и на нём действительно было написано это название. Девушка моргнула, ничего не понимая. Выбираться отсюда ей расхотелось, даже несмотря на то, что она сидела в тесноте с незнакомым ей мужчиной.

— Или... постой, — огонь вспыхнул в его непомерно карих глазах. — Это был что, обман? — его тон изменился, в одночасье стал жёстким и холодным. — Это ваш план? Намеренно заблудилась и устроила этот спектакль, чтобы подцепить нового «клиента»?

Девушка захлопала ресницами, когда смысл его слов дошёл до неё.

— Я? Не-е-ет... я... — язык заплетался, Фабиана с досадой сжала губы, её затрясло. Неужели он думает, что она напрашивается к нему в... постель? Всевидящая, какой стыд! Ламмерт потянулся к ручке. — Нет! — вскрикнула Фабиана, останавливая его.

Он раздражённо стрельнул на неё глазами.

— Нет?

— Всё не так! Это какая-то ошибка... Мне нужно было всего лишь жильё... меня обманули. Ничего не понимаю, господин Мельвиль, он сказал, что есть хорошее место, и я...

— Мельвиль? — перебил мужчина, явно заинтересовываясь. Фабиана смолкла, чувствуя, как волнение подкатывает к горлу. Остаться на улице ночью — это самое ужасное, что с ней могло произойти. Молчание затянулось, мужчина о чём-то раздумывал. — Тебе совсем не куда пойти? — вдруг спросил он.

Фабиана мотнула головой, пробивший озноб заставил поёжиться — пережитое сказывалось.

— Как твоё имя? — спросил невольный спаситель, прожигая чёрными безднами.

Девушка помедлила с ответом. Стоит ли ему доверять и раскрыться? Если бы этот господин был из приличной семьи, он бы не посещал столь сомнительные, порочащие репутацию места. Пожалуй, не стоит.

— Мариса, — отозвалась Фабиана, понимая всю безысходность своего положения, и стало как-то омерзительно от себя самой, что ей приходится лгать.

Незнакомец сощурил глаза, кажется, не совсем ей поверив, но не стал ничего говорить. Оторвав от неё пристальный взгляд чуть повернулся.

— Домой! — приказал возникшему.

Домой? Но куда? Фабиана встрепыхнулась, но карета уже тронулась, девушка неуклюже качнулась и, не удержав равновесие, плюхнулась на колени мужчины мягким местом.

— Ох, простите, — всколыхнулась Фабиана, подпрыгивая с колен, быстро пересаживаясь на сиденье. Мужчина одарил её таким ледяным укоризненным взглядом, будто она намеренно всё подстроила, что Фабиане захотелось провалиться сквозь землю.

— Сиди спокойно, я тебя не трону, если ты за это переживаешь, но если хочешь идти, могу остановить и посадить перед тем трактиром.

Фабиана притихла. Обратное она не хотела, это правда, но и оказаться в чужом доме молодого господина — возмутительно для молодой леди.

Дорога оказалась долгой и изнуряющей, Фабиана только гадала, где мог жить этот милорд. Ристол — небольшой пригород Вальштора — раскинулся на юге королевства, именно туда повернул возничий, проехав по каменистой мостовой, въезжая в роскошную усадьбу, когда уже было далеко за полночь.

Карета остановилась. Господин Ламмерт, несколько не задерживаясь, вышел наружу, хлопнул дверцей. Ждать учтивости с его стороны — сомнительная затея, учитывая, при каких обстоятельствах случилось их знакомство. Но одна польза всё же была — Фабиана смогла расслабиться и выдохнуть, понимая, как задеревенели мышцы в долгом напряжении, и заныла спина. Она вздрогнула, когда с другой стороны щёлкнул замок, и дверца рывком раскрылась.

— Ты предпочитаешь ночевать в карете или ждёшь особого приглашения? — Ламмерт был явно не в духе, поэтому Фабиана поспешно вышла, не дожидаясь, пока её попросят дважды.

Прохлада ночи отрезвила, Фабиана вдохнула глубже воздух, убеждаясь, что этот господин Хэварт Ламмерт оказался непростым. Повернувшись к возвышающему высокими башнями к звёздному небу замку. В узких окнах на нижнем и верхнем ярусе горел огонь. Кажется, возвращения молодого мужчины ждали. Фабиана на миг задумалась. А что если у него семья? Дети? Стало совсем неловко.

Навстречу господину вышел мужчина в летах, но ещё не старик. «Управляющий», — поняла Фабиана, глядя на его белоснежные манжеты и туго завязанный у горла платок.

Он приостановил шаг, когда увидел незнакомую девушку. На чуть вытянутом суровом лице, скрываемом сумраком, скользнула хмурость. Оторвав от гостьи взгляд, он приблизился к своему молодому хозяину. Фабиана скромно осталась стоять чуть в стороне, робко обхватив свои плечи, оглядываясь по сторонам, пока мужчины переговаривались. Она только слышала обрывки слов:

— ...Не ворчи Аскил, у меня был сегодня трудный день...

Да уж, Фабиане известно, насколько трудный — пропадать в борделях.

— Она будет помогать... Полностью в твоём распоряжении...

Тут Фабиана насторожилась — в каком таком распоряжении?

Дворецкий с мрачностью глянул на гостью уже более оценивающим взглядом, что у нее скулы свело от возмущения и не понимания.

— ...Девушка устала, выдели ей комнату Ронэ и напои чаем...

Ламмерт устало потёр виски, будто случайная знакомая его сейчас занимала больше всего. Управляющий бросил на девушку хмурый взор. Совести всё же кольнула, ведь она невольно нарушила спокойствие господина и теперь доставляла лишние хлопоты.

— ...Где Вит? — спросил вдруг Ламмерт у своего помощника, расправив плечи.

Вит? Кто это? Женщина? Фабиана наострила слух. Нехорошо подслушивать, но... закусил губу и продолжила ловить каждое долетевшее слово.

— ...Хорошо, я к нему...

Значит, всё же мужчина. Какой-то родственник? Отец? Брат? Фабиана облегчённо выдохнула, хотя почему это должно было её так волновать?

— Всё сделаю. А вам... может, что-то пожелаете, милорд, вы поздно вернулись... — не отпустил так просто управляющий.

— Нет. Лучше позаботься о ней, — бросил прохладно Ламмерт, но больше, скорее, от усталости.

Он направился к замку, даже не глянув в сторону девушки, оставив Фабиану наедине с управляющим. Это заставило невольно вытянуться по струнке.

— Пройдёмте, — сдерживающим приглашающим жестом мужчина указал в сторону крыльца и, развернувшись на каблуках, направился к дому, уверенный в том, что гостья послушается.

Фабиана, перемявшись с ноги на ногу, всё же поплелась следом, утешая себя тем, что это всё временно. Главное — она нашла пристанище, и как только всё уложится, она сразу же отправится к брату. План, мягко сказать, так себе, но это только пока. Сейчас Фабиана слишком устала, замёрзла и сильно хочет спать. Она отдохнёт, наберётся сил и подумает обо всём случившемся хорошенько завтра.

Вошли в замок. Как и снаружи, внутри он был так же роскошен: большие комнаты, богатая деревянная мебель, узорные ковры, бархатные портьеры, попались даже пара статуй по пути. Но всё же чего-то здесь не хватало, было как-то пусто.

Управляющий, взяв канделябр со свечами, направился по коридору уверенно и бесшумно, Фабиана кожей чувствовала, что она здесь лишняя и доставляет огромные неудобства. По пути никто не встретился, даже когда поднялись на второй ярус замка, который отличался более скромной в плане украшательства обстановкой.

Аскил остановился перед одной из дверей, но помедлил и повернулся.

— Как ваше имя, миледи?

— Мариса, — уже не запинаясь, ответила.

Мужчина вкрадчиво сощурил серо-зелёные глаза, намереваясь спросить что-то ещё, но передумал.

— Это ваша комната, — открыл дверь. Фабиана оказалась в просторных, погружённых в бархатный полумрак покоях. Мужчина, оставив канделябр на столике с резными ножками, повернулся: — Сейчас я принесу чая.

— Спасибо, — поблагодарила, вежливо улыбнувшись.

Дворецкий кашлянул, кажется, растерявшись.

— В конце коридора находится купальня и всё остальное для ваших нужд, и остальные уборные комнаты, — пояснил он, будто ей было то неизвестно, но Фабиана прекрасно знала, как устроены знатные дома. Только зачем обижаться, она для них девица с улицы, ничего не смыслящая в приличных манерах.

— Аскил, — позвала Фабиана, когда тот вознамерился уходить. — Чай не нужен, — в ответ своим мыслям девушка зевнула. Оказавшись в безопасности, неумолимо потянуло в сон, хотелось просто лечь и утонуть в желанной неге.

— Как хотите, — отозвался мужчина.

Он удалился, оставляя Фабиану. Пройдя по комнате, ступая по узорному ковру, девушка скинула с себя пуловер, повесила на высокую резную спинку стула, стоящего возле туалетного столика с небольшим зеркалом. Комната явно предназначена для женщины. Ронэ...

Отражение во всех деталях показало, насколько устало выглядела Фабиана. Она торопливо пригладила светлые завитки у виска и шеи, поправляя сложную причёску, над которой всё утро корпела Кларисса. Вспомнив о доме, Фабиана тяжело вздохнула, но голубые глаза на бледном лице не наполнились грустью, напротив — горели, как две льдины. Память не вовремя подкинула воспоминание о том поцелуе в том грязном захолустье. Требовательный и одновременно нежный, сухой и в то же время вожделенный. Щёки вспыхнули, Фабиана прижала ладони к лицу и отвернулась от зеркала. Нужно забыть это, вычеркнуть из памяти, завтра уже всё пройдёт, весь тот кошмар, пережитый сегодня, забудется, как страшный сон.

Фабиана на всякий случай заперла дверь, прислушиваясь. Всё было тихо. Расплела волосы и задержалась, чувствуя чужой будоражащий запах. Встрепенулась, быстро стянув верхнее платье, оставаясь в сорочке. Узел с драгоценностями и деньгами сразу спрятала под матрас. Легла на постель и едва не простонала от блаженства. Стопы зудели, в голове шумело, словно Фабиана была всё ещё на главной торговой площади.

Главное, что она далеко. Дядюшкин план провалился, по крайней мере, Фабиане удалось взять отсрочку. Разочарование с новой силой надавило, но Фабиана сбросила его. Она должна вырваться из расставленных сетей, а то, что случилось, будет уроком. Теперь она будет знать, что за маской благочестия могут срываться самые грязные, чудовищные, корыстные желания и пороки. Хоть и избежала беды, но не факт, что в безопасности. Внутреннее чутьё подсказывало, что не стоит расслабляться.

Перед глазами внезапно возник пронзительный взгляд карих глаз, с напряжением наблюдавших за ней... По телу против воли растеклось тягучее тепло. Хэварт Ламмерт. Фабиана напряглась, вспоминая, слышала ли она о нём когда-либо, имя господина настойчиво крутилось в голове, но как бы ни прикладывала сил, не могла вспомнить. В пансионе ходило много разных слухов, но она не обращала внимания. А зря.

— Дурёха, — закусила губу в досаде и ударила кулаком по подушке.

Наверняка подруги и девушки не раз шептались о таинственном незнакомце из Ристола. И это его трюк с часами, и мягкость его губ, прохлада перчаток, аромат, который за время поездки в карете пропитался в кожу и волосы... долго не давал уснуть...

Глава 2

Хэварт

Хэварт развязал душивший его шейный платок и, отщипнув кусок недоеденного Витом пирога, прошёл к жерди, подставил ладонь Борту. Птица повертела головой и таки склевала всё до крошки. Хэварт поворошил холку, старый ворон только захрипел в ответ. В кабинете Вита не оказалось, и Хэварт, с раздражением сорвав платок с шеи, бросил его на кресло и расстегнул ворот рубашки. Где его носит?

Окончательно потеряв расположения духа, мужчина взял бутылку и плеснул в бокал красной тягучей жидкости. Ветер со стороны утёса бил в окно, прямо под стать настроению. Год он не может найти покоя, спокойно спать, спокойно выезжать из этого замка, спокойно жить... Ещё эта девчонка... Хэварт много раз по пути пожалел, что не отпустил её, пусть бежала бы куда хотела, но стоило только подумать, в какую скверную неприятность эта пугливая птичка могла угодить...

Хэварт прищурился на тлеющие в камине угли. Он бы мог её высадить где-то по дороге в более пристойном месте, но не сделал этого. Откуда она вообще взялась? Она не похожа на шлюху, таких особ видно издали. Сомнение пронизали шипами. Что если это всё спектакль, который разыграли его враги, чтобы подобраться ближе? Хэварт фыркнул. Чушь. Он уже ничего не понимал, перестал доверять всем. Стянул перчатку, задержал взгляд на кисти, испещрённой уродливыми бороздами.

Ему больше нельзя ошибаться, нельзя оступаться. Но с него хватит, ошибки не будет — Хэварт был уверен в этом. Он больше не позволит управлять собой, быть пешкой в чужой игре. Никогда больше не пойдёт на преступление. Ради этого он оставил всё своё имущество и уехал с младшим братом в немыслимую глушь — дедово родовое поместье. Только отголоски прошлого настигали, как собственная тень, и он в который раз не мог остаться дома. Не так легко оторвать прошлое от себя, нужно время. Но Хэварт готов был терпеть, готов был ждать. В который раз не мог перебороть этот неуёмный внутренний вихрь. Скверная черта, скверный нрав, как и твердил ему отец... Отвращение от самого себя изъедало, как падальщики кости. Хэварт пронизал волосы пятернёй и шумно вдохнул, уходя от мрачных мыслей. Теперь всё будет по-другому.

Борт заклокотал, будто насмехаясь над своим хозяином.

— Не веришь? Вот увидишь — всё изменится. — Хэварт подхватил бокал и сделал жадный глоток. Борт недовольно встрепенулся изрядно помятыми крыльями. — Где же носит этого поганца? — Хэварт поставил бокал на каминную полку, намереваясь отправить Аскила на розыски брата, но тут взгляд упал на запечатанный конверт.

Хэварт взял его в руки, повертел, ища печать, но нашёл лишь небольшую подпись: «Милорду Ламмерту Старшему». Хэварт нахмурился. Странно, Аскил ничего не говорил о том, что ему пришло послание. Поразмыслив, вскрыл конверт, извлекая желтоватый свёрток бумаги. Взгляд пробежался по ровным строчкам аккуратного почерка:

«У тебя есть время до новолуния, чтобы достать одну ценную вещь, иначе с Витларом эрн Ламмертом ты больше не встретишься. Тебе ведь дорог твой неугомонный братец? Если откажешься, его браслеты будут сняты, а через пару часов он умрёт. Жди распоряжений».

Сердце ударились о рёбра камнем. Ублюдки! Внутренняя дрожь прошла по телу магмой, оседая тяжестью в руках и ногах, делая их стальными, в глазах сгустилась тьма, горло сдавило спазмом, и Хэварт не мог вдохнуть, падая в чёрную бездну ярости. Он медленно поднял голову, смотря в окно, резко развернулся и прошёл к двери. Этого не может быть! Как?! Как они проникли через магическую защиту в замок?! Бешенство с помесью гадкого чувства отчаяния затопляло разум.

— Аскил! — гаркнул, и его голос раздался эхом по коридору, призывая управляющего.

Взъерошенный, вернулся в кабинет, грудь разрывало от жара и паники. "Вита украли, взяли в заложники". Бездна! Осознание этого ударило, словно раскат грома. Хэварт даже не предполагал, что такое может случиться, он учёл всё до мельчайшей детали, но всё равно промахнулся. Промахнулся, проклятье!

— Вы звали, милорд...

Хэварт повернулся к управляющему. Аскил служит уже много лет его семье, сначала его с Витларом родителям, а потом и наследникам. Хэварт доверял ему как самому близкому человеку, словно тот был ему родственник.

На лице мужчины при виде старшего Ламмерта отразилось беспокойство.

— Ты говорил, что Вит был здесь, когда ты его видел?

— Что-то случилось?

— Аскил, ответь, когда ты его видел.

— Четверть час назад, милорд. Так что случилось? — начал всерьёз волноваться управляющий, так что на морщинистом лбу проступила испарина.

— Его похитили, — сунул мужчине в руки письмо.

Аскил в недоумении посмотрел на Хэварта и опустил взгляд. По мере прочтения его лицо менялось,

стало бледным и вытянутым, будто все мышцы лишились силы.

— Но как, я ничего не заметил такого, милорд. Этого не может быть. Не проделки ли само милорда Витлара? С него станется...

Хэварт отвернулся, пронизав пальцами волосы, оттянув пряди, причиняя себе боль. Да, Виту могла от скуки взбрыести всякая чушь в голову, но вряд ли он станет шутить по этому поводу и окончательно рушить и без того шаткое терпение Хэварта.

— Вряд ли, Аскил, — Хэварт вернулся к управляющему и забрал послание.

— Кто эти люди, милорд? Что они хотят? — с долей тревоги спросил Аскил.

«Хотят, чтобы он пошёл на кражу, вот что!» — вспыхнула ярость, но Хэварт промолчал. Аскил не всё знал о жизни старшего Ламмерта, когда тот находился за границей, и рассказывать об этом было не времени.

— Иди, проверь всё, обойди весь замок, все потайные ходы, а я посмотрю снаружи, нужно найти пробоину, где посторонние смогли проникнуть внутрь.

Управляющий твёрдо кивнул, судорожно промокнув лоб карманным платком, и быстрым шагом покинул комнату. Хэварт ещё раз взглянул на письмо, сорвал браслет с запястья, сдерживающий магию, провёл ладонью по свёртку. Ничего. Никакой магии, ни следа. Стиснул до ломоты зубы. О том, что этот заказчик достаточно сильный, чтобы пройти щит и не затронуть его, Хэварт не сомневался. Удушающее бессилие сжало горло мёртвой хваткой. Хэварт снова попался, как щенок...

...Выйдя во внутренний двор, мужчина обошёл его и поднялся на каменную стену со стороны высоченного утёса, на котором стоял замок. Зеленоватое свечение, исходившее от ладони, подсвечивало путь, касаясь невидимого щита. Хэварт проверил каждую башню, каждый закоулок. Ничего. Всё чисто. Никаких пробоин. Он спускался по каменной лестнице, и тут-то и вспомнил... Та незнакомка, как она там себя назвала... Мариса?

Хэварт широким быстрым шагом вернулся в замок, вбежал на второй ярус, оказавшись в коридоре, приблизившись к комнате своей бабки, сжал кулак, поднял руку и замер. Она, наверное, уже крепко спит — прорывалось здравомыслие. Если бы эта девчонка была причастна к заговору, разве она не попыталась бы сбежать? Но тут же Хэварт вспомнил, как яростно она отбивалась, как прожигала стылым льдом своих глаз, она хотела ускользнуть, манипулируя мужскими инстинктами поймать её. План сработал.

Всё это неслучайно. Неслучайно, что она появилась именно в тот момент, когда он вышел из душного трактира подышать воздухом. Привлекла его внимание, притворившись невинной фиалкой. Хэварт презрительно фыркнул, как легко он поддался её уловке про Мельвиля и поиск жилья. Как мальчишка! Хэварт оскалился, приступ ярости на собственную слабость, сыгравшую с ним злую шутку, оглушил, разгоняя по телу жар и лихорадочную дрожь. Так или иначе, он сейчас же встрясет из неё, кто она такая и как оказалась у «Золотого пиона» именно в тот момент, когда Вита похищали. И пусть только попробует солгать!

Хэварт толкнул дверь. Та не открылась, но на второй удар, приправленный магией, распахнулась. Пара шагов — и он оказался возле кровати, сдёрнул рывком одеяло и отшвырнул его прочь. Девушка спросонья ничего не поняла, испуганно охнула, а разглядев в свете догоравшей свечи хозяина, восторженно вскрикнула, закрываясь руками, и шарахнулась прочь, но Хэварт успел поймать её за ногу, перехватив тонкую щиколотку. Плохо управляемая магия обвила девичью лодыжку, перепугав изрядно её хозяйку.

— Отпустите! — взвизгнула она, цепляясь за матрас, переворачивая его вместе с собой, когда Хэварт сгрёб всё же гостью с постели, обхватил её за плечи и хорошенько встряхнул, так что светлые волосы опутали лицо.

— Сейчас же говори, кто ты такая? И попробуй только солгать, пожалеешь! — прорычал ей в лицо, сдавив тонкую шею.

Девушка ошеломлённо заморгала, раскрыв свои нежные губы.

— Вы... вы сумасшедший, вы меня сейчас задушите, — процедила сквозь зубы, вцепившись в руку мужчины.

— Именно это я и сделаю, если не признаешься, откуда ты и кто тебя послал?

Милое личико птички изменилось, сделалось каменным, а взгляд уничтожающим, полным ледяной надменности. Пожалуй, ни одна молодая блудница не могла обладать подобной выдержкой, скольких таковых Хэварт ни знал. Сколь же умело она играла.

— Кто тебя послал, отвечай?

— Никто меня не посылал, да уберите же от меня свои руки! — начала злиться птичка, вырываясь.

Хэварт усмехнулся, и эта его улыбка явно была недоброй, ярость так и сочилась через край. Его ей не провести его, пусть не надеется. Но улыбка вмиг сползла, когда в момент борьбы в кристально-голубых глазах сверкнули слёзы. Он разжал пальцы, осознавая, что изрядно напугал незнакомку, причинив боль. Отступил, позволяя ей отдышаться. Злость на самого себя сжала в тиски.

— Потрудись ответить, — бросил мрачно, видя, как девушку проняла мелкая дрожь, как тряслись ее пальцы, когда она пыталась смахнуть с лица волосы, вынуждая его чувствовать за собой вину. Но он не должен чувствовать, ему грозят расправиться с Витом, если он не...

— Я вам, кажется, всё уже рассказала, или вы плохо меня слушали? Меня зовут Мариса, Мариса Диос, я простая горничная, потеряла работу и крышу над головой. Я искала ночлег, и меня... отправили... не туда... — сбивчиво заговорила она хоть и сердитым, но надрывным сдавленным голосом.

Хэварт, выслушав её, нахмурился, кажется, она говорила искренне, ведь он знал горечь обмана, испытал на своей шкуре яд предательства. Но больше никому не удастся его заманить и мучить, чтобы разрушить, сколь бы невинно-детскими ни были её личико и широко распахнутые глаза.

— Где твои родные?

Мариса сглотнула.

— Они далеко в Талвиге, если вам известно, он находится на севере королевства... Мои родители бедняки, я не хотела их расстраивать, что потеряла работу...

— Муж, дети?

Непонимание отразилось на лице девушки, но тут же она замотала головой.

— Нет, господин, я одна. — Смутный рассказ. Какой бы искренней и ранимой она ни казалась, он всё равно чуял ложь, если не всё, что она говорила, то часть. — Меня никто не посылал, клянусь, я случайно оказалась в том месте... — девушка запнулась.

И тут Хэварт почувствовал за пеленой ярости и того урагана, что творился у него внутри, холод в ладонях. Знакомый холод.

Мариса насторожилась и дёрнулась, когда Хэварт шагнул к постели, оглядел царивший беспорядок и рывком откинул сбившийся матрас. Девушка, спохватившись, кинулась к тайнику, но поздно — Хэварт уже успел взять спрятанный узел. Там явно было что-то ценное.

— Не трогайте, это моё! — отчаянно затрепыхалась девушка, пытаясь отнять находку. — Вы не имеете права! Отдайте! Немедленно! Верните!

Хэварту было противно от самого себя, от того, что он сейчас делал, поскудней он себя ещё никогда не чувствовал, даже когда шёл на преступление, почему-то к этой простолюдинке он испытывал приступ совести. Но на кону была жизнь брата, и он не мог иначе. Не обращая внимания на бессмысленные попытки Марисы отнять находку, развязал ткань. На постель водопадом посыпались золотые монеты, драгоценные камни, украшения, какие-то бумаги. Целое состояние. Он с мрачностью глянул на притихшую девушку, по её лицу текли блестящие слёзы. Проклятие, у неё было такое лицо, будто он её чести сейчас лишил, хотя откуда у горничной, искавшей место в борделе, она могла быть?

— Откуда это у тебя Мариса, у простой горничной? Ты украла и сбежала, а теперь прячешься? — Девушка содрогнулась, услышав предположения мужчины, вскинула руку к лицу. Бездна, ну не ударил же он её на самом деле. Что за игра? — Отвечай, — неуклонно потребовал, сжав кулаки, усилием подавив подкат магии, что роднился с теми металлами, из которых были сделаны драгоценности.

Девушка раскрыла губы, чтобы говорить, её грудь под тонкой с глубоким вырезом сорочкой вздымалась в неровном дыхании. Хэварт непроизвольно скользнул по проступающим вершинкам и сухо сглотнул, возвращая взгляд на побледневшее лицо Марисы. Только поздно, приток жара хлынул к паху, пробуждая в теле не самые благочестивые желания. Следовало ожидать после полугодового затворничества в замке. Это разозлило ещё больше, пора заканчивать со всей этой путаницей.

Хэварт медленно приблизился, навис скальной глыбой над сжавшейся девушкой, которая усилием воли осталась стоять на месте. Храбрая, маленькая, с хрупкими плечами и чистой белой кожей. Всё

это происки врагов, они тщательно всё подобрали, хотя эта неженка вовсе не в его вкусе.

Мариса посмотрела куда-то в область ключицы мужчины и облизнула губы, столь порочно и невинно, что естество непроизвольно налилось свинцом, натянув ткань штанов. Хэварт смотрел в её холодные родники глаз, пытаясь выискать хоть долю притворства и фальшь, но нет, он готов был поверить в её незыблемую чистоту. Кто же она такая? Умелая магичка, искусно окручивающая и соблазняющая высшую знать? Или бедная горничная, потерявшая работу? Тогда откуда у неё всё это барахло?

— Откуда? — вкрадчиво спросил в который раз, нарушая это дикое напряжение, ловля себя на мысли, что на грани, и его терпение скоро лопнет.

Мариса торопливо стёрла ладошкой сорвавшуюся с ресниц слезу, затравленно глянула на него. Коварная лгунья.

— Это... — начала девушка, загнанная в ловушку, и Хэварт кожей чувствовал, как она копается в своей светлой головке, подыскивая нужное оправдания.

— Милорд! — раздался с лестницы голос Аскила, заставляя девушку смолкнуть и вздрогнуть. — Милорд, — появился чуть запыхавшийся мужчина в дверях. — Госпожа Игнэс эрн Ларси у ворот замка с визитом к вам.

Хэварт не сразу понял слова управляющего. Аскил, увидев Марису в одной ночной рубаше, виновато опустил взгляд и отступил за порог. Выдохнув, Хэварт смерил девушку тяжёлым взглядом, пребывая в полном замешательстве. Игнэс здесь? Только её не хватало!

— Ты ей не сказал, чтобы она убиралась?

— Миледи настаивает, у неё сильная мигрень, ей нужна помощь, господин.

Аскил явно переживал, и Хэварту не мешало бы смириться над стариком. Разберётся сам. Что ж, на Игнэс это похоже — заставить врасплох.

— Нет! — вскрикнула Мариса, когда Хэварт подхватил с постели бумаги.

— Продолжим разговор позже, — бросил он остоленевшей девушке, направился к выходу, запирая за собой дверь.

Выйдя в коридор, сунул свёртки во внутренний карман жакета. Он изучит бумаги чуть позже и узнает, кто она. Блудница. Воровка. Или подосланная. И эти украшения её — плата за заказ.

— Её карета у ворот, — подступил Аскил, напоминая о неожиданной гостье.

— Ты что-то нашёл? — спросил о более важном, хотя визит бывшей... подруги окончательно добил.

— Ничего, милорд, никаких признаков взлома. Кухарка и привратник ничего такого не заметили. Я понятия не имею, как они прокрались, я был в замке весь вечер и ничего не слышал.

— Они не пользовались дверью, Аскил, — хотелось уже послать управляющего встретить ночную гостью, а лучше отправить её назад, откуда приехала. Они расстались, и, кажется, он дал ей понять, чтобы она убиралась навсегда. Внутри заскребла гнилыми когтями тоска, всё-таки это до сих пор его цепляло. — Следи за Марисой, никуда её не выпускай из замка, пусть есть щит, но её нужно ещё проверить. И заодно приготовить... — Хэварт обречённо вздохнул, всё же как бы он ни был в бешенстве, а прогнать женщину ночью ему не позволяло воспитание, — ...приготовь ещё одну комнату. Как можно подальше от моей. Завтра леди уедет.

— Понял, милорд.

Кровь после напряжённого разговора всё ещё кипела и неистово бурлила в венах, мысли путались.

День явно не задался. От одной мысли, что Вит в руках негодяев, Хэварта прошибал холодный пот, в груди всё клочкотало. Кто эти люди? Знать бы. И как бы Вит не натворил глупостей. Младший брат ещё слишком юн. Даже несмотря на то, что с недавних пор совершеннолетний, он был по-прежнему для Хэварта мальчишкой, изблуженным светским обществом. Оказавшись в Ристоле, брат на стены лез от безделья и одиночества. Это Хэварт во всём виноват — приказал ему сидеть в замке, а сам нарушил это правило и, как только закончил дела по оформлению многочисленных документов по поводу его приезда в столицу, отправился в трактир. Эту привычку оказалось не так просто искоренить, но он должен знать, кто на сегодняшнее время управляет всеми тёмными делами в Вальшторе. Так ему спокойней отсиживаться.

И поплатился. Если бы он был в замке, то...

Хэварт, снимая магический щит, приказал привратнику раскрыть ворота. Во двор въехала карета, запряжённая в двойку лошадей. Недурно. Интересно, это её возлюбленный так щедро одарил?

Открыл дверку, выхватывая в полумраке стройный силуэт девушки, белое лицо роковой красоты, глубокую обольстительную улыбку. Игнэс изящно подала руку, вложив в его ладонь тонкие ровные пальчики в кружевной перчатке, унизанные перстнями. Хэварт помнил, какими ласковыми они могут быть. Он невольно сжал кисть жёстче и грубо дёрнул из кареты, поторапливая.

— А ты не изменяешь себе, Хэви, всё такой же пылкий, неутолимый, так соскучился по мне, милый? — невозмутимо встряхнула своими роскошными каштановыми волосами, смотря из-под припущенных ресниц на губы мужчины.

— Что ты здесь забыла? — процедил сквозь зубы, одёрнув от себя тонкое запястье.

«Не хочу её видеть и слышать», — отвращение подкатило к горлу. Хэварт хорошо помнил о том, как её улыбка заставляет путаться мысли, но это было раньше, до того, как она предпочла другого... Водила на поводке и ударила тогда, когда он был не готов, почти причинила боль, когда он почти потерял себя. Но его глаза открылись, ей не удастся приручить его вновь.

— На больную ты не похожа.

— А я безумно соскучилась, — проигнорировала его слова, ответила приглушённо, чуть хрипло, как она умела. В серебристых глазах сверкнуло что-то такое, чего Хэварт никогда не замечал в ней раньше, убеждённый в том, что в этой кукле нет души. Игнэс, пользуясь его минутным раздумьем, внезапно прильнула к мужчине всем телом, прижав одну ладонь к животу мужчины, другую к паху. — Ого, ты такой возбуждённый... — прошептала сладко.

Пусть не обольщается, это не её заслуга.

— Ты зря приехала.

Игнэс тихо засмеялась, отводя взгляд, прикусывая аппетитную нижнюю губу.

— Злишься на меня? Я исправлюсь Хэварт, — нахмурила идеально очерченные брови, — я виновата. Я, дура, не ценила того, что у меня было.

— Ты настолько самоуверенна?

Пусть оставит своё раскаяние при себе. Хотелось это сказать, но Хэварт передумал, теперь он будет играть. Но всё же что случилось такого, что она оставила золотой мешок, на который посадила свою упругую попку? Впрочем, ему всё равно.

— Тебе ведь это всегда нравилось, — снова понизила до полушёпота мелодичный голос, от которого раньше у него мурашки по телу шли. Хэварт усмехнулся: манипулировать другими с помощью своего голоса, жестов, тела распутница всегда умела знатно.

— Неужели во всём Вальшторе некому тебя пригреть? — с долей издёвки спросил, возвращая на неё взгляд.

— Есть, — призналась Игнэс, — но я выбрала тебя.

— Это должно мне польстить? Довольно пустых разговоров, Игнэс, у меня был тяжёлый день и важные дела, — сказал Хэварт, наблюдая, как из замка вышел Аскил. Очень вовремя. — Тебя проводят, но завтра утром будь добра покинь Ристол. Доброй ночи, Игнэс.

— Постой, ты даже не поцелуешь меня? Мы ведь не виделись так долго, целую вечность! — Хэварт промолчал и, отвернувшись, пошёл к замку, потому что его чувств к ней больше не существовало. — Хэварт! — окликнула, — я так долго ехала к тебе. Везде жандармы, не пробиться, пришлось объезжать главные дороги, долго ждать у въездов. Ты в курсе, что случилось? Говорят, кого-то ищут.

Хэварт чуть приостановился, что-то такое он слышал сегодня, но не обратил внимание. Власти всегда что-то вынюхивают. Он проехал в Ристол без проблем. Или Игнэс опять хочет его задержать? Продолжил путь, чувствуя спиной ядовитое раздражение бывшей любовницы.

Закрыв щит, Хэварт вернулся в замок и первым делом отправился в покои Витлара. Он не сомневался, что там царил беспорядок. Вит, привыкшей к тому, что его комнату убирают, ленился даже заправлять за собой постель, Аскил ещё не успел прибраться в комнате молодого лорда — Хэварт возложил на старика слишком много. Пройдя по комнате, не обнаружил ничего необычного, только книги — Вит последнее время много читал, таким образом развлекая себя. В остальном всё осталось на месте и с самого утра нетронутым. Раздирало на части от неизвестности. Куда его

увезли? Где держат? Хэварт чувствовал, как под ним разверзается пропасть.

Вернувшись в кабинет, прошёл к столу, гипнотизируя взглядом послание, лежавшее на камине, стянул с себя жакет, глянул на портрет, висевший над камином, и задержался. По приезду в Ристол он велел снять все портреты, чтобы в случае чего не вызывать ни у кого вопросов, но один оставил — отца. С картины будто смотрел он сам — Хэварт: как две капли воды с молодым отцом. Ойген — дед Хэварта — в замок которого он переехал, отчаянно любил своего сына, прожил до глубокой старости, пока его жена Ронэ не скончалась. Дед был без неё недолго, их любовь оказалась нерушимой, глубокой, такой сейчас, когда людьми правит власть и роскошь, уже не существовало. Ойген не перенёс тоску и ушёл за своей Ронэ...

У отца же сложилась иная судьба. Свою мать Хэварт не знал и считал ею вторую жену родителя, которую тот взял, едва парню исполнилось четыре, а Витлару всего год. Даже несмотря на то, что первая родила Норберту двух сыновей, говорить о ней отец отказывал и злился, когда Хэварт пытался что-то узнать о ней. Хотя Хэварт не сильно к тому и стремился, его всё устраивало в жизни. Просто иногда не понимал отца. Тот всегда отличался холодностью и неприступностью, скала, до которой порой было не дотянуться.

Если бы отец был бы жив, узнай он о жизни Хэварта — живого места на нём не оставил бы, и это в лучшем случае, в худшем — отрёкся бы от сына. Отец умер от сердечной недостаточности в том самом возрасте, когда был полон сил, зрелости и мощи. Что могло это спровоцировать, Хэварт так и не узнал, но Аскил предполагал, что его убила какая-то новость.

Старик был со своими странностями...

Мать Хэварт оставил в родовом замке, а сам с младшим братом уехал в Гофрит. За границей о его магии узнали многие, в частности — те люди, которые не дали распространиться слухам о нём. А потом пришёл первый заказчик... Тогда Хэварт не понимал, что с ним творилось, в какую яму он угодил, он хотел уйти от всего, а точнее — от потерянности в его душе. А высокое положение и значимость в других глазах пьянила. Пока Хэварт однажды в холодный осенний вечер не понял, что больше не может так жить. Что от отвращения к самому себе он готов был в петлю лезть, что почти уничтожил свою душу в погоне за тщеславием.

Пришло время с этим завязывать...

Он развернулся, отрывая взгляд от портрета, и вернулся к столу, тяжело рухнул в мягкое кресло.

Борт всполошился. Старый ворон живёт в семье Ламмертов уже двадцать пять лет и успел побывать везде, переезжая вместе с хозяевами.

— Ты ведь всё видел, да? Скажи кто они? Кто забрал Вита? — кажется, Хэварт только сейчас в полной мере ощутил всю серьёзность и безысходность ситуации. Что если они не отпустят Витлара?

Ворон глянул на хозяина блестящим чёрным глазом и встряхнулся, решая, что Хэварт окончательно рехнулся, разговаривая с самим собой. Он вымотан, выжат до капли. Поставив локти на стол, ткнулся лбом в сцепленные в замок пальцы. Витлар единственный, кто дорог ему по-настоящему. Больше у Хэварта никого нет.

Желчь вины подкатила к горлу. Не оградил, не смог. Кто бы это ни был, всё равно добрались бы до него рано или поздно. Как бы ни пытался Хэварт скрыться, достали бы его везде, заставили вернуться к прежнему. У него нет выбора, как он считал изначально, его давно отняли. Магия убьёт Вита без сдерживающих артефактов, убьёт раньше, чем его предупредили. Хэварт знал, Витлар слишком молод, чтобы справиться с даром, и Хэварт не мог оставить эти браслеты больше, чем на час. Дар, который стал их проклятием.

— Ненавижу, — сцепил зубы, сжав кулаки, чувствуя, как давит плита безысходности, — ненавижу это всё, себя ненавижу, — прорычал Хэварт, шарахнув кулаком по столу.

Борт испуганно каркнул.

В глазах потемнело, в виске застучала кровь, сердце бухало тяжёлыми ударами. С шумом втянул в себя воздух. Вот он и попался на крючок, и самое скверное, что в Вальшторе у него нет защиты, людей, которые могли бы помочь, хоть он никому не доверял, но сейчас пошёл бы против своих принципов. Теперь только ждать. Ждать распоряжений. Хэварт стянул перчатки, швырнул их на край стола. Нахмурился, когда перед глазами вдруг появилось невинное личико Марисы, испуганный взгляд в ореоле изогнутых ресниц, с мерцающими светлыми волнами волос, спадающих на плечи девушки.

Хэварт вспомнив о главном, потянулся к жакету, извлекая свёртки бумаг, которые он забрал у неё. При близком рассмотрении оказалось, что это документы, подтверждающие личность. Почему-то ему не хотелось думать, что она воровка. Такая же, как он. Развернул документ. Сердце замедлило

ход и рухнуло куда-то в пропасть, когда он прочёл инициалы.

«Фабиана эрн О-Лидер».

Всё стало понятным. Ему известно об этой семье, он наслышан о племяннице господина Витора из благочестивого богатого рода О-Лидер, кажется, она пребывала в пансионе, и, наверное, недавно вернулась и ведёт чуть ли не монашеский образ жизни. А эта девушка оказалась воровкой, устроившись к молодой госпоже горничной. Значит, всё же обокрала и сбежала с ценными вещами, прихватив и документы. Никакая не подосланная. Беспричинная злость вспыхнула вулканом вместе с чувством вины, что заставил её вывернуться наизнанку.

Но почему-то горечь разочарования разлилась по горлу. Он почти поверил в её безвинность и целомудрие.

Хэварт отшвырнул от себя бумагу и откинулся на спинку кресла, сжимая подлокотники, удерживая себя от того, чтобы не вернуться в покои и не вышвырнуть её вон. Только он продолжал сидеть на месте и некстати вспомнил, как поцеловал её в той подворотни. Отчётливо вспомнил её сладкие губы, так нежно отзывающиеся на его требование...

Хэварт закаменел, чувствуя, как волна жара проходит через тело, наливая мышцы напряжением, вынуждая задержать в груди воздух. Что-то внутри воспротивилось решению прогнать её. Нет, он точно сошёл с ума, но она чем-то его зацепила, даже несмотря на порушенную репутацию, что-то было в ней такое незапятнанное, светлое, порочное, тайное. То, в чём он сейчас так нуждался. Эта фиалка посреди той грязи, в которой купался Хэварт, влекущая, трогательная голубоглазая фиалка незаметно пустила в него свои ростки. И Хэварту это крайне не понравилось.

Глава 3

Фабиана

Этой ночью Фабиана так и не смогла уснуть, пристально смотря на дверь, не в силах оправиться, ожидая, что хозяин Ристола ворвётся в очередной раз в комнату и потребует убраться из замка и отправится в усадьбу О-Лидер прямо в руки дядюшки, ведь теперь он её разоблачил.

«Откуда это у тебя, Мариса, у простой горничной? Ты выкрала и сбежала, а теперь прячешься?» — отзывались слова болезненной дрожью во всём теле.

Теперь он знает, что она беглая невеста. Это единственная причина, по которой он ворвался к ней и с угрозами требовал признаться? Но почему его это так разозлило? Фабиана не понимала. Она бы ещё могла упираться и отговариваться, придумывать небылицы, если бы он не забрал её документы. Несколько раз она порывалась отправиться к нему и просить, чтобы он не выдавал её. Честно во всём признаться, что она действительно не та, за кого себя выдаёт, плакать и умолять не сдавать её. Фабиана нервно усмехнулась. Какое ему дело до её бед? Зачем ему рисковать и вступать в конфликт с Витором, который состоял в высшем сословии? Хотя, по всему видно, Хэварт Ламмерт был не менее влиятелен. Он из высокого рода, и об этом говорила его выдержка, манеры, этот замок. Фабиана обвела взглядом покои. На стены постепенно напал рассвет, холодный и колючий. Она поёжилась.

Громкий стук в дверь заставил подскочить в постели, ожидать, что дверь вновь распахнётся и в комнату влетит хозяин замка. Но ничего не происходило, лишь klokотало сердце в груди от испуга и неожиданности.

— Доброе утро, Мариса, — раздался по ту сторону голос управляющего, — вы встали? Милорд желает вас видеть, будьте добры собраться и спуститься вниз. Буду ожидать вас.

Фабиана сглотнула. Это крах.

— Спасибо, Аскил, я сейчас спущусь, — всё же отозвалась она, давая знать, что её не нужно приглашать дважды.

Фабиана глянула в окно, в котором сияло голубое безбрежное небо. Откинув одеяло, соскользнула с постели и медленно прошла к шкафу босыми ногами по мягкому ковру.

— Всевидящая, что же сейчас будет? — заскулила.

Надев платье, путаясь пальцами в шнуровке корсажа, кое-как стянула его, собрала изрядно спутанные волосы, закрутила в пучок, закалывая шпильками. Посмотрела в зеркало. Бессонная ночь сказала: Фабиана выглядела сонной и не отдохнувшей, немного припухшие веки и примятое платье не добавляли привлекательности, но ей ли сейчас прихорашиваться, когда её может настигнуть то, от чего она убегает?

Она будет просить не выдавать её родственнику, по крайней мере, попытается. Только внутри всё опускалось, стоило только представить, что окажется перед милордом, под его пронзительным взглядом чёрных глаз.

Вдохнув глубоко-глубоко, Фабиана вышла из покоев и пошла по коридору. Спустилась вниз, как и было велено. Аскил встретил девушку в дверях и сухим жестом указал идти за ним. Молчаливый, суровый, как скала.

Фабиана за диким волнением даже не смогла осмотреться как следует, ведь в Ристоле она всего лишь ночь, но уже успела понять, что замок пустовал. Выйдя в правую его часть, минув малый зал, они оказались перед мощной дверью. Аскил отпер её и взглядом попросил зайти. Фабиана на онемевших ногах вошла внутрь залитого солнцем помещения, стараясь держать уверенную осанку — теперь ей незачем притворяться.

Взгляд сразу упёрся в портрет в позолоченной раме, с которого на неё смотрели гипнотизирующие карие глаза Хэварта.

Сам Ламмерт восседал в кресле, склонившись над какими-то бумагами, кажется, утренней почтой. Милорд выглядел безупречно. В белой рубашке, застёгнутой на манжетах и вороте до последней пуговицы. Волосы, разделённые на прямой пробор, были чуть влажные, будто он недавно принимал ванну, и падали блестящими чёрными прядями на гладкий лоб. В отличие от Фабианы, он выглядел расслабленно и даже безмятежно, оставалось только любоваться его холёной привлекательностью, подчёркнутой холодным благородством и — и насколько Фабиана ни была нравственно воспитанной — чувственностью. Девушка поняла, что он разительно отличался от того, кто вчера за неё заступался. И не подумать, что этот господин, величественно восседавший в кресле, может посещать столь сомнительные заведения и драться до крови. Аристократ чистой воды.

Росчерки его бровей выразительно сошлись на переносице, будто он подумал или почувствовал что-то плохое, и поднял взгляд, отрываясь от чтения, удостоив, наконец, ожидавшую девушку своим вниманием.

Фабиана сглотнула сухой ком, поняв, что её уверенность безысходно тает, явственно почувствовав себя в клетке с хищником. От тягучего взгляда занемело в животе, так что сразу захотелось убежать. Но лучшая защита — это нападение.

— Я...

— Ты остаёшься здесь, — перебил Хэварт Ламмерт, едва она раскрыла рот, потеряв терпение.

— Здесь? — удивилась Фабиана.

— Ты не ослышалась, — подтвердил Ламмерт, — тебе ведь нужна работа, жильё? Разве не это ты вчера утверждала?

— Да-а-а, — протянула, сжимая похолодевшие пальцы, чувствуя кожей неладное.

Хэварт шумно выдохнул и отложил почту в сторону, придвинув на край стола какой-то ящик, который Фабиана поначалу и не заметила.

— Это должно тебе подойти, — сказал он.

— Подойти? — переспросила.

Ламмерт положил локти на стол, сцепив пальцы в замок, широкие плечи под белоснежной рубашкой заметно напряглись. На руках мужчины опять были чёрные перчатки. По телу пробежался холодок, когда Фабиана вспомнила, что с его руками было что-то не то, но отогнала эти мысли.

— Забирай, смелее, — поторопил он, расслабленно откидываясь на спинку кресла.

Фабиана, окончательно сбита с толку, несмело прошла к столу, чувствуя, как тело тяжелеет, а руки пронимает дрожь. Здесь явно какой-то подвох. Разве он сейчас не должен её запереть в одной из комнат и устроить допрос? А потом послать за опекуном?

Мужчина отвлечённо посмотрел в окно, снова глубоко над чем-то задумавшись.

Фабиана опасливо заглянула в коробку. В ней были какие-то вещи.

— Что это? — настороженно взяла пальчиками лежавший сверху свёрток.

— Твоя рабочая одежда, — Ламмерт повернулся, когда Фабиана вытянула женский чулок из тонкой мягкой шерсти.

К щекам прилил жар стыда и возмущения, предательски покраснели не только щёки, но даже кончики ушей. Фабиана торопливо бросила чулок назад, одёргивая руку.

— Тебя что-то не устраивает, Мариса? — приподнял мужчина бровь, на которую так соблазнительно соскользнула тёмная прядь чёлки. Почему он вообще назвал её ненастоящим именем?

— И что же это за работа? — поморщилась Фабиана — в голову полезли самые дурные мысли.

— Для тебя не составит труда, — вдруг улыбнулся милорд, и она дышать престала от того, как изменилось лицо мужчины: до неузнаваемости сделалось добрым и светлым, по-мальчишечьи озорным, с горящими хитростью глазами. Он насмехается над ней? Или всерьёз? Похоже, испытывает.

— Позвольте всё же уточнить, — потребовала она, злясь на себя, что поддалась на эту уловку.

— Видишь ли... — будто позабыв о своих тягостных думах, Ламмерт прищурил взгляд, — ...в замок нужна помощница, ты как раз подходишь. Я уверен, ты хорошо справляешься, — улыбнулся он шире, ввергая Фабиану в полную растерянность.

— И вас ничего не смущает? — спросила, изогнув изумлённо бровь.

Может, всё же стоит напомнить о том, что дядя может найти её здесь сам и доставить Ламмерту ряд неприятностей?

— Больше ничего, — бросил бесстрашно. — Всё новое и чистое, не беспокойся. Аскил расскажет о твоих обязанностях. Уже сегодня нужно будет многое сделать.

Всё это звучало непристойно и двусмысленно. Возмутительно. На что он вообще намекает?! Или он требует такую плату за её спасение, проучить за то, что она солгала, принудив работать прислугой, и... Фабиана задыхнулась, поймав взгляд Ламмерта, наблюдавшего за ней с безмолвным, полным скрытого смысла интересом.

— Если вам так будет угодно, милорд, — глухо бросила Фабиана и взяла коробку, ощущая, как горячо заколотилось сердце.

Она могла бы развернуться и уйти прямо сейчас, но куда?

— Я буду выполнять работу, — гордо, не теряя достоинства, подняла подбородок, посмотрев на мужчину свысока. — Но сначала, — вспомнила о самом важном, — извольте вернуть мне документы.

Хэварт чуть склонил голову и потянулся к ящику стола, открыл его, выудил бумаги, положил на стол. Фабиана даже удивилась, что он так легко отдаёт их. Придерживая одной рукой коробку, другой потянулась за документами, но Ламмерт стремительно перехватил запястье девушки и чуть дёрнул её на себя. Она едва не выронила коробку. Будоражащий запах, что источала его кожа, мгновенно затуманил голову, Фабиана на миг потерялась.

— Ты меня что, за дурака держишь? Прикидываешься благородной девицей, полагая, что я клюну? Ошибаешься, хотя, признать, играешь отменно!

Фабиана захлопала ресницами. Что?! Да он с ума сошёл, чокнутый! Лицо Ламмерта было сейчас так близко, словно каменное, ожесточённое, тёмные глаза сверкали холодными искрами. Нет, это какое-то недоразумение!

Фабиана приготовилась высказать ему всё лицо и заодно запустить в него эту коробку, развернуться и уйти, хлопнув дверью, но здравый смысл победил, говоривший не бросаться в омут с головой, так она ничего не добьётся. «Спокойнее, Фабиана».

— Ты обокрала молодую госпожу. И скрываешься в борделях. Ловко у тебя всё получается.

Фабиана вырвала руку и отшатнулась, как ошпаренная. Яд слов проник в кровь, заставляя судорожно сжиматься сердце. Ламмерт раздражённо откинулся на спинку кресла.

— Простите, господин, просто я думала... — Фабиана запнулась. Что она могла думать? Что он сразу всё поймёт и поможет? Как наивно! — Неважно...

— Давай с тобой договоримся, Мариса, — прищурил потемневшие глаза Ламмерт, — ты работаешь у меня, и я не выдаю тебя властям. Ты так же будешь получать жалование, возможно, даже больше, чем получала, но не попытаешься сбежать и уж тем более что-то здесь красть.

— Но зачем я вам такая... плохая... нужна? — сорвалось само собой с губ.

Кажется, этот вопрос ввёл в ступор милорда.

— Тебе ведь нужна помощь, я тебе её оказываю, — как-то раздражённо бросил он.

— Из замка я могу выходить?

Ламмерт задержал на ней взгляд, раздумывая.

— Если пообещаешь, что не будешь делать глупостей.

— Пообещаю, но поверите ли вы? Вы склонны не доверять людям.

Хэварт приподнял бровь.

— Верно, но тебе поверю, — чувственные губы снова тронула обезоруживающая улыбка.

— Я могу идти? — прошептала Фабиана, сглатывая ком.

— Можешь, — бросил он.

Хотелось сказать, что ей не нужно от него ничего, никакой платы, ни помощи, но Фабиана не стала, отступила и поспешила покинуть кабинет, пока не наломала дворов.

Выйдя в дверь, облокотилась на неё, прикрывая ресницы. Что же выходит? Она преступница? Он и в самом деле принял её за воровку? Её! Сопоставив всё, Фабиана поняла, что по-другому и не могло быть, его подозрения понятны. Она была одна в том захолустье, с узлом драгоценностей, сама же наплела про работу и горничную.

Сердце неровно отстукивало удары, волнение разносилось по телу жаром. Уняв дыхание, Фабиана, перехватив коробку, пустилась по коридору, больше не задерживаясь.

В самом деле, ничего ведь страшного не случилось, ей на руку то, что он так подумал, она избежала разоблачения. Но, Великая Всевидящая, почему же так обидно было слышать это от него? Осознавать, что она в его глазах грязная вундю, воровка, проходимка! Тогда почему он её оставил и, более того, дал работу? Он ведь должен сразу изъять ценности и передать жандармам для разбирательств. Но он этого не сделал. Почему?

За раздумьями Фабиана не сразу заметила вышедшую навстречу женщину и ударилась плечом о ее плечо.

— Эй, осторожней, — услышала злое шипение.

Фабиана оторопела. Молодая леди, нахмутив изящные тонкие брови, погладила ушибленное плечо. Очень красивая, с копной блестящих каштановых волос, спадающих локонами на прогиб поясницы, в изумрудном платье, элегантно облегающем стройное тело красоти.

— Простите, — пробормотала Фабиана, перехватывая удобнее коробку, решая, что ей нужно поскорее уйти — лучше, чтобы её никто не видел.

Но любопытство брало верх. Кто она? Фабиана ведь уверилась, что в замке никто не живёт.

— Такая неловкая, ты могла меня покалечить, — скривила пухлые губы незнакомка, изысканно откидывая упавший на щёку локон, и как-то пристально осмотрела Фабиану, остановив взгляд на коробке. — А ты кто такая? Прислуга? — решила сразу брюнетка. — Уж думала, что в этом доме не найду никого, — поморщила белый лобик и улыбнулась даже вежливо. — Далеко не уходи, ты мне понадобишься скоро, поняла?

Фабиана промолчала, удерживая себя от резких слов, помня о том, что ей нужно встретиться с Танором, и весь этот кошмар скоро прекратится. Нужно только немного потерпеть.

— Хорошо, я буду рядом, миледи, — заставила себя ответить, приседая в реверансе, и поторопилась уйти.

Но всё же обернулась, чтобы проследит, куда направилась эта госпожа. Внутри заскребли стальные когти, когда брюнетка направилась через зал в кабинет милорда.

Фабиана отвернулась и поспешила в свою комнату. Бросила коробку на стол и опустила голову, шумно дыша. Конечно, Ламмерт не может быть один, и эта девушка, видимо, его пассия. Грудь распирало от гнева.

— О чём я думаю?! Мне нужно думать о себе, о том, как скорее вырваться из этих сетей и оказаться в безопасности! — прошипела Фабиана.

Скорее оказаться подальше от карих глаз этого высокомерного неуравновешенного чудовища и его

подруг. Фабиана скривилась и решительно придвинула к себе коробку.

Достала чулки, длинное, похожее на одеяние монашек травяного цвета платье, белый передник, воротник, манжеты — всё, что положено горничной.

Когда Фабиана это всё примерила, она смутилось тому, что милорд не ошибся с подходящим размером от объёма в груди до длины подола, что уж говорить про чулки — пикантную женскую часть гардероба, о которой он тоже не забыл.

Повертевшись перед зеркалом, Фабиана цинично улыbnулась собственному отражению. Кто бы мог подумать, что она дойдёт до такого?! До того, что она вынуждена бежать из собственного дома и оказаться «воровкой». Девушка помрачнела, улыбка сползла с ее лица. Ничего, всё образуется и встанет на свои места, как только она встретится с Танором. А пока побудет день-два прислугой, наверняка Аскил отправит её в город по делам — закупить, например, продуктов? Да только позволит ли Ламмерт доверить воровке подобное поручение? Сомнительно. Скорее всего, её не выпустят. Фабиана фыркнула — но не может же он неволивать её, в самом-то деле?!

В дверь постучали.

— Да, — отозвалась Фабиана, развернувшись к двери, в которую тут же заглянул Аскил.

Он обвёл девушку пристальным взглядом и быстро вернул его назад, никак не показывая своих эмоций, но Фабиана уловила мимолётное одобрение.

— Завтрак подан, пройдёте, — пригласил управляющий, немного замаявшись. Фабиана явно его смутила.

Спустившись вниз, Аскил, разумеется, повёл девушку не в столовую, а в кухню. Всё же кое-какая прислуга в замке была. Повариха, полная женщина сорока пяти лет с круглым лицом, приятной добродушной улыбкой встретила Фабиану и сразу посадила за стол, подала завтрак.

— Мариса могла бы и сама справиться, — проворчал недовольно Аскил.

— Будет тебе, девочка только первый день в Ристоле, — заступилась Отилия — так назвалась кухарка. — Неси завтрак милорду, всё готово.

Аскил взял приготовленный поднос с блюдами и вышел из кухни, но Фабиана успела подметить, что приборов было несколько.

— Не стесняйся, кушай, — вырвала из размышлений Отилия, — Аскил тот ещё ворчун, но хороший, много лет прослужил отцу Хэварта, пока тот не скончался, пусть ему небо будет пухом.

— А что с ним случилось? — подхватила тут же Фабиана, не мешало бы узнать о своём — Фабиана фыркнула про себя — хозяине больше.

— Сердечный приступ, — глаза Отилии сделались печальными.

— Сожалею, — взялась Фабиана за приборы.

— Да, — кухарка села напротив нее, разложив прихватки, надолго о чём-то задумываясь. — Я уж думала, что Хэварт не вернётся на родину... — продолжила женщина тихо. — После смерти уважаемого Норберта мальчик уехал из Вальштора, оставив в знак благодарности своё родовое поместье мачехе, которая заменила им настоящую мать. Теперь он здесь, хоть прошла зима, но я всё ещё боюсь, что Хэварт уедет назад. Грустно, если Ристол останется в запустении.

На кухню вернулся Аскил, мужчина громко кашлянул в кулак, заставляя Отилию смолкнуть.

Завтракали молча, никто не донимал разговорами и вопросами, как это обычно бывает с новенькой, пусть хоть она горничная, хоть воспитанница пансиона. Фабиана со вчерашнего дня сильно проголодалась, поэтому съела даже весь зелёный салат, но от добавки отказалась — у неё сегодня явно будет трудный день, набитый желудок доставит тяжесть. Горничной, конечно, ей ещё не приходилось бывать. Придётся принаравливаться на ходу.

Аскил сразу после трапезы повёл девушку в подсобку, объясняя по дороге, что она должна делать и какие комнаты убирать. И когда он выдал Фабиане всё необходимое для уборки, поднялись на второй ярус, где были покои хозяина. Она заробела.

— Вот, — вошёл в одну из комнат Аскил, приглашая девушку за собой, — первая комната, которая требует немедленной уборки, — с каким-то обречением произнёс управляющий.

Фабиана прошла внутрь, оглядевшись, изумляясь беспорядку, который в ней творился. Даже в голове не складывалось, что Хэварт Ламмерт мог быть таким... неряшливым, судя по тому, как

безупречно он сегодня выглядел. Да и удивительно, что он доверил воровке убирать его святыню.

— Хозяин этой комнаты сейчас в... отъезде, поэтому тебе её нужно убрать один раз.

— Чья эта комната? — Фабиана вконец стушевалась, кто мог ещё здесь жить в замке, кроме самого милорда?

— Витлар эрн Ламмерт, младший брат милорда...

У Ламмерта есть брат? Почему-то это изумило, но Фабиана припомнила короткий рассказ Отилии — Хэварт уезжал за границу не один.

— ...Пока я оставлю вас, можете приступать к работе. После этой комнаты перейдём в зал, — Аскил отступил к двери и, поняв, что вопросов больше не будет, удалился.

Оставшись одна, Фабиана осмотрелась лучше. Покои оказались довольно просторные, с дорогой мебелью, бархатные коричневого цвета портьеры скрашивали декор, деревянная обивка стен источала горьковато-пряный запах. Пройдя по ковру, на который падал из окна тусклый солнечный свет, девушка остановилась возле прикроватного столика, на котором лежала груда книг.

— Вот это да!

Ее удивлению не было предела, когда Фабиана прочла на фолианте название «Тайна магических артефактов» — редкая книга, такую сложно достать не то что бы во всём Вальшторе, а даже за границей! Видимо, молодой господин очень интересуется подобными знаниями.

Фабиана, надев тонкие перчатки, которые ей выдал Аскил, осторожно принялась складывать фолианты, убеждаясь, что все они об одном — магии. Вспомнила руки Ламмерта. Он их прячет. Он маг. Девушка поняла, что оба брата имели особые способности.

В пансионе про магов ходило много разговоров, и нехороших тоже. Кто имел какие-то врождённые способности, обязательно злоупотреблял властью и зачастую не соблюдал законов, напрямую или косвенно делая свои тёмные дела под прикрытием порой самой же власти. Но разговоры о них разделились: одни к магам относились с неприязнью и ненавистью, другие — преклонялись. Магия применялась для защиты обороны короля и всей столицы, хотя войн в последнее десятилетие как таковых не было. Правда, порой вспыхивали всякие междоусобицы из-за вмешательства иноземных властей, которые пытаются подавить магов, но, скорее, правители мерились своими резервами, чтобы возвыситься друг над другом. Бессмысленные игры, в которых Фабиана ничего не понимала, как бы ни пыталась. Но отчётливо помнила, что её отец на стороне магов.

У дяди имелись друзья с редким даром, перед ними он преклонялся, а за глаза проклинал и грубо поносил. Фабиана часто была тому свидетельницей. Но тогда она не обращала внимания на это откровенное лицемерие своего опекуна. Но то, что сейчас идёт явный заговор против магов, уже наложило отпечаток на весь Вальштор. А всё дело в том, что с недавних пор пришёл к власти Людвиг Светлый, говорят, он вводит ряд изменений в старые законы и даже традиции, которые в плохом смысле влияют в первую очередь на самих магов.

За раздумьями девушка успела прибрать вещи, включая книги, что теперь стояли корешок к корешку в книжном шкафу, заправила постель и собрала одежду, которую нужно отнести в прачечную. Судя по рубашке и брюкам, младший милорд имел стройное телосложение, как и его братец.

Любуясь чистотой, Фабиана осталась довольна собой. Правда, пыль она так и не нашла ни на одной поверхности, но всё равно вытерла везде. Фабиана задержалась, когда вдруг поймала густой знакомый аромат. Посмотрела в плетёную корзину и вытащила шейный платок. Опасливо глянула на дверь и, повернувшись, понюхала его. Она помнила аромат, исходивший от Ламмерта — такой особенный, не похожий ни на что, терпко-сладкий, горячий, пьянящий, смесь спелого мандарина и кедра. Но платок пах немного по-другому, в чём-то схоже, но не так глубоко, не до мурашек. Фабиана не понимала, почему запах старшего милорда так на неё воздействует.

— Что ты делаешь? — раздался позади мужской голос.

Фабиана вздрогнула и резко обернулась, сбив со стола корзину на пол, пряча руки за спину, скомкав шёлковый платок. Суровый взгляд Хэварта Ламмерта жёг.

Глава 4

Фабиана

Закусив край губы, чувствуя мучительный стыд, Фабиана потупила взгляд. И почему он её поддавливает в самый неподходящий момент, будто нарочно? Всевидящая, какой позор! Что он

видел? Что подумает?

— Прибираюсь, господин, — насмелившись, ответила Фабиана, — вы же сами дали распоряжение.

Как он так подобрался незаметно? Фабиана вытянулась, когда мужчина покинул своё место и направился к ней.

— Что ты там прячешь?

Фабиана смяла платок.

— Вы теперь будете следить за мной?

Ламмерт сощурил глаза, края губ дёрнулись в усмешке. Он приблизился, такой высокий, что ей пришлось задрать подбородок, и так был близко, что закружилась голова. Милорд протянул руку и, осторожно коснувшись локтя Фабианы, скользнул к кисти, так нежно и чувственно, что по позвоночнику побежала волна мурашек. Или Фабиане всё это чудилось, и прикосновения не несли столь откровенного смысла? И всё же он прикоснулся к ней, что непозволительно для молодой незамужней девушки. Впрочем, непозволительно было позволить целовать себя.

Несмотря на беспомощное негодование, Фабиана, как замороженная, не могла пошевелиться, сердце застучало быстро и горячо, когда топкий, как смола, взгляд мужчины скользнул по ней. Ламмерт склонил голову набок, глянул за девичье плечо в тот миг, когда она разжала ослабшие пальцы за спиной, и потянул платок, не выпуская ее из-под своего взгляда, сокращая до неприличия расстояние, так что аромат мужчины окутал Фабиану, и она, не выдержав, смущённая и горячая стыдом, опустила ресницы. Почему это кажется таким интимным и откровенным?

Хэварт усмехнулся, видя полное замешательство девушки, перевёл взгляд на мужскую деталь одежды, и в следующий миг по его лицу прошла тень отстранённости, он сжал губы и обвёл тяжёлым взглядом комнату, задерживаясь на полке с книгами. А Фабиана на изгибе его шеи и выступающей над краем белого воротника жилки. Моргнула и вернула взгляд на лицо мужчины, которое заметно побледнело. Не ожидала такой перемены. Что с ним? Видимо, младший брат очень волновал милорда.

— Аскил сказал, что ваш брат в отъезде? — зачем-то спросила Фабиана.

Хэварт вернул на неё взгляд, кольнув ледяным отчуждением, что ей стало не по себе. Ламмерт ничего не ответил, поднял перевёрнутую у ног девушки корзину и вручил Фабиане, положив туда и платок. Посмотрел в сторону, бросив короткий взгляд на Фабиану, молча развернулся и вышел из комнаты.

Что это было? Фабиана постояв немного, пребывая словно в тумане, поняла, что нужно поторопиться. Кажется, придётся привыкать находиться рядом с милордом.

«Как же тяжело это», — с немым обречением выдохнула.

Весь день Фабиана трудилась. После покоев младшего Ламмерта убрала в холле на этом ее работа, к счастью, закончилась. Ужинать горничную пригласили вновь в кухню. На этот раз Аскил присутствовал за трапезой, внимательно следя за болтовнёй Отилии, а та с тоской бросала на него невнимные и даже обидчивые взгляды. Кажется, женщине откровенно не хватало общения, но она молчала, дорожа работой.

Утро второго дня началось с раннего пробуждения и суетливых сборов, а после изнурительная уборка. Ламмерт не обманывал, когда говорил, что им необходима помощница. В планах Аскила было выдраить весь замок до последнего закутка, и потому о встрече с Танором Фабиана и не могла и думать.

Под вечер вымоталась настолько, что уже было безразлично всё, лишь бы принять ванну и лечь в мягкую постельку. Столько Фабиане ещё не приходилось работать никогда, да и что говорить — она вообще не занималась тяжёлым трудом, лишь обучением этикета и разного рода женских ремёсел, и единственное, что могла держать из тяжёлого — письменное перо и иголку с пальцами.

Но, несмотря на трудности, Фабиана всё ещё теплила надежду, что побывает в кабинет милорда вновь и заберёт свои документы, по праву принадлежащие ей.

За эти два дня Ламмерт будто сквозь землю провалился, не встречался Фабиане, точнее, она ему не подворачивалась под руку и ненароком подумала, что он покинул Ристол. И только под вечер, когда она заперла дверь последней комнаты, где требовалась уборка, услышала доносившиеся со стороны зала голоса.

Фабиана сразу узнала ту брюнетку, которую встретила на лестнице в первый день своего пребывания в Ристоле. Она говорила несдержанно и эмоционально, Ламмерт, в свою очередь, отвечал приглушённо, почти шипел с раздражением и долей ярости.

Фабиана сглотнула. Что его могло так рассердить? О чём они таком разговаривают? Что общего между ними?

Осмотрев зал, который пустовал, погружённый в мягкий свет горевшего канделябра, Фабиана, тихонько поставив корзину на пол, прокралась к двери кабинета господина, обращаясь полностью в слух.

«Как же нехорошо, Фабиана!» — проснулся голос совести. «Очень плохо, леди не должна так делать», — корила, соглашаясь сама с собой девушка, облизывая сухие губы и борясь с соблазном, но женская суть под названием «любопытство» взяла верх. Сжав складки платья, Фабиана приблизилась ещё на шаг.

— ...Хэварт, ты меня обижаешь. Я же тебе не чужая, в самом деле, милый!

От этой фразы, ударившей по слуху, у Фабианы подпёр ком к горлу.

«Милый»? Значит, они всё же близки. Разочарование растеклось по языку горькой амброзией. Фабиана уже хотела отступить и удалиться, почему-то ей стало неприятно до жжения в груди, но осталась, не в силах сдвинуться с места, не узнав ответа Ламмерта, который молчал, создавая такое поле вокруг, что воздух будто звенел от напряжения даже за дверью кабинета.

— Ты для меня никто, Игнэс, когда ты это себе уяснишь? Я попросил тебя удалиться ещё два дня назад, почему ты до сих пор здесь? Зря тратишь своё время. Уезжай, я не хочу тебя больше видеть, слышишь? — низкий грудной голос мужчины прокрался под кожу льдом, заставив Фабиану поёжилась.

Милорд не желает её видеть? От внутреннего ликования сбилось дыхание. Как нехорошо, так слишком невыносимо хорошо, что даже тесно. Фабиана с укором закусил губу, но не могла сдержать эмоций, даже покрылась испариной спина, и стало слишком душно. Развернувшись, касаясь ладонями стены, продолжила слушать.

— ...Ты не понимаешь, Хэварт, во что тебя хотят втянуть! Давай опустим наши отношения, ссоры и недопонимания, ты не должен отгораживаться. Твоего брата сейчас держат неизвестно где, может, в каком-нибудь подвале или яме, а если его вообще пытаются, мучают, избивают — ты об этом подумал?!

Фабиана сжала пальцы, унимая пронявшую дрожь. Значит, младший Ламмерт ни в каком не отъезде, с ним случилась беда? И, похоже, ему угрожают смертью... Фабиана судорожно втянула в себя воздух, в голове сразу всё сложилось. Тот ночной визит Хэварта в её комнату и обвинения, подозрения в её сторону — всё не просто так...

— Замолчи, — грудной рык заставил стихнуть девушку. — Это тебя не касается, поняла? Моя семья тебя не касается. Собирай вещи и проваливай.

Фабиана сглотнула. Если она думала, что видела милорда разъярённым в ту ночь, когда он ворвался в комнату, угрожая ей, то далеко заблуждалась — это не был предел его терпения. А сейчас оно явно дало трещину.

— Милый, — пискнула девушка, — я понимаю твоё состояние. Но подумай, у тебя тут никого нет. Никого...

— Как ты вообще посмела зайти сюда?! — не дал сказать Хэварт. — Войти сюда и копаться в моих вещах, кто тебе дал на это позволение?! — отсёк каждое слово ножом.

— Ты такой упёртый, Хэви, такой грубый, но я не держу обиды, я всё ещё люблю тебя и хочу помочь. Помочь, понимаешь! Позволь, дай мне шанс, мы вместе придумаем выход, Хэварт. Не будь таким чёрствым! Я была вынуждена, понимаешь? Я не люблю только тебя. Тебя!

Фабиана сжала губы, чувствуя, как к лицу прихлынул жар, а по позвоночнику стекает холод. И зачем только она это слушает? У Фабианы своих проблем выше крыши, а тут... Это всё... сложно.

— Пошла вон! — в ушах завибрировал эхом холодный ровный тон милорда.

Он её прогоняет? Фабиане судорожно вдохнула.

— Ну, хорошо, — выдохнула горячо девушка после секундного молчания, — я уеду, если ты так хочешь, — голос как бы ни был твёрд, а всё же дрогнул. — Но подумай, Хэварт, я могла бы тебе

помочь, глупо отказываться. Подумай хотя бы ради своего брата, у меня есть здесь связи... Мы могли бы обойти эту сделку. Они не опустят Вита, даже если ты... всё сделаешь. И ты сам это прекрасно знаешь, — девушка смолкла, видимо, понимая, что ходит по краю. — Ненавижу тебя! Ненавижу! И почему тебя встретила? За что мне? Бессердечное чудовище!

Фабиана встрепенулась и, отшатнулась от двери, понимая, что может попасться, когда женский голос приблизился. Торопливо подхватила корзину, пробежала на носочках по мягкому ковру, пересекая зал, и юркнула за угол.

И как раз вовремя.

Дверь хлопнула. Шуршание платья и шелест шагов раздался совсем рядом. Брюнетка повернула в коридор и остановилась, не замечая притаившуюся горничную.

Девушка вдруг поднесла руку к лицу и стёрла скатившуюся на щёку одинокую слезинку. Внутри Фабианы всё опустилось, а сердце сжало в тиски от жалости. Она действительно любит Хэварта эрн Ламмерта, отчаянно и безысходно. Игнэс туго втянула в себя воздух и подняла подбородок, и тут же насторожилась, будто что-то почувствовав, а затем повернула голову, догадываясь, что она не одна в коридоре, и встретилась с Фабианой взглядом.

— Ты? — прошептала она удивлённо.

— Простите, не хотела вас пугать, я как раз заканчивала уборку и собиралась уходить, — протараторила Фабиана, не хватало, чтобы её в чём-то заподозрили.

— Заканчивала?

— Да, госпожа.

— Тогда можно тебя попросить заглянуть ко мне? — вопрос прозвучал столь неожиданно и вежливо, что Фабиана растерялась.

— Конечно, — кивнула и тут же прикусила язык — вот зачем она согласилась, надо было соврать, что она занята и у неё много работы, но уже поздно.

— Тогда я жду.

Игнэс кивнула и, развернувшись, приподняв подол платья, виляя бёдрами, пошла по коридору к лестнице.

Фабиана облегчённо выдохнула и посеменила в другом направлении относить рабочие предметы в подсобку. Подставив руки под струйку воды, посмотрелась в зеркало. Всё что она слышала в кабинете, теперь складывалось в полную картину. Хэварт не хочет видеть эту госпожу. Фабиана всмотрелась в своё отражение и нахмурилась. Игнэс — истинная красавица, обладающая всеми женскими достоинствами, как Ламмерт может с ней так поступать? Но, судя по разговору, она предала его... А теперь приехала искупить вину...

Подумала о Витларе — брате Хэварта, и по телу пробежался холод. Представила на миг, в каком состоянии милорд, и этот его отчуждённый взгляд, хотя всем своим поведением он не показал и намёка, что у него... беда, можно позавидовать его выдержке.

Фабиана, сомкнув ладони, набрала прохладной воды и плеснула в лицо, смывая с себя всю тяжесть. Стало до глубины страшно за них, у милорда, по словам Игнэс, никого нет, чтобы помочь. Как же теперь он будет вытаскивать брата? И что за сделка, о которой она упомянула?

Фабиана выдохнула и, промокнув полотенцем лицо, вышла из туалетной комнаты и направилась к покоям госпожи. И зачем в столь поздний час понадобилась ей? Фабиана не знала.

Постучав тихо, принялась ждать.

— Входи, — донеслось с другой стороны. Отворив дверь, Фабиана неспешно вошла, прищуриваясь на яркий свет — горели все канделябры. Игнэс сидела перед зеркалом и неспешно расчёсывала волосы. — Как тебя зовут? — спросила, глядя через отражение зеркала на Фабиану.

— Мариса, госпожа, — уже без запинки ответила. — Чем я могу вам помочь?

Игнэс хмыкнула и повернулась, глядя на девушку через плечо. Миледи выглядела так, будто не было сейчас той ужасной ссоры с Ламмертом, улыбалась, глаза сияли искрами, даже дыхание задержалось от подобной притягательности.

— Распакуй чемодан, — сухо кивнула Игнэс на кровать. Фабиана даже опешила. Она остаётся? Но разве Ламмерт не попросил её покинуть Ристол? — Что-то не так, Мариса? — Игнэс запустила руки

под каскад блестящих локонов и встряхнула. — Поторопись, я устала и хочу спать, — потянулась кошкой и, поднявшись, отправилась к ширме.

От подобного тона у Фабианы в глазах потемнело, а она ведь её даже пожалела, но ту, кажется, ничем не проймёшь, и во внимании она не нуждается.

Фабиана, сдерживая возмущение, прошла к постели и откинула крышку чемодана. И это всё, что ей нужно — разобрать чемодан? Специально это сделала за то, что Фабиана зацепила её плечом? Или Игнэс поняла, что Фабиана подслушивала?

Как бы то ни было, пришлось выполнять. Хотя Фабиана могла отказаться, и пусть бы Ламмерт выкручивался сам, а она не нанималась к нему на работу и уж тем более не записалась в слуги посторонним.

Поворчав ещё, всё же принялась выуживать наряды. Не хотелось, чтобы Ламмерт вынужден был встретиться со своей пассией снова. Если до этого роль горничной Фабиану не корбила, то сейчас она в полной мере ощутила, что её используют. Ругаясь про себя всеми непристойными словами, решила, что завтра же найдёт веский повод отлучиться из замка и закончить этот спектакль, это недоразумение, в которое она угодила.

Злость улетучивалась, когда Фабиана выудила помимо груды платьев ещё и пару корсажей странного кроя с тонким кружевом и завязками, и прозрачные чулки. Такая экзотика заставила думать о непристойном. И сразу к Фабиане пришла мысль, что это всё могло нравиться милорду, раз они были в весьма близких отношениях.

— Ну что, закончила? — вышла из-за ширмы Игнэс в полупрозрачном лёгком персиковом пеньюаре, подвязанном под высокой грудью шёлковой лентой.

— Да, госпожа, — ответила Фабиана, стараясь не задерживать на ней взгляд.

Не зря эта женщина завладела внимание милорда, лишённая всяких изъянов. И отступить она не намерена. Кто она вообще такая? Откуда взялась?

Фабиана отогнала эти мысли и поняла одно: Игнэс из таких, кто всегда добивается своего, как бы ни гневался сейчас на неё Ламмерт. Эта уверенность сделает своё дело рано или поздно.

— Я могу идти? — спросила, понимая, что Игнэс пристально её рассматривает.

— Иди, — бросила девушка и беззаботно, позабыв о Фабиане, поправила распушённые тёмные локоны.

Не дождавшись благодарных слов, Фабиана поспешила удалиться. Всё же неприятный осадок опустился комом в сердце. Была бы ее воля, сейчас бы села в карету и уехала. А вместо этого приходится исполнять приказы господ. Виданное ли дело для леди её круга?!

Фабиана негодовала, но, в конечном счёте, поняла, что злило её вовсе не это, а то, что Игнэс решила остаться, хоть ей чётко дали приказали покинуть замок.

— Тише, Фабиана, остынь, какое тебе дело до этого всего?

Негодование смерчем металось в груди, так что ужинать перехотелось, и она сразу поднялась к себе. Войдя в комнату, заперлась на замок, хотя в том смысла не было, если господин пожелает посетить эту комнату.

Стянув с себя эту бесцветную, лишённую всякой красоты форму горничной, Фабиана неторопливо расчесала волосы и легла в постель.

Она будет спать, и никаких раздумий.

Как ни удивительно, тело отозвалось на её команду, и Фабиана почувствовала растёкшуюся по мышцам желанную тяжесть, через пару минут погрузившись в сон, успев лишь подумав о том, какой нелёгкий труд быть горничной, и особенно — горничной Хэварта эрн Ламмерта.

От громко стука в дверь Фабиана подскочила с постели, не сразу понимая, где она и кто пытается вломиться в дверь.

— Мариса, Мариса вы проснулись. Время, вы уже пропустили завтрак, — гневный голос Аскила звенел, словно гром посреди светлого дня. А день был и впрямь солнечный.

— Простите, Аскил, я проспала, — подавляя стон муки и желание послать всё в бездну, Фабиана всё-таки сползла с постели. От испуга её всё ещё потряхивало, как и пальцы, которыми она пыталась натянуть свою строгую униформу. — Две минуты, и я готова, — пообещала.

— Поторопитесь, сегодня у вас важная работа.

Ну конечно, по его словам, для него махать тряпкой по вымытой полке — тоже важная работа. Пора со всем этим заканчивать. Она найдёт брата, а после потребует у милорда свои документы. Фабиана, разгорячённая внезапным пробуждением и собственными мыслями, оделась и довольно быстро собрала волосы в пучок, как и вчера, и позавчера, и заколола шпильками. Проверила свой новый тайник, в котором спрятала драгоценности и деньги.

Им оказалась небольшая шкатулка, которую девушка поставила на самый верх шкафа, надеясь, что Ламмерт не попытается их у неё изъять, а если задумает, то пусть сначала попытается достать.

Кровожадные мысли прибавили сил и нужный настрой, обещавший быть плодотворным.

Фабиана едва ли не бегом спустилась с лестницы, коротким приветствием встречая управляющего, лицо которого было мрачнее тучи.

— Позавтракаете позже. Милорд приказал прибраться в его кабинете.

— Как скажете, я всё сделаю, — с охотой согласилась.

У Фабианы даже дыхание пропало. Хэварт Ламмерт позволит ей войти в свой кабинет? Даже не верилось. Она наконец-то сможет забрать свои документы! Пусть только потом попробует отнять.

Хотя, скорее, Ламмерт перепрятал бумаги, но вчера он был захвачен иным, и мог вполне забыть про такую необходимость.

А что если он вообще велел Аскилу убраться в кабинете, а тот заставил новую горничную?

Аскил фыркнул и оставил девушку. Фабиана, торопливо взяв из подсобки всё нужное, пробежала через пустеющий залитый пудровым солнечным светом зал к кабинету и, оглядевшись, свободно отворила дверь. Скользнув внутрь, затворила ее и развернулась, прищурив хитро глаза, но, едва наткнувшись на портрет милорда, почувствовала себя неудобно, так будто Ламмерт стоял перед ней сейчас, преграждая путь.

Обведя взглядом широкий массивный из дорогого дерева стол, Фабиана первым делом быстрым шагом прошла к нему, да едва не подпрыгнула, выронив свою ношу, когда со стороны послышался хриплый хлопок. Девушка едва не шарахнулась в сторону, когда увидела огромного, размером с гуся, ворона. С гуся, конечно, она преувеличила, но всё же птица была громадной и старой, судя по взъерошенному тусклому оперению, тяжёлому клюву, чуть замутнённым чёрным глазам и узловатым массивным лапам.

Выдохнула. И почему она раньше его не заметила?

Ворон встрепенулся и дёрнул головой, повернув в сторону, озираясь на Фабиану. Он снова заклокотал, а в следующий миг так громко каркнул, что оглушил. Фабиана вздрогнула.

— Тише ты! — шикнула на птицу и, обернувшись, прислушалась, не торопится ли на тревожный сигнал сам хозяин этого гнезда. Но нет, всё было тихо.

Покосившись на птицу, Фабиана осторожно обошла стол, запоздало обнаружив и пустую винную бутылку, и бокал, на котором оставались отпечатки губ и пальцев милорда. Вчера он явно провёл ночь здесь. Фабиана прошла вперёд, поддев носком туфли ещё одну пустую бутылку — похоже, нешуточно взбесила его эта высокомерная брюнетка, что он впал в такую крайность.

Поставив корзину на пол, сосредоточенно принялась натягивать перчатки, смотря на роскошное кожаное кресло и... многочисленные ящики стола. В верхнем должны храниться её документы.

— Я только приберусь здесь, — проговорила тихо девушка наблюдающей совсем по-человечески сидевшей на жерди птице, — и сразу уйду, правда.

Опершись рукой на столешницу, Фабиана закусил губу, подавляя гадкое чувство чего-то взбунтовавшегося в ней, и потянулась к ящичку, как вдруг раздался скрежет по металлу — чёрный ворон сорвался с жерди и тенью ринулся на девушку.

— Ох!

Фабиана ничего не успела понять, лишь, глухо вскрикнув, успела закрыть руками голову, слыша громкие хлопки тяжёлых крыльев и почувствовав над головой пронёсшийся вихрь.

Ворон неуклюже приземлился на каминную полку, сбив с неё всё, что стояло на ней, не удержался, отчаянно каркая когтями камень и ударяя крыльями, грохнулся на пол.

— Пресветлая Всевидящая! — всплеснула руками Фабиана и кинулась к распластавшейся на полу птице.

Ворон трепыхался и пытался шарахнуться под кресло, но Фабиана, рухнув на колени, успела поймать его, пока тот не переломал себе все конечности.

— Не бойся, ну как же ты так? — жалость заполнило сердце, как вина, которую Фабиана испытала, невольно нарушив покой пернатого.

Ворон явно был взволнован тем, что его взяли в руки, сердце горячо трепыхалось, голова дёргалась. Бедолага.

— Ну и тяжёлый же, — Фабиана посадила его обратно на жердь, успокаивающе погладила.

Птица была не то чтобы старой, а древней, даже держаться на лапах не могла.

— Всё, всё хорошо, чего ты так разволновался? Ничего я тебе ну буду делать, не буду трогать, обещаю, только уберу и уйду, правда.

Ворон нахохлился и, втянув шею, притих.

Фабиана обернулась, глядя на получившийся беспорядок. Медленно отступила и вернулась к камину.

— Ну и беспорядок мы тут с тобой сделали.

Ругаясь про себя, подняла подсвечник, бумаги и коробку, из которой просыпался какой-то порошок, походивший на табак. Девушка аккуратно смела всё до крошки обратно в коробочку и поспешила вернуть на место, понадеявшись, что Ламмерт ничего не заметит.

Но застопорилась, уловив терпкий тяжёлый запах. Поднесла коробку к лицу и принялась, резкая вонь ударила в самый затылок, так что пробило на слёзы, а в горле запершило. Фабиана поморщилась и закашлялась. Какая же гадость!

Торопливо поставила коробку назад, отступила и тут же покачнулась. Хорошо, что успела схватиться за спинку кресла. Заморгала часто, ничего не понимая, что это с ней такое, но тело, кажется, перестало её слушать. Что-то стало не так. Какая-то горячая лёгкость поднялась от низа живота и затупила туманом голову. Мысли поплыли.

Это было настолько необычно и ново, что Фабиана готова была пуститься в танец. Все заботы, переживания и скованность улетучились прочь, раскрепощая движения. Вжав в спинку пальцы, Фабиана нагнулась и дёрнула за ручку ящика.

Тот, конечно, не поддался. Ворон хрипнул, но Фабиана отмахнулась.

— Вот, значит, как?! — девушка выпрямилась, ощущая, как решительность наполняет мышцы звенящей тяжестью.

Так хорошо. Невыносимо. Сейчас она пойдёт и потребует то, что принадлежит ей, и пусть только Ламмерт попробует отказать ей!

Бросив всё, Фабиана пошла из кабинета.

Потянуло запахами чаёв. Минув малый зал, девушка, догадавшись, где может быть милорд, вошла в столовую, место, куда Фабиане как горничной вход воспрещён.

Резко остановилась, взгляд упёрся в восседавшего во главе стола мужчину.

— Доброе утро, — это был явно не её голос, — милорд, — добавила она, улыбаясь настолько приторно и сладко, что самой от себя стало тошно.

Хэварт застыл глыбой, его плечи в чёрном жакете напряглись, руки в перчатках сжались в кулаки. Как же ему идёт чёрный цвет! Ламмерт наверняка это знает.

Фабиана вернула на его лицо взгляд, увидев даже на расстоянии, как вспыхнули в черноте глаз мужчины разящие молнии, настолько жгучие, что дыхание перехватило. Какая-то часть в Фабиане сжалась в комочек, разум бил тревогу, что лучше извиниться и убраться, пока не поздно, но этот голос утонул в неуклонной решимости.

— Мариса, что тебе нужно? — подала голос Игнэс.

Фабиана её даже сначала и не заметила.

Глава 5

Хэварт

Игнэс отпила чай и взялась за десерт.

Хэварт сжал пальцы в кулаки и откинулся на спинку кресла. Её присутствие выводило из себя. Вчерашняя выходка, кажется, сорвала последние планки терпения. Неужели она всё ещё думает, что сможет вернуть их отношения?

С Игнэс Хэварт познакомился на одном из светских вечеров, тогда она поразила его своей красотой с первого взгляда. Они были вместе три года. Хэварт хотел что-то большее от Игнэс, больше чем мимолётных встреч, он хотел чтобы она была рядом постоянно, но Игнэс уклонялась. Тогда он думал, что такую малышку так легко не добиться. Он был полным дураком, веря её словам. Для Игнэс оказались главнее деньги и побрякушки, чем какие-либо чувства.

Поэтому он не понимал, зачем она разыгрывает этот спектакль сейчас, строит из себя обиженную, пытаюсь воззвать к его жалости. Это злило ещё больше.

Вчера он осушил не одну бутылку вина, чтобы утопить гнев, который его раздирал в клочья. Яда она подлила в его кровь смертельную дозу, заговорив о Витларе. Ему и без того было скверно, бессилие душило, и Хэварт думал, что сойдёт с ума от бездействия. И тут ещё она...

Почему они тянут? Не дают знать, что им нужно? Или намеренно выжимают все силы, проверяют, не пойдёт ли он подать на розыск брата? Он бы мог, но это слишком опасно для него самого, если власти докопаются, кто он...

Игнэс предлагала помощь, но Хэварт наотрез отказался, ему не нужны подачки от её многочисленных любовников.

Хэварт перевёл дыхание, глядя, как Игнэс допивает чай и заканчивает с десертом. А вот он даже ещё не приступал. Жутко болела голова и сушило горло.

Уехать Игнэс тоже не могла, в городе и в самом деле многие пути перекрыты. Не врала, когда говорила об этом — власти кого-то ищут.

Нужно самому отвезти её на постоянный двор, и пусть ожидает там, сколько ей влезет. Здесь ей делать нечего. Заодно он наведается в злачные места, может, там что-то получится узнать. И кого же так тщательно разыскивают, а то он точно одичает в этих стенах.

— Ты не в настроении, Хэварт? — расстроенно поджала губы Игнэс. — Неужели я тебе настолько чужая? Ладно, пусть в наших отношениях недопонимание, но почему мы не можем просто общаться?..

Хэварт закатил глаза и шумно выдохнул. Это просто невыносимо.

— ...Я ведь так была рада, что ты приехал в Вальштор, спешила к тебе...

— Давай ты будешь выяснять отношения теперь со своим новым любовником? — осадил её, жалея, что вообще вышел в столовую.

Игнэс сомкнула губы и обиженно засопела:

— Знаешь, я разочарована в тебе...

Хэварт удивлённо приподнял бровь.

— ...Я думала, ты меня любишь. Да, именно так. По-настоящему любишь, а тебе нужно одно, как и всем остальным... — Игнэс сжала в пальцах салфетку. — Стоило оступиться, как ты вычеркнул меня из своей жизни, легко и быстро, не сожалея ни о чём, будто меня и не было, не было той страсти между нами.

— Ты заигралась, Игнэс. По-моему, тебе самой сначала нужно определиться, что тебе нужно, какой мужчина, что ты хочешь получить от своих многочисленных связей, чувства или всё же деньги, — выпалил Хэварт, расправив затёкшие от напряжения плечи.

Игнэс хлопнула ресницами.

— Ты невыносим.

— Я уже это слышал. Приготовь свой чемодан, — заключил он, не давая ей обдумать и найти новый повод завести его, — я любезно отвезу тебя в хорошее место, где ты можешь спокойно пребывать.

В глазах Игнэс заблестели слёзы.

— Ты, ты... — начала она и смолкла, когда за дверью послышались шаги.

Хэварт напрягся. В столовую вошли.

Мариса? Изумление мгновенно улетучилось, когда девушка, чуть задержавшись у порога, прошла к столу такой бесцеремонной и в то же время изящной походкой, что даже рабочие перчатки на женских тонких руках и мешковатое платье не смогли скрыть её природной красоты.

— Доброе утро, — протянула она, улыбнувшись так очаровательно, что к горлу подкатил ком, — милорд, — подняла на Хэварта взгляд.

В голове зашумело от всколыхнувшегося внутри смерча гнева и в то же время восхищения.

Что с ней такое?

— Мариса, что тебе нужно? — вмешалась Игнэс, раздражённая тем, что её прервали.

Мариса обратила на девушку взгляд, и, казалось, в кристально голубых глазах сверкнули искры чего-то опасного, что заставляло ожидать.

— Что МНЕ нужно? — переспросила девушка, продолжая нахально улыбаться, будто она не горничная, не воровка, а леди из высшего круга, уверенная и ледяная, и в то же время горячая. — Это вам что здесь нужно?

Хэварт ухмыльнулся, не мог не усмехнуться, а лицо Игнэс стало растерянным, что он готов был наблюдать за этим вечно. Игнэс опомнилась и приподнялась, но тут же уселась обратно.

— Хэварт, кажется, твоя горничная не знает своих обязанностей, что за тон?

Хэварт и сам бы хотел знать — что?

Марисе явно не понравилось, что о ней говорят в третьем лице, приблизилась, смотря на мужчину свысока.

— Верните мне мои документы, и я уеду, — потребовала она.

— Какие документы? — вскинулась Игнэс. — Да что ты себе позволяешь?! Немедленно выйди вон!

— Игнэс всё же вскочила. — Хэварт, почему ты молчишь? Выстави её, пусть идёт мыть полы!

— Пусть милорд для этого подыщет другую, — огрызнулась Мариса.

Хэварт стиснул кулаки и поднялся. Воровка перегибает палку, но для чего? Такая отважная, совсем его не боится, до этого он за ней такого не замечал. Слыша, как Игнэс яростно пыхтит, Хэварт приблизился к девушке. Он не знал, что задумала эта птичка, но не хватало, чтобы они тут сцепились. Игнэс, конечно, может за себя постоять, пользуясь своим авторитетом, а вот Мариса... эта робкая до недавнего времени птичка — отнюдь, что бы сейчас у неё на уме ни было.

Мариса даже не дрогнула, когда Хэварт приблизился, но стоило посмотреть в её глаза, как ему всё стало ясно. Ясно и дико неприятно.

— Подыщу обязательно, — прошипел Хэварт, схватив девушку под руку, выпроводил за дверь.

И как только они оказались одни, он развернул её к себе, заставляя посмотреть в глаза. Зрачки были расширены, лицо бледное — все признаки налицо.

— Что за дрянь ты приняла? — рыкнул Хэварт, в то время как сердце колотилось, как сумасшедшее.

— Отпустите меня, вы не имеете права так со мной обходиться, отпустите!

Пришлось потащить её дальше по коридору, подальше от ушей Игнэс.

— Сейчас же говори, что с тобой? — потребовал, шагая широким шагом, заставляя девушку шевелиться, но та едва за ним успевала. — Аскил! — позвал Хэварт управляющего.

В следующий миг Мариса пихнула Хэварта и дёрнулась в сторону.

— Ну нет, не так быстро, — процедил, перехватывая её поперёк пояса рукой, отрывая от пола.

— Вы звали, господин, — появился в зале Аскил, изумляясь увиденным, тому, как Мариса безнадежно отбивалась от Ламмерта, пытаясь вырваться из хватки.

— Немедленно принеси аксесинт.

Глаза управляющего расширились, а лицо сразу побледнело.

— Хорошо, — буркнул мужчина и поспешил удалиться.

Оказавшись в кабинете, Хэварт скользнул взглядом по корзине и метёлкам, вернул Марису на пол. Та, отбежав, развернулась резко, раскрасневшаяся и возбуждённая. Выглядела так, будто собралась на него накинуться.

— Ты здесь что-то трогала? — спросил Хэварт, замечая, что предметы на полке стояли не так как прежде.

— Да, трогала, и хотела забрать свои документы. Отоприте свой ящик и отдайте мне их, немедленно!

— Это не твои документы.

Мариса засмеялась, Хэварт покинул своё место, вновь схватил девушку и бросил в кресло, проверяя ящик.

— Хватить этой игры, милорд, — повернула к нему Мариса лицо.

Хэварт прищурился, награждая Марису суровым взглядом, отстранившись, подступил к каминной полке и всё сразу понял, остановив взгляд на злосчастной коробке.

— Вы слышите меня? Отдайте мои документы! Они мои, понимаете?! Я — Фабиана эрн О-Лидер.

— Сколько ты сделала вдохов? — вновь склонился над бредившей девушкой Ламмерт, показывая деревянную коробку.

Мариса перевела взгляд на неё и взмахнула рукой.

— Какая разница?

— Разница огромная.

Хэварт не стал говорить, что эта смесь может убить, и он сам виноват, что оставил её в кабинете. На днях он получил митронир в подарок от старого приятеля — редкие цветы побережья Даранского побережья, особенность которых заключалась в том, что десятилетние сушёные соцветия начинают выделять яд. В самых крохотных дозах он расслабляет и даже имеет лечебные свойства. Но в больших объёмах...

Тревога кольнуло тупой иглой сердце, заставляя кровь бежать по венам быстрее. Где же Аскил, почему так долго? Как он додумался запустить Марису в его кабинет? Но Хэварт сам виноват — он не предупредил управляющего обо всех тонкостях по отношению к Марисе. Воровке.

— Вы вообще слышите меня?

Хэварт поставил коробку на стол и склонился над девушкой, сокращая расстояние до ужасно минимального, что она вжалась в спинку кресла, явно стусевавшись. Лучше бы он этого не делал, теперь он слышал её запах — глубокий, волнующий, сладкий, как мёд, аромат фиалки.

— Мне нужно встретиться с братом, очень нужно, я в опасности, милорд... — девушка скользнула взгляда по лицу Хэварта и опустила на ключицу. — У вас такая красивая шея, — резко перевела разговор Мариса и вдруг подняла руку и коснулась открытого участка горла. Прикосновение пальцев обожгло и разнесло по телу ток, но тонкие перчатки, в которых всё ещё была девушка, не позволили почувствовать нежность её пальцев. — И вам так идёт чёрный и серебро... — этот приглушённый глубокий голос, этот взгляд из-под приопущенных ресниц, томно вззирающий на него — всё это заставило забыть обо всём.

Рука Марисы скользнула к его затылку. Хэварт почувствовал, как ткань штанов натягивается, а по мышцам растекается тягучий жар.

— Кто же ты такая, Мариса?

Как умело она перевоплощалась то в робкую мышку, то в изящную, полную пламени и страсти львицу.

— Я... Фабиана... — ответила ещё глуше девушка, приоткрывая розовые губы, чуть усмехаясь, наверное, над ним, потому что Хэварт в какой-то миг поймал себя на том, что поддался этому случайному соблазну, но здравый рассудок подал отрезвляющий сигнал.

Она воровка, лгунья, ничем ни лучше Игнэс, но опаснее, потому что если с Игнэс всё понятно, то от Марисы Хэварт не знал, чего ждать, что она скрывает. Полная тайн. Непостижимая. Непонятная. Не похожая ни на одну... Губы её оказались слишком близко, чтобы отказаться от искушения впиться в них и вновь испытать сладостный вкус и совершить ошибку.

— ...Вы мне нравитесь Хэварт... Поцелуйте меня, — прошептала совсем тихо, вытягивая изнутри Хэварта что-то такое, чего он не ожидал почувствовать — огонь, топкий, поглощающий, сжигающий все предосторожности, рассудок. Выдох вышел тяжёлым, Хэварт отвернулся. Он не мог. Не мог воспользоваться этой беззащитностью, это ведь не настоящие её желания, а всего лишь воздействие митронира. Всего лишь. Мариса разочарованно выдохнула. — Вы мне не верите... — на губах ее появилась грустная улыбка. Учащённо задышав, она прикрыла веки, пушистые ресницы задрожали на щеках, отбрасывая бархатную тень.

— Нет, не верю, — ответил, раздражаясь на самого себя, что так легко оказался в собственной ловушке. Раздражаясь, что Аскил слишком долго возится.

Стоило его припомнить, как управляющий вошёл в кабинет, неся в руке маленький серебряный кубок.

— Вот, милорд, — подал он.

Хэварт забрал снотворное, наградив управляющего укоряющим взглядом. С ним ещё разберётся.

— Что это? — оживилась Мариса, когда Хэварт вернулся к ней.

— Лекарство, — не позволив девушке опомниться, он сжал её затылок и поднёс кубок к губам, заставляя выпить содержимое.

Мариса возмущённо трепыхнулась, но уже поздно. Морщась от горечи настоя аксединта, Хэварт выпустил девушку и вернул кубок Аскилу.

— Она не завтракала, я не думал, что... — запоздало начал оправдываться Аскил.

Хэварт сердито выдохнул. Если не завтракала, значит, спать будет до самого вечера.

Хэварт подхватил растерявшуюся вконец девушку под спину и колени, поднял с кресла.

— Что вы делаете? — напряглась Мариса.

— Помогаю, сама ты не доберёшься до постели.

Мариса смокла, аксединт уже начал своё действие, девушка заметно расслабилась. Бросил предупреждающий взгляд на Борту, чтобы тот излишне не шумел, уложил фиалку на софу, подкладывая под голову подушку.

— Выкини в бездну ту коробку, Аскил, и принеси плед, — приказал стоявшему позади управляющему.

Аскил ушёл, и когда Хэварт взглянул в лицо Марисы, девушка уже мирно спала. Ламмерт усмехнулся, задерживая взгляд на её очаровательном лице, щёки постепенно розовели, кровь циркулировала — хороший знак. Хэварт взял кисть девушки и потянул перчатку, снимая её, оголяя тонкое запястье, Мариса сделала глубокий вдох грудью и, отвернув лицо, запрокинула свободную руку за голову. Хэварт сжал челюсти, в груди стало слишком горячо.

Сколько у неё было любовников? Наверняка были и есть...

Хэварт повернулся, принимая плед у вошедшего Аскила.

— Забери этот весь хлам, — указал Ламмерт на предметы уборки. — Аскил, что произошло?

Управляющий достал карманный платок, промокнул лоб — он всегда так делал, когда нервничал.

— Мариса проспала утро и пропустила завтрак, я разбудил её и отправил убрать ваш кабинет. У меня возникли проблемы с прачками, милорд, Оффри, если, вы забыли, подала на жалование, ей тяжело стало выполнять тяжёлую работу...

Да, он и в самом деле забыл, Хэварт вспомнил, что женщина в положении.

— ...Я не думал, что выйдет такой казус, милорд, до этого Мариса хорошо справлялась с работой.

Упрекать мужчину Хэварт больше не смел, Аскил и так загружен.

— Хорошо. Ищи новую прачку, от работы Марису пока отстрани на два-три дня, ей нужен отдых.

— Слушаюсь, милорд.

— И да, чуть не забыл, прикажи подать карету. Сегодня ужинать в замке не буду, вернусь поздно.

Управляющий застопорился, пряча платок в карман.

— Ничего не выяснилось о милорде Витларе? — вдруг спросил он.

Хэварт помрачнел.

— Пока нет, — похоже, нужно начинать что-то предпринимать самому. Этим он сегодня и займётся.

Сняв вторую перчатку с руки Марисы, Хэварт накрыл девушку. Пришлось забрать Борту — мало ли что тот может начудить, в последнее время у пернатого туго с мозгами.

Наверняка, когда Мариса проснётся, то ничего не вспомнит, что говорила, как смотрела и уж тем более что прикасалась к нему. Хэварт усмехнулся, а если и вспомнит, интересно будет понаблюдать за ней, как она поведёт себя после.

— Что в этом замке, в конце концов, происходит? — голос Игнэс раздался с порога, едва Хэварт вышел в зал.

Посадил Борту на жердь, клетка ворону уже давно не нужна, птица перестала летать ещё прошлой зимой. Ламмерт повернулся к ожидавшей ответа гостье.

— А что происходит? — потёр переносицу — головная боль возвращалась, стуча где-то в затылке.

Игнэс хмыкнула, думала, что он станет оправдываться, скажет, что накажет прислугу и кинется успокаивать её?

Вид девушки в какой-то миг сделался настолько подавленный, что Хэварт понял, что стоит быть мягче, всё же Игнэс женщина. И она действительно ничего плохого не сделала, разве что поставила точку в их отношениях, и суёт нос повсюду.

— У тебя есть час, чтобы собраться, — бросил Хэварт и направился в свои покои.

Выйдя на улицу из замка, Хэварт поправил ворот чёрного жакета и с хмуростью взглянул на тонувшее в глубоких сумраках небо, злился, что выехать раньше не вышло. Но свежий воздух взбодрил. Сойдя с порога, он направился к карете, в которой уже ждала его Игнэс — Хэварт заранее попросил Аскила проводить леди из замка.

Когда он погрузился в повозку, Игнэс никак не отреагировала и молча смотрела в оконце. Закрыв дверцу, карета сразу тронулась.

Перед отъездом Хэварт заглянул в кабинет. Мариса спала. Всё-таки на пустой желудок снотворное подействовало более чем сильно.

Вся дорога прошла на удивлении в тишине. Игнэс не пыталась заговаривать, не пыталась донимать своими бессмысленными предложениями. Она обижена, но это уже её дело. Если раньше Хэварт был чутким к перепаду настроения девушки, то сейчас ему совершенно безразлично её состояние. Разозлило и то, что она всё равно смогла разыграть сцену и притворится больной, пришлось отправиться к ней самому и проверить. Игнэс, не ожидавшая появления Ламмерта, увы, не успела притвориться немощной и выглядела вполне здоровой, даже весьма, успев скинуть с себя пеньюар — в духе Игнэс, ничего не скажешь. Хэварт смотрел на нее, а перед глазами была Мариса, которая спала сейчас на его софе, словно ребёнок. При всей своей напускной серьёзности во сне она слишком соблазнительна. Какова же она в постели?

Трюк с оголением не прошёл. Приказал Игнэс сию же секунду собраться, она впала в ярость, и когда Хэварт захлопнул дверь, запустила в неё вазу.

У эрн Ларси не осталось никаких оснований, чтобы оставаться в Ристоле. Пусть он будет бессердечным чудовищем, палачом — кем угодно, но для неё в нём нет места.

Карета остановилась, а значит в нужное место они прибыли. Хэварт заранее велел возничему ехать просёлочной дорогой, чтобы не задерживаться нигде. Путь вышел чуть длиннее, но это пустяки. Ему необходимо быть в сердце Вальштора.

Игнэс повернулась, в глазах её стоял влажный туман. Всё же обижена. Хэварт вышел быстрее, чем

она могла произнести хоть слово.

К прибывшим поспешил лакей, Ламмерт передал ему чемодан госпожи и дал чаевых. Вернулся к карете. Открыл дверцу с другой стороны, подал руку. Игнэс эрн Ларси приняла с неохотой.

— Ты не возьмёшь меня с собой? — она, конечно, догадалась, куда он намеревается ехать дальше.

— Нет, — ответил сухо. — Я хочу тебя кое о чём попросить, — Хэварт посмотрел на ещё одну прибывшую карету к постоялому двору, повернулся к Игнэс. — Не говори никому, что узнала. Не говори о Витларе.

Игнэс сжала губы, наверняка не то хотела услышать.

— Это всё? Всё, что ты скажешь? Надеюсь, ты не будешь жалеть о своём решении, — бросила она, морща нос.

Почему она его стала так раздражать, злить? Он был ослеплён её красотой, которая лишь оболочка.

— Прощай, — ответил Ламмерт, решая уже поторопиться.

Игнэс поджала губы и, развернувшись, пошла прочь.

Проводив её взглядом, Хэварт сел в карету, велел возничему трогать.

Через четверть часа он уже был в самом златном заведении во всём Вальшторе. Встретили Ламмерта со всем почтением, проводили в огромный погружённый в полусумрак зал, полнившийся гостями. Мужчины курили, с жаром что-то обсуждали, женщины лениво распивали вина. Играла музыка, доносившаяся откуда-то из другой гостиной. Хэварт не прислушивался, о чём говорили в собравшихся компаниях, прошёл по ковру, погружаясь в пелену дыма.

Обстановка, несмотря на многолюдье, расслабляла. Наверное, год назад он бы вполне оценил столь роскошное заведение и, конечно, был бы его частым гостем.

— Прошу, — указал слуга пройти за ним.

Хэварт проследовал, минуя холл, он успел привлечь внимание, заметив, как поворачиваются в его сторону головы.

Пройдя под тяжёлыми тёмными шторами, он оказался в другом зале, более тесном. Бархатная обивка стен приглушала все голоса и звуки, хоть музыканты на сцене играли громко. Плотный воздух горький и терпкий, пропитанный дорогими винами и табаком. Душно. Хэварт обвёл взглядом карточные столы и господ, что увлечённо играли, распивая вина из горла, целуя и зажимая женщин.

— Добрый вечер, милорд, — Ламмерта встретил уже другой лакей, пристально оглядев гостя, оценивая, достоин ли он быть этим самым «гостем». — Куда желаете, господин?

Хэварт ещё раз обвёл зал и кивнул. Лакей глянул в сторону Большого стола, за которым были заняты почти все места, вернул чуть удивлённый взгляд на Ламмерта.

— Прошу, — с любезной улыбкой пригласил пройти.

Едва Хэварт приблизился, как игроки приутихли: мужчины смотрели с недоверием и настороженностью, женщины, что их сопровождали, с любопытством и лёгким изумлением. Лакей отодвинул свободное кресло, и Хэварт опустился в него, обводя напряжённым взглядом мужчин. Их было пятеро, зрелые, сосредоточенные, серьёзные.

Лакей подошёл к тому, кто сидел во главе стола, окружённый молодыми женщинами, видимо, дворовыми потаскухами. Слуга что-то сказал мужчине, склоняясь к уху, тот лишь взмахом руки дал понять, что всё понял. Мужчина имел светлые волосы, такие же светлые брови, тяжёлые крупные челюсти и сбитое широкое тело. На пальцах именные перстни, он явно из благородных кровей.

— Играем? — ухмыльнулся лорд.

Хэварт, выдержав буравящий взгляд, изъяс из внутреннего кармана жакета кошель, бросил на стол. Девушки заёрзали своими округлостями на сиденьях кресел, глаза зажглись жадностью.

Хэварт знал одно: после этого вечера он станет со своим соперником либо другом, либо лютым врагом навечно. По-другому за этим столом не бывает. Совсем некстати вспомнилось данное обещание себе завязывать со всей этой грязью, но его планы посыпались прахом. Витлар неизвестно где, и он должен понять быстрее, кто его похитил.

Блондин алчно сощурил глаза, отрывая взгляд от кошелька.

— Ну что ж, приступим, — криво оскалился он.

К ним тут же приблизился крупье...

Для Хэварта не составило труда выиграть. У него было особое чутьё предугадать следующий шаг противника, и этот раз был не исключением, но он не обыгрывал каждого, часто позволял себе проигрыш. Играть со смертью, выигрывая у всех подряд, не было его целью, хоть на играх Хэварт тоже сколотил приличное состояние, но всё же не это было главным в том, что он богат...

Напряжение уже давно разнеслось по залу, и те, кто сидел за соседними столами и в дальних углах, давно наблюдали за игрой господ. Мужчины, которые сидели в общей компании с лордом, пили крепительные напитки и сжимали кулаки, теряя остатки терпения. Хэварт взглянул на свои карты — последний шаг оставался за ним. Ламмерт перевёл взгляд на лорда. Сейчас он должен понять, за кем останется победа.

Этот господин явно был здесь частым гостем и, скорее всего, он пришёл не за выигрышем, а за лошадиной порцией митронира, разумеется, в переносном смысле. Ему не нужны деньги как таковые, пусть даже ставка сейчас получилась высокой. Очень высокой.

И всё же что-то было не так. Хэварт не мог понять, но что-то настойчиво ускользало от него. Сердце стучало камнем, во рту пересохло. Он слишком напряжён, чтобы трезво думать, ему нужно время, но его у него нет.

Не теряя с соперником зрительного контакта, Хэварт потянул из руки карту. Бросил на стол.

Повисла тишина.

Такая тяжёлая, сухая до треска, казалось, даже музыканты перестали тревожить струны. Девушки охнули, округлив до невообразимости глаза, один из мужчин кашлянул в кулак, поправляя ставший петлёй шейный платок.

Оторвав от Хэварта горящий взгляд, мужчина глянул на стол.

— Хм-м... — протянул он. Лицо мужчины — непроницаемая маска, Хэварт не мог понять, что господин думает. — Я не надеялся, что в Вальшторе остались достойные мне противники, — проговорил он и повернулся к крупье, — принесите нам самого дорого вина.

Другие мужчины смогли выдохнуть, кто-то из них удалился подышать воздухом. Тут же были принесены широкие бокалы и пузатая бутылка из тёмного стекла.

— Давайте выпьем за вашу победу, милорд, — поднял наполненный лакеем бокал лорд.

Хэварт взял свой бокал и сделал глоток терпко-вязкой жидкости редкого даранского вина. Крупье подал бумаги. Господин широким жестом поставил роспись, а следом ценный пергамент оказался в руках Ламмерта. Всё происходило быстро и по всем правилам.

— Поздравляю, милорд, — произнёс крупье, отступая от него.

Хэварт спрятал свёрток бумаги во внутренний карман жакета.

— Мне нравится ваша непосредственность, — усмехнулся новый знакомый.

Хэварт, бросив короткий взгляд на любопытствующих.

В таких ситуациях всегда нужно помнить про необходимость уйти вовремя, и этот момент как раз настал. Он уйдёт, а дальше время покажет, чего ждать от этой партии.

— Что ж, был рад провести в хорошей компании время, но мне пора идти, — сказал Хэварт, делая последний глоток и отставляя пустой бокал.

— Вы прибыли один? — спросил вдруг господин. — Просто в городе с дорогами проблема, я могу дать вам своих людей, и вы проехали бы быстрее.

Хэварт чуть улыбнулся — всё же он недооценил своего соперника, раз его экипаж пропускают на запруженных дорогах Вальштора. И если бы этот почтенный замыслил что-то, не предлагал бы при свидетелях свою помощь.

— А что за проблема с проездом, позвольте узнать? — задержался Хэварт.

Господин небрежно скривил губы своим мыслям, взял дымящуюся трубку со стола и вставил в зубы.

— Видите ли, я пожелал в жёны одну хорошенькую леди, а она, испугавшись меня, сбежала из дома, теперь я вынужден её найти, — ответил сквозь сжатые зубы, поддерживая трубку пальцами, едко прищурил глаза. — Так бывает часто, глупая курица не понимает, что делает и чего лишается, — скривил в брезгливости губы, протяжно выдыхая дым.

Внутри неприятно заскребло, хоть Хэварт не знал о ком речь, но понял, что кем бы ни была эта леди, для богатого лорда просто вещь, игрушка, которую он любой ценой готов заполучить лишь ради принципа. Тогда откровенно жаль ту несчастную, если ему это удастся.

— Что ж, желаю скорее найти вашу невесту, Ваша светлость, — ответил Хэварт. — Не беспокойтесь, я смогу добраться сам.

— Как знаете, — снова маска, скрывающая все мотивы.

Сейчас не нужно имён и лишних разговоров. Всё после. Как и всегда.

— Доброго вечера, — поднялся Хэварт, обводя взглядом остальных мужчин, что поспешили ему поклоняться.

В свою очередь и он учтиво поклонился, поймав липкие улыбки женщин. Лакей проводил Ламмерта, любезно открыл дверку кареты.

— Честь для нас увидеть вас вновь, милорд.

Хэварт закрыл дверцу, снял перчатку и, пронизав пальцами волосы, прикусил губы, испытывая всё напряжение и тяжесть этого вечера. Ужасно хотелось пить. Нужно поскорее убираться отсюда. Ламмерт повернулся:

— Поехали, — бросил через решетчатое оконце возничему.

Карета тронулась. Выдохнув с шумом, Хэварт откинулся на спинку, сиденья и прикрыв веки.

Дорога назад оказалась длиннее, приходилось каждый раз останавливаться и ждать проезда, хотя в город они миновали почти свободно. Но стоило повернуть к окраине, ехали уже быстрее и без всяких остановок. Хэварт думал о том, что завтра нужно вновь приехать в Вальштор. Возможно, появится какая-нибудь зацепка.

Мысли плавно перетекли к Марисе. Интересно, она ещё спит или уже проснулась? Желание увидеть её в своём кабинете спящей разнеслось по телу горячим возбуждением. Хэварт усмехнулся самому себе — эта фиалка занимает слишком много места в его голове.

Ламмерт расслабился окончательно и даже смог задремать, как неожиданный мощный удар позади толкнул карету. Ламмерта швырнуло вперёд, он, успев выставить руку, которую тут же прострелило болью, едва не ударился о деревянную стену головой. Магия мгновенно отозвалась, хлынула по предплечью и застыла в запястье — браслеты блокировали её поток. Такой объём мог бы сразить его с ног, если бы не защита. Громкое ржание лошадей, глухой всхрап и топот раздался из решётчатого окна.

— Проклятье, — выругался и стремительно выбрался наружу, едва не наскочив на безвольно лежавшее тело возничего, склонился, повернул лицо бедолаги, которое было в сумраке ночи слишком бледным, пустые глаза взирали стёклами.

Хэварт отступил, насчитывая троих всадников в чёрных одеждах, лица спрятаны под масками, в руке у одного из подонка нож с окровавленным лезвием. Наёмники спешили, тот, что с оружием, шёл на него стеной, в то время как двое других заходили со спины. Хэварт переступил через валявшееся на дороге бревно, опутанное верёвками, медленно отходя к лесу. Кто эти люди? Кто их послал? И мог ли это быть его новый знакомый? Или похитители Витлара? На раздумья не было времени. Но они явно приготовились, а значит, ждали, что он поедет именно в это время, этой дорогой. В голове вспыхнуло осознание — кто-то очень тщательно за ним следил.

Первого наёмника он обездвижил в два удара: ногой в колено и тут же боковым с левой — в челюсть. Второго — ударом в живот, коленом в нос. Тот, что с ножом, очнулся и бросился в атаку. Хэварт отпрянул от молниеносного скольжения ножа. Хорошо, что его не зацепило, но плохо, что в это время со спины набросился наёмник, схватил за горло. Хэварт попытался, позволив дать нападающему преимущество, но в следующий миг резко и точно ударил под дых локтем. Ламмерт развернулся, с замахом ударил его кулаком в челюсть, тот полетел назад, но, споткнувшись о корягу, кувыркнулся неудачно — раздался характерный хруст, а следом оглушил истошный рёв.

Подобрав нож, Хэварт бросился к пострадавшему, тот пытался встать на покалеченную ногу. У Хэварта есть правило, которому учил его отец — лежащих не бить, а лучше сразу прикончить. Сейчас Хэварт был благодарен Норберту за то, что тот научился его драться, как настоящий

мужчина — без жалости, без страха, пусть даже уроки отца порой были жёсткими и хладнокровными, сейчас он был ему благодарен.

— Кто? — прошипел Хэварт, схватив убийцу за волосы, подставляя нож к горлу.

— Катись в бездну, выродок! — гневно выпалил тот.

В голове вспыхнул багряный туман ярости, Хэварт стиснул нож сильнее.

— Одно моё движение, и ты заткнёшься навсегда, — прошипел он, душа в себе желание прикончить его, удерживая себя на краю. — Говори!

Оглушительный стук, и Хэварт резко откинул голову назад. Затылок обожгла нестерпимая до проступивших слёз боль, подкосившая колени. Ламмерт покачнулся, выронив нож из ослабших пальцев, осел на колени и повалился навзничь на холодную землю. Зрение залило чёрной рекой, как и сознание. Он только успел услышать шорох возле себя, резко выдохнуть от удара чем-то тупым в бок.

— Это тебе за сломанный нос, — раздалось злое шипение, снова удар, потом ещё один, ещё, и ещё...

— Хватит, — раздался приказ. — Ты его убьёшь.

— Ничего с ним не сделается. Очухается, — незнакомые голоса раздавались, будто за толщей воды, и медленно тонули под тяжестью тьмы, утягивая Хэварта на самое дно.

Пробуждение причинило жуткое страдание, Хэварт готов был просто умереть дважды, лишь бы не приходиться в чувства. Разомкнув веки, в тошнотворной круговерти огляделся: карета стояла под клёнами, лошади фыркали, наёмники сбежали.

Всё ещё было темно, а значит, в отключке Ламмерт пребывал недолго.

Крепко выругавшись, перевернулся и, приподнявшись на локте, сел. Осторожно ощупал затылок и поморщился. Кажется, всё-таки пробили, но самое скверное, что он терял кровь, которая текла по шее горячим ручьём. Рубашка впитывала её быстро и липла к спине.

С невероятным усилием Хэварт стянул с себя жакет, карманы которого оказались вывернуты наизнанку, отшвырнув его прочь и взглянул вверх. Схватившись за сук дерева, поднялся. Боль затопила затылок, отдаваясь судорогой в плечи, рёбра сжали лёгкие капканом. Хэварт задержался, закрывая глаза, в которых посыпался каскад искр. Сильно же его приложили.

Покачиваясь, добрался до кареты, снова застыл, подавляя приступ мути. Судорожно вдыхая, распряг одну из лошадей, скидывая всё лишнее, забрался верхом. Обхватив поводья пнул пятками животное, посылая вперёд.

До замка ещё далеко, потому возвращение оказалось сущей мукой, он сжимал зубы — не свалиться бы на землю и не сдохнуть от потери крови. Боль на некоторое время покидала тело, наверное, от шока. Стало совсем скверно, когда пальцы начали терять чувствительность.

Лишь бы доехать до Ристола...

...Привратник открыл сразу же, как только узнал в наезднике Ламмерта.

— Милорд! Что случилось? Да вы... Да как же... — тараторил, помогая спуститься с лошади.

— Разбуди Аскила, — буркнул Ламмерт и, держась за голову, поплёлся к замку.

Почти не видя ничего перед собой, ввалился в холл и потащился в кабинет.

Толкнув дверь, Хэварт добрёл до стола. Опершись ладонями на него, опустил гудящую голову, стараясь дышать ровнее... вообще дышать. На его плечах жизнь Витлара, а он серьёзно покалечен.

Кровь стекала с волос и падала алыми каплями на столешницу, разбиваясь. Ламмерт не сразу заметил движение сбоку и поздно вспомнил, что Мариса могла быть всё ещё здесь. А теперь перепугал её.

— Ты здесь, фиалка? — Хэварт повернул голову, усмехаясь, но получил обречённый оскал.

Притаившаяся Мариса мгновенно вскочила с софы. Хэварт думал, что она бросится вон с визгом, но птичка подлетела к нему.

— Всевидящая... — шёпотом выдохнула одними губами, осторожно касаясь плеча мужчины, — надо полотенце...

Хэварт успел поймать её за запястья, пачкая своей кровью, сжал ладонь в своей, вглядываясь в лицо воровки. Он почувствовал, как она дрожит, в распахнутых голубых глазах испуг.

В грудь словно тупым обухом ударило понимание — она испугалась за него. Стены комнаты поплыли, поглощая Марису в вязкую темноту. Сомкнув веки, Хэварт зло тряхнул головой, пытаясь сбросить накатывающую слабость, но не вышло...

— Милорд! — слышался гулким эхом вскрик Марисы.

Глава 6

Фабиана

Фабиана сладко потянулась, откидывая мягкий плед, и открыла глаза, да тут же закрыла, обнаружив себя лежащей на твёрдой софе в кабинете милорда.

Девушка растерянно захлопала ресницами.

— Так, а вот это совсем не шутки...

Что она здесь делает? Как оказалась здесь? За окном ночь, и только горевшая свеча на каминной полке освещала огромный кабинет господина, погружая мебель в нежно-золотистый свет.

Ворона не оказалось на жерди.

Фабиана скользнула взглядом на портрет милорда и поёжилась. Приподнялась на локти, осматриваясь лучше. Стояла такая тишина, что казалось, во всём замке, кроме неё, ни души. Где сам господин? Почему её оставили здесь? Фабиана с усилием пыталась вспомнить, как произошло так, что она здесь, да ещё и одна, да ещё и на софе под пледом? Она чётко помнила, что Аскил отправил её убрать кабинет господина. Фабиана хотела забрать документы. Но не вышло, ещё ворон... А потом она собирала сбитые птицей вещи и... И тут Фабиану прострелило током, она всё вспомнила.

— Всевидящая, какой сты-ы-ыд, — прошептала, уронив лицо в ладони, ощущая, как щёки затлели углями.

Этот табак, он оказал какое-то дурное воздействие на неё. Да, она вспомнила! Вспомнила, как бесцеремонно вторглась в столовую, нарушая завтрак господ, и потребовала от Ламмерта документы, как Хэварт разозлился и выставил её за дверь, втолкнул в кабинет и заставил пить снотворное, как её тело сделалось ватным, а губы желали коснуться его губ, которые в этот миг были так близко, так невыносимо пленительны. Фабиана ему что-то сказала, что-то постыдное и откровенное, то, что она никогда бы не решилась сказать в своем уме.

Что он теперь подумает? Как она теперь будет смотреть ему в глаза?

А что, собственно, он может подумать? У него, кажется, уже сложилось стойкое мнение о ней. Лгунья и воровка. И всё же, как бы там ни было, она не должна была допустить такое, позволить себе подобное распутство.

Фабиана, вдохнув с шумом, откинула со лба растрепавшиеся волосы, хотела подняться, но замешкалась, запутавшись в пледе. Едва она поднялась, как тут же забралась с ногами обратно, скрываясь под пледом. Притворилась спящей, когда деверь отворилась. Едва дыша, застыла.

И зачем она это всё сделала? Возможно, будет шанс, что Ламмерт оставит её в покое хотя бы до утра, чтобы она успела прийти в себя, всё обдумать и найти себе оправдание.

Царивший сумрак скрывал её, не давая понять, что она следит за вошедшим мужчиной. Но что-то было не так. Фабиана напряглась каждой мышцей, почувствовав неладное. Когда Ламмерт едва появился в дверях, по её телу непроизвольно скользнул холод. Тяжёлым шагом, чуть пошатываясь, милорд прошёл к столу и, опершись ладонями о столешницу, низко опустил голову. Его грудь туго расходилась в дыхании.

«Он что, опять напился? Опять поссорился с Игнэс?» Разные мысли замельтешили в голове, но они тут же разбились вдребезги, когда Фабиана, скользнув по телу мужчины, поняла, что с ним было не так.

На нём была чёрная жилетка, чёрные брюки и ботинки — всё говорило о том, что он покидал Ристол. Но на одежде какая-то трава, сухие листья и веточки, разодранный рукав и выпачканный во что-то бардовое ворот рубашки привели Фабиану в оцепенение. Сердце забило где-то в горле, когда милорд покачнулся и вдруг, будто только сейчас заметив постороннего, посмотрел в её сторону.

Сердце сжалось и упало куда-то вниз. Он был весь в крови: на лбу, скуле, на горбинке носа красные разводы крови.

— Ты здесь, фиалка? — хрипло произнёс Ламмерт, и его лицо скривилось гримасой муки.

Ошеломлённая, не зная, что делать, Фабиана вскочила с софы и приблизилась. Подняла руку, не зная, как дотронуться. У него голова разбита, и кровь хлещет ручьём... так много крови, что Фабиана чувствовала запах соли и ржавчины на языке. Дрожащей рукой осторожно коснулась предплечья мужчины.

— Нужно полотенце.

Нужно немедленно остановить кровь! Сейчас же. Фабиана вздрогнула, когда Ламмерт поймал её руку, сжал и посмотрел на неё с каким-то странным отстранённым выражением, будто увидел в ней что-то важное. Немыслимо чёрные, блестящие агатом глаза мужчины проникли взглядом в самую глубину, вливался горячей смолой в самое сердце, делая его тяжёлым.

Всевидающая, почему она медлит? Почему тело не слушается, и она не может сдвинуться с места, растягивая это мгновение в вечность? Нужно срочно обработать рану, он же умереть может! В ответ на эти мысли глаза Хэварта затуманились, он тряхнул головой, а в следующий миг стал медленно заваливаться на стол.

— Милорд! — охнула Фабиана, пытаясь его удержать, да только Ламмерт был непомерно тяжёлым, и лишь увлёк девушку за собой.

— Что здесь происходит? — раздался громкий голос Аскила, в котором явно считывалась доля волнения.

Управляющий оказался рядом быстро, в отличие от Фабианы, он понял всё сразу, ко всему состоянию и вид господина его ничуть не удивлял. Аскил закинул руку Хэварта себе за шею, обхватив его, потащил к софе.

— Воды и полотенца, — сухой приказал заставил очнуться Фабиану и вылететь из кабинета стрелой.

Она поднялась в ванную комнату, набрав всё необходимое, вернулась с ворохом полотенец и тазом с водой.

Аскил уже переместил Хэварта на софу, взял полотенце.

— Приподними, — попросил он.

Фабиана осторожно приподняла голову Ламмерта над подушкой, его волосы были влажные и липкие, а сам он бледен, слишком, что у Фабианы замерло сердце, а в горле запершило. Аскил ловко перевязал голову широким лоскутом и расстелил полотенца на подушке.

— Мне нужно съездить за лекарем. Ты будь здесь, Мариса, меняй повязки.

Фабиана немо кивала на каждое слово управляющего. Быстрые шаги удалились за дверью. Оставшись одна, она перевела взгляд на неподвижного Ламмерта и сглотнула.

Губы мужчины стали совсем бледными и даже немного синеватого оттенка. Фабиана коснулась его гладкой щеки и ужаснулась — какой же холодный! И не приходит в себя. Паника охватила с головой, заставляя нырнуть в пропасть отчаяния. Фабиана встрепенулась, прогоняя нехорошие чувства. Прошла к ногам мужчины и сняла ботинки, присела на самый краешек софы и придвинула вместе со столиком таз с водой. Смочив полотенце, выжала, про себя молясь о том, чтобы Аскил вернулся скорее. Очень осторожно стёрла разводы со щеки и шеи.

Ламмерт в ответ поморщился, нахмутив тёмные брови, сухо сглотнул.

Хэварт не приходил в себя. Фабиана меняла полотенца и повязки очень осторожно. На руках милорда оставались перчатки, но девушка не решалась их снять. Хотя что её останавливало? Фабиана потянула их с пальцев, освобождая руку, и только тут увидела серебряные браслеты на запястьях, широкие, без каких-либо украшений. Стянула перчатки до конца и задержала дыхание.

Кисть была в розовых рубцах, словно от ожогов, которые тянулись к пальцам и ладони. Интересно, что же с ним случилось? Почему он такой? Пыталась понять, но оставила эту затею, Ламмерт дышал — и это главное.

Быстро стянула другую перчатку, замечая, что, несмотря на это, у милорда были красивые кисти с длинными пальцами, как у истинного аристократа, и снова взялась за полотенце. Не думала, что ей придётся столько времени проводить рядом с милордом, только такое времяпрепровождение совсем

не радовало, хоть Фабиана свободно могла его рассматривать, и всё равно чувствовала горячее смущение, будто Ламмерт продолжал за ней наблюдать. Даже задерживать надолго взгляд не могла и лишней раз коснуться, да хотя бы пригладить спутавшиеся волосы и убрать влажные пряди со лба.

И откуда столько робости? Не должно ли ей быть всё равно? Будто Хэварт эрн Ламмерт волнуется её как мужчина.

Фабиана остановила ход мыслей. А потом фыркнула. Сухая глупость. Просто он её спас и оставил у себя, проявив терпение и добродетель, это и очаровало.

Время текло тягуче, Аскил не возвращался. Фабиана уже наполнила уже не один таз воды, но кровь всё же остановилась.

Где был весь вечер милорд, пока она спала? Кто же мог такое с ним совершить? И Игнэс... кажется, в замке её не было, иначе сей же миг прибежала бы в кабинет.

...Наконец, за дверью послышался шум. Фабиана свободно выдохнула, когда в кабинет вошёл Аскил, с ним ещё один мужчина с чемоданчиком, в длинном до колен камзоле, усы и седина на висках придавали ему заматерелого благородства.

— Благодарю, Мариса. Ты можешь быть свободной, — сказал Аскил, явно намекая на то, чтобы она покинула кабинет.

Вот как? Даже несправедливо, но кто она для них — обычная прислуга.

Фабиана взяла таз с мокрыми полотенцами, направилась к двери и тут случайно наткнулась на взгляд лекаря. Мужчина как-то странно на неё посмотрел, пристально и внимательно. При близком расстоянии Фабиане показалось смутно знакомым его лицо. Но тут её будто молний прошибло. Лекарь господин Ульман эрн Бранс бывал в её родительском доме, когда в последний раз дядюшке нездоровилось! Фабиана быстро отвела взгляд, а вот господин, напротив, проводил её долгим взглядом до самого порога.

Руки девушки проняла дрожь. Узнал. Он её узнал? Нет, не мог, она же выглядит как горничная, и Аскил называл её другим именем, быть может, просто подумает, что где-то видел. Пусть бы это было так!

Фабиана успокоилась, но тревога засела в груди. Интуиция подсказывала, что нужно что-то предпринять. Не сидеть на месте. Скорее найти брата...

...Ночь выдалась бессонной и тревожной. Из головы не выходило, что лекарь её узнал, а значит у неё не так много времени, если тот всё же донесёт дядюшке. Хоть думать так нехорошо, но деньги порой делают с людьми многое.

Сегодня не было затянуто низкими серыми тучами, напоминая о том, что холода ещё не совсем ушли. И на душе было тягостно, всё больше Фабиана думала о Ламмерте и его подорванном здоровьем. Всё же такое увечье не проходит бесследно, и господину понадобится время, чтобы восстановится.

Фабиана поднялась, не в силах больше находиться в постели. Одежда своё строгое платье, подвязала передник, хоть команды от Аскила она не получила спускаться вниз. С грустью подумала о том, что смогла привыкнуть к этим стенам. Фабиана усмехнулась, не ожидая от себя такого, ведь это чужой дом, и она не та, за кого себя выдаёт.

Собрав волосы на затылке, заколола шпильками, вышла из комнаты, желая скорее узнать, как самочувствие Ламмерта. Девушка задержалась у лестницы, услышав мужские голоса внизу. Выходит, полночи лекарь провёл в замке. Бесшумно пройдя на носочках чуть вперёд, остановилась, выглядывая из-за угла.

— ...Удар был тяжёлый, рассечение привело к обильной потере крови, но милорд молод и полон сил, два-три дня, и он придёт в норму, — голос Ульмана звучал спокойно и уверенно. — Главное, не забудьте, чтобы милорд правильно питался, и приобретите обязательно нужные снадобья, чтобы возобновить урон крови...

Аскил глянул на вручённый Брансом лист бумаги в своей руке.

— ...Попшите кого-нибудь из своих слуг, — вдруг добавил лекарь, и Фабиана напряглась. — Но с милордом должен сегодня кто-то быть рядом, ему нужна сейчас помощь.

— Обязательно воспользуюсь вашими рекомендациями, — учтиво ответил Аскил, — позвольте, провожу.

Тот кивнул, намереваясь следовать за управляющим, но вдруг задержался. Фабиана проследила, как взгляд лекаря скользнул по залу, словно выискивая кого-то, а следом мужчина резко поднял голову. Фабиана отпрянула и прижалась к стене. Сердце скакнуло к горлу и гулко застучало.

Входная дверь хлопнула, и Фабиана смогла выдохнуть. Всё это очень настораживало. Всё же Ульман что-то заподозрил. Перед глазами выискивающий взгляд мужчины.

Дождавшись, когда вернулся Аскил, девушка торопливо спустилась в гостинный зал.

— Мариса, ты мне нужна, — Аскил приблизился, а Фабиана дар речи потеряла, услышав в голосе управляющего мягкость. — Нужно будет съездить в лавку Торио. Собирайся. Поедешь с Вернером...

Кто такой Вернер, Фабиана понятия не имела, но это было и неважно. Она покинет Ристол!

— ...Вот тут список, отдашь продавцу, он соберёт, — принялся объяснять управляющий, уверенный в том, что читать девушка не умеет.

— Хорошо, Аскил, я всё сделаю.

«Наверное, сделаю», — подумала Фабиана про себя, охваченная волнением.

Управляющий вручил лист. Как легко он ей доверился, а казалось, так ворчал, каждый шаг проверял, контролируя беседы с Отилией. Внутри Фабианы неприятно заскребло, что придётся вот так вскоре покинуть замок, но она откинула прочь всякие лишние мысли.

Вернувшись в покои, сняв передник и рабочее платье и надев своё, Фабиана подставила кресло к шкафу и достала коробку. Пусть пока документы находятся у милорда — это не так важно. Важно то, что сегодня она уже будет с Танором. Эта мысль подстегнула и придала сил. Спрятав мешочек за ворот платья, а лист со списком в поясную сумку, Фабиана спустилась.

Аскил как раз выходил из кухни с подносом, с лёгким приготовленным для господина завтраком, состоящим из красной икры и пары кусочков ржаного хлеба.

— Деньги на столе, возьми, — бросил Аскил. — Отилия, проводи Марису.

С этими словами управляющий вышел из кухни.

«Значит, Ламмерт про неё не спрашивал? Забыл?» — догнала досадная мысль.

Глупая обида засела занозой. Фабиана подобрала мешочек с деньгами и прошла за поварихой.

— Ох, бедный мальчик! И как так вышло? Плохо, что Витлар уехал, он тут совсем один остался, — причитала Отилия, сделав такой страдальческий вид, что Фабиане стало не по себе от собственных корыстных мыслей.

Вместе они вышли во внутренний двор, где стояла крытая повозка. Возничий, тот самый Вернер, был зрелый коренастый мужчина в простой рабочей одежде. Он услужливо подвинулся, освобождая место для Фабианы, лишней раз напоминая, кто она в этом доме. А она за этот короткий промежуток, как узнала, что может покинуть Ристол, и забыла...

...По дороге застал дождь, мелко крапающий с тяжёлого неба. Хорошо, что козырёк повозки скрывал от влаги, правда, подол платья вскоре стал мокрым и лип к коленам. Просёлочная дорога не отличалась разнообразием, бесконечные луга, сады, пашни, изредка попадались дома и мельницы, но всё же помалу лентой уходила в город. Стали попадаться амбары, потом и каменные многоярусные дома, и многочисленные лавки, возле одной из которых возник и остановил. Он был осведомлён, где посадить горничную.

— Я отъеду по делам, тут недалеко, ждите меня здесь, если освободитесь чуть раньше.

Фабиана лишь выдохнула. И как только повозка скрылась за поворотом, отошла в сторону, намереваясь скорее скрыться, и остановилась. Что она делает? Укол совести был настолько болезненный и неприятный, что девушка поморщилась. Милорду требуется помощь, а она так подло сбегает, кто ему привезёт снадобья и продукты? Ему ведь нужна помощь.

Фабиана вернулась. Она найдёт ещё один повод уйти, но не сейчас. Для начала нужно купить снадобья.

Одна из уличных продавщиц любезно рассказала, где находится лавка с лекарствами. Девушка потянула резную деревянную дверь, и навстречу ей вышел мужчина. Фабиана так и застыла.

— Кажется, я вас где-то видел? — Ульман усмехнулся.

Фабиана медленно повернулась, понимая, что деваться ей некуда.

— Возможно, господин, — согласилась она, — ведь вы утром были в Ристоле у милорда Хэварта эрн Ламмерта. Я его горничная.

Мужчина закрыл дверь, глянул вниз, будто над чем-то раздумывая, рассматривая свои туфли, погладил усы, снова поднял взгляд.

— Я не знаю, что вы делаете в Ристоле, мисс О-Лидер, но я должен вас кое о чём предупредить...

Фабиана сглотнула, яд страха парализовал её, разгоняя по спине холодок. Но мужчина не поднял шум, не бросился хватать её под локоть и уводить прочь, он не желал ничего дурного, напротив — взгляд его был задумчивый и спокойный.

— Что вы хотите сказать, господин Ульман? — ответила, понимая, что таиться уже ни к чему.

— Вас ищет вся жандармерия Вальштора. Витор эрн О-Лидер озабочен вашим поиском, как и уважаемый Бартолд эрн Груно. Хочу сказать лишь, — мужчина чуть приблизился, — будьте осторожны, Фабиана.

— Не выдавайте меня, — попросила, борясь с нахлынувшим волнением.

— Я лекарь, а не мерзавец. Берегите себя, — чуть склонился достопочтенный и шагнул прочь, сошёл с порога, направляясь к своему экипажу, что ждал его на обочине дороги.

Голова закружилась, Фабиана глянула на высокую каменную башню с черепичной крышей, сжала пальцы, унимая пробивший её озноб. Всё очень плохо. Хуже некуда, если сам Груно, её жених, ищет её — ей конец. Ещё бы, ведь дядюшке было заплачена немаленькая сумма.

Фабиана растерянно огляделась. Бросив всё, оставив купленное в лавке, побежала прочь немедленно разыскать его. Фабиана шла быстро, низко опустив голову, дождь припустил чуть сильнее, окропляя лицо, делая волосы влажными, руки стали холодными. Внутренняя дрожь гуляла по телу ознобом. Выйдя на городскую улицу, она пошла вдоль построек, ища взглядом какую-нибудь повозку поехать к Танору, но едва не споткнулась на месте, когда на обшарпанной стене увидела мокрые листовки, а на них себя.

Портрет в точь-точь повторял её черты, явно срисованный с портрета из родовой усадьбы. Ошеломление пронизало шипом насквозь. Она везде, по всему городу. Фабиана резким движением сорвала листовку, читая печатную строку. Шум города на миг исчез, как и всё вокруг, Фабиана смотрела на чёрно-белое изображение и не могла поверить... что дядя опустится до такого. До такого, что её лицо теперь везде!

Сделав пару глубоких вдохов, Фабиана выпрямилась и, очнувшись, огляделась, не сразу заметив, что за ней наблюдают. Её прошло током. Прямо у арочных ворот торговой площади стояли жандармы. Трое мужчин, один из них пялился на неё и, положив руку на плечо соратнику, кивнул в её сторону. Сердце ухнуло в пропасть, Фабиана попятилась, а в следующий миг кто-то схватил её за плечо. Она глухо вскрикнула и дёрнулась, но её обхватили чьи-то руки, а следом ухо обожгло дыхание.

— Не дёргайся, мышка, — зло шикнул мужской голос.

Фабиана задышала часто, не веря своим ушам. Танор...

Второй жандарм повернулся, вёдливо прищутив глаза. Фабиана притихла, мужчина ухмыльнулся и, отвесив своему соратнику подзатыльник, отвернулся, продолжая разговаривать. У Фабианы даже голова закружилась от облегчения. Танор развернул её к себе и, дав опомниться, потянул куда-то за угол.

— Ты что тут делаешь?! — набросился сходу. — Фабиана, что ты вытворяешь?!

Всё внутри опустилось, брат был серьезен и строг, и когда он успел так измениться? И да, что она сделала? Она, наконец, смогла лучше его рассмотреть. Он стал значительно выше, и эта форма ему очень шла. Такие же, как у Фабианы, голубые глаза не выпускали из своего плена. В детстве они с братом были очень похожи, и сейчас немного, только Танор очень возмужал за пять лет.

— Ты не рад меня видеть? — очнулась, сбрасывая оцепенение.

Дождь продолжал сыпать мелкой крупой, беззвучно оседая дымкой на крышах. Танор взял сестру за руку и завёл под навес какой-то уже закрытой лавки.

— Рад, — буркнул, — просто хочу знать, что случилось, почему Витор тебя ищет? Куда ты пропала?

Фабиана выдохнула, значит, он просто волнуется, а она-то уж подумала...

— Наш дядюшка продал меня, Танор, продал Бартолду эрн Груно. А я не хочу, понимаешь? Не хочу так — как вещь... Я сбежала, — выпалила Фабиана, понимая, как слёзы затуманивают глаза, слова путаются, а в горле ком мешает говорить.

Танор некоторое время молчал.

— Ты ведь знаешь, кто он — господин Бартолд, если бы Витор отказал, он бы его...

— Ты его оправдываешь? — не поверила ушам Фабиана, поёжилась, обхватив себя за плечи.

— Нет, мышка, — огрызнулся брат, — просто думаю. Мышкой он с детства её называл, и она была не против, из его уст это звучало не как обзывательство, напротив — ей нравилось. Фабиане сделалось теплее, став взрослее, он не потерял эту юношескую привычку. — Бартолд эрн Груно очень влиятельный человек, он министр конной жандармерии, — продолжил хмуриться Танор.

— Что же мне делать? Я не могу за него пойти, у него два сына, они едва стали совершеннолетними, Танор, как они меня воспримут? Какая жизнь меня ждёт? Наши родители такого бы не допустили. Витор хочет избавиться от нас, пока ты тут под королевским крылом, а я выгодная сделка, он приберёт себе всё. Всё, понимаешь, Танор?! Наш дом — память родителей...

— Не паникуй, — прервал брат, успокаивая. — Лучше скажи, где ты всё это время пряталась? — спросил вдруг он.

Фабиана подсжала губы. Конечно, стыдно признаваться, но Танор ведь поймёт.

— Я устроилась горничной.

— Что?! — Танор приподнял брови. — Ты — горничной?! Мышка, ты — леди из высшего слоя, ты совсем с ума сошла?!

— Не нужно так, у меня... не было выбора.

— Так где ты сейчас живёшь? — вернулся к предыдущему вопросу.

— В Ристоле у милорда Хэварта эрн Ламмерта.

Казалось, лицо мужчины вытянулось, а глаза расширились от изумления, они стали ещё синее на фоне серого дождя.

— Нет, ты точно спятила. Да ты знаешь кто он — этот Ламмерт?

Фабиана хлопнула ресницами.

— Маг?

— Похоже, не знаешь...

Мужчина раздражённо сжал челюсти, посмотрев в сторону, снял шляпу и взъерошил волосы. Фабиане не нравилось, как он отзывается о милорде. Да и что он мог знать, Ламмерт много лет прожил за границей.

— Да что такое? Объясни! Милорд любезно согласился дать мне работу, он не знает, кто я.

— Ещё бы знал. Знаю я такую любезность...

— Танор! — возмутилась Фабиана, стало до безумия неловко от того, что он подумал.

— А здесь ты как оказалась?

— Я приехала за продуктами с помощником.

— Прекрасно! — фыркнул мужчина.

И Фабиана не стала рассказывать всего, что случилось с милордом, и что Ульман её узнал. Танор и так не в духе от того, что узнал. Вспомнила о Вернере, и сердце забилось тревожнее и тяжелее, он наверняка уже заждался её, но теперь она не знала, вернётся ли, что скажет ей Танор..

— Вот что. Давай сделаем так, — мужчин возвёл к небу взгляд и вновь глянул на девушку, — искать тебя в Ристоле никому не придёт в голову. Возвращайся к своему милорду и жди меня там. Я приеду за тобой, возможно, завтра, на крайний случай — послезавтра. Мне нужно подумать, мышка, идти против Бартолда очень опасно для всех нас, тем более раз он тебя так усердно ищет.

Всё очень серьёзно, Фабиана. Но у меня есть кое-какие мысли... — Фабиана подпрыгнула и кинулась на шею Танору, приподнимаясь на носочках. — Ну что за манеры... Ты меня задушишь... Работа горничной тебя вконец испортила, — бурчал он, но всё же не отталкивал.

— Я так скучала, ты редко мне отвечал.

— Сама понимаешь, — времени нет.

Фабиана, пощадив его, всё же отстранилась.

— Хорошо, я буду ждать, Танор, всё сделаю, что ты скажешь.

— Ну вот и хорошо, иди, а то ты вся промокла, заболеешь ещё, — заботливо погладил по плечу. — И будь осторожна, тебя могут узнать. А деньги у тебя хоть есть, милорд, надеюсь, тебе платит? — насмешливо прищурил глаза.

— Танор!

— Всё, иди, мышка, я тебя не могу проводить, лучше пусть нас меньше горожан увидят вместе, — перестал смеяться, сделавшись вновь задумчивым, в глазах прохладой гуляла тревога. — Да, мышка, не ожидал от тебя такого...

— Спасибо, Танор. Буду ждать, — отступила Фабиана, задержалась, но потом резко развернулась и пустилась к дороге.

Вернер ждал у дороги. Хорошо, что не уехал, пока Фабиана отлучалась. В глубине души рада была, что вернётся и привезёт для милорда нужные лекарства. Фабиана закупила всё необходимое, вернувшись в лавку, милая женщина продала ей нужные снадобья и пожелала всего доброго. В хорошем расположении духа Фабиана вернулась к повозке. Мужчина помог поставить коробки с продуктами внутрь вместе с другой провизией, которую, видимо, приказал Вернеру закупить Аскил. Фабиана попросилась остаться в повозке, оправдывая это тем, что под дождём ей не хочется мокнуть — она может легко подхватить простуду.

Покинув окраину Вальштора, Фабиана сидела в темноте и смотрела через приоткрытый полог на туманную дорогу. Поля утопали в тяжёлом молоке, растворяясь в небе. Не верила своей удаче, что всё так хорошо сложилось, и Танор оказался поблизости. Всё же услышала Всевидящая её мольбы.

Через час они были уже в Ристоле, Фабиана, взяв сумку со снадобьями, пробежала под усилившимся дождём, шлёпая по лужам и приподнимая и без того мокрую юбку, нырнула в дверь, вбежала в кухню.

— Мариса, да ты вся до нитки промокла! — Отилия встrepенулась и кинулась к запарнику, который уже будто ждал возвращения девушки — настоялся. — Скорее снимай обувь, я тебя чаем напою. Да как же так? Вот Аскил нашёл, кого послать в такое-то ненастье!

Не успела кухарка упомянуть управляющего, как он тут же появился. Видимо, видел из окна, как приехала повозка.

— Вот, — Фабиана отдала все снадобья, которые купила. — Продукты в повозке остались. — Управляющий принял бутылочки с наклеенными на них бумажками с разными надписями, деловито повертел в руках. — Как чувствует себя милорд? — спросила, позабыв о поучительном тоне.

Отилия по-девичьи хихикнула, Аскил стрельнул в неё суровый взгляд.

— Лучше, — сухо, но всё же ответил он. — Кстати, милорд освобождает вас сегодня от дел, можете отдыхать, Мариса.

Вот как? Фабиана даже удивилась, но, признать, отдых ей был необходим. Забрав все лекарства, Аскил удалился. Фабиана выпила кружку ароматного чая, разнёсшего по телу горячую негу, почувствовав себя гораздо лучше. Отилия занялась привезёнными продуктами, спеша приготовить для милорда обед. Фабиана поднялась к себе, не зная, чем себя и занять. Что ж, значит, она займётся собой.

Взяв свою рабочую одежду, отправилась в купальню. Наполнив широкую кафельную ванну, скинула с себя одежду и погрузилась в горячую воду. По телу разнеслось приятное томление. Как же хорошо! Давно она не могла позволить себе так расслабиться. И сейчас, когда встретила с Танором, тревоги ушли. Осталось только ждать, когда он приедет за ней.

И всё же до конца свободно вздохнуть не получалось, помня опасения Танора. Бартолд ухватился за эту сделку, словно клещ. Всё же неприятно осознавать, что её ищут таким способом — расклеивая портрет по всем улицам. Фабиана ощутила себя грязной, запятнанной. Но всё же ароматная от

масел ванна сделала своё дело: размягчила мышцы, и постепенно голова стала лёгкой.

Время тянулось к вечеру медленно, и всё же неуклонно, ко всему за окнами так пасмурно, что казалось — уже сейчас глубокий вечер. Выбравшись из воды, Фабиана вытерлась полотенцем и натянула на себя сорочку. Мокрую одежду, которую нужно будет выстирать, закинула в корзину, но это чуть позже, потому что другой у неё нет.

Вернувшись в комнату, расчесала чистые волосы, подсушив их полотенцем. В дверь постучали, а следом раздался голос управляющего:

— Мариса, милорд послал за вами, он желает видеть вас. Спуститесь в кабинет.

Фабиана застыла, повернувшись к двери. Зачем она ему понадобилась?

— Хорошо, — бросила, потянувшись за рабочей одеждой.

Торопливо собравшись и связав подсохшие волосы в пучок, девушка вышла из комнаты. А она уж обрадовалась, что проведёт время в покое.

Почему он в кабинете, разве не должен быть в постели? Ведь лекарь сказал, что милорд ещё слаб. Тогда это ещё более чем странно.

Фабиана задержалась возле двери, сжала кулаки. Хриплое карканье раздалось сбоку. Ворон переместился на конец жерди и с любопытством её осмотрел. Фабиана улыбнулась, а следом ее острой иглой кольнула тревога. Вобрав в себя больше воздуха, Фабиана постучала и, отворив дверь, шагнула внутрь помещения.

Кресло было пустым. Бросила быстрый взгляд на софу, но и там мужчины не оказалось.

Милорд стоял возле широкого окна в полном здравии и силе. Сегодня он выглядел гораздо лучше, волосы блестели чистой, правда, несколько царапин остались на скуле и шее. Милорд выглядел безукоризненно даже в недуге. О том, что вчера с ним что-то стряслось, говорили лишь лёгкая бледнота и повязка, аккуратно обмотанная вокруг головы. Плечи расслаблены, руки в карманах брюк, он опирался о нишу окна и смотрел вдаль. Пасмурный свет погружал мужскую фигуру в лёгкую дымку.

— Вы звали, милорд?

Ламмерт повернулся. Фабиана так и вросла в пол, ощущая, как взгляд непроницаемо чёрных глаз касается её тела, скользит с ног до головы. Она поспешила опустить глаза — что этого на него нашло? Раньше он так не смотрел на неё, точнее, смотрел, но по-другому, не так проникновенно холодно.

— Да, звал, — низкий до мурашек голос прозвучал чуть хрипло. Ламмерт прошёл к столу. — Подойди, — попросил он, но так отстранённо и стыло, что Фабиане совсем сделалось не по себе.

Она медленно приблизилась. Но всё же оставила расстояние в два шага, чувствуя, как вблизи от милорда у неё начинают слабеть колени. Да что же это такое?!

Ламмерт вытащил руку из кармана, на этот раз без перчатки, видимо, не посчитав теперь за необходимость их прятать, но по-прежнему на запястьях сверкнули браслеты. Взял какие-то бумаги со стола.

Может, что-то случилось с милордом Витларом? Но тогда господин слишком спокоен.

Фабиана дышала его запахом мандарин и кедра, от которого голова делалась тяжёлой, а тело безвольным, а ещё горько-терпким снадобьем.

Милорд глянул на Фабиану и протянул бумаги:

— Как вы это объясните? — спросил Хэварт, когда она опустила взгляд и закаменела, увидев свой портрет. — ...Фабиана эрн О-Лидер, — добавил стальным тоном.

Глава 7

Хэварт

Эта была она — Мариса. Или теперь Фабиана — сомнений не оставалось. Портрет был её точной копией. Девушку разыскивают. И разыскивает Бартолд эрн Груно, тот лорд, с которым Хэварт сыграл партию. Всё сходилось, и она — его сбежавшая невеста, фиалка... лгунья... А ведь он даже не подумал, что она могла говорить правду. И как он не заметил, ведь с первого взгляда было видно, как держит себя эта девица, как плавно двигается, говорит, смотрит... Но он и не мог подумать, она

застряла в подворотне с каким-то пьяным юнцом. А потом наплела про горничную. А потом эти драгоценности, он и не представлял, что они могли принадлежать ей.

Хэварт зло бросил на стол газеты и листовку, потянулся к ящику. От резкого движения в глазах резко потемнело, зашипел от боли в боку, голова загудела. Аскил полдня бурчал, когда Хэварт поднялся после обеда, не желая больше валяться в постели. Отперев замок, Ламмерт достал документы и положил сверху газет. Нужно вернуть их хозяйке.

Прошёл к окну, ожидая миледи, глядя на серую мглу над деревьями.

Девушка вошла робко и почти бесшумно.

— Вы звали, милорд? — тронул слух мелодичный голос.

Хэварт повернулся, их взгляды встретились, но Мариса — теперь уже Фабиана — смиренно опустила глаза, скрестив пальцы на юбке — ведётся себя, как и полагается прислуге. Конечно! Как он мог подумать иначе, кто она на самом деле? И всё же сколько храбрости у этой птички — выпорхнуть из гнезда и оказаться невестой где. Неужели действительно так не желает этого брака? Внезапная непонятная злость поднялась из глубины, подтолкнула немедленно разобраться со всей этой чепухой — всё же она обманула, притворившись бедной овечкой.

— Да, звал, — прошёл к столу и взял газету и листовку. — Подойди.

Послушно приблизилась, явно ничего не понимая, или снова притворяется?

— Как вы это объясните? — спросил, когда Фабиана опустила взгляд, и по её лицу скользнула тень. Всё-таки не понимала, зачем её звал. — ...Фабиана эрн О-Лидер.

Девушка вскинула взгляд, в голубых озёрах смешались эмоции, от которого Хэварта едва не снесло с ног: сматение, вина, растерянность, мольба... Он стиснул зубы, стараясь отгородиться от этой манипуляции, ожидал ответа.

— Я... — раскрыла губы, не зная, что сказать.

— Ну давайте же, лгите дальше, — прошипел, перейдя на должное обращение.

Фабиана сомкнула губы, уголки губ с горечью опустились, кажется, его слова задела её.

— Милорд, не выгоняйте меня, — вдруг попросила, сделав шаг в его сторону. Зря она это сделала, потому что Хэварт не намерен был её слушать.

— Вы серьёзно? — спросил безэмоционально.

— Я понимаю, что я доставила много хлопот, и вы сделали для меня очень многое... — девушка запнулась, тщательно подбирая слова, — но позвольте побыть в Ристоле в качестве горничной ещё два, а может, и один день. Мой брат Танор, он скоро приедет за мной, и...

— Постой, — оборвал весь этот сумбур Хэварт. — Кто-то знает, что ты прячешься здесь? — снова перешёл на прежнее обращение, не укладывая в голове услышанное.

Фабиана сглотнула, взгляд забегал:

— Да, мой брат.

— И это твоя благодарность, что ты поставляешь меня? — рыкнул Хэварт, злость забурлила в груди вулканом. — Да ты хоть понимаешь, что я не могу сейчас рисковать? Моего младшего брата похитили, я не знаю, кто это люди, у меня и без тебя полно проблем, — грудь вздымалась в тугом дыхании, сломанные рёбра стискивали клещами лёгкие.

— Я понимаю, господин, Танор никому не скажет, клянусь.

В голове зашумело, он сжал кулаки, унимая подкатывавшие тошноту и гнев.

— В конце концов, вы сами меня привезли, если забыли, и вот так запросто не можете выставить. Где ваше благородство? — вытянулась птичка, посмотрела свысока.

Вот теперь он видел в ней черты истинной аристократки.

— Где было ваше, когда притворялись? — отпарировал он. — Да, это была моя глупость. — Фабиана раскрыла губы, явно оскорбившись. Хэварт подобрал документы. — Я прикажу подать карету, поищите себе другое пристанище, Фабиана, — протянул бумаги.

Милое личико миледи побледнело, а глаза полыхали злостью, негодованием и возмущением, но в этой пташке было слишком много гордости, чтобы проложить умолять. Но хотел ли он этого?

Она вырвала из пальцев документы и посмотрела прямо.

— Игнэс была права, обвиняя вас в бессердечности, — выпалила горячо, с досадой, поджав губы, отвернувшись и с изяществом леди пошла прочь.

Она ушла. Хэварт ещё долго смотрел на закрывшуюся за Фабианой дверь. В голове по-прежнему шумело, по-прежнему слабость одолевала и злила непомерно. Но и не только из-за этого. Почему он её должен оставлять?

Хэварт развернулся, посмотрел в окно, за которым сгущался сумрак. И в самом деле, он ведь не настолько бессердечный, чтобы выгнать в такую непогоду, у неё и вещей тёплых нет... Хэварт задержал дыхание, а в следующий миг, развернулся и вышел из кабинета. Поднялся по лестнице. Задержавшись у двери, толкнул её. Тихое аханье донеслось до слуха, Хэварт успел увидеть девичью спину, прогиб поясицы и ямочку у основания, Фабиана была в чулках и маленьких соответствующие её фигуре панталонах. Она резко развернулась, прикрывая снятым платьем грудь, испуганно смотрела на него. Хэварт сухо сглотнул, наверное, впервые не зная, что делать — вид обнажённых плеч и покатых бёдер поднял волну жара, что мгновенно опустился тяжестью к паху.

Он сжал холодную ручку и прикрыл дверь, выходя за порог.

— Вас не учили закрываться? — раздражённо бросил.

— А вас стучать, милорд? — отозвалась девушка, пыхтя. — Насколько я помню, запертые двери для вас не помеха.

Хэварт с жал зубы.

— Я пришёл сказать, что вы можете остаться в Ристоле... На улице дождь и... — и что с ним такое, слова путались, и он, как юнец, не мог подобрать их. — ...Дороги плохие.

Послышалась тишина.

— Вы очень добры, милорд, я не забуду этого, — почему-то в этих словах Хэварт почувствовал долю цинизма.

Ну вот она и показывает своё истинное лицо. Хэварт поздно понял, что задержался уж слишком возле двери, покинул порог и направился обратно. В груди полыхала будто раскалённая печь, как и в голове. Перед глазами, будто назло, мелькал вид обнажённой спины.

Хэварт не сразу услышал, что его окликают Аскил.

— Милорд, милорд вы видели? — управляющий подступил с листовкой.

— Да, видел, — ответил мрачно Ламмерт. — Где ты это взял?

— Вернер, наш развозчик, привёз.

Ламмерт забрал листовку.

— Что же получается, леди убежала из дома? — Аскил вытер платком висок.

— Именно так. Миледи Фабиана не задержится надолго в Ристоле. Разумеется, горничной она работать не будет.

— Скоро ужин милорд, на сколько персон накрывать?

Хэварт глянул на него, конечно, отправлять девушку в кухню не следовало, хотя для Марисы не привыкать, вот только как теперь в её обществе будет чувствовать себя прислуга? Вот и Аскил занервничал.

— На двоих, — бросил Хэварт и направился в свой кабинет.

Время до ужина он провёл в разборах бумаг, которых скопилось за эти дни целая кipa. Хэварт пересмотрел всю почту, проверяя каждое письмо, нет ли послания. Но в основном письма из-за границы от старых знакомых, банковские выписки и другие мелочи. Ничего о Витларе.

Хэварт опустил голову на сцепленные в замок руки. Кто же эти мерзавцы? Почему не шлют указаний, чёрт бы их побрал? Может, и в самом деле отправиться в жандармерию? Хэварт поломал всю голову, пытаясь понять, что ему предпринять. А потом снова в мыслях, как лёгкое золотистое

марево, пронеслась Мариса-Фабиана. По телу хлынула волна дрожи, кажется, у него снова поднимается жар.

В дверь постучали.

— Входи, — бросил Хэварт, опуская руки.

Аскил вошёл с подносом.

— Ваше лекарство, милорд.

— Оставь на столе.

Управляющий, взгромоздив поднос с краю, налил в стакан воды, поставил его на стол рядом. За лекарствами, как сказал Аскил, ездила Фабиана, а ведь могла отказаться. Но у той была, видимо, своя выгода покинуть Ристол.

— Ужин готов

— Я не буду ужинать.

— Но, милорд, господин Ульман сказал...

— Я знаю, что он сказал.

— Фабиана эрн О-Лидер будет ужинать в одиночестве?

Хэварт бросил на управляющего мучительный взгляд.

— И кто придумал все эти манеры? Хорошо, иди, Аскил, я скоро присоединюсь.

Управляющий склонился и покинул кабинет.

Хэварт, побарабанив пальцами по столешнице, глянул на лекарства, от одного вида которых воротило. Но ему нужно быть на ногах как можно быстрее, чтобы продолжить поиски, больным он не поможет Витлару. Взяв стакан, Ламмерт потянулся за снадобьем...

...Фабиана уже сидела в столовой. Её рабочее зелёное платье никак не вписывалась в обстановку, но у девушки и в самом деле, похоже, не было другого.

Ужинали молча, О-Лидер явно смущалась, кое-как закончив с первым блюдом, смяла в пальцах салфетку.

— И что же ваш брат хочет предпринять? — спросил милорд лишь только чтобы разрядить обстановку.

— Пока не знаю, но он что-нибудь придумает.

Ламмерт усмехнулся, взявшись за вилку и нож, принялся за второе.

— Хочу вас, наверное, расстроить: не питайте иллюзий, что он вам поможет.

Фабиана перестала жевать:

— С чего вы так решили?

— Я так понял, ваш жених — Бартолд эрн Груно, министр жандармерии. Ваше лицо по всему Вальштору.

— Вы специально хотите вконец испортить мне вечер?

— Ни в коем случае, просто говорю, как есть. Но я всё-таки желаю вам удачи.

Фабиана отвернулась, растерянно посмотрев перед собой, положила приборы.

— Благодарю за ужин, — краснея от злости, произнесла миледи. — Хорошего вам вечера.

Она поднялась и вышла из-за стола, плавной походкой прошла к двери, скрывая свою хорошенькую округлость, что ниже спины, за дверью.

...Ночь прошла откровенно отвратительно. Хэварт не мог уснуть, думая обо всём на свете. Что-то внутри жгло и не давало покоя, каждый раз мыслями возвращался к госпоже О-Лидер. Но скоро это всё закончится, как только эта птичка особой породы покинет Ристол, он свободно сможет

вздохнуть и думать не отвлекаясь. В какой-то момент поймал себя на том, что заикнулся на этой голубоглазой лгунье с янтарно-медовыми волосами. Дразнила и выводила из себя. И как ни пытался выкинуть из головы, она вызывала плотские желания. Возбуждение, носилось по телу, вынуждая каменеть естество, что Хэварт готов был поехать в какой-нибудь бордель и снять потаскуху, чтобы хоть немного разрядить это долбящее в голову напряжение. Но под утро кажется снова поднялся жар, голова сделалась тяжёлой, а расположение духа слишком скверное, чтобы выбираться не то чтобы из замка, а из этой постели.

— Милорд ваши лекарства, — раздался голос за дверью Аскила.

— Отнеси в кабинет, — бросил Ламмерт и всё же поднялся. — И завтрак туда же, — хватило ему трапез с уважаемой госпожой.

Тело ломило, повреждения, стянутые тугим плотным бинтом, отзывались на движения тупой болью. Пожалуй, он себя чувствовал куда хуже, чем просто паршиво. Сорвав с головы сбившуюся повязку, умылся ледяной водой, принимаясь собираться, правда, голову всё равно пришлось обмотать бинтом из-за кровоточащего рассечения. Без помощи Аскила это заняло времени дольше.

...Борт встретил Ламмерта хриплым карканьем.

— Прости... — Хэварт снял птицу с жерди и отнёс в кабинет, вернув на законное место, ворон взъерошился, явно показывая, что Ламмерту ещё придётся долго заглаживать свою вину, что тот бросил его в холле на несколько дней. Но он же не бросал, просто стечение обстоятельств.

Свежая стопка почты заставила едва ли не простонать — хватит с него новостей. Ламмерт откинулся на спинку кресла, и уставился задумчивым взглядом на поднимавшийся из чашки пар. Фабиана наверняка сейчас в столовой. Ждёт своего братца. Хэварт потянулся за кружкой, как в дверь постучали. На пороге появился, немного встревоженный Аскил.

— Милорд, прибыл господин Танор эрн О-Лидер.

Все внутренности будто лёд сковал. Хэварт протяжно вдохнул.

— Сообщи это миледи.

— Слушаюсь, милорд.

Нет, он не выйдет отсюда и не станет её провожать. Собралась уезжать — пусть уезжает. Хэварт резко наклонился вперёд, раздражённо схватил газету. Невидящим взглядом пробежал по строчкам. Но в голове голос Фабианы:

«Игнэс была права, обвиняя вас в бессердечности»

Откуда она, к чёрту, знает об этом?! Подслушивала?!

Хэварт отшвырнул газету и поднялся. Прошёл по кабинету взад-вперёд и остановился. Танор эрн О-Лидер. Что он может ей предложить? Как собирается прятать свою сестрицу? Хэварт прокручивал в голове разные варианты. Невозможно. Он не сможет её защитить, даже если попытается уехать за границу — её тут же схватят. Как ни крути, а Груно подпортил изрядно её репутацию. Но как бы там ни было ему всё равно, у него есть другие заботы, более важные, чем это.

Хэварт повернул голову, когда услышал шум за дверью. Аскил проводил миледи до входной двери. Постояв ещё немного, вышел в пустующий зал и направился в восточную башню. Ноги сами его несли.

Что он делает? Зачем ему это надо?

Хэварт встал возле окна, откуда был хорошо виден двор и тяжёлые кованые ворота замка.

За ними стоял экипаж. Рядом, ожидая, в бежевом воинском камзоле стоял молодой мужчина. По-видимому, и есть Танор О-Лидер. Даже издали Ламмерт заметил что-то общее между братом и сестрой. Собственно, как и у них с Витларом.

Фабиана вышла в сопровождении Аскила. Управляющий, проводив за ворота девушку, остался учтиво стоять в стороне. Хэварт напрягся, когда Фабиана остановилась возле кареты.

Они стали с братом о чём-то долго переговариваться, лицо девушки в этот миг менялось, делалось хмурым, Фабиана отвечала, и её фразы были короткие. Танор напряг плечи и что-то доказывал. Они ссорятся? Хэварт внимательно следил за каждым движением Фабианы, как меняется её мимика, как сжимаются кулачки и приподнимаются плечи. Она вдруг шагнула в сторону, но Танор грубо удержал девушку за локоть, повернул голову и что-то сказал ей, напряжённо, сквозь зубы. Взгляд Фабианы даже с такого дальнего расстояния как стал напуганный и растерянный. Танор заставил

идти девушку в карету, но Фабиана настойчиво упёрлась.

Внезапно, Хэварта ударил, будто выстрелом в грудь — Фиалка не хочет с ним идти. В следующий миг Фабиана обернулась, в то время как Танор неуклонно теснит её к экипажу, она посмотрела назад, порыв ветра отбросил светлые пряди открывая её взгляд, затравленного зверька, её глаза большие и глубокие в них — отчаяние. Она искала взглядом его — Хэварта.

Дыхание сделалось тяжёлым, Ламмерт отстранился от окна — пусть уж скорее её увозит, и заботится, как имеет на то право. А ему нужно найти брата, и не наделать ошибок, от которых зависит жизнь Вита. Хэварту нет дела до взбалмошных желаний этой самолюбивой леди. Вдохнул глубоко, всё же обернулся, внутри звенело беспокойно, перевернулось. Перед глазами взгляд с мольбой о помощи. Всего лишь на миг схлестнулись противоречия.

— Проклятье, — Ламмерт сорвался с места и покинул башню, направился широким быстрым шагом вниз.

Возможно он пожалеет потом, возможно это доставит ему множество огромных неприятностей, но этот нежный цветочек явно что-то с ним сделала. И что ей неймётся согласится стать женой, но только Груно такой позора, какой нанесла ему эта нежная невинная девица, не оставит.

Хэварт пересёк двор и вышел за ворота. Холодный напитанной дождевой влагой обдал лицо, пробивающий сквозь рваные тучи свет на миг ослепил. Кода он минул ворота, Фабиана продолжала упираться, она что-то говорила, шипела, ветер не позволял разобрать, Танор же заставлял её сесть в повозку.

— Что здесь происходит? — спросил Ламмерт обращаясь к господину О-Лидеру.

— Доброе утро, милорд, — учтиво поприветствовал молодой парень, выпрямившись выпуская Фабиану.

Та затравленно и до глубины обиженно смотрела на брата, поджимала розовые губки, едва не плача. Желание обнять и прижать к себе, было неожиданным и нелепым.

— Я приехал за своей сестрой.

— Кажется, она не желает с тобой ехать. — Хэварт встал перед Танором, отгораживая Фабиану, бросив короткий взгляд на неё. Она явно пребывала в замешательстве, страхе и неверии, что он вмешался, хотя даже не вышел с ней попрощаться. Хэварт вернул взгляд на мужчину: — Куда ты собираешься её везти, позволь узнать?

— Какая тебе разница?

Хэварт хмыкнул и сделал шаг, приближаясь к этому щенку, посмотрел так, что у того, напряжённо скользнули желваки на скулах.

— Разница в том, что ты не имеешь права прикасаться к ней. И уж тем более куда-то везти.

Хэварт почувствовал немой изумлённый взгляд Фабианы, но та молчала и не пыталась вмешаться, в тонком простом платье обхватив себя руками, ёжилась от утренней прохлады.

— С чего бы? — нахохлился парень.

— Хотя бы потому что..., — Хэварт снова глянул на миледи, сжал кулаки — нет, он точно повредился головой, раз идёт на это, но эти чистые открыто озёра глаз... Другого выхода он просто не видел: — ...Фабиана — моя жена.

— Что? — Танор округлил глаза. — Что за ерунда? — юноша заметно стушевался, повернулся к сестре. — Фабиана, может, ты объяснишь, что это всё значит?..

Девушка растерянно глянула на брата, раскрыла губы, бросила взгляд на Ламмерта и сомкнула губы вновь. Хэварт, признать, до конца сомневался, что ей понравится такая затея, ждал, что накинется на него с возмущениями, развернётся, сядет в карету, но нет.

— ...Это правда, Фабиана? — потребовал Танор. — Что же ты мне тогда об этом ничего не сказала? Зачем просила о помощи? Я не понимаю...

Фабиана упрямо молчала, да и что ей было сказать?

— Если ты хочешь погостить в Ристоле... — прервал нападку братца на девушку, — то прошу в замок, если нет — то всего доброго.

Танор нахмурился и стиснул челюсти:

— Как-нибудь в другой раз. Много важных дел, — раздражённо процедил он и направился к карете, но чуть задержался возле Фабианы. — Я хотел тебе помочь, теперь выкручивайся сама, — шагнул к экипажу и нырнул внутрь.

Фабиана обернулась, дёрнулась было за братом, но задержалась, отчего-то передумав. Карета тронулась с места и вскоре скрылась в густой тени кленовой аллеи. Фабиана опустила голову. Хэварт выругался про себя, впервые не зная, что делать, хотя выбор теперь один — идти дальше на эту авантюру.

— Прошу в дом, мисс Ламмерт, — не без издёвки попросил.

— Вы серьёзно? — обернулась фиалка, взгляд полон ненастьи.

— Вполне, по-другому я даже не знаю, как вам выкрутиться из этой передрыги...

Девушка поникла.

— ...Но вы ещё можете догнать своего любимого братца. Я вас не держу...

Птичка вздрогнула, словно от удара.

— ...Давай всё же пройдем в замок и там поговорим, — устремил Хэварт взгляд на залитый ослепительным солнечным светом горизонт, чувствуя, как по телу прокатилось напряжение от всего этого безрассудства. Фабиана поплелась за ним, всё ещё оборачиваясь. Ламмерт открыл входную дверь, впуская девушку, направился в кабинет. Там прошёл к столу, опустился в кресло. Выругался про себя, видя, насколько Фабиана выглядела подавленной. — Ты хорошо подумала о том, что не хочешь идти за Бартолда эрн Груно замуж?

В который раз затрубил о себе голос разума, но, кажется, назад путь отрезан.

— Если бы думала иначе, я бы не стояла перед вами, милорд. Я не понимаю, почему вы вмешались, как же милорд Витлар?

— Всё верно, моего брата похитили, а теперь, кажется, у меня появится ещё один враг. Я не знаю, почему это сделал, наверное, так воспитали — не бросать леди в беде...

Фабиана задержала дыхание, ресницы дрогнули.

— ...Я вам могу помочь, если вы официально станете моей женой.

Фабиана мотнула головой, посмотрев перед собой.

— Ерунда какая-то...

— Согласен. Но я не могу на вас давить, выбор за вами: либо вы возвращаетесь к своему жениху и никому не морочите голову, либо... я уже сказал. По-другому не выйдет, без защиты он вас всё равно заполучит, но если всё будет официально, для лорда станет проблематично добраться до вас, а точнее — невыгодно. Он, конечно, оскорбится вашим ветреным нравом, но не станет портить свою репутацию и гоняться за женской юбкой, и уж тем более не пойдет против закона, но опять же — это не точно. Всё зависит от того, насколько достойный благороден. Но раз занимает должность министра, сделает так, чтобы всё затихло как можно скорее, и благополучно забудет о вас. Думайте, — Ламмерт потянулся и, взяв чашку, сделал глоток уже остывшего чая, наблюдая, как на лице девушки отразился целый шквал эмоций.

— А что потом? Точнее, вы же не заставите делить с вами постель?

Хэварт поперхнулся, ожидал какого угодно вопроса, только не такого, хотя вполне логичного.

— Можете быть спокойной, — скользнул он по стану миледи, — вы не в моём... вкусе.

— Тогда я согласна.

Хэварт приподнял брови от столь стремительного ответа, и его замечание её несколько не зацепило. Игнэс, услышав подобное, явно обрушила бы в сей же миг свой праведный гнев.

— Разумеется, на деле этот брак внутри не будет настоящим, просто официальная фиксация. Вы мне ничего не должны, и я вам тоже. За исключением своего имени, которое вас... обезопасит. После, как всё уляжется, брак расторгнем.

Хэварт внимательно разглядывал девушку, на ее лице читалось недоверие и непонимание.

— Я так предполагаю, ваш брат собирался вас отправить к опекуну?..

Фабиана коротко кивнула.

— ...Значит, скоро он поторопится проверить так ли это, что вы моя... жена...

Снова кивнула. Хэварт разозлился, почему ему так трудно говорить, видя, как скулы девушки розовеют?

— ...Поэтому, — Хэварт отставил кружку, — сегодня же необходимо оформить документы. Церемонии никакой не будет. Я вызову в Ристол свидетеля, и он всё сделает тихо, нужно будет только поставить подписи, хорошо, что ваши документы с вами, значит, проблем никаких не будет. — Фабиана слушала и упрямо молчала. — И куда же делось всё ваше красноречие, мисс Фабиана эрн Ламмерт?

Она выпрямилась неровно, вдохнув грудью.

— Я благодарю вас, милорд, — вдруг проговорила тихо. — Вы спасли меня дважды.

Хэварт пристально на неё посмотрел.

— Хорошо, если не будет больше вопросов, можете идти, — почувствовав укол совести — ей и в самом деле может быть неловко ото всего этого, снова потянулся за чашкой, — я велю Аскилу позвать вас, когда это будет необходимо.

Фабиана моргнула, отступила, чуть склонив голову, медленно развернулась и покинула кабинет.

Так и не отпив, Хэварт отставил чашку назад, облокотился на спинку кресла и глянул на притихшего Борта, взгляд которого будто смеялся — «влип ты по самое... кому ты врешь? Давно заглядываешься на её упругую округлость. Так и признайся».

Хэварт усмехнулся, свободно откинул голову на спинку кресла и тут же прошипел, схватившись за затылок.

Глава 8

Фабиана

Войдя в комнату, Фабиана прошла к постели и опустилась на неё, прижимая ладони к пылающим щекам. Сердце горячо колотилось, разнося по телу жар. Внутри такая буря, что не знала, куда себя деть.

Всё, что говорил Ламмерт — сущая глупость. Стать его женой... Сначала Фабиана не поверила ушам, думая, что он вновь насмехается над ней и пытается уязвить, но на его лице не было ни капли насмешки.

Танор... Фабиана закрыла лицо ладонями. Она так на него надеялась, а он вместо помощи предложил вернуться, покаяться перед дядей и слёзно просить простить. Брат с ума сошёл?! Он что, не понимает, чего добивается Витор? Кажется, нет. В любом случае Витор узнает, где она. И выхода нет. Кроме как согласиться на предложение Ламмерта. По крайней мере, здесь она будет свободна в своих действиях. И, главное, единственное, что необходимо сделать — это отвоевать своё родовое поместье. Пусть Танор этого не желает делать, но она не сдастся. Брат ещё слишком наивен и поверхностен. Надеялась, что он стал взрослым, но нет, ошиблась.

«Тебе лучше вернуться, так лучше для тебя... Я поговорю с дядей, он не будет на тебя сердиться. Он переживает за тебя...» — всё, что он говорил — полная нелепица. Танор не понимает, насколько Витор алчен, дядюшке плевать на её чувства и в целом на неё, на них обоих. Танор бы затолкал Фабиану в карету, если бы не вмешался Ламмерт.

Неужели он следил за ними? А ведь даже не вышел проводить.

Фабиана в который раз убедилась, что милорда невозможно понять, угадать, каким будет его следующий шаг. И в этот раз поразил, ошеломил, что Фабиана все слова растеряла. В голове была полная сумятица под исследующими чёрными глазами милорда. Он будто насквозь её видел. Знал, что она согласится.

Фабиана вдохнула глубоко. Выходить из комнаты не хотелось. Теперь ждать, когда явится Аскил. Что же теперь будет? Фабиана и предположить боялась. Но если это даст ей защиту, она пойдёт на это. И с каких пор она стала доверять Ламмерту? Она ведь его совсем не знает! Этого самого загадочного во всём Вальшторе мужчину. Но и не было повода сомневаться в нём, в который раз он вытаскивает её из ямы.

Так и просидела в комнате неведомо сколько времени. Пока в какой-то миг в комнату не постучали. Фабиана подскочила с постели, как ужаленная.

— Миледи... Господин просит вас спуститься в его кабинет.

Сердце ухнуло, онемение прокатилось по всему телу, делая его вялым.

— Хорошо, — ответила ровно, взяв себя в руки.

И чего она так волнуется? Нужно всего лишь поставить подпись, в этом нет ничего сложного.

Уговоры плохо помогали.

— И ещё, — задержался управляющий, — милорд просил захватить с собой документы.

Аскил удалился. Сглотнув, Фабиана решительно прошла к столу и, взяв поясную сумку, вытащила бумаги. Взгляд зацепился за отражение в зеркале. Всевидящая! Какая же она растерянная, загнанная в тупик. Как спускаться в таком состоянии?! Все её чувства напоказ. Особенно Хэварту Ламмерту.

Ущипнув себя, чтобы прийти в чувства, Фабиана твёрдо вскинула подбородок и, поправив причёску, огладив складки своего скромного простого платья, отвернулась от зеркала, взяла документы и вышла из комнаты.

Спустившись по лестнице, пересекла холл и, чуть задержавшись у двери кабинета, отворила дверь. Чем быстрее с этим покончить, тем лучше. Всего лишь нужно пережить несколько минут.

Ламмерт стоял возле камина, рядом в низком кресле сидел в расслабленной позе мужчина, потягивая из кружки крепкий чай. Видимо, они о чём-то до этого весьма давно разговаривали, судя по принесённому чайному сервизу на столе. Господа смолкли, когда девушка вошла. Мужчина тут же поднялся. Невысокий, с широким лбом, в очках, густые светлые волосы зачёсаны назад, строгий камзол придавал его облику деловой сдержанности.

— Добрый день, миледи.

— Госпожа Фабиана эрн О-Лидер, — официально представил Хэварт девушку.

— Господин Гемис эрн Терси, к вашим услугам, — почтенно склонился мужчина.

Фабиана даже не знала, как смогла в этот короткий миг, растянувшийся в вечность, выдержать долгий взгляд Ламмерта, он будто пытался утвердиться в чём-то, а именно — не передумала ли она?

Но она здесь. Фабиана вежливо улыбнулась, когда Терси выпрямился, и содрогнулась в тот миг, когда Хэварт приблизился и обхватил её за плечо.

— Не волнуйся, любимая, — проговорил вдруг он низким бархатистым голосом, обращая на неё проникновенный взгляд, в черноте его глаз сверкали жгучие звёзды. — Всё будет хорошо.

Фабиана как замороженная кивнула, на миг опешив от подобного обращения, но тут же натянула на губы ответную улыбку, подхватывая роль влюблённой, о которой она и не подумала раньше. Бросила быстрый взгляд на господина. Гемис — судя по задумчивому расслабленному виду, он купился на это всё.

— А почему же всё же такая срочность, позвольте узнать? — поправил он очки на цепочке.

Фабиана растерянно глянула на Ламмерта, но тот был совершенно спокоен.

— Видите ли, я только недавно прибыл в Вальштор, ещё не со всеми делами разобрался. Да и не оправился.

— Да, я вижу, — глянул на повязку на голове милорда Гемис. — Как же так вышло?

— Неудачно упал с лошади, злополучный камень встретил мой затылок, — усмехнулся Хэварт.

— Хорошо, что всё обошлось, — посерьёзнел Гемис.

Повисла тишина. Спина от затяжного молчания покрылась испариной. Фабиана чувствовала, как пальцы Хэварта стиснули плечо чуть сильнее, призывали не волноваться.

— Что ж, тогда давайте приступим к главному, — очнулся эрн Терси, взял свой коричневый квадратный чемодан и поставил на стол. — Позвольте ваши документы.

Ламмерт, чуть усмехнувшись краем губ, убрал руку с её плеча. Лучше бы он не убирал — было спокойнее чувствовать её тяжесть. Фабиана положила бумаги на стол.

Гемис достал какие-то листы, начал что-то писать, при этом вид его был сосредоточенный, так что

Фабиана могла перевести дух. И почему же так сложно, ведь это всё не по-настоящему, откуда это пробирающее до мурашек волнение и головокружение?

— Господин Ламмерт, здесь и здесь...

Ламмерт быстрым коротким движением поставил роспись.

— Мисс О-Лидер... — Фабиана взяла перо из рук Хэварта. — Вот здесь, прошу... — указал Гемис строку для росписи на двух листах.

Фабиана усилием воли уняла внутреннюю дрожь, приказав себе не бояться, чувствуя взгляд её теперь якобы мужа. Поставила роспись на пергаменте и выдохнула. Странное необычное ощущение пронеслось в груди вихрем, будоража и волнуя. Так странно всё это. Фабиана не смогла толком ничего осмыслить, как Терси забрал пергамент. С довольным видом собрал остальные листы.

— Поздравляю, теперь вы официально супруги, — протянул руку для рукопожатия Хэварту, — милорд Хэварт эрн Ламмерт, Фабиана эрн Ламмерт...

Невольный жар стёк по спине к пояснице, туда, где вдруг оказалась рука Ламмерта. Дыхание застряло в горле, всё поплыло. И чего она так разволновалась? Гемис уставился на них, явно чего-то ожидая, Фабиана занервничала, не зная, что и делать, как Хэварт поддел её подбородок пальцами и повернул к себе. Фабиана ничего не успела понять, как горячие губы мужчины приникли к её губам. На миг потеряла дыхание, растерянно моргнула, ощущая давление на пояснице и нежность губ Хэварта.

— Ну что же ты так разволновалась, фиалка? — прошептал он в губы, и тут же его взгляд скользнул на ее рот, тёмные брови чуть нахмурились.

— Прости, милый, — проговорила Фабиана с лёгкой улыбкой. От слова «милый» по скулам мужчины прокатились желваки, ведь так называла его Игнэс, и Ламмерт прекрасно это помнил. Он чуть сощурил глаза и отстранился, наконец, выпустив теперь уже жену.

— Рад за вас, — улыбался Терси, — что ж, — вдруг заторопился он, — мне необходимо идти, не буду вас стеснять.

Хэварт, пока тот суетился, многозначительно глянул на неё Фабиану, она встрепенулась:

— И вы не останетесь на обед, господин Гемис?

— Простите, — отозвался он, глядя на девушку мягким взглядом, подбирая со стола мешочек.

Фабиана так и застыла, понимая, что в нём деньги. Глянула на Ламмерта. Он что, заплатил ему? Хотя что за глупость она спрашивает? Гемис специально по просьбе явился в Ристол и быстро, без всяких подготовок и предварительных церемоний, заключил брак. И всё же ей стало стыдно, стоило представить, какую сумму пришлось выложить Ламмерту.

— Тогда позвольте вас проводить, — предложил Хэварт.

Они вышли. Фабиана, оставшись одна, выдохнула и, едва удерживаясь на ногах, глянула на лист, свидетельствующий об их браке. Это какое-то сумасшествие! Коснулась губ, всё ещё чувствуя горячий поцелуй Ламмерта. Как она смогла пойти на это? Но всё уже сделано.

Дверь хлопнула — милорд вернулся. Чувствуя безумное неудобство и стеснение, Фабиана чуть посторонилась, когда Ламмерт приблизился и взял ценный лист бумаги, оглядел его, чему-то улыбаясь, отчего в животе у нее защекотало.

— Что вас так веселит, позвольте узнать? — не выдержав, спросила Фабиана.

— То, что это мой первый брак, и вы — моя первая жена.

Фабиана хмыкнула. Да, конечно, у него будет и другая, настоящая. От этой мысли лёгкость улетучилась, и на грудь будто камень навалился.

— Почему вы меня не предупредили?

— О чём?

— О том... — запнулась, не зная, как объяснить то, что он перед Гемисом играл влюблённого, целовал её... хотя она должна была и сама догадаться. — Ладно, неважно.

Хэварт снова улыбнулся, на этот раз одними глазами — и почему это вызывало столько негодования?

— Думаю, скоро весть о том, что богатая наследница стала женой... — Хэварт запнулся, — в общем, думаю, скоро листовки исчезнут с улиц, и вы сможете чувствовать себя свободней в этом плане. Но всё же не советую разгуливать по Вальштору ещё некоторое время, а лучше — месяц-другой посидите в Ристоле, пока всё не уляжется. — Хэварт взял документы и вручил Фабиане. — Это ваше...

Фабиана забрала их.

— ...А это... — он взял свидетельство и, отперев замок, положил в ящик, — пока останется здесь.

Ламмерт отщипнул от оставшегося десерта кусочек и, пройдя к ворону, подставил руку. Ворон принялся клевать прямо с его ладони. Ламмерт явно позабыл о присутствии девушки.

Фабиана так и оторопела: что ей делать теперь? Всё это так запутанно.

— Я могу идти?

Хэварт глянул на девушку. Взгляд снова внимательный, долгий, он не намерен над ней смеяться. Фабиана, расправив плечи, развернулась и направилась к двери, как Ламмерт произнёс:

— Постой...

Фабиана остановилась и обернулась.

— ...Приглашаю на ужин.

Фабиана сжала и разжала пальцы, сердце отчего-то сбилось с ритма. И этот до бессилия вежливый тон и спокойный взгляд... Всевидящая, чего же она так волнуется?! Нахмурилась, разозлившись на собственную несобранность.

— Ужин, насколько я полагаю, будет и так, — ответила как можно спокойнее. — Хотя весьма благодарна вам за всё.

Полуулыбка на губах Ламмерта застыла, он отвёл взгляд и глянул на птицу.

— Вы слишком много раз это повторяете, — показалось, или его голос и в самом деле стал холоднее?

— Простите, — пролепетала Фабиана, готовая провалиться сквозь землю от непонятной досады и бессильной злости, уже жалея, что так ответила.

Развернувшись, пошла прочь, скорее оказаться подальше от милорда, его мучительно тягучего взгляда, оголяющего все её чувства.

Остаток дня до самого вечера прошёл в полном сумбуре. Фабиана стала свободной от обязательств и теперь не знала, куда себя деть. Что делать в большом полупустом замке? Чужом. Представляла, в какое бешенство впадёт Витор, когда узнает о том, что она вышла замуж. Единственное, за что Фабиана переживала — это за последствия. Не возникнут ли у Ламмерта проблемы из-за неё? Эта мысль навязчиво крутилась в голове, не давая покоя, ещё больше поднимая смятение в сердце. Но дело уже сделано. Осталось только выждать время и нанести дядюшке ответный удар.

Фабиана заламывала пальцы, сомневаясь, спускаться к ужину или остаться в комнате и лечь спать — сегодня был трудный день. Всё тело сковывало, стоило только подумать, что вновь окажется наедине с Ламмертом. Всё происходило слишком быстро, ей нужно время, чтобы свыкнуться и принять то, что случилось. И не готова сейчас к разговорам. Но с другой стороны, милорд примет её отказ от ужина как трусость, побег. А чего она, собственно, боится?! Всё обговорено, она ничем ему не обязана, как и он ей.

Но это его приглашение прозвучало как... Всевидящая. Что она плетёт? Просто переволновалась, ей просто всё показалось. И ничего больше.

Решившись всё же спуститься, Фабиана вышла в столовую, в которой уже горели свечи, и Ламмерт сидел на своём месте во главе стола. Он коротко обвёл Фабиану взглядом и сел удобнее. Этот быстрый ничего не выражающий взгляд неприятно царапнул.

— Добрый вечер, — поздоровалась она. Всё же этикет и вежливость никто не отменял.

Ламмерт кивнул. Фабиана прошла за сервированное место и сама, отодвинув стул, опустилась на него. Исподволь наблюдала за мужчиной. Кажется, Хэварт выглядел по-прежнему — несмотря на ушибленную голову и то, что его брату угрожала опасность — довольно бодро. Даже позавидовать можно его стойкости.

— Как вы себя чувствуете? — нет, она явно говорит что-то не то. Глупый вопрос, Фабиана! Успела трижды обругать себя и пожалеть, что вообще вышла к столу.

— Сносно, — ответил Ламмерт как разумеющееся.

А по нему не скажешь.

Но что-то было не так, он не задерживал на ней взгляда как до этого, не пытался продолжить беседу. И Фабиана почувствовала себя лишней в его незыблемом одиночестве.

Принесённый Аскилом ужин ничего не изменил. Разве только управляющий теперь с каким-то осязаемым интересом бросал на молчаливого господина взгляды.

Фабиана, разозлившись на свою излишнюю взвинченность, взяла приборы.

— Приятного аппетита, милорд.

— И вам.

Следующие полчаса оказались сущей мукой. Полное молчание, от которого напряжение сковало мышцы плеч и бёдер до дрожи, и Фабиана едва проталкивала в себя еду, хоть Отилия готовила отменно вкусно. Фабиана украдкой наблюдала, как Ламмерт размеренно поглощал пищу, и даже умилялась его аппетиту. И как у него так получается? Быть собой, быть непосредственным, несмотря ни на что. Это настолько невозмутимо притягательно и опасно для того, чтобы не начать заглядывать милорду в рот.

Стало совсем не по себе, что Фабиана решила покончить с этим вечером и всё же вернуться в комнату, не дождавшись второго. Она и не думала, что будет так сложно, право, лучше бы её тайна осталась с ней, так было бы проще. Пусть бы она работала горничной до седьмого пота, но не вот так — быть как на ладони у этого мужчины.

Отложила приборы, положив салфетку рядом. Только тут Ламмерт обратил на неё внимание.

— Вы насытились? — кажется, не совсем искренне удивился он.

— Вполне, — бросила Фабиана, совсем разволновавшись. — Я пойду, — поднялась, да тут же охнула, круто подвернув ногу, рухнула на край стула, едва не перевернув его, успев хватиться за скатерть. Посуда со звоном сдвинулась.

«Вот же бездна!» — выругалась про себя, пытаясь подняться, да так неуклюже, что едва не перевернула стул вновь.

— Дайте помогу, — процедил Ламмерт, оказавшись рядом.

Взявшись за спинку стула, мужчина подхватил девушку под локоть.

— Ох, — сорвалось с ее губ, когда щиколотку прострелила боль.

Фабиана зажмурилась, вцепившись в рукав рубашки мужчины, ожидая, когда боль утихнет, но она не проходила.

— Ногу подвернула? — спросил глухо, склоняясь слишком близко, так что шёлковые чёрные пряди чёрных коснулись щеки.

Фабиана, отвернувшись, избегая взгляда, закивала, кусая губы, вдыхая приятный аромат. Боги, как это всё прекратить? Как глупо! Кровь хлынула от шеи к затылку жаром, хоть сквозь землю проваливайся. На глаза от жгучей обиды и стыда сами собой навернулись слёзы.

— Нет! Не нужно... — тут же вцепилась в его руки, округляя глаза, когда Ламмерт попытался поднять её, ощущая под пальцами бугристую от увечий кожу на кистях.

Шагнула и оступилась. Нет, она не сделает и шага.

Тяжело вздохнув, Ламмерт без всяких усилий и возражений с её стороны с лёгкостью подхватил Фабиану на руки.

Ну что за гадостный день?! Не приведи Всевидящая, если он подумает, что она это специально сделала! Какой дешёвый и банальный трюк, только это ей не хватало!

Хэварт вышел из столовой, и Фабиана старалась не замечать исходящий от его кожи горячий аромат цитруса и хвои, твёрдую вздымающуюся в глубоком дыхании грудь и сильные руки... И уж тем более не смотрела на него.

— Аскил, — вдруг позвал Ламмерт, и Фабиана увидела мелькнувшего в дверях коридора управляющего, в руках у него был поднос. — Принеси в зал жгут и мазь, миледи подвернула ногу.

Управляющий коротко кивнул и, развернувшись на каблуках, пошёл обратно. Фабиана с немым стоном прикрыла веки.

Ламмерт опустил девушку на диван, присел на корточки, приподнимая чуть подол платья, взялся за туфель.

— Что вы делаете?

— Пытаюсь помочь, — расстегнув застёжку, стянул обувь с такой лёгкостью, будто постоянно так делал, конечно, Фабиана не сомневалась, что в этом милорд достаточно опытен.

Наблюдала, как тёмные брови сошлись на переносице, когда он осмотрел ногу.

— Снимите чулок.

— Что?

— Снимете или я сам это сделаю, — выпалил он без зазрения совести, — если вы стесняетесь, я прикрою глаза, чтобы не порочить ваше целомудрие, — в ответ Ламмерт подтвердил свои слова действием — закрыл рукой глаза, будто в насмешку, губы продолжали чуть улыбаться. Да он издевается! — Живее, — подстегнул подглядывая.

— Не смотрите, — Фабиана фыркнула и торопливо, задрав платье, стянула чулок. Что она делает? Почему подчиняется каждому его слову? Щиколотка и в самом деле припухла. Ламмерт осторожно коснулся повреждённого места и чуть надавил. Фабиана прикусила губу, перетерпывая боль и то, как горячие пальцы милорда скользнули по стопе, разливая по коже горячим воском волнение. Это было чересчур — непозволительно, чтобы чужой мужчина касался ног! Но она сама виновата, нужно было всё же этим вечером остаться у себя.

— Связки не порваны, это хорошо.

Фабиане хотелось одного: чтобы он поскорее перестал её так трогать.

В двери вошёл Аскил.

— Вот, — протянул он господину. Хэварт забрал у него свёрток.

Управляющий, конечно, был более тактичен и покинул зал. Хэварт взял мазь и неспешными движениями нанёс на щиколотку, уверенно растирая по кожи ладонями.

— Опухоль спадёт через несколько часов, а вот жгут... — он расправил лоскут, принялся наматывать неспешными движениями, — придётся перевязывать неделю, а то и две, чтобы в повреждённой мышце не образовалась шишка.

— Откуда у вас такой навык?

Хэварт усмехнулся, будто вспомнил из своей жизни какой-то случай.

— Отец пытался отдать меня на обучение врачевательству.

Фабиана даже брови приподняла от изумления:

— И что же, вы — лекарь?

— Нет. Меня хватило на полгода, но некоторые основы по оказанию первой помощи успел получить.

— И почему вы не стали дальше этому учиться? Это такое престижное умение, что не каждый может его получить.

Мало того дорогое, так ещё и должны иметься определённые весьма сильные качества характера.

— Это было желание отца, не моё, — резко отрезал Ламмерт, давая понять, что не желает говорить на эту тему дальше.

Фабианаглянула на его руки.

— Откуда у вас эти увечья?

Ламмерт зафиксировал жгут, но не выпустил, задержался, подняв на девушку взгляд, карие глаза в тусклом свете были почти чёрные, настолько, что зрачок сливался с радужкой глаз, делая взгляд

глубоким, и в нем горели язычки пламени, которые жалили и жгли, крадя душу. Настоящая магия, лишаящая воли — Фабиана про такое слышала: стоит потерять бдительность и...

— Зачем вам это знать? — вдруг спросил он.

— У вас есть какие-то способности?

— Знаете, что меня удивляет? — рука Хэварта скользнула к пальцам ног, так медленно, что по спине мурашки хлынули, а в животе занемело. — Иногда из вас и слово не вытащить, а порой вы излишне любопытны и болтливы.

— Вы не ответили, милорд, — настояла Фабиана на своём, стараясь не заострять внимания на ощущениях чутких пальцев на своей ступне.

— Когда-то... вышел один неудачный... опыт.

— Это с вами сделала магия?

Хэварт тягуче на неё посмотрел и отвернулся, взял туюфель и, придерживая пятку, обул.

— Хотя, конечно, на первое время лучше носить обувь без каблуков, — ответил он совсем другое, уходя от разговора.

— Других у меня всё равно нет, так что похожу и в этих.

Ламмерт, наконец, выпустил ногу, и Фабиана смогла поправить платье, смяв в кулаке тонкий чулок.

— Простите за испорченный ужин, — поднялась, стараясь не сильно наступать на повреждённую ногу.

Ламмерт не отступил, и она оказалась едва ли не вплотную к нему. Он стоял не шевелясь. И Фабиана чувствовала кожей касания его потемневшего взгляда. Стоило только ей поднять глаза, в голове пронеслось воспоминание о том взгляде милорда, в той подворотне: взгляд зверя, пожирающий, жадный, слишком острый, чтобы делать резкие движения.

— Пустите, — шёпотом попросила, боясь сделать шаг.

Ламмерт не ответил, продолжая мерить тяжёлым взглядом. Теперь его дыхание особо ощущалось вблизи на виске, отзываясь горящими пеплом, который вмиг разнёсся по всему телу жалящими искрами.

— Почему ты дрожишь? — его голос — низкий, чуть хриплый — осел тяжестью в теле.

Он поднял руку, коснулся пальцами подбородка, и Фабиана увидела зеленоватое свечение, проступающее по ожогам. Как замороженная смотрела на его кисть, словно ей открылась какая-то тайна, о которой знали немногие, доверенная ей Ламмертом. Рука мгновенно скользнула к шее, горячая ладонь обожгла кожу, касаясь её, поглаживая. Он всё делал неспешно, будто проверял что-то или, напротив, тянул, наслаждаясь её ставшими слишком противоречивыми эмоциями в этот миг.

— Вы как-то недавно просили поцеловать вас, помните? — произнёс в следующий миг он.

— Я была не в себе, — пролепетала.

Всевидающая, почему она не соврала, что не помнит, ничего не помнит?! Фабиана смолкла, потому что голос не слушался и был слишком слабым под воздействием прикованного взгляда мужчины к её лицу.

В следующую секунду пылающий взгляд медленно и жадно сполз к губам. Воздух вышибло от страха и странного томительного предвкушения, когда его губы оказались слишком близко, горячие, соблазнительные настолько, что кровь ударила в виски пьянящей волной. Другая рука мужчины легла на талию, проворно скользнула к пояснице, Ламмерт привлёк Фабиану к себе настолько непозволительно близко, что сердце заколотилось как безумное, словно птица, пойманная в клетку. Фабиана упёрлась ладонью в солнечное сплетение мужчины, пытаясь хоть как-то отгородиться, противостоять, но пальцы дрожали и не слушались.

— Попросите меня ещё...

— Вы в своём уме?

— Чего вы боитесь? Я вас не трону, если вы не захотите...

— Я не хочу.

— Не верю... — прохрипел он, обжигая лицо горящим взглядом.

И к великому ужасу, он был прав, горло сжало, когда Фабиана вознамерилась ответить достаточно понятно — она молчала, слыша грохот сердца. Это выглядело как согласие, молчание дало разрешение на действия. Пальцы Ламмерта зарылись в волосы глубже, чуть сжали пряди и потянули, заставив немного запрокинуть голову. Губы мужчины опалили кожу шеи. Фабиана вздрогнула, вспыхнула, как сухой лист, брошенный в костёр, порывисто выдохнула, замерла, ощущая губы мужчины в столь интимном, ничем не защищённом участке тела. Жадный вдох Хэварта, вбирающий её запах, окончательно выбил из-под ног пол. Фабиана не успела опомниться, как жадный поцелуй завладел её губами, лишил воли и последней возможности дышать.

Всевидающая, что она делает?! Мелькнул голос разума и затух под движением губ мужчины и языка, который так возмутительно скользнул в её рот, вливая в Фабиану новую, не похожую ни на что порцию ощущений, разжимая, заставляя отвечать. Этот поцелуй был не похож на те предыдущие — порывистый, несдержанный и чувственный, закручивался сладким как патока тягучим водоворотом. И Фабиана отвечала на требовательный поцелуй, подчиняясь этому горячему, сумасшедшему, дикому порыву. Движение губ Ламмерта то были настойчивыми, то нежными и лёгкими, собирающими дрожь с её губ. И волнение, которое с каждым нахально-бесцеремонным движением языка бежало по телу магмой, отяжеляя руки и ноги, скапливаясь внизу живота откровенным горячим до дрожи томлением, удовольствием, желанием получить больше, ещё. И Фабиана растерялась, она просто не знала, что с этим делать. Это новое чувство оглушило и пленило, поймав в сеть. Рука Ламмерта, что лежала железной тяжестью на пояснице, скользнула вниз, сжала выпуклость. Что за манеры?! Фабиана нахмурилась и задохнулась, когда ощутила насколько милорд возбуждён, став твёрдым и горячим, хоть опыта в этом не было, но не сложно понять, что к чему. Уж стало так жарко и тесно от наполняющего рот языка и сладко-томных скользящих движений губ, они закружили, лишая опоры, создавая вокруг горячий вихрь, заставляя уже вжиматься в Хэварта, чтобы не улететь. Фабиана, вцепившись крепче, дёрнулась, вырываясь, пытаясь глотнуть воздух.

— Вам не кажется, что два поцелуя за день — это слишком? — прерывисто и зло выдохнула, смесь волнения и томительного предвкушения лишала возможности мыслить, понимать, что всё-таки происходит, почему она до сих пор не оттолкнёт его?

— Почему же? В самый раз, мы ведь супруги, и у меня есть доказательства, — бросил взгляд в сторону кабинета.

Вот же... Проглатив нехорошее ругательства Фабиана рванулась, но жалкая попытка усугубила ситуацию, Ламмерт прижал её к себе плотнее. Вопреки голосу разума его прикосновения доставляли слишком невыносимое удовольствие, острое, непотребное, от которых голова безнадежно наполнялось пьянящим туманом, а тело щекочущей лёгкостью и тяжестью одновременно. Фабиана ощутила всей собой, как Хэварта лавиной накрыла неутолимая жажда. Но как же? Ведь его порывы расходились со словами.

— Я не в вашем вкусе, милорд, вы, кажется, забыли об этом, — сделала ещё одну попытку остановить это безумие, тянущее на самое дно кипящей магмы.

Но он не услышал, захватывая её губы, поцелуи стали жёстче, ненасытнее, словно милорд начал терять контроль. Всё шло не так, как она предполагала, и могло вылиться во что-то непоправимое. Всё это просто порыв после стресса.

Хватаясь за последнюю соломинку, выдохнула:

— Вы меня слышите? Вам нравятся такие, как Игнэс, милорд, ведь это так?

Кажется, это подействовало. Хэварт застыл, тяжёлые толчки дыхания опаляли влажные, ставшие слишком чувствительными губы. Фабиана глянула на него и лучше бы этого не делала. В чёрных глазах бушевали смерчи, крылья носа яростно вздрагивали.

— Ты мне всё время будешь о ней напоминать? — в голосе прозвенела сталь раздражения, пальцы жёстче вжимались в тело. Но Ламмерт шумно выдохнув всё же отстранился, нехотя выпустил. — Зачем ты это делаешь? — он отступил, запуская в волосы пальцы, которые больше не испускали магического свечения.

Фабиана только сейчас поняла, насколько он напряжен.

— Затем, чтобы вспомнили, что обещали мне, — ответила, всё ещё содрагаясь от волнения.

Хэварт бросил через приподнятое в напряжении плечо на девушку острый взгляд, полосую холодностью.

— А Игнэс, кажется, вас всё ещё волнует, иначе бы вы ... не бесились так.

Последние слова явно были лишними.

— Знаешь, кто ты? — бросил он мрачно.

Фабиана приготовившись на грубость, невозмутимо вытянулась, убирая с пылающего жаром лица растрёпанные Ламмертом пряди. Но ничего не последовало, Ламмерт, окинув её затуманенным взглядом, сжал кулаки и отвернулся, потеряв ладонью шею, будто пытаясь сбавить пыл.

— Идите... к себе, — рыкнул недовольно.

Фабиана облегчённо выдохнула и приподняла подбородок, с самым невозмутимым видом на который она сейчас была способна направилась к двери, правда, уйти с гордой осанкой не получилось — прихрамывая, она доковыляла до двери и вышла из зала, чувствуя на себе горящий взгляд милорда. Что она такого сказала? Разве не правду? Едва выпроводил одну из своих любовниц, ему вдруг...

Фабиана оборвала ядовитую мысль, тряхнув головой. Милорд явно слишком много хочет получить. Теперь нужно держаться от него подальше, чтобы это не повторилось. Пробрал озноб, всё внутри полыхало и бушевало, след губ на шее пылал, как ожог, губы припухли, в голове туман, она даже не чувствовала боли в ноге за этим всем водоворотом. На сегодня с неё хватит супружеского долга, будь он неладен...

Глава 9

Хэварт

Хэварт стоял посередине зала, порываясь догнать её. Только для чего? И куда теперь надевать разгоняющее кровь возбуждение? Перед глазами тёмные пятна и её стройные ножки с тонкими щиколотками и маленькими аккуратными розовыми пальчиками. Ощущения её кожи пускали тревожный импульс по телу, в итоге банальная помощь обернулась против него самого, сам же попался в ловушку, хотя не замыслил ничего каверзного. Пусть утренняя церемония и растерянный вид пташки его изрядно позабавили, даже было жаль, что всё так быстро закончилось. Правда, последние её слова по поводу ужина подлили дёгтя. И в самом деле, с чего ему нужно было её приглашать? Она может делать всё что хочет. А миледи оказалась острой на язычок, распаляя его ещё больше, и так хотелось его прикусить. И эти насыщенно розовые губы после поцелуя, налившиеся словно вишнёвым соком, и туманность в голубых глазах окончательно его добила.

Вечер был явно испорчен, хотя ещё днём он пребывал в хорошем расположении духа.

Постояв ещё немного, собираясь с мыслями, Ламмерт направился в кабинет.

Борт, сидевший на жерди в полутьме, зыркнул на хозяина блестящим чёрным глазом. Без Витлара он скучает, тот его хоть немного развлекал...

Хэварт сел в кресло, перевёл взгляд на не разобранную стопку почты и газет. Притянул пачку к себе, взяв первое отправление сверху. Ничего дельного: письма из-за границы, начиная с уведомлений банка и заканчивая платами за содержание усадьбы, которую Хэварт оставил пустой.

Развернув очередную газету, Ламмерт замер, когда увидел заголовок. «Карточная игра обернулась трагедией».

Хэварт принялся читать статью, бегая глазами по строчкам...

Несколько дней назад в одном из заведений Вальштора с самой неоднозначной репутацией был зафиксирован самый крупный за последний год выигрыш. Личности игроков неизвестны, но, по слухам, один из них — мистер Бартолд эрн Груно. Министр жандармерии в подобных заведениях появлялся не раз, сам господин не отрицает своего пристрастия к азартным играм. И на вопрос о своём сопернике, который его обыграл, отзывается весьма положительно, хотя и потерял значительную сумму и больше своего соперника не видел.

Однако после шумевшего выигрыша в пригороде на дороге у рощи была обнаружена пустая карета и убитый возничий...»

Хэварт прервался на несколько секунд, думая о прочитанном. Тот, кто написал статью, явно недоброжелатель Груно или смертник, иначе бы не подвергал репутацию его милости сомнению. Теперь господина Груно могут обвинить в покушении. Но самое главное — это значит, те наёмники, что напали на Хэварта и обокрали до нитки, всё же не его люди.

«...По слухам, эта карета принадлежала тому неизвестному господину, которого не нашли, но несложно предположить, что это один из хозяев огромного имения Ристола, родового поместья семьи Ламмертов, которое находится в тех злополучных местах. Сами милорды после приезда из столицы ведут замкнутый образ жизни, слухи о них в Вальшторе ходят самые разные...»

Хэварт прервался. Пальцы стали напряжёнными, как и плечи, и шея. Проклятье. Не хватало ещё, чтобы его имя сейчас фигурировало в прессе. Очень некстати. Теперь будут копать. Скверно, если разнюхают о похищении Витлара. Очень скверно.

Борт встрепенулся и хрипло каркнул. Хэварт глянул на него, мысли кружились в голове вихрем. За последние четыре дня он, кажется, успел наломать дров столько, что теперь расхлёбывать не один месяц. Ещё неизвестно во что это выльется. И что самое гнусное, если всему Вальштору станет известно, чем он занимался все эти пять лет пребывания в Гофрите... Хэварт сам себе не позавидовал.

Он всё же дочитал статью, больше ничего важного в ней не выискав. Оставалось только надеяться, что на этом всё заглохнет. Но это, конечно, вряд ли.

Хэварт сложил газету и отшвырнул её на край стола.

В дверь постучали.

— Милорд, ваши лекарства, — Аскил прошёл в кабинет.

— Мне уже нет в них необходимости.

— И всё же, милорд, господин Ульман велел принимать ещё четыре дня, — упрямо поставил поднос на стол. — Что-то случилось, милорд? — мужчина задержался, сразу заподозрив неладное.

— Ничего существенного, — отмахнулся Хэварт, задумчиво потерев подбородок, — давай уж свои лекарства, — поморщился, взяв маленький серебряный бокал с необходимой порцией снадобья и стакан воды. Но прежде чем выпить эту отраву, напомнил: — Завтра найми нового возничего, чтобы к утру был здесь, приготовь карету, — увидев вопрошающий взгляд управляющего добавил: — Нужно будет съездить в лавку кое-что прикупить. А ещё, — Хэварт чуть не забыл, — найми хорошую портниху для госпожи... Фабианы.

— Слушаюсь, милорд, — кивнул Аскил. — Сделаю как прикажете.

— А ещё, — Хэварт склонился, положив локти на стол, сцепив их в замок, глянув на управляющего, — нужно нам всё же найти служанку, Аскил. Но только надёжную, понимаешь, о чём я?

— Разумеется, милорд. Сделаю всё возможное.

Хэварт кивнул. Аскил ушёл, и Хэварт тоже не стал задерживаться, поднялся в свои покои, скинул одежду, принял ванну, сменил повязку — кожа на затылке вокруг раны всё ещё болела, но уже затягивалась, головные боли мучили всё реже, а возможно, он просто её уже не замечал за этой круговертью. Вышел в покои, прошёл к окну — ноги сами потянули его туда.

Ламмерт, откидывая полотенце на плечо, коснулся гладкого дерева рояля. Огромный, на нём играло не одно поколение, отец музицировал порой, когда на него находило. Хэварт усмехнувшись поднял крышку и коснулся клавиш пальцами. Он давно не играл на нём — лет шесть-семь назад последний раз. Как-то не хотелось, но пальцы всё равно помнили...

Хэварт перевёл внимание на свои руки, вспомнил вопрос Фабианы. Он мог стать кем угодно, а стал преступником.

Резко захлопнул крышку и, отвернувшись, прошёл к постели, срывая полотенце с плеча, откидывая на стул. Лёг на кровать, закинув руку назад, уставился в потолок. Внезапная мысль разлилась по телу теплом. Интересно, как отреагировала бы Фабиана, если бы узнала его другую сторону? Леди из высшего общества, которой претит всё противозаконное, воспитанная, манерная, сдержанная. Наверное, выразила бы всё своё презрение к нему.

Игнэс по локти в грязи, как и он, с ней было всегда просто и удобно. Эта мысль внезапно открыла глаза. С ней ему было всегда удобно: в постели, в общении, в окружении. Варились в одной каше. Фабиана другая. Ранимая и в то же время сильная, трусливая и внезапно в ней появляется отчаянная отвага — она, эта невинная монашка, нашла смелость убежать из дома и действовать самостоятельно. Быть скромной и порочно-откровенной, бесстыдной, и делать это искренне, не тая, не притворяясь. Он даже не ожидал, что она снимет этот чулок, скорее, готовился к тому, что целомудренная миледи оскорбится и влепит ему пощёчину, скажет, какой он мерзавец, раз посмел после обещаний манипулировать ею, и с гордостью уйдёт. А она сняла, доверилась и ушла, когда он ей сказал уйти, похромав к двери.

Хэварт посмотрел в сторону сквозь тёмные пряди волос, что упали на глаза, отгоняя прочь короткие, как всполохи огня, мысли о том, насколько сладкими были её губы. Всё это, кажется, пагубно на нём сказывалось, отдаваясь тяжестью в мышцах. Придётся признаться себе в том, что она волновала, заставляла приглядываться и ожидать, какотреагирует её светилось на то или иное слово.

Непредсказуемая, сумасбродная и избалованная — вот как он хотел её назвать. Но передумал. И та мысль, что эта пташка теперь далеко от него не улетит, подозрительно грела.

Хэварт не знал, в какой миг уснул. Мысли о Витларе утопили в тягучей смоле безысходности и бессилия что-либо предпринять, накатывающая муть, что с ним что-то случится, выворачивала наизнанку и жутко выматывала. Они ничего с ним не сделают, пока он не выполнит, то что скажут... Кажется, он так и уснул в тревоге.

А когда проснулся, солнце уже светило в окно, играло ослепительными бликами на рояле. Не успел Хэварт сбросить остатки сна, как в дверь постучали.

— Милорд, карета подана, — пробасил Аскил.

— Сейчас спущусь, — откинув одеяло, Ламмерт поднялся и почти вслепую нащупал приготовленную с вечера рубашку и штаны. Собрался быстро, надел жилетку, повязал шейный платок. Повязку с головы пришлось снять, на случай, если его вдруг кто-то узнает, не хватало ему подозрений со стороны. Завтракать он, конечно, не стал, чтобы успеть сделать всё запланированное и вернуться к обеду — сейчас лучше ему вообще не показываться на улицах столицы, но не выходит.

...В Вальштор он прибыл уже через час. Дорога была свободной, и он добрался до нужного места беспрепятственно. В первую очередь он зашёл в лавку, где были всякие женские вещи. Завидев молодого мужчину, болтающие тихо о чём-то между собой продавщицы стихли. Одна из них, бросив взгляд на свою помощницу, приказывая взглядом той уйти с глаз долой, выпрямилась, поправляя уложенные за спиной локоны, приблизилась, улыбаясь так вежливо, насколько могла, оглядывая Хэварта с ног до головы.

— Я могу чем-то вам помочь? — спросила, состроив глазки, заморгав пушистыми ресничками, искусно флиртуя.

— Можете, мне нужно женское бельё примерно вот этого размера, из шёлка, светлое, но без излишеств, — Хэварт вытащил листок бумаги и придвинул к продавщице, показывая размеры.

Девушка провокационно и заинтересованно приподняла брови.

— Конечно, милорд, одну минуту, — забрав лист бумаги, она вышла.

Хэварт осмотрелся. Бывать в подобных лавках ему не впервой. Игнэс порой удавалось затащить его в подобные заведения, да и он частенько покупал ей подарки... Хэварт тряхнул головой, выбрасывая любые воспоминания, связанные с эрн Ларси. Хотя надо отдать ей должное — теперь он имеет некоторый опыт в выборе.

— Вот, — продавщица вернулась, демонстрируя принесённые неотъемлемые части женского гардероба.

— Это, это и это, — указал он сразу.

— Ммм, у вас хороший вкус, милорд, — слащаво протянула девица.

Хэварт ждал, пока продавщица сложит вещи, но та, казалось, и не торопилась. Положил монеты, чуть больше указанной на выписке суммы, но не успел убрать руку, как женская ладонь легла на его руку в перчатке.

— Возможно, вам понадобится что-то ещё господин, всегда рада вас видеть, — подкрашенные губы изогнулись в плотоядной ухмылке.

Хэварт склонился над столом, так что приткая продавщица заметно забеспокоилась, бледнея.

— А не скажете ли, где поблизости находится ювелирная лавка?

Девица застыла, глаза загорелись.

— Да, конечно, — промурлыкала бесстыдница, так и не убрав руку, явно ожидая что-то. — Лавка господина Ритмана эрн Тиор находится как раз за поворотом.

— Благодарю, — вежливо улыбнулся Хэварт, отчего на побелевшей коже девицы проступили багровые пятна румянца, — больше мне от вас ничего не понадобится. Сбросив её руку, взял упакованный в бумагу свёрток и покинул лавку.

Найти ювелирную лавку господина Тио не представило сложности, она находилась во внушительном двухъярусном доме. Пришлось подниматься наверх. Внутри царил полумрак, драгоценные камни и различные украшения поблёскивали, словно звёзды во мраке, и притягивали взгляды.

— Доброе утро, милорд, — к прилавку вышел мужчина солидного возраста крепкого телосложения, с волнистыми рыжеватыми волосами и щетиной на квадратной челюсти, — Ритмана эрн Тио к вашим услугам.

— Доброе, господин Ритман, — Хэварт перевёл взгляд на стеллажи, предпочитая умолчать о своём имени.

— Мне нужно украшение для моей... жены, что-то изящное и неброское, на тонкое запястье.

Тио сощурил пытливый ощупывающий взгляд, довольно усмехнулся.

— Вы как раз вовремя, милорд, сегодня была поставка. Вот, — он потянулся к одному из украшений на прилавке, взяв его, положил на бархатную подушечку. — Во всём Вальшторе вы не найдёте подобного изделия.

Металл, из которого был сделан браслет, имел розоватый оттенок, его цвет безупречно подчёркивали инкрустированные камни розовых алмазов.

— Редкая порода металла, о котором трезвонил весь Вальштор.

— Ничего не слышал об этом, — Хэварт взял браслет в руки, даже через перчатки он чувствовал прохладу сплава. Идеально подходит к нежной коже фиалки.

— Это так, — продолжил Тио, явно взволнованный и удивлённый тем, что гость не осведомлён.

— И в чём же его особенность?

— О, милорд, похоже, вы и в самом деле не слышали. Говорят, в тайнике королевской резиденции хранится ценный артефакт, который вытягивает из недр земли особые бесценные металлы, которые невозможно добыть обычным способом.

Хэварт оторвал от браслета, перевел на господина.

— Серьёзно?

— Вы, видимо, и газет не читаете, об этом твердят вот уже месяц к ряду.

Хэварт хмыкнул. И в самом деле — ему в последнее время не было дело до таких мелочей.

— Беру его, — положил на подушку браслет Хэварт.

Конечно, цена у этого металла немалая, поэтому пришлось подождать, пока господин Тио заполнит все бумаги. Расплатившись, Ламмерт покинул ювелирную и, больше нигде не задерживаясь, направился в Ристол...

...Едва он въехал во двор, его встретил Аскил. Впрочем, по стоявшей у ворот карете было понятно, что кто-то прибыл.

— Милорд, к вам Эммер эрн Лорей, — на лице управляющего отразилось некоторое беспокойство. Оно и понятно: Эммер — племянник второй жены отца, которая вырастила его и Витлара. Холодными щупальцами внутрь закралась тревога, не хватало, чтобы с ней что-то случилось.

Хэварт глянул в сторону замка.

— Давно он здесь?

— Только прибыл, сейчас он в гостинном зале, милорд.

Хэварт, передав покупки управляющему, чтобы тот отнёс их в кабинет, направился в гостевую.

Когда-то с Эммером они были друзьями, но это было другое время. Совершенно другое.

Едва Хэварт вошёл в зал, Эммер поднялся с дивана, приветственно поклонился. Он несколько не изменился, ну разве совсем немного раздался в плечах и волосы отрастил — теперь они у него до

плеч и зачёсаны от висков. Насколько Хэварт знал, он помолвлен с девушкой из одного знатного почтенного рода.

— Значит, вот так поступаешь с родственниками? — с ухмылкой произнёс тот, решив пойти сразу в наступление. — В Ристоле уже не один день, а в Фроккол даже не думаете объявляться, словно мы чужие.

Хэварт усмехнулся — а чего ещё можно было ждать от родственников? Это он ещё не знает, что Ламмерты здесь уже с зимы.

— Всё никак не доберёмся, дела закрутили, — отговорился Хэварт. — Но я рад, что ты здесь, — Хэварт указал на свободное кресло возле камина, а сам опустился в другое. Тут же появился Аскил с пряно пахнущим кофе. — Как матушка? — сразу задал Хэварт волнующий вопрос.

— Слава Всевидящим, хорошо. Полна сил и здоровья. Как только узнала, что ты в Ристоле, о тебе постоянно спрашивает. Хэварт, ты хоть бы весточку прислал, в самом деле. А где Витлар? — обернулся на дверь, будто ожидал, что тот зайдёт. — Управляющий сказал, что его нет в замке.

Хэварт, напрягаясь, взял чашку. Говорить о том, что с Витларом, не следует.

— Да, он уехал на пару дней в резиденцию Биртроуд со своими друзьями, — ничего больше не нашёлся сказать, кроме как то, что брат отправился в самое людное место города Вальштора, ведь обычно там в это время, насколько помнил Хэварт, устраивались светские вечера и, конечно же, балы.

— Витлар уже такого возраста, когда хочется приключений, — понимающе кивнул Эммер.

Хэварт отпил крепкого горячего напитка, смолкая. Знал бы Эммер, как тот проводил вечера — за книжками сутками напролёт. Эммер тоже смолк, взяв чашку, отпил и тут же изогнул бровь, будто вспомнил что-то важное:

— А ты тоже изменился, Хэварт, стал таким представительным, светским, — оглядел мужчину.

— Ну, знаешь ли, жизнь за границей накладывает свои отпечатки.

— Согласен, — Эммер отставил чашку. — Хватит уже юлить, Ламмерт, рассказывай, как так получилось, что Фабиана эрн О-Лидер стала твоей женой?

Хэварт едва не поперхнулся кофе, не ожидая подобного вопроса. Он, признать, уже и забыл об этом. Но теперь понятно, в чём истинная причина появления друга.

— Даже не думал, что слухи столь стремительно разлетятся. Не без помощи господина Гемиса эрн Терси, разумеется.

— Не знаю, но благодаря такой вещи как слухи мы хотя бы узнали, что ты вообще в Ристоле. Так что насчёт брака, Хэварт? Это же какая должна была случиться любовь, что ты поймал эту бархатную бабочку в свои сети, практически увёл из-под носа Бартолда!

Хэварт не успел ответить, как в зал вошла Фабиана. Не вошла, а влетела, явно спешила, в распахнутых глазах знакомое негодования с примесью бушующей досады — что-то у неё, видимо, случилось опять, но фиалка застыла, переведя взгляд с Хэварта на гостя и снова на Хэварта, явно взволновавшись. А Хэварт готов был застонать от её незащитного растерянного вида. Ну разве можно быть такой... Такой... такой привлекательной даже в столь неловкой ситуации, в невыносимо отвратительном невзрачном платье монашки, чёт бы её побрал!

Эммер поднялся, чтобы отдать почтение миледи:

— Добрый день, мисс... — Эммер скосил на Ламмерта взгляд, явно не желая ошибиться в своей и без того очевидной догадке.

— Фабиана Эрн Ламмерт, — ответил он уже привычную фразу, но отчего-то где-то внутри опалило огнём от удовольствия чувствовать её присвоенной им.

Хэварт горько улыбнулся и погнал прочь это ощущение.

— Проходи, я познакомлю тебя со своим кузеном, — Хэварт поманил её к себе.

Фабиана застопорилась, но всё же прошла, понимая, что деваться ей больше некуда. Встала рядом, глянув на Ламмерта слегка вопросительно.

— Эммер эрн Терси, племянник моей матушки.

— Имею часть с вами познакомиться, — улыбнулся Эммер вежливо, смотря на девушку с особым пристальным вниманием. — Я только узнал, что Хэварт женился, и, признаться, не поверил. Он даже ничего нам не сказал, не пригласил на такое знаменательное событие, — обратил укоризненный взгляд на Ламмерта.

— Ничего грандиозного и не было, Эммер, я никого не звал.

— Ты и раньше был скрытный, а сейчас ещё хуже.

С этим Хэварт не мог поспорить.

— Я скрытный, а ты чересчур открытый, или Аскил тебе слишком крепкий кофе сделал?

— И такой же язвительный, — сощурил насмешливый взгляд.

— Есть в кого. Что ж, раз мы собралась, давайте пройдем в столовую, — Хэварт обхватил плечо слушавшей их болтовню Фабианы, чуть погладил исключительно для большей убедительности в их искренний порыв стать супругами, — не знаю, как вы, а я после поездки в Вальштор проголодался, — указал на двери.

— С удовольствием, — отозвался Эммер.

Фабиана обернулась, глянув таким укоряющим взглядом, что он невольно почувствовал за собой вину, но ничего не оставалось, как пожать плечом и мило улыбнуться.

Обед проходил шумно и даже местами весело, только Фабиана всё равно смущенно отводила взгляд, когда Эммер задавал всякие каверзные вопросы о том, как они познакомились и почему всё так быстро случилось. Хэварту приходилось окорачивать Эммера, отделяясь разного рода шутками, от которых смешно было только им двоим. Фабиана только бросала задумчивые взгляды, что Хэварт отвлекался, впитывая её внимание, когда та в смущении отворачивалась. Наверное, ей не нравилось то, что он говорил и отвечал. Эммер же исподволь получал истинное удовольствие, ведь со стороны могло показаться, что молодожёны и в самом деле влюблены.

Хэварт не думал, что так будет тяжело, и когда дело коснулось родственников, он готов уже был признаться, что этот брак фиктивный, а не играть в эту дурацкую игру, от которой, судя по бледноте щёк, фиалке становилось тошно. Конечно, в его планы не входило, что родственники, пусть не столь многочисленные, в той или иной степени проявят интерес.

Несмотря на щекотливые моменты, обед вышел замечательный, Хэварт уже и забыл, что такое семья, и даже то, что с миледи знаком всего неделю — это все не отменяло возникшей тёплой уютной атмосферы. И снова это теснота в груди, и растекающееся по телу пьянящий внутренний жар.

И всё же обед подходил к концу, и Эммер засобирался.

— Теперь тётушка от меня отстанет, — усмехнулся кузен.

— Это вряд ли, скорее, пристанет ещё больше.

Эммер усмехнулся:

— Будем рады видеть вас в Фрокколе, и очень надеюсь, что визит ты не будешь надолго откладывать...

Хэварт шумно втянул в себя воздух, затылком почувствовав полный лютого возмущения взгляд Фабианы.

— ...Очень рад был знакомству, — повернулся к ней Эммер, демонстративно изящно поклонившись.

Хэварт улыбнулся, давя в себе желание взять его за шкуру и выпроводить, наконец. Даже ладони зачесались.

— И я рада, милорд, — отозвалась так же вежливо птичка.

— А если не приедешь, приеду вместе с тётушкой и всеми остальными.

Хэварт мучительно взвёл взгляд к потолку.

— Обещаю, приедем, — снова бросил взгляд на Фабиану и отвёл, возвращая на Эммера, — сразу, как разберусь кое-какими делами.

— Смотри, ловлю на слове.

Проводив Эммера, Хэварт вернулся в зал, срывая с рук перчатки, и не сразу заметил, как за ним вошла Фабиана.

— Нечего на меня так смотреть, я не виноват, что он решил приехать.

— Ваше хвалёное красноречие я оценила, — с уколом подметила она. — Но я о другом.... Я хотела спросить вас о портнихе, которой сегодня утром вы мне прислали... — глаза девушки недобро сверкнули.

— А что она? Кстати... — переключился Хэварт, вспоминая о главном, — идём со мной.

Фабиана задержала дыхание, явно насторожившись.

— Зачем?

— Узнаешь.

Хэварт прошёл в кабинет. На столе лежали свёрток и коробка с украшением, Хэварт задержал взгляд на упаковке. Что он делает? Что она подумает, когда он подарит ей это? После того как приехал Эммер, после того, что говорил ему. Она может не так понять. А как он хотел, чтобы она подумала? Хэварт, сжав губы, решительно оставил коробку и взял свёрток.

— Это для тебя.

— Что это? — в глазах девушки полыхнуло любопытство, которое фиалка быстро спрятала под тенью невозмутимости.

— Бери.

Фабиана оставалась на своём месте, даже не пошевелилась. Упрямая девчонка. Хэварт усмехнулся и свободно прошёл к ней, взял руку и вложил свёрток.

— Откроешь у себя. В связи с тем, что ты пока не можешь выйти, это тебе нужно. А с учётом того, что, кроме как этого жуткого платья, на тебе больше ничего нет — необходимо...

Фабиана, сглотнув, быстро схватилась за ворот платья, будто проверяя, на месте ли оно. Хэварт отвернулся, присел на край стола.

— ...Так что ты говорила насчёт портнихи? — взял свежую газету, делая сосредоточенный вид.

Фабиана бросила на него беглый взгляд.

— Ничего, милорд, — придумала она говорить, — хотела... выразить благодарность, — выдохнула она и отвернула лицо в тот миг, когда он вернул на неё взгляд.

Повернувшись, прижимая свёрток к себе, Фабиана направилась к двери. Хэварт прикрыл веки, запрещая себе смотреть на упругую округлость, которой эта гордая пташка так кокетливо виляла.

Открыл глаза и, расправив газету, прошёл к креслу, опустился в него, кладя локти на стол, пробежался по первому попавшемуся на глаза заголовку.

"Сбежавшая невеста стала женой"

Хэварт прочёл всю статью до конца. Свернул газету и отложил в сторону. Глянул на притихшего Борту.

«Тайный и самый интригующий брак зарегистрирован в Ристоле. Известно, что миледи Фабиана эрн О-Лидер сбежала из дома, и весь Вальштор был поднят на уши для розыска беглянки. Поиски оказались тщетными, пока в прессу не поступило официальное заявление о браке молодой госпожи со старшим милордом Ламмертов, который, стоит вспомнить, недавно взял выигрыш. И можно было бы поздравить молодожёнов, только в чём причина столь скоротечного решения? Или, быть может, их связи длится уже не один месяц? Конечно, сам господин Витор эрн О-Лидер, нынешний опекун беглянки, отказывается обсуждать это, хотя не скрывает недовольства поступком подопечной племянницы. Это и понятно, ведь госпожа была обещана в жёны лорду Бартолд эрн Груно...»

И снова подписи под статьёй нет. Ничего особенного в прочитанном не было, кроме того, что его имя снова фигурировало в прессе. Пусть говорят, что хотят, но как бы ни строил безразличный вид, всё внутри кипело. Ему не нравилось, что Фабиану выставляют в таком свете. Узнать бы, чьих рук дело.

Взяв всю стопку, Хэварт отвлечённо переложил почту, пока не добрался до последнего письма, и его словно молнией прошибло, когда на жёлтом конверте прочёл небольшую надпись:

«Милорду Ламмерту Старшему».

Раскрыв конверт, вытащил лист. Всё тот же ровный подчерк и пара строк:

«Встреча сегодня в полночь в гостинном дворе “Акшим”».

Хэварт уставился на это послание, будто ожидал увидеть что-то ещё, но новые слова не появились чудесным образом. Втянул глубоко в себя воздух, напрягая плечи, поднял голову, посмотрел на Борта.

— Кажется, сегодня узнаю, кто этот заказчик.

Узнает хоть что-то о Витларе...

Глава 10

Фабиана

Кончики ушей нещадно горели, как и щёки, когда Фабиана разворачивала женское бельё. Такой стыд ещё никогда не приходилось испытывать, казалось, что милорд нарочно хочет её сжечь дотла тем самым, нарочно хочет позабавиться над ней. Прислал ещё эту портниху, которая всё утро брала мерки и заставила выбрать ткани. Хотя после брошенных милордом слов по поводу её платья стало неловко. У неё действительно нечего надеть, а выезжать из Ристола, как ни верти, опасно. Но если опустить негодование, пыл и смущение, вещи были невероятно красивые: из шёлка жемчужных, кремовых и розового оттенков. Не вычурные и яркие, а мягкие и изысканные — всё как она любит. Фабиана фыркнула и сложила всё аккуратно — ещё бы он не имел вкуса, у милорда, как Фабиана помнила, очень большой в том опыте.

Ещё этот обед... Фабиана впервые видела Ламмерта весёлым и беззаботным. И эта его улыбка... Девушка окорачивала себя, когда ловила его взгляд — задумчивый и волнующий. Тряхнула головой — слишком много думает о нём. Но как бы ни отгораживалась, милорд настигал вновь и вновь, его голос, взгляд, улыбка... Нет, это не должно быть! Сжала руки в кулаки. Нужно прекратить думать о нём. Только как?

— Всевидящая, избавь меня от этого!

Она ему точно не подходит, не интересна, его привлекают такие, как Игнэс — яркие, идеальные, раскованные, знающие себе цену. И он ей тоже не подходит — слишком безупречный, слишком красивый, обаятельный, слишком трогающий сердце, заставляющий дышать неровно... Всё слишком. И эти его поцелуи... зачем это всё? Ради развлечения? Издевательства? Глумления? Ему ведь, кажется, доставляет удовольствие ввергать её в смятение, а потом смеяться над ней.

Нет, нужно это всё остановить, пока не поздно, пока...

Фабиана тяжело выдохнула. Пора вспомнить и не забывать, зачем она здесь. Зачем это вообще всё замыслилось. Этот дурацкий брак, глупые застолья, случайные прикосновения...

Из размышлений её вырвал очередной визит портнихи. Кажется, та всерьёз взялась одеть девушку в самые короткие сроки. Мадам Ренеит поразила своей быстротой, принесла с собой уже сметанное платье. Заставила примерить и с полчаса вертеться, пока у Фабианы не закружилась голова.

— Идеально! У вас такая фигура, миледи, что вам любой наряд к лицу!

Хотелось сказать, пусть скажет это милорду, который высказался по этому поводу не совсем лестно. Но не стала. Госпожа ушла, пообещав, что к утру принесёт готовый наряд. Один из...

На ужин спускаться Фабиана не хотела — снова быть в компании Ламмерта, чтобы это обернулось настоящей пыткой?! И если бы дело было в нём! Фабиане не нравилось это беспричинное волнение, излишнее смущение, которое рождалось в ней, стоит только представить, что она окажется рядом с ним. Но и оставаться в покоях — это вызовет много вопросов. Фабиана не хотела, чтобы Ламмерт думал, что она его избегает и боится. Пришлось спуститься.

Вдохнув глубоко, она вошла в столовую и замерла. Ламмерта не оказалось здесь. Фабиана нахмурилась, и как-то странно и неприятно сдавило грудь. Она прошла, видя, что и стол сервирован только для неё.

Села в кресло, ожидая.

Аскил появился почти сразу, расставил блюда.

— А милорд не будет ужинать? — спросила у молчаливого и сосредоточенного управляющего, который явно думал о чём-то своём.

— Нет, миледи, милорд выехал из Ристола и, судя по всему, будет только утром.

— Какие-то важные дела?

— Не могу знать, миледи.

Предательское недовольство, приправленное разочарованием, царапнуло изнутри. Изрядно подпортившееся настроение перебило аппетит... и вообще всё перебило, хотелось просто подняться к себе и запереться до утра, а лучше взять одну из книг из покоев младшего милорда и погрузиться в чтение. Лишь бы избавиться от этого гнетущего мрачного состояния. Съев пару кусочков нарезанной буженины, отложила вилку. Плотная тишина окутала, Фабиана зажмурилась и, отложив салфетку, поднялась. Отилия сегодня старалась зря.

Шум голосов коснулся слуха, и Фабиана замерла, прислушиваясь — голос явно принадлежал Аскилу. Выйдя из-за стола, Фабиана вышла в коридор. И так и остолбенела, разобрав другой голос, принадлежащий только одному человеку, которого она так хорошо знала.

Господин Витора эрн О-Лидера.

Фабиану аж оглушило, зазвенело напряжение в висках и во всём теле разом.

Что он здесь делает?

Голос дядюшки звучал явно с напряжением.

— Я хочу видеть свою племянницу немедленно!

— Милорд эрн Ламмерт примет вас в другое время, к сожалению, сейчас его нет в Ристоле, — управляющий отвечал учтиво, не переходя границы.

— Ты не слышал меня, позови мне Фабиану, или я сам это сделаю, — голос гневно громыхал, и Фабиана представила, какая ярость лютует во взгляде опекуна.

Она понимала, что если Аскил, не пустит дядюшку, тот исполнит то, что грозил. Нужно спасти управляющего, который начал снова настаивать. Наверное, ей сейчас не следует показываться на глаза, но злость и негодование взяли верх. Она не должна прятаться от него. Пусть знает, что она может за себя постоять и ответить той же монетой.

Вобрав в себя больше воздуха, Фабиана направилась в зал. И как раз вовремя: объёмная фигура дядюшки потеснила управляющего, который пытался преградить дорогу.

— Пошёл прочь, червь, я тебя сапогом растопчу!

Фабиана знала, что дядюшка бывает груб, но не знала, что настолько омерзительно он ведёт себя с теми, кто ниже его.

— Что здесь происходит? — спросила, вкладывая в голос всю твёрдость, на которую была сейчас способна, хоть пальцы проняла дрожь, когда тяжёлый, как свинец, взгляд опекуна пал на неё.

Лицо Аскила побледнело и вытянулось, когда Фабиана вышла в гостиную. Дядюшка, проследив за племянницей, до щёлок сузил глаза, в которых кипел гнев.

— Аскил, оставь нас, пожалуйста, — попросила Фабиана управляющего, не сводя взгляда с Витора.

Аскил замешкался, сомневаясь, что это разумное решение, но настоять он не мог.

— Хорошо, госпожа, я буду поблизости... — он спешно поклонился, бросив настороженный взгляд на Витора, и пошёл из зала, оставляя девушку наедине с гостем.

На пару мгновений повисло молчание, такое давящее и тяжелое, что в висках заломило.

— Как ты посмела? — процедил опекун сквозь зубы. Лицо и шея покрылись неровными багровыми пятнами, показывая крайнюю степень его бешенства.

Фабиана выпрямила спину, дыхание металось в груди вместе с волнением, страхом и гневом, хотелось высказать дядюшке многое, но нужно быть разумной и не поддаваться эмоциям.

— Зачем вы приехали? — спросила как можно увереннее и спокойнее.

— Зачем?! — теперь его лицо стало сплошь алым, как после изрядного количества бокалов красного

вина. Дядюшка угрожающе шагнул к Фабиане, стремительно сократив расстояние. Усилием воли девушка осталась стоять на месте, не показывая страха. — Я тебе скажу «зачем»! Ты опозорила меня, выставила посмешищем, опорочила себя! Знаешь, кто ты в глазах других? Потаскуха!

Фабиана резко вдохнула, слова ударили хлётко, будто плетью по оголённой коже, упали тяжестью вглубь и разлились ядом.

— Уходите, — прошипела Фабиана, чувствуя, как болезненный озноб прошёлся по телу.

— Что? Что ты сказала? — Витор весь напрягся, обращаясь в камень.

— Я сказала — уходите, — твёрдо повторила Фабиана каждое слово.

Витор чуть задрал подбородок, сжал губы в жёсткую прямую линию, взгляд налился чёрной смолой лютой ярости, в следующий миг он вскинул руку. Тяжёлая пощёчина опалила щёку, выбивая всплеск искр, голова резко откинулась в сторону, Фабиана пошатнулась, удерживаясь от того, чтобы не коснуться зудящей скулы и не убежать. Дядюшка впервые поднял руку на неё. Никто никогда не смел этого делать. Недоумение и ошеломление сменилось раскалённой яростью. Он хочет, чтобы она почувствовала себя виноватой? Чтобы пожалела о содеянном? Не дождётся! В гостиной появился Аскил — управляющий, видимо, следил за происходящим где-то поблизости.

— Всё в порядке, миледи? — вступился было, наверняка всё слыша и понимая, что произошло.

— Да, Аскил, всё хорошо, — остановила его Фабиана, — не беспокойся, — ответила, чуть поворачивая голову, не сводя глаз от Витора.

— Я тебе прошу всё это, если ты вернёшься сама. Или... — дядюшка чуть поддался вперёд, едко заглядывая девушке в лицо, прижигая разъярённым и свирепым взглядом: — Или он пожалеет, вы оба — пожалеете. Бартолд эрн Груно так просто всё не оставит... Ты даже не представляешь в какую яму угодила, блудливая стерва... — дядюшка смолк, недовольно покосившись на управляющего, выпрямился, поправляя нервно ворот своего камзола. — Жду тебя у ворот. У тебя есть несколько минут.

Сказав это, дядюшка развернулся и зашагал к выходу, тяжёлые плечи его были ссутулены, кулаки сжаты. Как только он покинул замок, слабость накрыла с головой, прокатившись по телу онемением, и Фабиана едва не осела на пол. Теперь она могла позволить чувствам выйти наружу, заморгала часто, взгляд сам собой замутился. Фабиана коснулась щеки, которую нещадно пекло, понимая, что вот-вот заплачет. И только присутствие Аскила вынуждало как-то держаться.

— Принеси воды, Аскил, — попросила мужчину.

Тот удалился. Постояв ещё немного, Фабиана прошла к дивану и опустилась на самый край, вцепившись похолодевшими пальцами в подлокотник.

«Несколько минут...» — прозвучали эхом в голове слова.

Глава 11

Хэварт

«Акшин» оказался одним из людных трактиров, находился он в центре Вальштора и сейчас полнился постояльцами. От стоящего плотным занавесом чада было почти не разобрать лица людей, что сидели за дальними столиками. Хэварт огляделся ещё раз, дыша горьким табачным дымом, и прошёл к стойке. Никто из присутствующих, казалось, не обратил внимания на очередного гостя. И где искать того, кто написал о встрече? Хэварт не знал. К нему подошел подавальщик — тучный мужчина с седыми висками, но зоркими и острым взглядом:

— Что желаете, милорд? — спросил громко на фоне общего гула.

— У меня назначена здесь встреча с важным господином, — Хэварт и не надеялся на ответ, но подавальщик смерил гостя пристальным взглядом, отмечая что-то про себя, будто ему дали его подробное описание внешности, кивнул.

— Пройдёмте за мной, — сказал он, оставляя бокал, кивнул своему напарнику и вышел из-за стойки.

Хэварт ещё раз бросил взгляд на соседние столы, но ничего подозрительного не обнаружил. Подавальщик проводил в другой зал, хоть такой же людный, но менее шумный. Поднявшись на второй ярус, пройдя под аркой, оказались в третьем зале. Ламмерт следовал за своим провожатым, не задавая вопросов, да и есть ли в том необходимость? Скоро он сам всё узнает.

— Прошу сюда, — подавальщик указал на отгороженный деревянной решётчатой стенкой от посторонних глаз стол.

Хэварт, чуть пригнувшись, прошёл под балдахинами.

За столом сидел господин весьма зрелого возраста, каштановые волосы зачёсаны назад, открыв низкий лоб и густые дуги бровей, крупный нос, жёсткая линия рта и крупный подбородок. Хэварт не знал, как удержал себя, чтобы не кинуться на него и немедленно не вытряхнуть ответ на вопрос, где его брат.

Мужчина исподлобья поднял взгляд на Ламмерта, откинулся на спинку кресла.

— Прошу вас, — указал на свободное кресло.

Хэварт опустился в него, уставившись на собеседника. Тот усмехнулся и посмотрел в сторону, тут же подошёл лакей, принялся наливать в приготовленные бокалы вино.

Лакей ушёл. Хэварт разглядывал незнакомца, чувствуя, как все мышцы каменеют.

— Где Витлар?

— В надёжном месте, не волнуйтесь, милорд.

Выдохнув, Хэварт стиснул зубы — нелегко оставаться спокойным, но необходимо, чтобы с братом ничего не случилось. Он должен слушать.

— Я не стану вам представляться, обойдёмся без имён, — мужчина, глянув сквозь деревянную решётку, осторожничал. — Я являюсь лишь посредником...

«И чего он медлит, сукин сын?!»

— Переходите к делу, — процедил сквозь зубы, давя в себе гнев.

Тот, будто назло, усмехнулся и неспешно потянулся к бокалу, взял его в руки сделал глоток.

— Я понимаю вашу резкость, но будьте терпеливы, дело серьёзное, — сделал ещё один глоток.

И в этот момент Хэварту очень хотелось взять бутылку и разбить о голову этого подонка.

— Что я должен сделать?

— Вы наверняка слышали о создании ценного артефакта, способного вытягивать из недр земли редкие породы металлов?..

Мужчина снова потянул вино, наблюдая за Ламмертом.

Разговор с Ритманом эрн Тио всплыл в памяти мгновенно. Хэварт горько хмыкнул про себя — как же он сразу не догадался?

— ...Вижу, что слышали. Так вот, — мужчина, отстранившись от спинки кресла, наклонился. — Так вот... — полез в складки верхней одежды, выудил свёрток бумаги, — здесь инструкция и условия. Вы достаёте нужную вещь — и милорд Витлар эрн Ламмерт возвращается к вам в целостности, в противном случае... — он придирчиво сощурил глаза, — ваш брат лишится защитных браслетов. Последствия сами знаете.

Хэварт сжал пальцы в кулаки, дыша тяжело и редко, усилием воли спокойно протянул руку и забрал конверт, перевёл взгляд на довольную физиономию подосланного.

— Всё необходимое вы найдёте в этом конверте. Как только выполните условие, увидите своего брата.

— Где гарантия в том?

Незнакомец помолчал.

— Только доверие. Нам известна ваша безукоризненная репутация. Всё пройдёт честно, если вы выполните необходимое...

Хэварт опустил взгляд на конверт. Хотел бы он влезть в голову этому проходимцу и убедиться, что всё будет так, как он говорит, но остаётся только соглашаться. А после изучить всё и тщательно обдумать. Кому может понадобиться этот артефакт? Насколько Хэварт знал, тот находится в тайнике королевской резиденции.

— ...Теперь вы можете идти, вас проводят, — господин повернулся и, дав знак жестом руки своей охране, повернулся, меряя Ламмерта чуть небрежным взглядом.

Хэварт поднялся и отступил, заставил себя отступить, оторвав взгляд от незнакомца, вышел. Его проводили почти через весь трапезный зал к выходу, будто опасались, что он может вернуться. Выйдя на улицу, Хэварт сел в карету и прикрыл веки. Сделав пару глубоких вдохов, открыл глаза и повернулся:

— Поехали, — велел кучеру.

Задерживаться здесь не имело смысла. Сорвав с рук перчатки, он вскрыл конверт, изучал инструкцию всю дорогу, пока не выехали из горящего ночными огнями Вальштора, и не стало изрядно трясти по неровной дороге. Всё тот же почерк, всё прописано до мелочей: день, время, место встречи... даже карта, где находится тайник. А также перечень условий, который должен исполнять Ламмерт, главное из которых — не распространяться о сделке, иначе он лишится брата.

Только вот незадача — Игнэс знает. Но разве может она быть помехой? Он слишком хорошо знал, она наверняка уже успела найти себе замену и благополучно забыла о нём. Хотя он помнил, как она предлагала помощь, будто его беда её и в самом деле волновала.

Прибыв в Ристол, Хэварт отправился в кабинет. Спать не хотелось. Скинув верхнюю одежду, он опустился в кресло и принялся заново всё изучать. Осталось не так много времени, как он думал — всего неделя. Неделя, чтобы всё просчитать и подготовиться. Это не так и много, но, с другой стороны — целая вечность до того мига, когда Витлар окажется в безопасности...

...Уснуть в эту ночь было невозможно, Хэварт то впадал в ярость, то, чем больше раздумывал, заходил в тупик. И тем сильнее изъедали нутро сомнения. В конец измотавшись, он не заметил, как всё же задремал прямо в кресле.

Громкий стук разбудил. Хэварт открыл глаза и поморщился от ломоты в теле из-за неудобного положения, в котором он прибывал неизвестно сколько.

— Входи, — ответил, сгребая со стола бумаги и чертежи в стол.

Аскил вошёл с утренним кофе. Утро и в самом деле только начиналось, рассеивая по кабинету розоватые лучи.

— Выглядите плохо милорд, — честно заявил управляющий. — Как ваше самочувствие?

Хэварт пригладил растрепавшиеся волосы, потёр затёкшую шею, заглянул в узкое зеркало, что висело на стене сбоку от камина, и отвернулся, увидев и в самом деле неважную физиономию.

— После кофе и ванны будет лучше.

Потянулся за чашкой, подумав почему-то о фиалке, сделал глоток, ловя себя на том, что мысль о жёнушке сродни терпкому вкусу напитка — бодрит и будоражит.

— Вчера, милорд, когда вы уехали у нас были гости.

Хэварт так и застыл, глянув на управляющего.

— С этого и надо было начинать, — отставил чашку.

— Простите, — извинился тут же, — в Ристол приезжал господин Витор эрн О-Лидер.

— Что?! — Хэварт даже не сразу поверил услышанному.

— Он требовал Фабиану. Я как мог предъявлял доводы, что без вас не могу распоряжаться, но он не отступал.

Хэварт вскачил с кресла так резко, что ворон испуганно встрепенулся.

— Где Фабиана?

— Миледи у себя, — поторопился с ответом Аскил.

Хэварт выдохнул, разжимая кулаки.

— Что ему нужно было здесь?

— Как понимаю, господин требовал миледи вернуться. И даже ждал её у ворот, но она не вышла.

Значит, запугивал, по-другому и не могло быть. Сейчас она, должно быть, спит.

— Приготовь ванну, Аскил, — опустился обратно в кресло. — И чуть позже попроси миледи спуститься к завтраку, — он выяснит у неё всё сам.

— Слушаюсь, — Аскил ушёл.

Хэварт допил кофе и поднялся к себе.

Ванна пришлась кстати. Ушиб на затылке уже почти зажил, и можно было вовсе ходить без повязки, а вот рёбра всё ещё отдавали тупой болью, сковывали дыхание. Приведя себя в более или менее должный вид, спустился в столовую.

И замер, когда обнаружил пустое кресло.

Фабианы не было.

Аскил вошёл с завтраком.

— Миледи отказалась выходить, обосновав это тем, что чувствует себя неважно, — осведомил, не дожидаясь вопроса.

Хэварт нахмурился — как этот Витор подгадал время и явился тогда, когда его не было в замке? Имел наглость требовать и распоряжаться по-своему! Усмирив вскипающий гнев, Хэварт быстро перекусил и направился в кабинет. Нужно было достать необходимые карты королевского замка и изучить всё досконально, сопоставить с теми чертежами, которые он получил вчера. Самому убедиться в надёжности и сходстве.

Но только сосредоточиться на деле не получалось, мысли всё время возвращались к Фабиане и её нежеланию выйти к завтраку, когда он её о том попросил...

...К обеду она тоже не вышла. И Хэварт поле трапезы решил сам к ней подняться. Хотя для чего ему это нужно? Он остановился возле порога и смотрел на дверь. Отвернул лицо и отступил, проведя по шее ладонью.

С чего он решил, что она захочет с ним разговаривать? Да и что скажет? Заставит её рассказать всё? Хотя раньше ему не мешало потребовать то, что ему было необходимо. Откуда же сейчас это дурацкое сомнение? Какая ему разница, как она это воспримет, и, вообще, почему его должны волновать её желания?

И всё же не смог её потревожить. Беспричинная злость толкалась изнутри вихрем, как и неудовлетворение от собственных действий.

Вернулся к делу, откидывая прочь всё лишнее, погружаясь в бумаги и обдумыванию плана.

Под вечер зашёл Аскил с предвечерним чаем. А после нужно было посмотреть новую горничную, которую он раздобыл. Ею оказалась приятная женщина, опрятная, вежливая с хорошими манерами, которая устроила Хэварта в полной мере. Выходя из хозяйственной части, он невольно поймал женские голоса, приостановил шаг возле двери в кухню.

— ...Нужно было ещё утром прийти ко мне, вовремя приложить лёд, и всё бы прошло, — голос кухарки звучал отчётливо, а вот что отвечала Фабиана — не разобрать.

Хэварт вошёл, тем самым обратив кухарку в столб — не каждый день видит господина, но всё же вовремя спохватилась и почтённо склонила голову.

Фабиана, проследив за своей собеседницей, обернулась. Хэварт скользнул взглядом по её лицу, сглатывая так, что кадык напряжённо прокатился по горлу. На правой щеке девушки цвёл синяк, явно оставленный рукой. Фиалка спохватилась поздно, невольно коснулась щеки, прикрываясь, стыдливо опуская взгляд.

— Зайди ко мне в кабинет, — проговорил Хэварт с усилием, наверное, слишком прохладно, по тому, как кухарка бросила на девушку тревожный взгляд.

Ламмерт развернулся и направился к себе. Ожидая О-Лидер, и, уж признать, подумал, что она проигнорировала его просьбу. Но она пришла, с неуверенностью вошла, и выражение лица было такое, что порывалась вот-вот сбежать. Хэварт приблизился, опасаясь, что она это сделает.

— Что вы хотели, милорд? — непонятно откуда столько силы и храбрости было в этой пташке, скрыть свои чувства и волнения, но голос её звучал спокойно.

Он глянул на синяк, темнеющий на скуле, и Фабиана всё же отвела взгляд.

— Это он сделал? — спросил, хотя это и так очевидно.

— Какая вам разница, милорд?

Гнев толкнулся изнутри порывом. Он сглотнул.

— Разница в том, что бить беззащитную девушку, кем бы она ни была, и чтобы ни сделала — это самое низкое и подлое, что можно ждать от мужчины. Похоже, твой дядюшка и в самом деле мерзавец. — Фабиана вернула на него взгляд, посмотрев с какой-то задумчивостью. — Тебе не следовало от меня прятаться.

На щёки лёг лёгкий румянец, делая след ещё заметнее. Знала бы, насколько она была сейчас хороша! Трогательная и в то же время стойкая внутри. Завораживала, вызывая в нём самые разные чувства от гнева, что кто-то чужой прикоснулся к ней, до слепого раздражения на себя, что всё это мне не безразлично, далеко не безразлично.

— Как муж, я обязан дать ответ твоему опекуну за это.

Глаза девушки округлились, и в них вспыхнул неподдельный испуг, но он быстро погас под напором воли.

— Вы мне не муж, а я вам не жена и мы оба это знаем, — парировала. И она была права.

Хэварт приблизился ещё теснее, склоняясь над этим нежным и гордым цветком, так дурмана пахнувший, что тяжёлая голова и всё плывёт, поднял руку и коснулся следа, ругая себя за то, что делает, но как же удержаться, устоять, не коснуться, не заглянуть в синие омуты, это в какой-то момент стало сильнее его воли.

Фабиана не отпрянула, как замороженная, следила за ним, немного растерянная, немного робкая, немного...

Он опустил взгляд на её губы. Таинственная. Губы её оказались так близко, что отступить уже было никак. Хэварт почти коснулся их, но Фабиана вдруг выдохнула и отвернулась. Хэварт не позволил ей ускользнуть, обхватил её щёку, поворачивая к себе обратно, и приник к мягким, как шёлк, губам, сладким, как нектар. Скольжение губ всего лишь, Игнэс умела целоваться искуснее, Фабиане лишь оставалось набираться в том опыта, но почему это так заводит, эти неумелые осторожные попытки ответить, это сбивчивое будоражащее тело прерывистое дыхание, эта искренность во взаимности? Всё это туманило голову, разносясь по телу жаром, и как тяжелеет его дыхание, когда она вот так касается языком его языка, сплетаясь в глубоком поцелуе. Хэварту окончательно снесло голову, обнял её, прижимая к себе, чтобы полнее ощущать её, целуя настойчивее. Это, кажется, спугнуло её, она напряглась в его руках, упёрлась ладонями в грудь, отстраняясь, вырываясь.

— Прекратите, — потребовало горячо. Хэварт открыл веки, заглядывая в голубые, полные дурманного тумана глаза, понимая, что тонет, просто тонет в их холодности и собственном пожаре, что охватил его естество. — Что вы... делаете? — возмущённо выдохнула, всё ещё пытаясь вырваться, но не выходило, он не собирался её отпускать.

— Целую тебя, — усмехнулся, наблюдая, как пылают смущением щёки фиалки, понимая что вопрос имел более глубокий смысл.

— Я не хочу, чтобы вы это... делали, — упрямо пождала губы, отталкивая от себя.

Разомкнул руки, скользнув ладонью по изгибу спины, напоследок чуть задерживаясь на пояснице, отступил. Он и в самом деле не имеет право это делать. К чему это всё может привести? Он ведь не собирался делать её... своей. Не собирался ведь? И она по всему не изъясляет желания быть с ним. Похоже, действительно стоит как можно реже встречается с фиалкой. Пока он не... привык. К этим — Хэварт оглядел её чуть с высоко — будто наливающимся вишнёвым соком губам, трепещущим ресницами, туманному таинственному взгляду. Рядом с ней мысли останавливались, и всё замирало.

— Хорошо, — ответил глухо, отступая. — Извините меня за это?

Фабиана резко вдохнула и отвела взгляд, будто почувствовала какую-то вину. Но она была не причём, это с ним что-то не так. Стало не так. Нужно всё же отвлечься, хотя расслабляться он сейчас не имел право. В этом вся проблема, он слишком напряжён, а она... Помогает забыть о проблемах. Каким-то образом у неё это получается.

— Так что вы хотели? — спросила обыденным тоном, будто он её только что не целовал, а она не отвечала.

— Хотел узнать, всё ли с тобой в порядке, — ответил прямо, — а ещё сказать, чтобы ты не выходила, если господин Витор эрн О-Лидер явится снова, когда меня не будет в Ристоле. Всё же для всех мы супруги, не забывайте об этом. Что скажут обо мне, если ваш дядюшка силой заберёт вас назад?

— Он не посмеет.

— Ошибаетесь, — Хэварт прошёл к креслу, — ещё как посмеет, я не удивлюсь, если он попытается вас выкрасть, — усмехнулся, глядя, как дёрнулась в удивлении бровь фиалки. Сел в кресло. — Может, расскажете мне о своих планах? — предложил, глянув на нахохлившегося Борту, которой дёрнул головой, будто в укоризне.

— Зачем вам это?

— Вы со всеми так недоверчивы? Может, я смогу чем-то помочь, как понимаю, ваш брат настроен против ваших замыслов... Если кто-то ещё заинтересованный защищать вас?

Конечно, не было, и это он видел невооружённым глазом.

— Не хотелось бы вас обременять, милорд, своими проблемами, ведь у вас хватает своих.

Хэварт глянул на стол, на вчерашние газеты и снова поднял взгляд на Фабиану, которая так и продолжала стоять на месте. Такая неприступная и холодная. Визит дядюшки сильно повлиял на неё. Наверняка унижал её, пытаясь манипулировать. Хэварт понял, что лучше отложить этот разговор, пока сердце фиалки вновь не оттаёт.

И снова он уже ищет с ней встреч, хотя она ещё не ушла.

Хэварт откинулся на спинку кресла.

— Если вас отягощает говорить со мной, вы можете идти, миледи.

Фабиана глубоко вздохнула, на миг в её взгляде мелькнуло сомнение. Она отступила, Хэварт моргнул, отводя взгляд, ощущая, как горькое разочарование чувствуется на языке, стекает по горлу и разливается тяжёлым смогом отвратительно и гадко, хватило всего лишь мгновения, чтобы понять, как он не желал, чтобы она уходила, а продолжила разговор, открылась, показала свои чувства.

Фабиана вдруг неизвестно каким образом будто услышала его мысли, замерла.

— Извините меня, милорд, я, признаться, чувствую себя не совсем хорошо... Да, вы правы, у меня никого больше нет, к кому бы я могла обратиться за помощью. Разве что к лекарю Ульману, но он вряд ли мне сможет помочь, как и господин Листан эрн Верст, что ведёт сбережения моих покойных родителей. А мой брат Танор... я не знаю, что с ним случилось... он изменился, он не был таким. Мы всегда были вместе, пока он не вступил на службу, а я уехала в женский пансион...

Фабиана говорила сбивчиво, горячо и с волнением, ей и впрямь давались тяжело слова, теперь он это видел — сколько всего было внутри неё: незащитность, беспомощность, негодование, разочарование, боли о прошлом, о том, что её предали... В какой-то мере он вдруг увидел в ней себя — зверька, бьющегося в бессилии в запертой клетке. Да что говорить, она была вынуждена бежать из дома, не зная куда, выдавать себя за простолудинку, согласиться на эту авантюру с браком. Кажется, и в самом деле её дела обстоят хуже некуда. А он пытается ещё и давить на неё, загонять в рамки и добиваться ответа. Чем он лучше её дядюшки?

В глазах фиалки неожиданно блеснули слёзы.

— ...Простите, — выдохнула она и резко отвернулась, прячась, хрупкие плечи вздрогнули и мелко задрожали.

Хэварт поднялся. Чего он не ожидал, так это то что фиалки примется плакать. Едва он оказался рядом, чтобы немедленно успокоить, как в дверь постучали.

Фабиана вздрогнула и, глянув на Ламмерта, отступила в сторону, отвернувшись совсем. Гнев всплеснул бурей, что может такого случиться, что его прерывают от разговора?!

В кабинет, не дожидаясь приглашения, влетел Аскил, вид его был таким всполошённым, будто управляющий гонялся по всему замку за Бортом, чтобы посадить его в клетку, что бывало раньше.

— Простите, милорд, — вытер тыльной стороной ладони лоб, покосился на Фабиану, что встала возле окна. — К вам прибыла Игнэс эрн Ларси.

Хэварта даже передёрнуло от имени бывшей любовницы. Что? Хотелось зарычать — сколько можно?! Что ей ещё нужно?! Кажется, он предельно ясно объяснил ей что к чему. Разве нет?

Фабиана, услышав знакомое имя, всё же обернулась.

— Аскил, — подступил к управляющему Хэварт, — я тебе уже говорил, что для госпожи Ларси Ристол закрыт, — раздражённо потёр шею, глядя на мужчину.

— Я помню, милорд, но, — Аскил бросил косой взгляд на девушку, уж слишком управляющий вёл себя неестественно.

— Говори.

— Она утверждает, что знает что-то о... милорде Витларе.

Хэварт резко выдохнул, словно его ударили в грудь тупым обухом. Мысли заметались вместе с растерянностью. Желание сказать, чтобы она проваливалась туда, откуда пришла, смешались с необходимостью услышать о брате. Зачем она это делает? Для чего? Хэварт на грани интуиции чувствовал подвох, но любая зацепка сейчас важна. Любая.

— Так что прикажете, милорд? — после затяжного молчания спросил Аскил.

— Простите, я пойду к себе, — оживилась Фабиана, направляясь к двери.

Хэварт хотел остановить её, попросить, чтобы она осталась, ведь они не договорили. Как это всё не вовремя! Игнэс имела чутьё, в какой момент явиться и разрушить всё, перевернуть с ног на голову. Но не мог приказывать Фабиане, в конце концов, ей нет дела до его отношений с Игнэс.

Хэварт позволил ей уйти, а следом волна разрушительного гнева обрушилась на него лавиной, затопив разум. Готов был сейчас всё рушить вокруг, но сделал другое:

— Впусти её, — велел управляющему.

Тот кивнул и удалился.

Хэварт прошёл к столу, смёл с него все бумаги, которые не должна видеть Игнэс. Но подумал и вышел в гостинный зал — у них больше не те отношения, что были раньше, он поставил точку.

Аскил, войдя в зал, раскрыл дверь, впуская девушку внутрь. Игнэс прошла вперёд, не сводя глаз с Ламмерта, рассматривая его издалека. Управляющий поклонился и поспешил удалиться.

— Ты даже не поздороваяешься? — спросила спокойно Игнэс.

Хэварт скользнул взглядом по её фигуре: простое дорожное платье гармонично сидело на ней, подчёркивая все достоинства фигуры его обладательницы. На руках белые перчатки, волосы, уложенные в нехитрую причёску, свободно спадали локонами на спину. Высокомерная колючая роза. Фабиана на её фоне казалась нежным хрупким цветочком в тонком лёгком платьице и золотом густых волос, которые она скромно собирала в узел.

— Прошло не так много времени, как ты покинула Ристол.

Игнэс усмехнулась. Хэварту показалось, что он снова попал в кошмар, от которого, думал, что уже избавился.

— Благодаря тебе.

— Ты снова начинаешь? Зачем ты приехала?

Опускаться на диван Хэварт не хотел, как и приглашать девушку располагаться. Он хочет знать, что она скажет. Что знает. И пусть убирается прочь. И так же знал, что за это она потребует свою цену, не будь она эрн Ларси. Всё это напоминало болото, из которого чем больше он пытался выкарабкаться, тем сильнее его утягивало на дно.

— Знаешь, я ведь переступила через свою гордость и приехала к тебе, чтобы помочь, несмотря на то, что ты выставил меня.

— Я не сомневался в твоей бескорыстности, — прозвучало неоднозначно, но Игнэс приняла его слова ровно в той мере, в которой меряет свои поступки сама, и усмехнулась ещё шире.

Наверное, ему следовало говорить более сдержанно и не так остро, но это было невозможно.

Она прошла вперёд, незаметно приближаясь, закатные лучи, что лились в окна потоком, играли бликами в её волосах, погружая в мягкий свет, и от этого взгляд её казался глубоким и проникновенным, почти искренним. Но он ей не верил, ни одному слову, жесту, взгляду. Вся она соткана из лжи и лицемерия. Хотя положительные стороны тоже имела — с ней было легко. Ровно до того времени, пока эта иллюзия не рушилась.

— Я не настолько плоха, как ты придумал себе, — она сощурила глаза, вглядываясь едко, — как быстро ты забываешь обо всём хорошем! Но ладно, не будем ворошить прошлое и открывать заново раны, — выпалила горячо Игнэс, приподнимая острый подбородок. Наконец, хоть одно разумное

решение. — Будем считать, что я хочу помочь тебе из старой дружбы.

Хэварт в сомнении приподнял бровь, не поверив своему слуху.

— И я закрою глаза на то что ты взял в жёны эту... эту... — лицо Игнэс покраснело от ярости, она сжала губы, удерживая себя от оскорблений, качнула головой. — Почему, Хэварт? Я не понимаю. Она ведь тебе совсем не подходит. Это бледная моль. Зачем она тебе? Она тебе в подмётки не годится. Когда вы успели познакомиться? Ты меня разочаровываешь с каждым разом, Хэварт, что с тобой случилось? Что? Скажи!

В её голосе звучало столько яда, презрения и негодования, что хотелось закрыть её рот надолго. Похоже, было ошибкой впустить её, грубой ошибкой. Почему он подумал, что она и в самом деле может чем-то помочь? Как опрометчиво с его стороны предпочесть её общению с Фабианой.

— Во-первых, не забывай, что ты в моём доме, — перебил гостью Ламмерт, прежде чем та намерилась продолжить, — а во-вторых, моя личная жизнь и мой выбор тебя не касается, когда ты себе это уяснишь? Не. Касается, — процедил каждое слово отчётливо со злостью сквозь зубы, почти не видя её перед собой — тёмные пятна гнева застилали взгляд. Он приблизился к ней в два шага, нависая глыбой. — Не смей так больше говорить о ней, ты ей и в подмётки не годишься. Ты продала своё тело, свою душу, и смеешь оскорблять других...

В серых глазах девушке полыхнул страх, который сменился болью, а потом чем-то непонятным — яростным, холодным, одержимым. Она и в самом деле была одержима, и ей плевать на всё, только бы получить своё. Это стало так очевидно и ясно, что Хэварт смолк на мгновение.

— Ну же, договаривай, скажи, кто я? Потаскуха, продажная шлюха? Или ещё хуже. Кем ты меня ещё считаешь, говори же! Но чем ты лучше, Хэварт? Ты продал душу Бездне и пытаешь стоять из себя честного и чистого? Ты вор, без морали и принципов, ты преступник — вот ты кто. Интересно, твоя нынешняя жёнушка знает об этом, нет? Знает что вам угрожает? Что угрожает Витлаору? И ей тоже! — лицо Игнэс исказилось, губы дёрнулись в ядовитой ухмылке, она откинула голову и рассмеялась, истерично и надрывно. — Как быстро ты забываешь то, в чём сам находишь по горло в грязи, а ты в ней по уши, Хэварт. И всё только становится хуже. Тебе не выбраться из этого никогда. Никогда! — в глазах Игнэс блеснули слёзы, и отразилась острая ранящая тоска, такая глубокая, полная, что Хэварт на мгновение растерялся, чем и воспользовалась бывшая любовница, скользнув по вороту жилетки ладонями, обхватила шею и, подтянувшись, приникла к губам мужчины.

Парализующий, горячий, отчаянный поцелуй вспышкой молнии ударил в голову, череда воспоминаний прошлой жизни предстали так бурно и ощутимо, будто не было этих полгода заточения в Ристоле, а ещё вчера они с Игнэс, теряя разум, предавались порывам той бешеной, ненормальной, болезненной страсти, в которой жили оба — грязной, отвратительной, мерзкой, что его выворачивало наизнанку острым спазмом.

Он жёстко перехватил её запястья и грубо оттолкнул, но Игнэс проворно обвила его шею руками, прижавшись ещё теснее.

— Ну поцелуй же меня, — выдохнула в губы, — Хэварт, пожалуйста, ты же этого хочешь, очень хочешь, нам же так хорошо было вместе. Какой же горячий, безумно красивый, любимый. Мой.

Она и в самом деле была одержима, одержима всей этой идеей жить вот так, одержима им. Вспышка гнева была настолько оглушительной, что Хэварт не понял, в какой миг оказался в ловушке собственного вихря чувств. Он обхватил её лицо в ладони и впился в её губы, целуя страстно, горячо, жадно, как того она хотела, назло всему.

Как же ему это всё надоело! Осточертело по горло!

Она схватилась за обручи на его запястьях царапая кожу, будто порываясь их сорвать, отомстить, убить, Хэварт не сомневался что она на это способна. Языки сплетались в возбуждающем ритме, заставляя девушку стонать и содрогаться, когда Хэварт кусал её губы, и его встряхивало от омерзения того, что она могла делать этими губами не с ним. Игнэс терпела этот напор жестокости, отвечала со всем пылом, готовая страдать, идти на всё, лишь бы добиться ответа.

Стерва.

Он обхватил её плечи и глубоко толкнул от себя, Игнэс отлетела в сторону, ошарашенно глянула на него, растрепавшиеся от его натиска волосы упали на её распалённое лицо, она дышала глубоко, яростно, взгляд безумный и горящий, на её алеющие от укусов губы напозла кривая ухмылка, странная, безликая, не принадлежащая ей.

— Я знала... — прошептала она глухо, — как бы ты ни скрывал, я тебе не безразлична. И ты никуда от меня не денешься. Ты мой, Хэварт. Если ты хочешь видеть своего брата, ты не прогонишь меня. Ты же хочешь его видеть, да? Я знаю, кто они...

Это невыносимо, она невыносима.

Хэварт огляделся, контроль обладания собой терялся за шквалом ярости, он готов её был придушить, впервые он готов был убить.

Ламмерт развернулся и направился к выходу. Уйти подальше, подальше от безумия, которое горячими толчками билось в груди, сотрясая всё тело. Пусть остаётся в Ристоле сколько ей влезет. Дрянь.

Громко хлопнув дверью, он вылетел на улицу, почти не видя ничего перед собой.

Глава 12

Фабиана

Фабиана вышла из кабинета, ругая себя за собственную слабость, что позволила волю слезам. Как опрометчиво с её стороны, глупо и нелепо. И что она пыталась тем самым показать? Теперь Ламмерт точно станет смеяться над ней и давить на уязвимые места — это у него хорошо получается. Получается заставлять делать и говорить то, что она никогда бы себе не позволила. И, что ужасно, она не слишком сопротивляется.

В какой-то момент она поддалась этому завораживающему взгляду карих глаз, этому спокойному глубокому голосу, который будто усыпил её, касался самого сердца, пуская по телу тепло и тяжесть.

Нужно взять себя в руки, в конце концов, в ней должно быть какое-то достоинство. Только всё эта стойкость распадалась на осколки, как старая хрупкая ваза. И почему так гадко стало внутри, когда услышала об Игнэс? Как бы она хотела отгородиться от всего этого. Не думать, не чувствовать. Убежать бы куда-нибудь подальше, чтобы не наблюдать этого всего.

Фабиана поднялась по лестнице и остановилась, когда услышала, как хлопнула дверь, и из кабинета вышел Аскил. Отвернулась и, не задерживаясь, пошла дальше, как дверь снова глухо хлопнула. Сжав перила, Фабиана замерла, заставляя себя немедленно уйти, но ноги не слушались, как и всё тело.

«Что ты делаешь, Фабиана?» — укорила себя.

Развернулась и, встав за стену, выглянула вниз. С лестничной площадки хорошо обозревался гостинный зал. Хэварт вышел вперёд и остановился посередине. Видимо, милорд вышел встретить гостью. Фабиана затаила дыхание, рассматривая издали стройную фигуру Ламмерта, чёрные волосы, широкие плечи. Он стоял расслабленно, но это только казалось с первого взгляда. Когда вернулся Аскил, молодой мужчина заметно напрягся, чуть приподнимая плечи.

В зал вошла Игнэс. Внутри у Фабианы что-то сжалось, видя, как хороша собой в вечернем свете молодая госпожа. Точёные черты лица, тёмные разлёты бровей, выразительный взгляд с тёмными ресницами, пухлые губы мягко улыбнулись, когда она встретила взглядом с Хэвартом.

Управляющий ушёл, оставив гостью наедине с хозяином Ристолы. Наверное, это нехорошо, даже очень плохо подглядывать и слушать чужой разговор, и Фабиана никогда бы не позволила себе такое, но в какой-то момент всё пошло не так, где-то она свернула не в ту сторону, и всё, что делала, было неправильно, так стоит ли сейчас думать об этом? Когда всё зашло в тупик.

Игнэс что-то сказала, но держалась в стороне, как и милорд, их встреча явно была прохладной. На лице Игнэс отразилась тень обиды и непонимание.

— Ты даже не поздороваешься? — начала первой Игнэс.

— Прошло не так много времени, как ты покинула Ристол, — голос милорда звучал ровно.

— Благодаря тебе, — ответила она.

— Ты снова начинаешь? Зачем ты приехала? — теперь в голосе Ламмерта явно чувствовалось раздражение.

— Знаешь, я ведь переступила через свою гордость и приехала, чтобы помочь, несмотря на то, что ты выставил меня...

— Я не сомневался в твоей бескорыстности, — Ламмерт отвечал в тон своей собеседнице, и ей это не нравилось.

— Я не настолько плоха, как ты придумал себе, — усмехнулась Игнэс, — как быстро ты забываешь обо всём хорошем! Но ладно, не будем ворошить прошлое и открывать заново раны, правда? Будем

считать, что я хочу помочь тебе из старой дружбы. И я закрою глаза на то, что ты взял в жёны эту... Эту... — лицо Игнэс изменилось, ожесточилось в одночасье. — Почему, Хэварт? Я не понимаю. Она ведь тебе совсем не подходит. Это бледная моль... Когда вы успели познакомиться? Ты меня разочаровываешь с каждым разом, Хэварт, что с тобой случилось? Что?

Фабиана горько пождала губы, хотелось закрыть уши и уйти, уйти далеко от этого места, а лучше — немедленно покинуть Ристол, прямо сейчас, пока они разговаривают.

— Во-первых, не забывай, что ты в моём доме, — голос Ламмерта доносился теперь будто через толщу, — а во-вторых, моя личная жизнь и мой выбор тебя не касаются...

В следующий миг Хэварт покинул своё место, и испуг толкнулся в груди Фабианы, казалось, что он сейчас что-то сделает, но он остановился, нависая над застывшей молодой леди, которая кажется тоже испугалась.

— ...Не смей так больше говорить о ней, ты ей в подмётки не годишься. Ты продала своё тело, свою душу и смеешь оскорблять других, — Хэварт смолк, но это молчание как угроза.

— Ну же, договаривай, скажи, кто я — потаскуха, продажная шлюха? Или ещё хуже. Кем ты меня ещё считаешь, говори же! Но чем ты лучше, Хэварт? Ты продал душу Бездне и пытаешь стоять из себя честного и чистого? Ты вор без морали и принципов, ты преступник, вот ты кто. Интересно твоя нынешняя жёнушка знает об этом, нет? — прошипело зло Игнэс. — Как быстро ты забываешь то, в чём сам по горло в грязи, ты в ней по уши, Хэварт! И всё становится только хуже. Тебе не выбраться из этого никогда. Никогда! — в следующий миг, Фабиана даже не ожидала, Игнэс поддалась вперёд и, обвив шею Ламмерта, прильнула к его губам.

Сердце оборвалось и ухнуло в пропасть, а потом забилося так быстро, горячо и больно, что Фабиана невольно схватилась дверной косяк, не в силах пошевелиться. Хэварт жёстко перехватил хрупкие запястья Игнэс и резко оторвал от себя, но девушку это не остановило, она что-то прошептала горячо — не разобрать, только обрывки на грани слышимости.

— Ну поцелуй же... Ты же этого хочешь... нам же так хорошо было вместе. Горячий, безумно... любимый... Мой.

Но дальше Фабиана уже ничего не понимала. Ламмерт сгрёб лицо гостьи в ладони и впился в её губы с какой-то дикой, почти звериной жадностью.

Всё тело Фабианы занемело и напряглось до звона. Таким она никогда его не видела, точнее, с ней он был не такой, а сейчас будто занавес упал, и она увидела, какой милорд на самом деле — за всей этой сдержанностью и благородством скрывались самые настоящие пороки, пугающие, чуждые и одновременно будоражащие, влекущие. Фабиану проняла дрожь. Это была не нежность, а борьба, страсть на грани боли. В какой-то момент Ламмерт обхватил плечи миледи и глубоко толкнул от себя. Игнэс отлетела в сторону, взволнованная, испуганная, но на лице явное довольство собой от того, что получила, что хотела.

— ...как бы ты ни скрывал, я тебе не безразлична. И ты никуда от меня не денешься. Ты мой, Хэварт. Если ты хочешь видеть своего брата, ты не прогонишь меня. Ты же хочешь его видеть, да? Я знаю, кто они...

Хэварт чуть повернул голову, и Фабиана отпрянула, прижавшись к стене, и застыла, ощущая, как сердце колотится горячо и обрывисто, толкая по венам жар. Коснувшись шеи, делая глубокий вдох, она пустилась прочь. Добежав до комнаты, распахнула дверь и, скользнув в покои, захлопнула створку, заперлась изнутри, попятилась от порога, смотря на дверь не моргая. Ошеломлённая и оглушённое увиденным и услышанным.

Фабиана обняла себя руками и отвернулась. Прошла к окну. В голове всё ещё звучали обрывки слов Хэварта, Игнэс. Щёки нещадно пылали, и Фабиана прижала ладони к лицу, зажмурилась. О чём Игнэс говорила? Почему она его называла преступником? Что это за нелепость, но мысли складывались сами собой — похищение младшего Ламмерта, видимо, с тем связано, и об этом говорила Игнэс. Его похитили, чтобы что-то требовать или отомстить. Слова Танора всплыли в памяти сами собой:

«Ты точно спятила. Да ты знаешь, кто он — этот Ламмерт?»

«...Преступник и вор... вор без морали и принципов, ты преступник, вот ты кто».

Фабиана потрянула головой, это не укладывалась в мыслях. Он, Хэварт эрн Ламмерт, оказался беззаконником? Воспитанный в благородной семье, имеющий безукоризненные манеры...

Фабиана задержала дыхание. Как бы то ни было, кажется, об этом в Вальшторе никто не знает. Если это всё правда, то дела у Ламмертов и в самом деле скверные. Но Игнэс знает, где Витлар, и готова помочь.

Горечь сожаления встала в горле комом. Хэварту придётся согласиться на её условия. Что между ними на самом деле? Он обращается с ней грубо и в то же время целует так страстно, несдержанно. Перед глазами это видение, где он целует Игнэс...

Внутри заскребло, с каждым вдохом становилось всё паршивее, никогда Фабиана не чувствовала себя столь отвратительно и гадко, а ещё пусто и тоскливо.

Фабиана отвернулась от догорающего в сумраках заката, впервые она ощутила себя лишней в этом замке, и хотелось как-то заглушить эту пустоту, задавить, заполнить чем-то другим немедленно. Невыносимо в одиночестве, невыносимо слышать свои мысли, ощущать накатывающее отчаяние, находиться вдали от... Фабиана задохнулась, застопорившись на этом ощущении покинутости.

Всевидающая, неужели её волнует, близко ли Ламмерт или далеко, рядом с ней или с другой? Когда это случилось? Когда он заполнил её мысли и сердце? Фабиана снова тряхнула головой. Чуть, ерунда. Поджала губы, испытывая всё то же тягостное чувство пустоты, уныло скребущее душу.

Слёзы сами собой проступили на глаза, затуманивая взгляд. Нет, это всё пройдёт, завтра будет лучше, это всё из-за пережитого, из-за дядюшки, он всё же смог надломить её. У него это получилось.

У Хэварта Ламмерта своя жизнь, и она не такая, какую наблюдала здесь Фабиана. Ему не до неё. И Игнэс, кем бы она ни была ему, подходящая пара. Красивая, решительная, настойчивая.

А Фабиана — миледи права — бледная моль, каким-то образом влетевшая в Ристол. Она не в его вкусе, ведь он ей сам это сказал. Может, и в самом деле не следует убегать от предназначенного для неё? Может, вернуться? Стать женой Бартолда эрн Груно...

Всё же горячая слеза скользнула по щеке, и Фабиана быстро её вытерла, глубоко вздохнув. Кажется, нужно найти другое место. Уехать куда-нибудь... Она только мешается, и Ламмерту приходится тратить на неё своё время, силы и средства. Он ведь всего лишь её пожалел. С самого начала пожалел, когда отбил от проходимца и дал крышу над головой, пожалел, когда позволил работать горничной, пожалел, когда Танор едва не увёз её силой, когда ей угрожала опасность. Он так воспитан, из благородства он её пожалел, и сегодняя спрашивал её о планах не просто так, он снова проявил учтивость, когда увидел на её лице след от руки дядюшки.

Промо сейчас нужно уходить, пока Ламмерт занят своей пассивностью.

Фабиана бросилась к столу, достала драгоценные вещи и деньги, которые у неё ещё оставались, схватила пуловер, оглядела комнату. Больше у неё вещей и нет. Задушив поступающий ком слёз, вышла из покоев, направилась в кухню. Нужно найти Аскила.

Отилия готовила ужин, стояла у печи и напевала какую-то песенку. Кухарка обернулась, когда заметила миледи, склонила голову в почтении, для них она теперь уже не горничная, а всё же госпожа, да ещё и супруга Ламмерта.

— Вы куда-то собрались, миледи? — спросила осторожно, оглядывая внешний вид девушки.

— Да, я ищу Аскила, мне нужна карета. Вернер ведь здесь?

— Миледи, чем могу помочь? — раздался голос управляющего за спиной.

— Аскил, подай карету, мне нужно выехать из Ристола в город.

Управляющий нахмурил лоб, так что появилась глубокая складка между бровями.

— Что-то случилось, миледи? Может, дождётесь милорда...

— Нет, не стоит, он сейчас занят, не хотелось бы его тревожить по пустякам, просто мне очень нужно кое-куда съездить... — улыбнулась, но улыбка явно вышла натянутой и рваной.

Кажется, Аскил не совсем проникся размытыми доводами, но ему ничего не оставалось, как выполнить просьбы госпожи. На это Фабиана и рассчитывала.

— Подождите здесь, сейчас я распоряжусь, — ответил Аскил, направляясь к выходу, ведущему на хозяйский двор.

Отилия продолжила хлопотать, не задавая лишних вопросов, хотя по взгляду было видно, что у неё их много. Фабиана прошла к двери, растирая руки, унимая волнение — быстрее бы Аскил подал

карету.

— Вы, выходит, миледи, не будете ужинать? — всё же спросила Отилия, переворачивая жарившуюся форель.

— Нет, Отилия, благодарю. Но будет госпожа Игнэс эрн Ларси.

Кухарка едва не выронила лопатку, глянула на Фабиану через плечо, хмурилась, сжала губы и отвернулась, сдерживаясь от высказываний и очередных вопросов.

Наконец, вернулся Аскил, и Фабиана, не задерживаясь, вышла к воротам, где и ждал приготовленный экипаж.

— Всё же, миледи, нехорошо, что вы в столь поздний вечер едете одна, без должного сопровождения, — обеспокоенно сказал он, глянув за плечо. Фабиана проследила за его взглядом и увидела Отилию у входа.

— Ничего страшного, я быстро... — соврала, взялась за прохладную ручку дверцы.

Не успела она открыть ее, как краем глаза увидела мелькнувший во входе кухни силуэт, повернулась, с оцепенением наблюдая, как Ламмерт стремительным шагом направляется к ней.

Аскил чуть попятилась, Хэварт настиг, будто вихрем, взволнованный и разгневанный, тёмные волосы чуть растрепались от ветра, открыв лоб и хмуро сошедшие чёрные брови на переносице.

— Ты куда собралась, позволь узнать? — в голосе раздражение и сталь.

— Какая вам разница?

В груди скрутился ком, который изрядно мешал говорить, да и что сказать? Она решила покинуть Ристол — вот и всё. Имеет на то право.

На лицо Ламмерта легла пугающая тень, глаза яростно сверкнули.

— Никуда ты не поедешь, немедленно возвращайся в замок.

— Не дождётесь, — отразила.

Ламмерт даже опешил на миг, не ожидая подобного ответа.

— Ты опять подслушивала? — вдруг каким-то образом догадался он, хотя это очевидно, раз она решила столь стремительно исчезнуть.

Но взгляд Хэварта вдруг немного смягчился, мужчина с растерянностью пронизал пальцами волосы, провёл по затылку и нахмурился. Фабиана поняла только одно: нужно избавить его от этого тягостного обременения, которое свалилось ему на голову и тянет. Она уедет и решит всё сама.

— Да, я всё слышала, — ответила глухо, с напряжением, так что горло сдавило спазмом.

— Послушай, она ничего для меня не...

— Вы думали, что это из-за появления Игнэс? — Фабиана нервно засмеялась. — Мне совершенно плевать, с кем вы и как, — выпалила и замерла, когда в воздухе повисла тишина.

Ламмерт, наверное, он и в самом деле так думал, и был прав...

Но она будет полной эгоисткой, если встанет между Хэвартом и Игнэс. Она поможет ему найти Витлара, а Фабиана чем может помочь? Только прибавила ему проблем, натравив самого влиятельного в Вальшторе человека.

Фабиана так и выросла в землю, не чувствуя её под собой, понимая всю пагубность того, что натворила, заключив брак с Ламмертом:

— Я не хочу больше ничего иметь с вами общего. Если бы я знала, кто вы, то лучше вернулась домой с дядюшкой ещё вчера, — выпалила Фабиана, не узнавая своего голоса, себя не узнавая, что может так сказать, но резкие слова сами срывались с губ. Только по другой причине, которую Фабиана не могла понять. — И вы не имеете права меня останавливать. Отойдите, — процедила сквозь зубы.

Ламмерт бросил на неё тяжёлый взгляд, черты лица заметно заострились и застыли, сделались хищными, как и взгляд, пристывший к лицу Фабианы: острый, колющий тёмный. Желваки на лице милорда напряженно скользнули по скулам. В чёрных глазах завихрился смерч, Фабиана ощутила,

как по позвоночнику невольно скользнул холодок. Вот и хорошо, пусть уж лучше ненавидит её и презирает. Так будет лучше для всех.

Хэварт пошевелился и поддался вперёд. Фабиана посторонилась, мужчина с должной силой открыл дверцу, приглашая девушку сесть внутрь. Фабиана незамедлительно нырнула в карету.

— Доброго пути, — ужалил ядом ставший надменным голос Ламмерта, дверка с грохотом хлопнула, отгородив от него, так что Фабиана вздрогнула.

Пробил озноб, пальцы дрожали, дыхание сбилось, хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, лишь бы оказаться как можно дальше от Хэварта эрн Ламмерта.

Скрипнули впереди ворота, и карета тронулась с места.

Фабиана не представляла, куда ехать. На въезде в Вальштор нужно будет выяснить, где находятся поблизости приличные постоялые дворы. Ничего, она найдёт место!

Как бы себя ни успокаивала, чем дальше оставался позади Ристол, тем тяжелее было на сердце и труднее становилось дышать. Как же она привыкла к этому месту, к хозяину замка...

Фабиана сжала складки платья — нужно выкинуть это из головы, вырвать из сердца все чувства, что навалились глыбой, не позволяя вздохнуть. Это было непосильно, одна мысли о том, что она не увидится больше с Хэвартом, ввергала в пучину отчаяния и безысходности.

Приходилось выглядывать в окно, чтобы хоть как-то отвлечься, рассматривая плывущие в прозрачном тумане луга, наблюдать за наползающими на лесные массивы холодными тенями. Но перед глазами вновь и вновь появлялся Ламмерт, его глубокий взгляд и лёгкая растерянность. Он не хотел, чтобы она уезжала. Хотел вернуть. Фабиана кусала губы, гнала прочь мысли о том, что она, должно быть, что-то значит для него.

За мрачными размышлениями путь пролетел незаметно, слишком быстро, чтобы подумать обо всём. На въезде даже в сумрак проезжало много экипажей, все куда-то торопились. Кто-то домой, кто-то в людные трактиры, которых на въезде бесчисленное множество. Попросила остановиться Вернера у самого пристойного двора. Помощник знал эту окраину города лучше, поэтому Фабиана просто доверилась ему.

— Можешь возвращаться, Вернер, — повернулась к мужчине.

Вернер сначала удивился, но не стал ничего говорить, исполняя приказ. Оставшись на обочине одна, Фабиана направилась к воротам, возле которых стояли различные экипажи и постояльцы двора. Дом выглядел достойно, впрочем, как и внутри, светло и уютно: кругом столы, много света, отдыхающие спокойно и с расстановкой разговаривали, и бесшумно передвигались лакеи, обслуживая тот или иной стол.

Фабиана достала кошель и уверенно приблизилась к стойке.

— Добрый вечер, — поприветствовала полноватого мужчину, что натирал сервиз, наблюдая за залом. Только тут он заметил среди остальных Фабиану.

— Добрый, миледи, чем могу помочь? — лицо его оставалось сосредоточенным и важным, будто его занимали сейчас иные постояльцы, нежели невзрачная гостья.

— Мне нужна комната на одну ночь.

— Комната есть, — ответил тут же и кому-то махнул рукой. Тут же к стойке подошла молодая прислужница. — Леди нужна комната, отведи в шестнадцатый номер.

Та кивнула всё уяснив. Расплатившись за место, Фабиана повернулась к девушке.

— Прошу, за мной, — двинулась в сторону двери, завешенной тяжёлым балдахин.

Проходя, Фабиана почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, обернулась, задерживаясь в проходе. К мужчине, что дал ей номер, подошёл другой господин, и всё бы ничего, но тот, чуть наклонившись через стойку, что-то сказал лакею, тот глянул на нее и тут же отвернулся, делая безразличный вид, продолжая натирать стекло. А тот гость взял наполненный бокал и вернулся в зал. Фабиана быстро отвернулась и поспешила догнать провожавшую её служанку. Наверное, ей показалось, теперь каждый раз, если кто посмотрит на неё не так, будет казаться, что против неё что-то замышляют. Ерунда какая-то. Кто её мог знать в этой округе?

И всё же тревога не покинула, когда поднялись на второй, жилой ярус двора и не оказались перед номером.

— Вам что-нибудь нужно, госпожа? Ужин, ванна, что-нибудь из крепких напитков?

— Нет-нет, благодарю, ничего не нужно, — единственное, что Фабиана хотела — это остаться, наконец, одной и понять, что с ней происходит и куда двигаться дальше.

— Хорошо, туалетная комната прямо по коридору, крайняя левая дверь.

Фабиана кивнула, позволив девушки удалиться. Фабиана заперла дверь и прошла вглубь небольшой, но чистой и уютной комнаты. Из мебели кровать, туалетный столик, небольшое зеркало и угловой шкаф для верхней одежды. Фабиана бросила пуловер на стул, прошла к кровати и легла на спину, накрывая лицо ладонями, замерла на мгновение, переводя дух. В голове шумело, в груди по-прежнему тяжесть. Ничего не поменялось. Но это пройдёт, должно пройти. Всё когда-то проходит, да, но только прежней она уже не будет.

Убрав руки, глянула в завешенное коричневыми портьерами окно. Ночь. Ламмерт наверняка уже отужинал с Игнэс. А она охотно предлагала свою помощь, настолько, насколько она это умела. Или продолжает предлагать.

— Всё, хватит.

Фабиана резко села. Чем скорее она всё забудет, тем лучше для неё. И всё же если бы не было этих проникновенных взглядов, чувственных поцелуев, которые она так беспечно позволяла, всё можно было бы намного легче пережить.

Поднявшись, Фабиана неспешно стянула с себя платье, чулки, ощупала повреждённую шиколотку, стянутую плотным жгутом. И, как назло, в голове пронеслось горячим вихрем воспоминание: Ламмерт сидит перед ней на корточках и с нежностью гладит стопу... Для него это не больше чем игра, кто же знал, что она воспримет это так глубоко, опасно.

Это невыносимо. Разозлившись, Фабиана выдернула из волос шпильки, растрепала волосы и, откинув одеяло, улеглась в постель. Спать. Нужно спать.

Но не тут-то было. Уснуть в чужой постели, в незнакомом месте, одной, с ворохом беспрестанных тревожных мыслей и бушующим где-то на самом дне морем чувств оказалось невозможно. И, самое паршивое, навязчивая мысль о том, что Игнэс осталась в замке милорда, рядом с Ламмертом, изъедала нутро. И за что ей это всё?

Фабиана за потоком воспалённых истязающих мыслей не услышала сразу шаги, раздавшиеся за дверью. По коридору кто-то прохаживался, и всё бы ничего, но шаги затихли прямо перед её номером.

Вцепилась пальцами в одеяло и застыла, вжимаясь в постель. Конечно, дверь заперта, но страх всё равно сковал тело, даже дышать застыло в груди. Казалось, время растянулось в вечность, и вот-вот ручка повернётся. Но в следующий миг раздались шаги, вскоре удалились и затихли. Фабиана выдохнула с облегчением и откинулась на постель. Видимо, это просто был кто-то из постояльцев. Но как бы там ни было, тревога не покидала, Фабиана уснула не скоро, а когда открыла глаза, было уже светло в комнате.

Поднявшись, она решила поскорее убраться отсюда, внутреннее чутьё не предвещало ничего хорошего. Одно она знала точно: задерживаться надолго на одном месте не стоило.

Покинув комнату, она двинулась по коридору, спускаясь в трапезный зал. По раннему часу людей за столами было не так уж и много, управляющий встретил девушку таким же ничего не выражающим взглядом.

— Уже покидаете нас, даже не позавтракаете, миледи? — спросил он, откладывая какие-то бумаги, видимо, накладные.

— Спасибо, но я сильно спешу, — ответила уклончиво.

— Что ж, всего доброго.

Фабиана кивнула и направилась через зал, покидая двор. Холодное безмятежное небо дышало чистотой, улица ещё пустовала. Подобрав юбку, Фабиана направилась к кованым воротам, нужно найти свободный экипаж, к счастью, их возле двора стояло много.

Выйдя через раскрытую кованую дверь, девушка повернул к дороге и быстро пошла к каретам. Позади раздались шаги, и не успела Фабиана обернуться, как кто-то схватил её за локоть и дёрнул на себя.

— А ну стой, — злое рычание раздалось над ухом.

Фабиана вострепнулась, попытавшись вырваться, но, разумеется, у неё ничего не вышло, её схватили с другой стороны и повели прочь от ворот. Незнакомые мужчины тащили её прочь, и со стороны выглядело так, будто она в их компании с самого начала. Она хотела закричать, но страх сковал горло железными клещами, да и кому кричать, если на улице пустынно, а поблизости нет ни одного жандарма? Фабиана рванула руку, но тут же поморщилась, когда её сжали с такой силой, что заломило в плече. Понимание ударило обухом запоздало — они давно её тут поджидали, не хотели спугнуть, делать лишнего шума, и тот ночной гость не просто околачивался возле двери, и этот странный взгляд управляющего... Её узнали сразу. Вот только от кого эти люди: от дядюшки или — сердце нехорошо сжалось — от Бартолда эрн Груно?

Не успела она опомниться, как её грубо толкнули в карету, что стояла на противоположной стороне дороги, и замкнули дверцу. Фабиану тут же бросилась отпереть, дёрнула, но ничего не выходило, она откинулась неловко назад, когда карета тронулась с места, гиканье кучера раздалось за стенкой, и лошади ринулись по каменистой дороге, так что Фабиану знатно встряхнуло.

Кто бы это ни был, оставалось только ждать, когда приедут на место. Поэтому подготовиться к встрече у неё было время. Но когда в окне появились знакомые улицы и постройки, Фабиана поняла, что направляется к себе домой. Всё же рук дело дядюшки.

Их последняя встреча была не из самых приятных, и то, что будет ещё хуже, Фабиана готова была пережить. Он бы не стал так рисковать и суетиться, если бы не сделка с высокопочтенным лордом, кажется, у дядюшки и в самом деле появились большие проблемы. И у Фабианы в том числе.

Карета, наконец, въехала в знакомый до каждого кустика роз и дерева двор.

За оконцем мелькнул чья-то фигура, замок щёлкнул. Вобрав в грудь больше воздуха, Фабиана вышла, когда дверца приглашающе раскрылась, и сразу предстала перед внушительной фигурой Витора. Мрачный взгляд на каменном лице упал на девушку, тонкие губы поджались в прямую линию.

— Ну вот ты и здесь, — произнёс он, глянув поверх ее головы, отдавая какой-то безмолвный приказ.

— Очень низко с вашей стороны так поступать, — Фабиана и не знала, что ещё сказать.

— И это говорит блудница, которая отдала честь первому попавшемуся мерзавцу. — Фабиана вытянулась, напрягая спину и плечи, готовясь к очередному удару, но Витор держал себя в руках. — За мной, — отдал он беспрекословный приказ, разворачиваясь к крыльцу усадьбы.

Фабиана обернулась, глянув на подельников дядюшки, которые стояли в стороне и никуда не уходили, наверняка теперь будут следить за домом, чтобы она не смогла сбежать вновь.

Как бы то ни было, она не должна показывать своего страха перед ними. Они прошли в гостинный зал. Фабиана с замиранием оглядела мебель и стены, всё здесь было родным и любимым, но, кажется, что ее не было дома не полмесяца, а годы. Витор прошёл к столу и, схватив бокал, влил в него вино. Его рваные движения выказывали, насколько он был взбешён.

— Зачем вы меня сюда привезли? — спросила Фабиана, пронаблюдав, как мужчина опрокинул бокал, делая большой глоток, осушая содержимое. — Вы теперь не имеете надо мной власти, как бы вам того ни хотелось

Витор глянул на пол, оставил бокал и быстрым шагом приблизился к девушке, придавив тяжёлым замутнённым гневом взглядом.

— Не имею? — переспросил он.

Фабиана сжала губы, конечно, теперь прикрываться новым именем она не могла, ведь не для этого она покинула Ристол, освободив от обязательств милорда. И отчётливо понимала, что дядюшка в полной власти и может сделать с ней что угодно, после того как её имя было опорочено перед всем Вальштором.

Мужчина сжал кулаки, явно борясь с очередным приступом ярости, ему не нравилось, как племянница смотрела на него с вызовом и открыто, не нравилось, что она говорила и как держала себя — всё это его разрывало на части. Он резко вскинул руку и застыл, удерживая себя в последний миг.

Фабиана не могла понять, как нашла в себе стойкости не отпрянуть и не дёрнуться. Витор сжал кулак, его заметно затрясло, красные пятна проступили на щеках и шее. Он схватил девушку за волосы и дёрнул за собой. Фабиана охнула от боли, вцепившись в рукав мужчины, пытаясь оторвать от себя, но не вышло. Он потащил её за собой, нисколько не заботясь о том, что причиняет боль, дёргая, заставляя шевелиться, поднимаясь по лестнице.

На глаза вступили слёзы — жёсткая хватка рвала волосы, и Фабиана почти не видела, куда ступала, тащилась за ним, не останавливаясь.

Они оказались пред её комнатой, дядюшка, отперев дверь, толкнул девушку внутрь, выпуская, Фабиана полетела вперёд, оступившись, чудом не упала.

Витор шагнул следом внутрь, отгораживая её от выхода.

Глава 13

Фабиана

— Теперь ты будешь сидеть здесь, и только посмей сбежать — раздавлю, — прошипел он сипло, — твой муженёк — и не надейся — не найдёт тебя больше.

Фабиана вздрогнула — что он задумал?

— А когда узнает о тебе, ты уже будешь в качестве подстилки для Борданта эрн Груно. Ты его оскорбила. Теперь будешь вымаливать у него прощение. Ты могла бы быть ему женой, а теперь... — Витор в омерзении скривил губы.

— Вы не смеете, я обращаюсь к адвокату! — выпалила яростно.

Витор застыл, превращаясь в глыбу.

— Я могу многое, — прочеканил он, — разве ты это ещё не поняла?

Он помолчал, а потом, повернувшись, пошёл из комнаты, не забыв запереть её снаружи.

Фабиана стояла посередине и не могла пошевелиться, всё это напоминало кошмар, в который он угодила. Но одно она осознавала точно — дядюшка получил большие деньги за неё и любой ценой передаст её в руки владельцу. Медленным шагом прошла к окну, на котором — горько хмыкнула — стояла решётка. Витор готовился к её возвращению.

Накатывающая слабость разливалась в теле бессилием. Что теперь будет? Как вырваться из этого плена, Фабиана не представляла. Все против неё. Даже Танор. Оставалось только ждать. Что нужно этому лорду эрн Груно? Что он хочет от неё получить? По словам дядюшки, он оскорблён и в ярости, а значит, ничего утешительного.

Ещё долго Фабиана ходила по комнате, всё искала что-то, дёргала дверь, оглядывала решётку, исследовала шкаф, но ничего не смогла найти для себя полезного. Двери накрепко заперты, решётка прочная, никаких острых предметов в шкафу не обнаружилось, даже все вазы убраны.

Когда день начал клониться к закату, Фабиана прислушивалась, ожидая, что дядюшка вот-вот вернётся с почтенным гостем, но всё было тихо. Кажется, на сегодня Витор ничего не планировал.

Ближе к ужину замочная скважина щёлкнула, и внутрь вошла Кларисса. Фабиана так и вскочила со стула, обрадовавшись служанке. Девушка выглядела напуганной и растерянной, оглядывалась всё назад, за дверью, оказывается, стоял кто-то. Фабиану даже встряхнуло от ярости, что дядюшка приставил человека следить за ней.

Кларисса поставила на стол поднос с ужином.

— Мне нужно в туалетную комнату, — заявила Фабиана так, чтобы слышал страж.

— Хорошо, миледи, идёте, — Кларисса вышла, Фабиана следом за ней.

Мужчина проводил их напряжённым взглядом, но не препятствовал, а потом Фабиана краем глаза увидела, как тот двинулся следом. Нет, это просто возмутительно! Дядюшка переходит все границы!

Кларисса не разговаривала, была бледная настолько, что россыпь веснушек отчётливо проступали на худеньком лице. Ей, конечно, было строго велено молчать, и Фабиана не стала задавать вопросов. И всё же об одном она тихонько спросила:

— Витор здесь?

Девушка опасливо глянула на дверь и кивнула.

...Вернувшись в комнату, Фабиана вновь оказалась заперта. Глянув на ужин, прошла к окну, наблюдала, как мягко ложатся тени на раскинувшийся под её окном сад. Что-то внутри щёлкнуло, и Фабиана почувствовала горячую влагу на своих щеках, а потом настали пустота и мрак...

...Утром её разбудили шаги, раздавшиеся за дверью, Фабиана поднялась, проведя по волосам рукой. Она вчера даже не раздевалась — уснула в платье.

Дверь раскрылась, и внутрь шагнул дядюшка. Он оглядел её хмурым, злым взглядом, явно недовольный тем, что увидел.

— Приведи себя в порядок, — выпалил.

— Зачем?

— Лучше не гневи меня и делай что говорю, ты поедешь к лорду Бартолду эрн Груно. У тебя есть два часа, чтобы привести себя в подобающий вид, служанка поможет.

Фабиана хмыкнула, дядюшка раздул зло ноздри и вышел.

Оставшись одна, прошла к зеркалу. Вид её оставлял желать лучшего. В комнату вошла Кларисса с ворохом платьев. Они отправились в ванную, служанка помогла вымыть волосы и втерла ароматные масла в кожу. Её готовили для лорда, в этом Фабиана не сомневалась.

Уже через час она была одета, волосы уложены тугими локонами на затылке, спадали каскадом по спине, голубое из плотной ткани платье облегло фигуру, откровенно подчёркивая грудь, талию и бедра. Сходящий след на скуле Кларисса умело припороши пудрой так, что его теперь было не видно. Служанка проводила в зал и испарилась, когда навстречу вышел Витор.

Оценивающе пообеда взглядом племянницу, он подал знак одному из своих приближенных и прошёл к выходу. Один из помощников приблизился к девушке, указал следовать на выход, намереваясь сопровождать её, будто всё ещё опасались, что она может сорваться с места и пуститься в побег.

Плотные облака не пропускали солнечный свет, гулял лёгкий ветерок, который подбирал подол платья и идеально уложенные волосы.

Оглядеться как следует не дали, проводили до кареты и посадили внутрь. Дядюшка сел напротив, Фабиана призвала всю свою волю, чтобы оставаться спокойной и даже равнодушной. Кучер гикнул, и экипаж тронулся с места, их сопровождали всё те же наёмные Витором люди, верхом ехавшие по следу.

Дядюшка напряжённо молчал, Фабиана старалась его не замечать, ей было противно находиться с ним рядом, и она смотрела в окно, гася жгучую ненависть к этому человеку, наблюдая, как проплывают мимо деревья, стараясь не думать, что её ждёт впереди. Но не могла не думать о грядущем, тревога и страх носились по телу зыбкой дрожью, даже холодно сделалось, и немного тошнило. Мысли о Ламмерте пробивались через бурю смятения, и от этого на сердце делалось ещё тяжелее. Он остался далеко, в Ристоле, с Игнэс, а её увозят в неизвестность...

Один из всадников вдруг проехал вперёд, а в следующий миг кучер остановил лошадей. Дядюшка всполошился и схватился за ручку, не понимая, что происходит. Дверца отворилась, и в проёме появился один из сопровождающих.

— Господин, нам перекрыли дорогу.

— Какого чёрта?! — выругался Витор, пытаясь вылезти наружу. — Кто?

Фабиана не услышала ответ, дверца захлопнулась. Гулкие голоса смешались с бешеным биением сердца. Прильнула к оконцу, пытаясь хоть что-нибудь высмотреть. Кто там на дороге?

Но с этой стороны ничего не разглядеть, пересев на другую сторону, Фабиана дёрнула ручку и возликовала, к счастью дядюшка забыл закрыть её. Подобрал подол платья, выбралась наружу и застыла. Дорогу и в самом деле немного преградила другая повозка.

Витор стоял спиной, Хэварт эрн Ламмерт возвышался над ним и что-то говорил, его лицо сосредоточенное и непроницаемое, взгляд мимолётно скользнул вдоль дороги и вернулся, задерживаясь на Фабиане. Витор обернулся, его брови взметнулись в недоумении и тут же сошлись на переносице, он отвернулся, что-то сказал Ламмерту.

Грудь сдавило неверие и волнение, что хозяин Ристола здесь, почти возле её дома, и нетрудно догадаться, что оказался на этом пути вовсе не случайно. Он приехал за ней. После всего того, что она наговорила.

Фабиана, не чувствуя земли под собой, приблизилась, помощники дядюшки было преградили дорогу, но Фабиана обошла их, смерив подобающим взглядом, приблизилась.

— ...вы же не хотите проблем? — донеслись обрывки слов Хэварта. — Или, что ещё хуже — суда. Они у вас непременно будут, если будете преследовать мою жену.

Фабиана задержала дыхание, услышав доводы Ламмерта. Витор заметно напрягся, огладив уложенные волосы, стоит только представить, как его разрывает на части от ярости, холодок пробежался по спине.

— Я понимаю вас и готов принять к сведению всё, но моя племянница сама приехала ко мне. И уж тут нет моей вины, почему она так поступила, уехав от вас.

Фабиана остановилась, смотря на дядюшку, хотя сколько можно удивляться? То, что он подлец, она уже успела понять.

Хэварт посмотрел на Фабиану, сложно было прочесть, что было в его глазах: просьба, злость, требование.

— Дочка, подойди сюда, — подозвал дядюшка, и Фабиану едва не вывернуло наизнанку от столь искусного лицемерия. На что он рассчитывает? После того как волочил её за волосы. Но в одном он был прав — она уехала из Ристола одна неслучайно, и дядюшка это просчитал, надавливая на уязвимые точки.

— Что ты скажешь, хочешь ли ты вернуться к... милорду достопочтенному эрн Ламмерту, дорогая? — начал значительно нервничать дядюшка.

Казалось, мгновения проносились за мгновениями, Фабиана подняла взгляд на Хэварта, сдержанного и невозмутимого, и только в чёрных янтарях глаз с вязким смолистым блеском можно было найти его чувства, которых Фабиана так избегала.

Дядюшка стоял глыбой, и казалось, что самообладание дало трещину, разрывая на части: с одной стороны — не для того она уезжала, чтобы вернуться и окончательно подставить под удар милорда, но с другой...

Хэварт, взяв на себя всю тяжесть выбора, отступил и открыл дверцу:

— Садитесь, миледи, — велел он спокойно, и Фабиана, чуть помедлив, вопреки раздрающим сомнениям, шагнула к экипажу, перестав владеть собой — этот простой жест со стороны Ламмерта всё расставил по местам, и она подчинилась безоговорочно, зная, что этим многое сейчас решила.

Дядюшка было дёрнулся за ней, но остановился, сжимая до проступающих буграми вен кулаки.

Фабиана нырнула вглубь кареты и застыла, её колотило от волнения. Дверца за ней захлопнулась, отрезая от внимания мужчин. Она видела в окно, как по побелевшему лицу дядюшки скользнул спазм плохо сдерживаемого раздражения. Его планы вновь пошли прахом. Но как же всё это опасно, сегодня она вновь спасена, но что будет потом? Страшно представить. Кажется, она ещё больше запуталась в сетях чьей-то чужой злой игры.

Витор отступил и, бросив свирепый взгляд на окно, ловя её силуэт за стеклом, развернулся и широким рваным шагом направился прочь.

Сжав складки своего нарядного платья, Фабиана прикрыла ресницы, дыша глубоко и размеренно. Но побыть в покое не вышло.

Замок щёлкнул, и она встрепенулась, принимая непринуждённый вид, насколько это вообще могло у неё сейчас получиться. На сиденье опустился милорд, закрывая дверцу. Фабиана отодвинулась к стенке ближе, краем глаза видя, как Ламмерт поправил шейный платок и ворот своего чёрного с множествами запонок жакета, так безупречно сидевшего на его подтянутой мужественной фигуре.

Он бросил короткий, почти мимолётный взгляд на девушку, и дал команду возникшему трогаться, отвернулся. Фабиана не осмелилась больше взглянуть на него, но Хэварт и не пытался искать с ней разговоров. И гадать не пришлось — он был напряжён и изрядно зол.

Всю дорогу он продолжал молчать, даже не смотрел в её сторону.

Фабиана не знала, куда себя и деть, так тесно было не только в карете, но и внутри. Безмолвие тяготило и навевало не самые хорошие мысли. Да и с чего ему разговаривать с ней, она ведь высказала своё отношение к нему, своё отвращение к тому, кем милорд являлся. Только это не трогало её, Фабиане всё равно, кто он, она видела то, как он относится. Вот только почему? Почему он приехал за ней, с такой уверенностью, что она уедет с ним? Хотя с чего она это решила? Может, он и не надеялся, но тогда...

Всё слишком запутанно. Намерения Ламмерта разгадать невозможно. Это было непосильно

Фабиане. Особенно в такой близости, когда она слышала сладкий запах цитруса и терпкость еловой хвои, смешанный с его чистым ароматом тела, которое так горячо волновало стеснённое узким корсажем платья сердце, опускаясь свинцовый тяжестью по её телу. Фабиана даже не могла лишний раз пошевелиться, и вскоре от напряжения онемели пальцы на правой ноге, заняло в грудном позвонке от неудобного положения. Но это даже было в пользу. Боль отвлекала от мрачных беспокойных мыслей.

Путь до Ристола оказался невыносимо долгим. Прибыли, когда полдень далеко остался позади. Фабиана уже изнывала поскорее размять ноги и расправить застывшие плечи. Но, кажется, не одна она страдала — на безупречно красивом лице милорда отразилась тень муки, Фабиана едва смогла её уловить.

Ламмерт вышел из кареты и открыл дверцу со стороны Фабианы. Немного удивлённая, вышла наружу. Ламмерт скользнул взглядом по ней так проникновенно и волнующе, что невольно мурашки расплзлись от затылка к шее. Кажется, сохранять молчание всё же он твёрдо вознамерился. Хэварт не стал задерживаться и направился в замок.

Ничего не оставалось, как идти за ним. Мужчина прошёл в зал и замедлил шаг, будто вспомнил о госте, остановился, поворачиваясь к покорно шедшей позади девушке. Фабиана остановилась в шаге от него. На миг они замерли друг напротив друга. Неловкость за собственные нелепые поступки сковала Фабиану, если раньше она не испытывала ничего подобного, то сейчас чувство вины ковыряло нутро, и некуда было бежать. Теперь уже нет.

— Я надеюсь, что ты убедилась в том, что покидать Ристол пока тебе не следует.

Фабиана подняла на него взгляд, собираясь с мыслями, но они предательски ускользали, глупое сердце колотилось слишком быстро, слишком горячо и сбивчиво, когда милорд вот так смотрел — пристально, неотрывно, гипнотизирую свою жертву тёмным взглядом.

— Я не буду вас стеснять, милорд, если вы мне позволите ещё немного побыть у вас, обещаю, что что-нибудь придумаю и найду выход из сложившейся ситуации, — слова полились сами собой в ответ на долгое молчание, лавиной полились, — я что-нибудь придумаю, возможно, мне удастся уехать из Вальштора и...

Фабиана не договорила, Ламмерт приблизился так стремительно, что она сделала короткий вдох на последнем слове, считывая гамму чувств на его лице: смятение, неверие, изумление и что-то ещё, что заставило загореться щёки. Он впился в неё взглядом, а потом медленно, очень медленно опустил его на губы, под тенями ресниц в глубине глаз вспыхнул жадный огонь — обжигающий и завораживающий.

— Что ты несёшь, потрудись объяснить? — вдруг спросил, возвращая взгляд на неё.

Фабиана раскрыла губы, но сказать ничего не смогла. Ламмерт опередил её прежде, чем она сказала хоть слова.

— Знаешь, что я сейчас хочу сделать больше всего?..

Вопрос, словно снег на голову, Фабиана сглотнула, понимая, что всё же смогла вывести господина из себя. Медленно качнула головой, задеревенев всем телом.

— ...Сделать тебя своей женой по-настоящему.

Женой по-настоящему? Как это понять? Фабиана не знала, не знала, что ответить на это, что сделать. Чтобы не казаться глупой и не выставить себя на смех, хотя в его глазах насмешка давно погасла, вместо неё поглощающая влекущая чернота.

Ламмерт чего-то ждал. Ждал, что она ответит.

В груди пекло и предательская дрожь гуляла по телу, заставляя метаться в крайностях, оттолкнуть или... Или всё же ответить, пойти навстречу, коснуться его, запустить пальцы в шёлковые чёрные пряди вдохнуть их запах и прильнуть к губам? Фабиана знала, какими они могут быть мягкими и ласковыми, жадными и настойчивыми. Что будет потом, чего это будет стоить милорду, а ей? Ведь потом ничего не исправить, поддавшись мимолётной слабости...

Если бы она была мимолётной, но онахватило Фабиану всецело, невыносимое напряжение толкало вперёд.

Ламмерт наклонился, его губы приблизились к губам Фабианы, но мужчина задержался застывая, как раз в тот миг, когда Фабиана потянулась к нему сама, на миг их дыхание сплелись, его — пряный горячий. Испугавшись собственного порыва, отпрянула, но Хэварт не позволил — обхватил шею сзади, притянул девушку к себе и жадно приник к губам без лишних предупреждений. По телу

хлынула кровь, перед глазами вспыхнули дуги молний, а в груди затрепетало всё от радости, что он настоял. Фабиана хотела его целовать в ответ, хотя разум ещё пыталась отстраниться, делая жалкие попытки побега, но губы Ламмерта неумолимы — пленили, смяли и заскользили по её губам ещё ненасытнее страстнее, пробуждая целый каскад противоречивых острых как шипы чувств. Дыхание милорда сбилось, а следом его язык толкнулся в её рот окончательно подчиняя.

Всевидающая, как же это... возбуждающе!

Пальцы Фабиана сами скользнули за края жакета, на ощупь погладили сильную невыносимо соблазнительную шею, твёрдый кадык. Хэварт с глухим хрипом выдохнул, на миг, чтобы вдохнуть, разъединил губы, перехватил девушку за талию, скользнул ладонью по спине и выше, его рука каким-то неуловимым образом оказалась на груди Фабианы, он сжал её бесстыдно и дерзко, так что тело вспыхнуло и обмякло от этого позволения. Фабиана ахнула, но на протест это не было похоже. Её качнуло, пьянящие требовательные движения губ, наглые пальцев милорда, не сдерживаясь, хозяйничали на её теле в самых неожиданных местах, переместившись от груди к животу и бедру, разгоняя по телу волны мурашек. Лёгкость наполнила лёгкие, живот, ударило в голову, будто она залпом выпила бокал вина. Ослабевающая сладкая дрожь разлилась по рукам и коленям, стекая к стопам, сквозь пальцы, так томительно что потянуло низ живота. Голову можно потерять, какое желание охватило её прижаться к нему почувствовать его сильное гибкое тело и твёрдость мышц, которые она ощущала через верхнюю одежду. Фабиана нахмурилась, остатками трезвости пытаясь совладать с собой. Она и в самом деле потеряла голову. Глупое тело будто стало расплавленным воском в его руках, как и голова в которой шумела кровь.

Всевидающая, что они делают? Целуются посередине зала. Да их кто угодно может увидеть! Аскил и Игнэс — она ведь осталась в замке?

Фабиана всполошилась.

— Оста...новитесь же..., — прозвучало больше как мольба, чем приказ.

Но Хэварт, кажется услышал, сдержанно выдохнув, отстранился, касаясь горячим дыханием чуть припухших и порозовевших от долгого поцелуя влажных губ Фабианы, их тут же обдало прохладой, царящей в большом зале. И стало так неудобно без жарких губ и глубокого рваного дыхания милорда.

Фабиана пыталась взять под контроль собственное обладание, но не слишком вышло. Едва Хэварт прижал к себе, тесно и порывисто, обнимая, что Фабиану снова бросило в дрожь. Она чувствовала его тугие мышцы, неумное желание, охватывающее его тело дрожью пробирающая даже его дыхание.

— Я готов тебя прямо здесь раздеть, — прошептал грудным голосом, склоняясь к её виску, втягивая запах волос в себя.

От столь откровенного признания сердце сдавило и застучало туго о рёбра, Фабиана отчаянно искала любые слова, чтобы ответить, но в голове ни одной трезвой мысли, а самые бесстыдные: выгнуться дугой, прильнуть теснее к его совершенно сложенному телу. Что за мысли?! Фабиана завозилась, пытаясь вырваться из кольца сильных рук, что успели её надёжно пленить.

— Вы сумасшедший, я уже говорила, — вырвался выдох.

— Ты говорила, — стиснул крепче, и Фабиана отчётливо почувствовала, как ещё сильнее напрягается в ответ тело милорда, как вибрирует от тяжёлого дыхания его твёрдая грудь, а мышцы шеи, так пьяняще источающие порочный мужской запах, натянулись.

Это не ответ?! Запоздало и протестующе прокричал разум, пробиваясь через вязкий дурманный туман, если она могла вообще что-либо соображать, когда вот так откровенно чувствует его призывное возбуждение, ощущая животом, в котором и так горячо и тяжело. Это нужно было как-то прекратить, остановить, это же самая настоящая нелепость! Хотя по всем правилам ничего предосудительного нет. Ведь нет же?! Они женаты, никто не осудит... Но этого не было у неё в замысле! Это... Это неправильно!

— А знаете, что я думаю? — произнесла не своим взволнованным и дрожащим голосом Фабиана, неизвестно откуда собрав храбрость, застывая в его согревающих объятиях.

Ламмерт лишь сузил глаза на это, вглядываясь в неё пристально, наверное, ожидая, что она вновь понесёт крайнюю чушь. И он был прав, потому что собирается сказать не то что думает, что-то куда важнее. Но пусть думает, как хочет, теперь уже терять нечего. — Вы только горазды на поцелуи и провокации, а сказать сами-то что можете? Сказать так, чтобы я вам поверила и последовала за вами? — в глазах потемнело от разыгравшего не на шутку волнения, неужели она такое может сказать! Так открыто и дерзко?!

Но, кажется, это его совсем не пробивало, его величественную спокойную невозмутимость.

— А что ты хочешь услышать, фиалка? — спросил Ламмерт немного подумав, чуть хриплым голосом, вновь склоняясь, касаясь губами её скулы, заглядывая в глаза, словно играя с ней, взглядами, прикосновениями, ровной интонацией. А ещё так близко. Невыносимо близко, откровенно, интимно. — Ты мне нравишься, это так. Несмотря на все твои невыносимые черты: взбалмошность, безрассудство, гордость — даже это нравится в тебе. Я думаю о тебе постоянно, меня волнует, что ты делаешь, когда находишься одна и когда куда-то отправляешься, пытаюсь понять о чём ты в тот или иной момент думаешь. Для меня ты безумно привлекательна, мой взгляд ищет тебя. Я хочу тебя, — Ламмерт перевёл взгляд на висок, склонился к девичьему уху. Губы коснулись мочки, дыхание защекотало нежную кожу, отдаваясь пульсацией в животе. Стены поплыли и Фабиана прикрыла веки, чтобы хоть как-то унять эту безумную круговерть, глубоко вздохнула ощущая, как продолжают растекаться тяжёлые толчки дыхания мужчины по щеке, его шея сейчас так близко, пахнет насыщено, будоража кровь, пробуждая что-то запретное, но невыносимо желанное. — Но я так же вижу, как ты теряешься, когда я касаюсь тебя так, тебе это нравится, когда я... — он чуть сжал лопатки, касаясь губами тонкой кожи на виске, прижимаясь к бешено пульсирующей жилке. — ...Что мне тебе сказать ещё? Ты всё слышала обо мне и знаешь, кто я... — Ламмерт сглотнул и отстранился, опуская веки, смотря на Фабиану из-под припудренных золотистым светом заката ресниц, он, немыслимо красив в этот миг, всё блекнет на фоне него. — Я могу получить то, что хочу, и ты не устоишь... перед этим... — он втянул воздух через нос, — но я не могу так поступить, я не знаю, что будет со мной завтра, через неделю, месяц. Возможно, ты пожалеешь, если вдруг меня... поймают, но жалеть будет поздно — ты будешь носить моего ребёнка, и он будет каждый раз напоминать тебе о твоём проступке. Что ты будешь ему говорить, когда он вырастет? Кто был его отец?

Фабиана слушала, раскрыв пылающие губы, осмысливая то, каких признаний он ей тут наговорил. И, кажется, у него сомнений было куда больше, чем у неё. По крайней мере, в своих мыслях она так далеко не заходила.

— Достаточно, милорд, — прошептала Фабиана, моргая, его пальцы всё ещё сжимали, такие горячие, сильные.

Хэварт поднял взгляд и задумчиво посмотрел куда-то поверх её головы. Чёрные зрачки сузились, и закатный багрянец, как рубин, сверкнул в глубине радужек. Оказывается, у его глаз столько оттенков и граней, как и у их обладателя... Таким он себя ещё не показывал, настоящим, живым.

И следом всё внутри сжалось, когда смысл сказанного обрушился градом. И стало страшно от той опасности, которая нависла над ним и его семьёй. К горлу подступил ком, который Фабиана с усилием сглотнула, видя, как меняется лицо Ламмерта, черты становились резче, губы твёрже, будто он тоже только сейчас осмыслил сказанное. Он, отстранённо глянув на неё и когда Ламмерт отступил, выпустив её, оставляя без своих объятий, тепла, внутри будто что-то надломилось. В глазах Ламмерта, плещущегося тьмой, теперь было больше смятения и отчуждённости, чем когда-либо.

— Да, думаю, достаточно, — ответил он, отводя её взгляд, вкладывая в слова больше смысла, чем это могло бы прозвучать.

Резко втянув в себя воздух Фабиана подхватила тяжёлый подол своего богатого наряда вознамерившись уйти. Ламмерт чуть качнулся, будто желал что-то сделать, но в последний миг передумал, позволил удалиться.

Стремительно покинув зал Фабиана отправилась наверх, пусть её никто не приглашал, но ей крайне нужно оказаться сию же секунду подальше от господина.

Стискивая зубы, поднялась по лестнице, по дороге унимая полыхающий внутри пожар. Слишком паршиво, чтобы думать об этикете и дожидаться пока её проводят.

Почти вслепую влетела в свою комнату, заперев дверь изнутри. Обессиленно прислонилась спиной к створке и прикрыла веки. Всё ещё потряхивало, грудь до боли вздымалась под стиснутым рёбра корсетом.

Задержала дыхание, прислушиваясь будто за дверью должны раздаваться шаги, но нет — было тихо. Ламмерт не последовал за ней. И не собирался. Да и с чего, кажется, они каждый для себя что-то выяснили.

Неожиданная странная тягучая тоска пролилась в сердце жидким свинцом.

Какое он имеет право так с ней поступать, с её чувствами? Нельзя же так! Зачем? Зачем решает за неё? Зачем сначала целует страстно, пылко, порочно, а потом делает вид что ничего не было — ни поцелуя, ни жарких ласк, ни откровенного признания. Какой же скверный у милорда нрав.

Отвратительный!

Горечь с опустошением смешались тошнотворным осадком. Глаза затуманились горячей влагой.

Запоздало пришёл стыд, оставляя только одно чувство — пустоту и злость на саму себя. За то, что позволила увезти себя от дядюшки, за то, что испытала, и говорила о всяких глупостях, за то, что не устояла перед его обаянием и напором. Она ведь уже выяснила, что он привлекательный мужчина, но попала в сети как наивная дурочка. И что хуже всего даже если бы ничего этого не случилось, она представляла бы его губы на своих, млела от его тягучего тёмного взгляда.

Ламмерт прав, всё что она говорит — чушь, но только откуда эта странная неразбериха, бездумные порывы? И ещё прав в другом — он нравился ей. Сегодня она откровенно им восхищалась там на дороге и сейчас... И если бы он настоял...

"Нет! Запрещаю себе!" — нужно забыть, безжалостно вырвать из сердца и выкинуть прочь. Не позволять себе такой слабости: ни взглядом, ни словом, жестом не допустит, никогда. И постепенно всё войдёт в прежнее русло. Наверное. Фабиана постарается.

Неутешительно пронизав пальцами светлые пряди, прошла вглубь комнаты, уходя от мельтешащих мыслей, но тревога ещё долго не покидала сердце.

Глава 14

Хэварт

Утро выдалось на редкость паршивое, по-другому и не могло с учётом того, что полночи провёл в тягостных раздумьях о грядущем, но ещё больше покоя не давало мучительно растущее напряжение от мысли, что Фабиана снова рядом. Совсем близко...

Долго Хэварт разлёживаться не мог, слишком много дел было сегодня. Ещё до завтрака отправился в город, чтобы раздобыть некоторые сведения о королевском тайнике и этом новом созданном магами артефакте.

Вернулся до обеда и сразу погрузился в разработку плана — времени оставалось не так и много, и нужно бы поторопиться и утвердить некоторые детали. Старался не думать о Витларе и о том, что было вчера. Этот весь кошмар не хотелось вспоминать. После того как Фабиана уехала, Игнес заявила к нему в комнату и снова предлагала себя, будто и в самом деле непоколебимо верила, что она что-то значит для него и он признается ей в вечной любви. Самоуверенная и самовлюблённая эгоистка.

Конечно, ей крайне не понравилось, что он выставил её за дверь его личных покоев, и узнать о том, кто заказчики — не удалось. Обиженная и оскорблённая госпожа Ларси заперлась в отведённой ей комнате. Право, порой Хэварта поражало, сколько в ней настойчивости и настырности.

Утром с ней не удалось пересечься — он отправился за Фабианой, а когда вернулся, Игнес, по словам Аскила, выехала из Ристолы по каким-то делам и вернулась поздней ночью. А сейчас, видимо, ещё спала. Где она была и с кем, Хэварту было совершенно не интересно, занимало только одно — что она знает о заказчиках? Так просто она не выдаст такую ценную информацию, пока не получит свою плату — в качестве него самого. Но пусть не надеется даже. Пусть или говорит, или проваливается — это он и собирался ей сказать, когда та проснётся и спустится в зал.

Фабиана... Как бы ни пыталась его задеть и уколоть, что у неё весьма хорошо получилось, Хэварт не смог её отпустить, и как только вернулся Вернер, доложив, где остановилась мисс Ламмерт, утром отправился за ней. И беспощадно злился на себя за это, ведь, кажется, фиалка ясно дала понять, какого она о нём мнения, уехала, даже несмотря на то, что это опасно для неё. Видимо, узнав правду о нем, он стал ей настолько противен, что она не побоялась ни родственничка, ни влиятельного жениха.

И всё же он чувствовал за неё ответственность. Будь она неладна! И был прав, когда, прибыв в гостинный двор, не обнаружил её там и, более того, заплатив немаленькую сумму, разузнал у привратника, что госпожу, как только вышла за ворота, встретили двое мужчин, затолкнули в карету увезли. Здесь и стало ясно, чьих это рук дело, потому Хэварт отправился напрямиком в усадьбу О-Лидер, и как раз вовремя.

Хэварт откинулся на спинку кресла, уставился на дверь, на которую падала из окна полоса яркого солнечного света. Перед глазами стояла Фабиана в нежно-голубом платье, открывающим белую шею и подчеркивающим хрупкие плечи, медовые локоны завораживающе пружинили от ветра, что их тревожил, развивая по комнате, голубые полные тревоги и изумления глаза, такие яркие на фоне пасмурного неба...

Он не смог устоять, даже не смотря на то, что она высказала ему, даже несмотря на собственный

гнев и злость, обещание не прикасаться к ней, забрал её. Всё пошло прахом. И эта её несусветная чушь, когда он понял, что не отпустит её никуда.

Вот только нежная фиалка против. Вздумала поехать за границу, не думая о том, что там у неё могут возникнуть куда большие проблемы, чем скрываться от родственничка и навязанного жениха. Если он и догадывался, что она безрассудна, то не мог представить, что настолько. И откуда только все эти безумные идеи в её светлой головке?

Он усмехнулся. Она до безумия нравилась. И даже когда несёт чушь, смотрит так горячо и холодно одновременно, когда стыдится собственных чувств и желаний. Всё это дико притягивало.

И всё же то, что он наговорил ей после этого страстно-горячего поцелуя, было лишним, Хэварт почти жалел об этом. Но что она хотела услышать, смотря на него так?

За дверью слышались шаги, а в следующий миг створка отворилась — в кабинет вошла Игнэс, собственной персоной.

— Кажется, ты совсем забываешься, — прорычал Ламмерт, убирая со стола ценные бумаги.

— Почему же? Раньше было именно так, и тебя это не смущало.

— Раньше, — уточнил, посмотрев на неё едко.

Как же ей легко это удаётся — распалить его с полуслова. Как и всегда, госпожа Ларси выглядела безукоризненно, узкий корсет выгодно подчеркивал её округлости, которые миледи умело демонстрировала, приковывая к себе даже самые искушенные взгляды. Лицо свежее и отдохнувшее, видимо, хорошо развлеклась с кем-то прошлой ночью. А значит, не держит на него обиду.

Игнэс прошла к столу и бесцеремонно села на край бедром. Борт громко каркнул, когда заметил нахальное посягательство на свою территорию. Игнэс вздрогнула, но не слезла со стола.

— И как он ещё не сдох... — скривила губы. Что-то внутри Хэварта лопнуло, он поднялся с кресла, обошёл стол и, подхватив девушку под локоть, спихнул со стола. — Ты что? Мне больно! — выдернула руку, схватившись за неё. — Ты совсем тут одичал в своей темнице, Хэварт эрн Ламмерт!

Хотелось сейчас ей сказать много чего нехорошего, но вовремя сдержался — всё равно это не принесёт никаких плодов, и лучше нрав Ларси не станет. Как он не замечал этого раньше? Её раздражающей фамильярности и наглости. И, более того, она бессовестно этим пользовалась, пользовалась его уязвимым положением, зная, что он вынужден её терпеть.

— Ты сказала, что знаешь, кто выкрал Витлара, — начал он, не откладывая разговор в долгий ящик, умиряя гнев.

— Я скажу тебе только после того, как ты выставишь эту... — Игнэс смолкла, понимая, что сейчас не стоит перегибать палку, хитрая стерва, — ...девицу и расторгнешь с ней брак...

Хэварт сжал зубы и сощурил глаза. Неужели она думает, что он может это так легко сделать?

— ...Не старайся скрыть, Хэварт, я всё понимаю и вижу, не слепая. Ваш брак фиктивный, ведь так?

— С чего ты это взяла?

— Вы, мужчины, такие смешные! — раскатисто засмеялась Игнэс, положив ладонь на его грудь, но он тут же смахнул с себя её руку. — Можете только самих себя провести, но не женщин. Она ведь скрывается от своего опекуна, верно? И ты услужливо решил ей помочь, я же тебя знаю, Хэварт. И так же уверена, что вы не спите, иначе ты бы не был таким... — она оглядела мужчину, скользнув по груди и шее блестящим взглядом, — ...нервным.

— Твоя прозорливость ошеломляет, — склонился, проговорив в лицо, — только ты ошибаешься.

— И в чём же? — девушка поддалась навстречу, и Хэварт понял, что снова попался на её удочку.

Какие бы слова сейчас ни крутились на языке, Игнэс никогда его не поймёт. Не поймёт, что, помимо плотского влечения, есть что-то больше, глубже — то, чего не объяснить словами. Объяснять ей — бесполезно.

Он отвернулся и прошёл обратно к креслу.

— Это правда. Наш брак ненастоящий, — произнёс правду усилием воли, глянул на дверь, надеясь, что их не подслушивает одна непослушная девчонка. — Я не могу её сейчас проводить из Ристола, — сказал, опускаясь на мягкое сиденье, понимая, что с Игнэс нельзя быть открытым и честным —

она этого недостойна, с ней только вести такую же игру, какую ведёт она — грязную и алчную.

— Почему же, — Игнэс заметно оживилась, глаза жадно заблестели, будто видела его насквозь, видела, что Фабиана здесь как чужая, — вполне можешь. Я думаю, что тебе сейчас гораздо дороже судьба Вита.

— Дороже, но я обещал, а обещания, как ты сказала, что знаешь меня хорошо, я выполняю, не будь я Ламмерт.

Игнэс опустила ресницы и поджала губы, было видно, как она купилась на это, цепляясь за любую мелочь остаться рядом и получить своё.

— Ну хорошо. Но всё же подтверди. Ты ведь не спишь с ней, да?

Хэварт закатил глаза. Это выше его сил.

— Скажи! — надала требовательно, опершись руками на столешницу, вонзила пристальный взгляд, демонстрируя неприлично выпирающие округлости.

А он-то думал, что она уверена в себе, а сейчас сомнение плескалось в её стальных глазах. В который раз убедился, что мисс Ларси — хорошая актриса.

— У меня много дел на сегодня, если ты что-то знаешь — говори.

Игнэс громко вздохнула, выпрямилась и, скрестив руки на груди, посмотрела на него свысока. Как бы она ни пыталась затянуть удавку на его шее, всё равно последнее слово останется за ним. И Ларси хорошо это понимала.

— Нет. Не так быстро, милый.

Хэварт сжал кулак. К такому он хоть и был готов, но это был явный перебор. Теперь только винить ругать себя за то, что оставил её в Ристоле.

— Или... — он поддался вперёд, оглядывая пристальным взглядом, — ...ты ничего не знаешь? — в свою очередь пошёл в атаку. — И если даже и знаешь, то откуда?

— О, поверь, у меня есть источники, — с гордостью заявила Игнэс. — Это ты заперся в этих стенах, а я за это время, знаешь ли, познакомилась со многими важными людьми и... — она продолжала говорить, но Ламмерт её уже не слушал.

К горлу подкатил ком тошноты. Ну да, ему известно, какой ценой ей это всё обошлось. И, что самое возмутительное, Игнэс говорил это открыто и с достоинством. За кого она его принимает, шантажируя его выставить Фабиану в обмен на... неё? Нет, это, видимо, с ним что-то стало не то, когда он встретил фиалку. Ведь Игнэс совсем не изменилась.

— ...Ты меня слышишь, Хэварт?

— Ближе к делу, Игнэс.

— Ну хорошо, только дай слово лорда, что ты сдержишь обещание иставишь её из Ристолы и из своей жизни.

Нет, она точно помешалась. Но Игнэс зря старается, это не придётся делать — Фабиана и так покинет его... О-Лидер не горит желанием провести свою светлую целомудренную жизнь рядом с преступником. Это она показала ещё вчера. Вот только... Проклятье, почему она так страстно отвечала на его ласки, гладила его шею и волосы?

— Говори, Игнэс, — сжал подлокотник напряжёнными пальцами.

— Ты не ответил.

Тишина повисла в воздухе. Он не мог ей ничего обещать, язык будто пристыл к зубам. Глянул на Борта, разрывая зрительный контакт с Ларси. Он должен знать, кто похитил брата, кто заказчик. Если даже он выполнит то, что от него требуют, после никогда не узнает, кто тот человек и чего ожидать от него в будущем. "Врага нужно знать в лицо", — говорил отец.

Хэварт вернул взгляд на застывшую в ожидании Игнэс.

— Обещаю, — процедил.

Края губ девушки дёрнулись в ухмылке, удовлетворенно выдохнув, Игнэс расправила плечи.

— Признаться, я думала, что ты догадаешься сам, и ты прекрасно знаешь этого господина...

Хэварт застыл, призывая терпение, которое, видят Всевидящие, трещало по швам.

— ...Это лорд Бартолд эрн Груно, — повернулась к нему. — Удивлён? — улыбнулась она шире. — Да, наш министр королевской обороны не так чист, как видишь.

— Ты уверена? Это точно?

Если это так, то дела его обстоят намного хуже, чем он думал.

— Точнее некуда. Поэтому... — она вновь положила ладони на стол, опираясь всем весом, — тебе нужно выпроводить мисс О-Лидер как можно быстрее...

Запоздало ярость грозовой вспышкой прошла через тело дрожью. Эта дрянь намеренно добивалась от него обещания, зная, что у него не будет другого выхода, вытягивала ответ, чтобы он сам на это согласился так поступить с Фабианой.

— ...Не кипятись, Хэварт, — на всякий случай убрала руку со стола и чуть отступила, видя потемневший взгляд мужчины.

В дверь вдруг постучали, отвлекая Хэварта от мечущихся молниями мыслей.

Аскил заглянул внутрь:

— Милорд, простите, — мужчина глянул на Игнес, нахмурил брови, — я хотел кое-что уточнить... — начал он неразборчиво, и Хэварт понял, что это что-то срочное, о чём управляющий не хотел упоминать при госпоже Ларси.

— Поговорим позже, — смерил девушку прохладным, но уже равнодушным взглядом.

Та хмыкнула, но всё же послушно приподняла подол своего дорого платья, повернулась к Хэварту:

— Я надеюсь, скоро продолжим, — бросила и, развернувшись, направилась к двери, шурша тканью. Прошла перед носом управляющего гордой поступью.

— Что там, Аскил? — потёр виски, разгоняя пульсирующую болезненными толчками кровь. Рёбра тесно сдавливали сердце и лёгкие, и, кажется, стало слишком душно в кабинете.

— Вам письмо, милорд, — протянул мужчина конверт, — от вашей уважаемой матушки.

Внутри нехорошо кольнуло. Забрал конверт, сломал хрупкую печать, готовясь неизвестно к чему. Конечно, визит Эммера был неслучаен. Так и есть...

Аскил в напряжённо застыл, он всегда относился с теплом и великим уважением к жене отца.

— Ничего серьёзного, — глянул на него Хэварт, — уважаемая Маргрет эрн Ламмерт приглашает на ужин в Фроккол.

— Вы поедете? — тут же поинтересовался Аскил.

Хороший вопрос с учётом того, что матушка действительно, указав в приглашении, непременно желает видеть сына вместе с его женой Фабианой.

В написанных словах было столько уговора и просьб, что отказать ей было невозможно. Будет хуже, если она приедет с визитом сама и застанет здесь Игнэс, как ей потом всё объяснить? А если та посмеет что-то наговорить?.. Да и госпожа Ламмерт может остаться на пару дней или больше. Что нежелательно накануне его сделки. Только вот согласится ли Фабиана посетить с ним его родственников?

— Да, готовь карету, — наконец, сказал он. — И... — Хэварт, подумав, поглядел в окно, — ...скажи Фабиане, сможет ли она уделить своё драгоценное время и составить мне компанию для поездки в Фроккол. Я буду ждать её у ворот через полтора часа.

— Слушаюсь, милорд, — выслушав просьбу, Аскил ушёл, оставив наедине со своими мыслями.

Бартолд эрн Груно... Он вроде бы человек слова и вряд ли намерен сдать Хэварта властям в отместку за то, что присвоил себе его невесту, и тем самым рисковать собственной репутацией, не включая тот вариант, что Хэварт может о нём тоже знать. Когда есть деловые отношения, женщины уходят на второй план. Скорее, Груно не будет впутывать в их сделку Фабиану. Но вот что будет потом, когда заказ будет выполнен? Размышления об этом Хэварт отложил на потом, отправившись к себе.

...Надев чёрный с серебряной каймой по вороту жакет, завязав жемчужный атласный шейный платок, зачесал чистые волосы пятернёй, заглянув в зеркало. Для родственников он должен выглядеть безукоризненно — со стороны у него всё должно быть хорошо. Но только в последний миг Хэварт поймал себя на том, что прихорашивается вовсе не для родственников... Точно как юнец перед свиданием с возлюбленной. Откинув прочь эту глупую мысль, надел перчатки вышел из покоев. Не стоит ожидать, что миледи согласится с ним поехать, да и нужно было самому известить О-Лидера о семейном ужине, а не посылать управляющего, будто Ламмерт чего-то боялся.

Выйдя к воротам, приблизился к стоявшему возле кареты Аскилу.

— Миледи опаздывает или отказалась ехать? — спросил равнодушно, поглядев в окна её покоев.

— Скорее, опаздывает, милорд, — ответил с неуверенностью мужчина.

Ничего не оставалось, кроме как ждать, хотя, признаться, Хэварт уже не надеялся, что миледи выйдет. Впрочем, он может явиться и один, а там что-нибудь придумает, чтобы оправдать своё одиночество. Может, так будет и лучше.

Ламмерт хотел было погрузиться в карету и приказать Вернеру трогаться, как из парадной вышла мисс О-Лидер.

Хэварт, кажется, на мгновение потерял окружение из вида, ослеплённый представшим перед ним поистине очаровательным видом. На фиалке было лёгкое, струящееся небесного цвета платье с открытыми плечами и недлинными широкими рукавами, обнажавшими её тонкие запястья, золотистая цепочка обхватывала талию под грудью, делая фигуру Фабианы ещё более утончённой и женственной. Волосы собраны сзади в высокую причёску, лишь несколько золотистых завитков очаровательно падали на бледную щёку.

Некоторое смущение проступило на скулах девушки румянцем, когда та оказалась под пристальными взглядами мужчин.

Аскил, что стоял рядом, кашлянул, опомнившись первым, отошёл чуть в сторону. Хэварт открыл дверцу с излишней резкостью, приглашая миледи сесть в карету. Фабиана будто этого и ждала, с некоторой спешкой приблизилась, послушно приняв руку мужчины, ровно потому что так было удобнее сесть на сиденье, придерживая длинный шлейф. Но Ламмерт задержал её всё же, сжимая тонкую кисть, такую маленькую и нежную.

— Великолепно выглядишь.

Края губ Фабианы дрогнули в любезной улыбке.

— Вы тоже... милорд, — ответила тихо, соблазнительно облизав губы кончиком языка, Фабиана немного растерянно опустила ресницы и отсела чуть дальше, прячась в сумраке кареты от беспокоящего её взгляда Ламмерта, выдёргивая из его пальцев руку. Даже это у неё вышло изящно.

Тронулись с места и покатали от ворот незамедлительно. Странно, что Игнэс не заметила отъезд Ламмерта, наверняка бы устроила какую-нибудь неприятность и если бы не сорвала, то испортила поездку.

Ехать в одной повозке со сладко и пряно благоухающей миледи оказалось истинной пыткой, было трудно удержаться от лишнего взгляда, не говоря уж о желании прикоснуться к этому нежному восхитительному цветку. Отъехав от Ристолы, Хэварт не удержался от вопроса:

— Почему вы согласились?

Фабиана глянула на него искоса.

— Разве не нужно было? — льдистые глаза засверкали опасными гранями. — Я не могу отказать вашей просьбе, — всё же продолжила, — не хочу быть неблагодарной в ваших глазах, ведь вы мне столько раз помогли... — сказав это, Фабиана сжала губы и снова вернулась к созерцанию окрестностей за окном, давая понять, что больше не намерена разговаривать.

Разумный аргумент, будто он ожидал услышать что-то другое. Хэварт неудержимо скользнул взглядом по её тонкой шее, небольшой аккуратной груди. О-Лидер могла бы предпочесть своё старое платье, но, кажется, она решила в отместку за его прошлую дозволенность вдоволь подразнить его. Руки с тонкими пальцами и розовыми ноготками покоились на коленях — фиалка выглядела расслабленной. Хэварт вернул взгляд на запястья, понимая, что чего-то не хватает. Как раз того браслета, который он купил для неё, он безупречно подошел бы к её наряду. Почти даже пожалел, что не решился, но хотя бы с платьем вышло, которое как раз вовремя сшила портниха.

Он отвернулся, запрещая себе глазеть на жену, сосредоточился на предстоящей встрече, готовясь к

всеобщему вниманию со стороны близких. Оставалось только надеяться, что на ужин госпожа Маргрет пригласила только самый узкий круг родственников...

...Изнуряющий и долгий путь заканчивался, и вскоре шумный город, через который им всё же пришлось проехать, сменился белокаменными усадьбами с виноградниками и фруктовыми садами. Карета повернула влево, и их немного затрясло на каменистой мостовой. Экипаж плавно качнулся и следом погрузился в зелёную, залитую солнечными лучами кленовую рощу. Фабиана заметно напряглась, кажется, вся непоколебимая выдержка фиалки немного пошатнулась, судя по тому, как пальчики сжали складки платья. Поистине, она была готова выпорхнуть из кареты и убежать, лишь бы избавиться от общества вынужденного мужа. Но фиалке придётся потерпеть — ехать пришлось ещё долго.

Роща сменилась холмистыми лугами, и через некоторое время вдалеке показался Фроккол с его высокими башнями, венчавшими остроконечные крыши, а за ним в зеленоватом мареве силуэтом завиднелись загородные дома и обширные виноградные раздолья Вальштора.

— Надеюсь, вы помните, что нам придётся играть счастливых влюблённых? — обратил на себя слишком занятое рассматриванием декоративных деревьев внимание девушки.

Фабиана снова колко глянула на него.

— Разумеется, но не нужно переусердствовать. Вы знаете, о чём я...

Истинное удовольствие наблюдать, как расцветает на бархатных щеках багрянец смущения на строгом лице фиалки.

— Не обещаю, — ответил Ламмерт. Глаза Фабианы негодуя округлились, и Хэварт поспешил добавить: — всё будет зависеть от ситуации.

Карета как раз проехала арочные каменные ворота, погружая их на миг в тень. Ламмерт открыл дверцу, едва экипаж остановился.

Всё было по-прежнему. Посередине площадки сверкал небольшой фонтан, искрясь в солнечном свете брызгами, повсюду кусты из роз и лилий. Маргрет любила цветы, видимо, судя по их обилию, сейчас ещё больше. Воспоминание нахлынуло рекой, здесь Хэварт прожил всё юношество. И если раньше он думал, что многие моменты его жизни стёрлись из памяти, то сильно ошибался, даже воздух здесь был таким же неизменным, как пять лет назад.

Их встретил дворецкий. Хэварт, приблизившись к явно взволнованной фиалке, бережно взял её руку и положил себе на сгиб локтя. Невольная близость прошла тягучей дрожью по телу, и как бы Фабиана ни пыталась делать равнодушный вид, она заметно напряглась, сжимая его предплечье. Ламмерт скользнул взглядом по узким бликовавшим окнам. Наверняка кто-то уже заметил их.

— Может, ты всё же улыбнёшься мне? — тихо попросил.

Мягкие локоны коснулись его губ, когда Фабиана повернула к нему лицо, и едва до неё дошёл смысл сказанного, розовые мягкие губы растянулись в улыбке, и снова сомкнулись в надлежащей невозмутимости. На самом деле он хотел немного развеять чрезмерное волнение, которое каким-то образом передалась от Фабианы к нему, что крайне не понравилось, будто это всё не роль, которую он должен играть, чтобы усыпить бдительность родственников, а самые настоящие переживания. Всё-таки это была плохая затея — взять Фабиану с собой, он бы нашёл какой-нибудь другой выход. Одно дело — притворяться перед незнакомыми людьми, другое — перед теми, кто его знает с пелёнок. И если бы только это — почему-то всё больше казалось, что он сживается с ролью мужа всерьёз.

Хэварт бросил короткий взгляд на Фабиану, которая стала бледной, как полотно. Мышцы спины мужчины ощутимо напряглись, когда в холл навстречу им вышла сама хозяйка Фроккола — госпожа Маргрет эрн Ламмерт. Естественно матушка вышла не одна, а в компании Эммера, на лице которого засверкала довольная ухмылка. Наградив Ламмерта самонадеянным и подстрекательным взглядом, Эммер задержал его на Фабиане, не пытаясь даже для приличия скрыть блеск восхищения.

Затея и в самом деле скверная, потому что внутри Хэварта толкнулось и завибрировало подозрительное чувство превосходства и гордость обладания столь прелестным созданием — Фабианой эрн О-Лидер.

Матушка за эти пять лет почти не изменилась, разве только ещё больше похорошела, не считая той залёгшей печали в глубине глаз с той поры, как умер отец. И всё же они засверкали, когда Маргрет посмотрела на Хэварта, ласковая, сдержанная, со строгими манерами. Улыбка задержалась на её губах, и Хэварт знал, сколько сейчас чувств переполняло её и, если бы не формальность, она кинулась бы его обнимать, но Маргрет, как и полагает достойной хозяйке, перевела взгляд на

Фабиану:

— Рада вас видеть в этом доме. Добро пожаловать.

Лицо Фабианы стало ещё блее.

— Прошу прощение за долгое отсутствие, — начал Хэварт, перехватывая внимание на себя, — по приезду в Ристол насущные дела затянули. Это моя жена Фабиана.

Молодая миледи чуть присела в реверансе, как и требует этикет.

— Моя матушка — госпожа Маргрет эрн Ламмерт, — представил О-Лидер хозяйку Фроккола.

— Приму за честь знакомство с вами, — надо отдать фиалке должное, ее голос звучал ровно и спокойно.

Хэварт глянул на наблюдавшего с явным удовольствием Эммера.

— С Эммером миледи уже знакома.

— И я тоже рад знакомству, — отозвался он.

— Я слышана о вас, Фабиана, — продолжила матушка, и девушка крепко сжала локоть Ламмерта, явно настораживаясь. — Сколько бы о вас ни говорили, но, признаться, даже не думала, что вы настолько прелестны.

Фабиана робко улыбнулась, пряча внутреннее волнение. Хорошо, что Маргрет не из тех, кто собирает сплетни, а возможно, она читала всю эту прессу, только не показывала вида.

— Благодарю, — совсем смутилась фиалка.

— Что ж, слуги уже накрывают на стол, а пока можно прогуляться по парку, если не возражаете, — предложила Маргрет.

Фабиана посмотрела на Ламмерта, ища хоть какую-то поддержку, но тут он не сможет быть с ней постоянно рядом. И ее волновало, конечно, то, что они не обговорили некоторые детали — например, как оправдывать столь стремительное бракосочетание, на которое не был приглашён ни один родственник с обеих сторон.

Хэварт склонился низко к Фабиане, когда Маргрет повернулась к парадным дверям:

— Уверен, у тебя изумительная фантазия.

Фабиана изумлённо округлила глаза, а потом сузила, пронизывая мужчину жгучим укором, но не успела ничего ответить — Маргрет поманила девушку к себе, заставляя мужчин следовать чуть позади.

— Я даже, признаться, тебе нисколько не завидую. Это ж можно умереть от ревности! Как ты собираешься с этим справляться, а, друг? — Эммер издевательски усмехнулся, не отрывая взгляда от точёной фигурки фиалки.

И от Хэварта не ускользнуло, как мужчина пялился на её округлости ниже поясицы, по которым струилась тонкая ткань платья, соблазнительно их облекая. Фабиана даже не старалась как-то подчеркнуть своё пикантное достоинство, мужской взгляд сами задерживались там, где нужно.

— Если будешь так пялиться на мою жену, то не завидовать будут тебе.

Эммер непринуждённо рассмеялся, привлекая внимание Фабианы, которая всего на краткий миг обернулась.

— О чём я и говорю, — отозвался мужчина. — Я прекрасно помню, что с тобой лучше и не соперничать — на поиски хорошеньких девиц у тебя особое чутьё. Но я не удивлён, что такого искушённого охотника смогла поймать эта сладкая конфетка. И не нужно на меня так смотреть, у меня уже есть невеста, и она как раз-таки уже скоро подъедет. Помнишь её Анетту эрн Эвон?

Хэварт в изумлении приподнял бровь:

— Да неужели?! — не смог сдержаться от сарказма в голосе.

— Да, — искренне ответил Эммер, не оскорбившись — это не в его характере.

Конечно, Хэварт помнил эту угловатую высокую девушку — дочь господина Рэйнера эрн Эвона. Он владел, да и сейчас, наверное, владеет ткацкой фабрикой. Потому часто Ламмерт видел его, когда

господин эрн Эвон приезжал к его отцу — они были если не лучшими, то близкими друзьями. И всё же стало любопытно, что могло свести эту неловкую девицу и сына судьи Вальштора.

Вопросы не удалось задать, вместе вышли на крытую широкую, уходящую к водоёму, террасу с белокаменными столбами вдоль неё. Вечер свежей прохладой с глади воды обдувал лицо, умиротворяюще ворошил волосы, заставляя ненадолго забыть о проблемах. И даже можно было предаться этой идиллии, если бы всё было по-настоящему, если бы Вит был в безопасности.

Матушка шла неспешно, разговаривая с Фабианой, та отвечала и приветливо улыбалась. Хэварт понадеялся, что фиалка не слишком утомится от подобного светского вечера и не станет на него злиться, хотя уж лучше злиться, чем будет молчать и, не замечая его, смотреть в окно, когда они будут возвращаться назад.

Хэварт был благодарен Маргрет, что та не стала больше никого звать. Но она никогда и не любила шумных компаний.

— Странно, что тётушки Оливии нет.

Она не пропускала ни одной посиделки и вечно, сколько Хэварт себя помнил, журила его. Он был её любимчиком, и выражала свою любовь она неординарным способом: всяческими беззлобными уколами, которые почему-то всегда задевали Хэварта. Впрочем, ему всегда казалось, что она слегка не в себе. А сейчас, должно быть, и подавно. Сколько ей уже лет? Почти семьдесят?

— Да, — с какой-то задумчивостью и запозданием ответил Эммер, смотря вдаль, — после её ухода стало даже как-то скучно.

— После какого ухода? — не понял Ламмерт.

— Она умерла три года назад... Погоди, — он чуть приостановился, — мы же тебе послали весточку. Ты не получал?

Хэварт чуть сбавил шаг. Может, и получал, но тогда он был... занят другим: гуляньем, играми, прозябанием в трактирах...

— Да, прости, совсем забыл, — ответил, уходя от этого разговора.

Эммер коротко улыбнулся. Дальше разговор пошёл о пустяках, пока Эммер не заговорил о себе. Оказывается, близкий друг пошёл по стопам отца и уже имел высокую должность в верховной судебной власти Вальштора. Чем и заставил задуматься, давая ощутить, насколько их пути разные и крайне противоположные. Но теперь стало понятно, почему так легко сдался и уступил господин Витор эрн О-Лидер, отдав Хэварту свою племянницу без лишних препирательств, когда тот пригрозил судебным разбирательством. Мелькнула мысль о Витларе — посвятить Эммера, но тут же погасла. Эммер, даже будь он хоть самым королевским советником, не сможет помочь вернуть брата.

Вскоре в парк пришёл слуга и объявил, что стол уже сервирован, ужин готов к подаче, потому все вернулись к замку.

— А вот и моя ненаглядная, — Эммер направился к воротам, в которые только что въехал ещё один экипаж.

Глава 15

Хэварт

Хэварт поймал руку немного растерянной Фабианы, сжал в своей — это было не напоказ, а интуитивный позыв передать своё спокойствие и дать понять, что всё хорошо. Фабиана, к удивлению, не вырвала руку.

Пока Эммер встречал свою невесту, Маргрет повела гостей в столовую.

Матушка сияла и выглядела очень довольной, видимо, фиалка и в самом деле произвела самое светлое впечатление. Но разве могло быть другое при взгляде на это ангельское создание? Хэварт пытался выискать в себе хоть долю цинизма, но так и не нашёл, чувствуя тепло тонких пальцев, которые он выпустил только тогда, когда взялся за спинку стула и отодвинул его, чтобы миледи смогла свободно опустилась за стол.

Разместились почти молча, Фабиана бросала беспокойные взгляды на него и даже пыталась почти нежно улыбаться, когда на них смотрела Маргрет. Интересно, о чём они успели поговорить? Фиалка наверняка поделится потом — своим любимым способом.

Пока подавали горячие блюда, разговаривали о мелочах, матушка, конечно, упомянула о любимом

лакомстве Хэварта и Витлара.

— Хэварт любит рыбу, особенно лосось, Витлар на дух морепродукты не переносит, больше предпочитает белое мясо.

Матушка права — у него с братом действительно противоположные предпочтения.

— Я заметила некоторые пристрастия моего мужа, — сказала Фабиана, бросив на Хэварта почти невинный взгляд.

Но, слава Всевидящим, разговор прервал вошедший Эммер со своей невестой, пока матушка не начала рассказывать о более личных вещах, которые для Фабианы неинтересны.

Хэварт, признать, был изумлён, увидев в стройной рыжеволосой девушке ту самую угловатую девчушку с веснушчатыми щеками и руками, напоминающими больше ветки ивы. Сейчас же Аннета хоть и всё равно не была миниатюрной, но всё же ниже на целую голову Эммера. Цвета чайной розы платье шло в тон её кожи и в контраст с яркими зелёными глазами. Нужно признать, от той девочки-подростка мало что осталось. И он бы её не узнал, встретив где-нибудь в другом месте.

А вот Аннета узнала его сразу, обратив на него пристальный взгляд, чем вызвала недовольное ёрзанье Фабианы на стуле.

— Я думаю, что представляться нет необходимости, все мы тут знаем друг с другом, — хитро прищурился Эммер, — разве только, Аннета, имею честь познакомить тебя с супругой Хэварта — Фабианой эрн О-Лидер, теперь уже Ламмерт, — произнёс мужчина с долей гордости.

Девушки уставились друг на друга, и неуместное молчание на миг повисло в воздухе. Кажется, Аннета уже ослышалась о фиалке. Хэварт видел это по скользнувшей тени на овальном лице девушки, Аннета была любознательной особой и наверняка читала газеты. Знает о столь таинственном и скандальном браке, благо недоброжелатели не стали раздувать из этого целую драму, и то хорошо.

Хэварт поднялся и поклонился, как это требуется от мужчины, когда появляется дама.

— Рад встрече.

Аннета мягко улыбнулась:

— Я тоже, милорд, — с вкрадчивостью произнесла.

Эммер обхватил бережно своей широченной ладонью плечо своей пассии, проводил до положенного им места.

С появлением эрн Эвон беззаботная атмосфера явно изменилась. Хэварт долго не мог понять почему, но потом понял, когда стал ненароком ловить, как напряжённо сжимают салфетку тонкие пальчики Фабианы, как напрягаются плечи, когда Аннета начинает говорить и смотреть на Ламмерта — кажется, невеста Эммера пришлась ей не по душе. Сладкое пьянящее чувство неуместно разлилось по груди, когда Ламмерт осознавал, что фиалка его ревнует.

Ужин проходил в бурном общении, к счастью, не затрагивавшем болезненные вопросы, которых опасался Хэварт. Между перерывами смены блюд мужчины выходили на воздух, на открытую широкую лоджию. Ламмерту приходилось наблюдать счастливую физиономию Эммера.

— Кажется, кто-то у нас влюблён по уши?

— Я жду нашей свадьбы, — признался друг. — Я бы раньше заключил брак без всяких пышных торжеств, как это сделал ты, но отец... Ты знаешь, хочет, чтобы всё было, как подобает.

Хэварт усмехнулся. Возможно, если бы был жив Норберт, тоже бы требовал от Хэварта должного отношения. Но его нет, и Хэварт давно сам решает, как ему поступать, чаще это приносит ему много проблем в дальнейшем.

Внезапное появление миледи О-Лидер прервало разговор.

— Слышу, запахло жареным, — подмигнул Ламмерту. — Пойду проверю, стоит ли на столе наше семейное красное вино, — сказал какую-то нелепицу Эммер и уже направился к столу.

Проводив его взглядом, Фабиана медленно, скорее, вынужденно, приблизилась, кажется, не предполагая, что останется с Ламмертом наедине.

— Как тебе вечер? — спросил Хэварт, слыша весёлый заводной хохот Эммера.

Фабиана чуть пожала плечом:

— Довольно приятный, — сухо произнесла, впрочем, другого он и не ожидал.

Неловкое молчание на миг затянулось, и некоторое время было слышно стрекотание сверчков, с сада повеяло свежестью, вынуждая вздохнуть глубже.

— Не хочешь прогуляться? — вдруг неожиданно сам для себя спросил Хэварт.

Фабиана торопливо глянула него, но он успел поймать мелькнувшее сомнение.

— Почему бы и нет? — вдруг согласилась она, когда он уже не ждал ответа.

Вместе они спустились по каменной лестнице, пошли по хрусткому гравию, некоторое время не заговаривая, свернули и неспешно двинулись по выложенной плиткой дорожке. Впервые Хэварт не находил нужные слова, и давящее капканом грудь ощущение тесноты не позволяло вздохнуть полнее. Запоздало он понял, что это было лишним — приглашать на прогулку.

Фабиана отчего-то смотрела назад, подтверждая его мысли, но когда О-Лидер заговорила, понял, что ошибался на этот счёт — голову девушки занимали более насущные мысли:

— Расскажите мне об этой... сделке?

Хэварт напрягся.

— Зачем? — приостановил шаг, когда они вошли в тень раскидистого старого дуба.

Фабиана тоже остановилась, поворачиваясь к нему. Густая кружевная тень от кроны падала на её лицо, вуалью оттеняя сверкающие от проступивших на небе звёзд глаза.

Внезапная мысль отрезвила — Фиалка слишком хороша для него, для той его тёмной стороны, которую он ненавидел и презирал и от которой ему, как бы ни убегал, никогда не избавиться. Ламмерт сделал безуспешную попытку выстроить преграду от её губительно искреннего взгляда, пытаясь уйти от себя, того, что рождалось внутри, когда она смотрела вот так на него. Но барьер безнадёжно рушился, и всё что он мог — тонуть в бездонных омутах.

Фабиана раскрыла губы, чтобы что-то ответить, но задержала дыхание, моргнула.

— Действительно, незачем. Вы правы, — бросила небрежно, будто нисколько не обиделась, и двинулась было дальше, но Хэварт сжал её локоть настойчиво, но мягко, вынудил не торопиться.

— Ты серьёзно хочешь знать? — понижая голос, спросил немного хрипло.

Фабиана прямо смотрела ему в глаза, её зрачки дёргались — она хотела что-то прочесть во взгляде мужчины и вдруг кивнула.

Будто это для него так важно. Проклятье, это было действительно важно. Почти потребность.

— Да, — уверенно ответила, — это, конечно, для вас тайна, но...

— Что?

— Я... — фиалка глубоко вздохнула, — ...я переживаю за вас.

Хэварт некоторое время смотрел на неё, осознавая, как тяжело он дышит.

— Начнём с того, что ты знаешь. А точнее, слышала?

Фабиана беспокойно поджала губы:

— Не так и много, как вы думаете. То, что ваш брат Витлар в плену у тех людей, кто требует от вас что-то выполнить.

— Это всё, ты всё знаешь? — улыбнулся Хэварт.

— Не всё, многое я не понимаю. Что они требуют от вас? Кто эти люди?

— Слишком сложные вопросы, миледи, — провел ладонью вверх от локтя к плечу, чувствуя под тонким платьем тепло. От этого безобидного движения по телу девушки прошла едва заметная дрожь. Глаза Хэварта вспыхнули — как мало ей нужно, чтобы возбудиться. — Точно неизвестно, кто эти люди, — о том, что выдала Игнес лучше не говорить, дабы не травмировать ещё больше фиалку. Ко всему это слова Игнес, а ей доверять нужно в последнюю очередь. — Они как-то узнали о моём... даре, и той жизни, которую я вёл за границей. Я преступник, если тебе так будет легче, — горько

усмехнулся, — я занимался кражами, гулял и играл в развлекательных самых отвратительных заведений, где завсегдатаи — самые безнравственные отморозки.

Фабиана нахмурилась, кажется, вечер обещал быть испорченным.

— Но зачем вы это делали? Вы богаты, у вас есть большое наследство, зачем вам это нужно?

— Ради развлечения, азарта, способ привлечь внимание, быть значимым, — Хэварт убрал руку и провел ладонью по шее, в горло будто песка насыпали, говорить это ей было крайне неприятно, для её нежных ушек слишком... грубо и жестоко, но Фабиана смотрела с вниманием, и на её лице ни капли осуждения или укора, или омерзения, как это было в прошлый раз, когда она уезжала из Ристола. Почему же сейчас слушает спокойно?

— Хорошо, что вы сейчас это понимаете, — наконец, произнесла она.

— Я приехал сюда, чтобы начать всё сначала, забыть всю эту грязь, в которой я погряз. Но, как видишь, не вышло — прошлое неумолимо тянет назад.

— Теперь ведь они не отстанут от вас? Да?

Хэварт глянул на неё, задумавшись.

— Не знаю, фиалка, — ответил честно.

— И вам придётся снова взяться за старое? — додумала она.

— Нет, — ответил резко, сцепив зубы.

— Тогда вам придётся покинуть Вальштор...

Хэварт застыл. Фабиана сокрушённо замотала головой, сжимая пальцы в кулаки.

— ...Вы правы, ещё неизвестно, чем вам обернётся эта сделка, — сказала припоминая их недавний разговор, но в голосе не обида, а дрожь волнения. Хэварт склонил набок голову, вглядываясь в невинное и, кажется, расстроенное личико девушки. Фиалка серьёзно волнуется? — Вас могут поймать. Что конкретно вы должны сделать для них, скажите? — решительно посмотрела в глаза.

И невозможно было ей отказать.

— Ты действительно это хочешь знать?

— Да.

Хэварт терпеливо втянул в себя воздух.

— Я должен проникнуть в королевскую резиденцию и выкрасть очень ценный артефакт, — сказал, наблюдая, как лицо девушки меняется — вытягивает и каменеет, — сейчас весь Вальштор говорит об этой штуке. Артефакт создали сильнейшие из магов, его возможности ещё исследуются, но уже есть результаты — он находит ценные породы, заложенные в пластах гор.

— Из королевской резиденции? — переспросила, пропуская мимо всё остальное. — Да вы с ума сошли... — выдохнула Фабиана, сжав кулаки плотнее, в глазах неверие и даже ужас.

— Мы уже говорили об этом, — напомнил Ламмерт.

Фабиана мотнула головой, опустив взгляд, уставившись в землю, задумываясь над чем-то, и Хэварт представлял, какие противоречивые мысли сейчас роятся в её головке. Фабиана вскинула взгляд, в котором теперь металось недоумение.

— Вас же поймают, там целая гвардия королевских жандармов — как вы собираетесь туда проникнуть?

— Очень просто, — хмыкнул Хэварт, — ...это для меня не составит... труда, — поднял руку, сдёрнул перчатку демонстрируя чуть светящуюся зеленоватым кисть, сжал пальцы, усилием усмиряя скудно сочащуюся через обручи магию, — другое дело если меня сдадут...

— Когда вы отправить на исполнение сделки?

— Осталась пара дней...

Колючее негодование застыло во взгляде Фабианы, на лицо легла холодная тень. Её грудь вздымалась в глубоком дыхании, губы плотно сжаты. Хэварт не понимал, зачем он это всё сказал сейчас, но, кажется, по-другому не мог. Она опутала его сетями.

— А Игнес, кто она для вас? — фиалка была непредсказуема.

Хэварт напрягся, о ком он не хотел говорить так это о своей бывшей любовнице.

— Рассказать, кто она для меня? И что я к ней чувствую? Тебя это волнует?

— Да, — ответила твёрдо вытянувшись.

— Мы познакомились в Гофрите, в одном из тёплых приморских городков, — начал Хэварт издали, слова звучали скупой и сухой, не слишком хотелось ворошить память. — Она понравилась мне из-за своей дерзости, к тому же была красива и казалась умной, но больше потому, что приняла меня таким, каким я на тот момент был, и меня это прельстило. К тому же она воспитана и даже из знатного рода. Я был очарован ею, её находчивостью, смелостью, откровенностью... После смерти отца, я был потерян, был выбит из жизни. Не знал, что делать. И стремился быть значимым, что-то доказать другим, себе, и Игнес отлично помогала мне в этом. Она хотела денег и влияния. И наши пути в некоторой степени совпадали, до определённого момента... Она пошла дальше, а я приехал сюда.

— Она вас бросила? — изумилась.

— Игнес нужен был не я, а моё положение и влияние. Мне казалось, что я нравился ей, я же не могу не нравиться, так ведь? — попытлся изобразить веселье, но не слишком получалось под строгим взглядом фиалки. — Но когда я решил поменять свою жизнь, она разозлилась на меня, я думал, что это проявление чувств ко мне, но когда Игнес не попыталась даже выслушать меня и понять, я осознал, что это всё грязная ложь, в которую мне хотелось верить. Именно поэтому она быстро нашла себе другого любовника, а я благополучно забыл о том, что было... между нами. Но я уже до этого понял, что эта девушка чужая для меня и совсем мне не по вкусу.

И всё же на губах Фабианы отразилась горечь разочарования. Хэварт издал утробный рык и обнял её за плечи.

— Всё что у меня было с ней, всё это не по-настоящему, как я изначально думал, теперь со стороны вижу, что это какая-то лживая игра. Странно, когда я начал намеренно играть в отношения с тобой, это оказалось... — Хэварт смолк, подбирая подходящие слова, но, как назло, не мог выразить того, что смешалось внутри, — ...то, чего я не думал, что когда-то случится, — он явно нес какую-то ерунду, но сейчас в его голове вообще не было ни единой трезвой мысли, когда фиалка так близко и слушала его внимательно, каждое слово, переводя взгляд с глаз на губы и обратно.

— И тем не менее она снова в вашем доме.

— Я пытаюсь понять её мотивы. Но все они вразрез идут с тем, над чем мы оба пришли к решению разорвать связь.

Фабиана сглотнула, некоторое время просто смотря на него, думая над тем, в чём он тут ей признался.

— Она поняла, что любит вас, — опустила ресницы Фабиана.

Хэварт не сразу понял, о чём это фиалка.

— С чего ты это решила? — нахмурился.

— Вы можете этого не видеть, но я вижу, — бросила холодный взгляд, посмотрев в сторону, — она поздно поняла, что вы для неё что-то значите. Я видела её слёзы, и мне было её... жаль. Какой бы она ни была лицемерной, но это так. Она хочет вас вернуть. Остаться с вами.

Фабиана поёжилась, будто ей стало неуютно в его объятиях, сбрасывая с себя его руки, отступила в сумрак дерева, прислонившись плечом к стволу.

— Приехав сюда, я ни разу не вспомнил о ней. А когда она появилась в Ристоле, смотрел на неё и видел те смутные воспоминания, связывающие нас, понимал, что больше ничего к ней не испытываю. Мне жаль, если то, что ты сказала — всё так. — Хэварт приблизился. — Тебя что-то ещё тревожит? — негромко спросил.

— Она ведь вам может чем-то помочь? — обняла себя руками, будто ей стало прохладно.

Хэварт разозлился, разозлился, что он тут ей себя наизнанку выворачивает, а она выдерживает подобающий этикету тон, упрямо пытаясь сохранить дистанцию. Но она не была бы собой, если бы не делала этого. Хэварт навис над ней, но не касался, выставил руку опершись ладонью о грубую кору, рядом с Фабианой.

— Я уже тебе всё сказал, — голос напряжённо завибрировал в связках, в то время как жар пронёсся

по телу пьянящей волной от создавшейся близости.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. С ужасно близкого расстояния. Слишком интимного. Пальцы Хэварта скользнули по коре и прутьям веток, коснулись светлых волос. Он чуть задержался, а потом пронизал на затылке густые волосы, притягивая девушку к себе. В сладко-удушливой тесноте её лицо оказалось перед его, взгляд в упор, соблазнительные губы выдыхали мягкими толчками в его губы. Разум сорвался в пропасть ощущением нарастающего в теле напряжения. В горле пересохло, мышцы затвердели, а штаны в бёдрах стали ощутимо тесными. Желание всецело охватило Ламмерта.

— Теперь ты знаешь, кто я. Я тебе стал ещё больше противен? Ты до сих пор не желаешь со мной иметь ничего общего, фиалка? — произнёс хриплым глубоким голосом, который ему уже будто не принадлежал.

Глаза Фабианы загорелись, глубокие, вытягивающие душу наружу.

— Вы мне никогда и не были противны, — резко призналась она, отчего-то сердито хмурясь.

Хэварт приподнял бровь.

— Прошлый раз ты заявила иное.

Фабиана промолчала, она явно пыталась найти что-то в оправдание, но ничего не получилось. Хэварт почувствовал, как она дрожит, как сбивчиво дышит, бешено пульсирует тонкая венка на виске.

О-Лидер коротко покачала головой.

— И что это значит? — усмехнулся Хэварт.

Но усмешка не соответствовала тому, что было внутри — разжигающийся не на шутку пожар. Дыхание стало срываться с губ, сердце пробивало грудь глухими ударами, в паху невыносимо тяжелело. Хэварт отнял руку от дерева, опустил на узкую талию девушки, скользнул к спине. Фабиана задержала дыхание, опуская веки, немного, совсем чуть-чуть, но всё же поддалась ему.

— Ответь что-нибудь, — попросил он серьёзно.

— Я... — Фабиана на время задумалась. Было видно, как внутри неё что-то безжалостно борется, и Хэварту до отчаяния хотелось знать, что именно, сдерживал себя от того, чтобы не встряхнуть всё из неё немедленно. — ...Я хочу быть вашей женой, милорд. По-настоящему... — сказала на выдохе шёпотом, нещадно кусая свои и без того истерзанные губы, смотря в глаза неотрывно. Смело, она просто предлагает это.

Горло Хэварта пережало спазмом, пальцы сами собой судорожно вжались в спину девушки.

— Фиалка-а-а, ты серьёзно?

На губы лезла дурацкая улыбка счастливого влюблённого, которую Хэварт пытался подавить и только лишь смотреть в её глаза, но всё равно откуда-то из глубины лезло коробившее сомнение, давила напором разгорячённая кровь.

Фабиана подняла руку, робко прижавшись ладонью к его животу, медленно скользнула по груди, задевая атласный платок, касаясь через ткань тугих мышц, пальцы с наслаждением пронизали пряди на затылке мужчины, отчего по позвоночнику к пояснице спустился тяжёлый поток лавы, заполняя всё его тело горячим напряжением.

— Серьёзней некуда, милорд, — прошептала припухшими от поцелуя сладкими губами.

От удара крови в голову в глазах потемнело, возбуждение сумасшедше носилось по телу от пьянящего женского голоса и нежных прикосновений. Хэварт склонился ещё ниже так, что губы едва не соприкасались с губами Фабианы.

— Только... — остановила его Фабиана на тонкой грани, когда он так жаждал завладеть её ртом своим, — ...не говорите мне, чем это может всё обернуться для нас, — в голосе тревога, больше, чем он хотел слышать, — ...пожалуйста, — последняя просьба утонула в глухом стоне, когда Хэварт захватил её губы, сгребая девушку в охапку, опасаясь, что может её раздавить, лишь потому что его мышцы становились стальными, и он не мог контролировать свою силу, себя — внутри звенело напряжение вперемешку с возбуждением.

— Одно я всё же скажу... — нашёл волю отстраниться, — ...ты выбрала не самое подходящее место для признаний, — с глубокой вибрацией голоса проговорил в её губы, прижимая дрожащую девушку к себе теснее, усугубляя и без того сложную ситуацию, углубляя поцелуй.

— Тогда... — на этот раз отстранилась она, чтобы сказать, — ...самое время вернуться в Ристол, — скромно, с обезоруживающей невинностью предложила искусительница, хлопая ресницами.

Хэварт усмехнулся, но улыбка сползла с его губ. Обхватил её лицо, чувствуя всем телом тонкий, гибкий стан Фабианы, впился в неё жадным взглядом.

— Ты действительно не мстишь мне, или, кажется, невинный цветочек всё же решила свести меня с ума окончательно?

— Почему вы так думаете? — в глаза мелькнуло неподдельное смятение.

— Потому что лучшего признания от тебя я и не ждал, фиалка.

Щёки Фабианы запылали, как и губы, которые она раскрыла, чтобы ответить.

— Я дико извиняюсь! — вдруг басисто раздался издали мужской голос, заставил Фабиану вздрогнуть и резко отстраниться. — Безумно вкусное второе остывает, и я советую вам вернуться, — засмеялся Эммер.

Он мало что мог разглядеть в тени, ко всему достаточно стемнело — звёзды на небосклоне стали ярче. Потому мог только опознать спину Ламмерта.

— Нужно идти, — встrepенулась Фабиана, суетливо и растерянно провела ладонями по идеальным, даже не сматым, складкам своего наряда.

Хэварт издал рычание, лишь усилием сдержался, чтобы не задержать её хотя бы ещё на мгновение, но она права: чем быстрее завершится этот ужин, тем...

— Надеюсь, меня хватит продержаться ещё на пару часов, прежде чем мы доедем до Ристол...

Перспектива не радовала. Но всё же пришлось как-то справиться и усмирить своё рвущееся наружу желание, разжать руки и со скрежетом зубов выпустить фиалку, как бы ни хотелось обратного. А потом предстать перед родственниками как ни в чём не бывало. К счастью, у него было немного времени. Пока они дошли до лоджии и поднялись в столовую, дурманный туман немного выветрился из головы.

Весь оставшийся ужин Хэварт не мог выпустить Фабиану из своего внимания. Та почти не притронулась к изысканно приготовленному блюду, впрочем, как и Хэварт. Это вызвало со стороны некоторое недоумение у матушки и усмешку Эммера — этот плут о чём-то таком догадывался. Жутким испытанием стало, когда Маргрет вдруг повела невесток показывать замок.

Фабиана искренне изумилась, когда матушка всех пригласила в галерею. Фиалка приблизилась к портрету Норберта. Обернулась к Хэварту, одарив мужчину изумлённым взглядом.

— Хэварт очень похож на Норберта, — подтвердила молчаливое удивление девушки Маргрет, на лице которой сразу отпечатались грусть.

— А тот портрет в Ристоле? — спросила фиалка. — Я думала, это мой муж.

Хэварт задержал на ней взгляд. Истинным наслаждением было слышать, как О-Лидер произносит это по-настоящему, без всяких вынужденных ролей, называя его своим мужем. Ламмерт никогда не думал, что это может быть настолько... Проклятье — сладостно приятным.

— На том портрете тоже Норберт, только в молодости. Хэварт не любитель позировать. Правда, родной? — засмеялась матушка, посмотрев на него, будто что-то вспомнив.

— О, я помню именно таким господина Норберта, — вдруг втиснулась в разговор Аннета.

— Да, но только внешне, — сложила перед собой руки матушка, как-то натянуто улыбаясь, — нрав у Хэварта немного мягче.

— Витлар тоже похож на отца? — спросила Фабиана и тут же запнулась, понимая свою оплошность.

— А вы разве с ним ещё не знакомы? — спросила Маргрет, тревожно взглянув на Хэварта.

— Витлар благоразумно решил оставить новобрачных и не мешать их первым дням семейной жизни, — вмешался Эммер, спасая ситуацию, хотя Хэварт заранее приготовил отговорку. — Скоро бальный сезон закончится, и он успеет наверстать упущенное.

Хэварт усмехнулся, понимая, что есть такая черта у младшего — надоедать своими фанатичными идеями о магии, хотя в последнее время Витлар был сильно погружён в себя, если вспомнить, что порой и к ужину не выходил из комнаты.

— Очень его жду, — вздохнула матушка.

Хэварту даже стало совестно, что по приезду в Вальштор они не посетили Фроккол. Маргрет действительно ждала их и скучала. С неожиданным удивлением осознал, что никогда бы этого не понял, если бы не...

Хэварт рассматривал профиль Фабианы, что с неподдельным интересом рассматривала картины. Кажется, как бы это ни вызывало странные ощущения, но этой девушке удалось каким-то образом что-то в нём изменить. Но как ей это удалось? Хэварт не понимал.

Фабиана, будто почувствовав его сиюминутное замешательство, обернулась, настороженно скользнув взглядом по мужчине, но её тут же отвлекла разговором матушка.

...Обойдя, наверное, весь, до последнего закоулка, замок, всё же пришло время возвращаться назад, хоть Маргрет ненавязчиво намекала остаться. Эммер с уважением согласился. А Хэварт... Он всегда был таким — неуловимым, вечно занятым, к тому же ему остро необходимо было... украдкой переглянулся с фиалкой, которая очаровательно покраснела — вернуться в Ристол именно сегодня.

Распровавшись с Маргрет и Аннет, вышли к уже ожидавшему экипажу. Эммер, отделившись от женщин, приблизился, задержав Ламмерта ещё на пару минут.

— Если у тебя есть какие-то проблемы, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Фабиана, услышав это, замерла. Хэварт коротко кивнул, приглашая фиалку всё же сесть в карету. Протянул руку Эммеру, тот ответил крепким рукопожатием, и Хэварт, больше не задерживаясь, погрузился в карету и захлопнул дверцу.

— Он что-то знает? — тут же спросила.

— Я ничего ему не рассказывал, — Хэварт посмотрел в окно, наблюдая, как Эммер возвращается на крыльцо замка.

Глава 16

Фабиана

Карета тронулась, в оконце промелькнули огни, и Фроккол остался позади. Лёгкая тошнота — последствия пережитого волнения — сдавила горло. Фабиана сделала пару вдохов, умиряя её.

Госпожа Маргрет оказалась очень очаровательной, отзывчивой женщиной и невероятно красивой, наверное, истинный эталон женственности: густые каштановые волосы, спокойный взгляд, белая кожа и великолепная осанка, её жесты и голос завораживали и заставляли слушать. Наверное, такой изысканный шарм появляется только с опытом и годами.

Хэварт сидел рядом, обняв Фабиану — ладонь так и осталась покоиться на талии неподвижно. Если она думала, что Ламмерт расслабится, когда они избавятся от внимания со стороны, то она ошибалась. Хэварт был ещё больше насторожен, полностью сосредоточен на дороге. О чём-то думал и смотрел в окно, а потом вовсе приказал кучеру ехать только главными дорогами, продолжая сохранять молчание, и Фабиана поняла, что он опасался за неё. Вспомнился тот случай, когда милорд вернулся с пробитой головой, тогда ведь на него напали.

И тут осознание пронеслось по телу зябью — каждый раз он будет ждать, что за углом может поджидать опасность.

Хэварт, будто чувствуя накатившее на Фабиану беспокойство, ободряюще поглаживал, и на время становилось легче.

Стараясь отогнать мутные мысли, Фабиана тоже смотрела в окно, ощущая, как с приближением к Ристолу нарастала внутренняя дрожь. За время пути, какой бы стыд её ни пробирал, не хотела отказываться от своих слов, которыми имела смелость признаться Ламмерту, хоть ещё днём обещала себе другое — избегать его.

Весь вечер он внимательно смотрел на неё, поглощая чёрными безднами, заставляя сердце биться быстрее и горячее... Фабиана же старалась не таращиться на Ламмерта в присутствии других. Но он обреченно притягивал взгляды всех женщин и вызывал уколы ревности в ней, что Фабиана задыхалась от собственного возмущения. Ламмерт был представителем и великолепен. Именно эта мысль пронеслась, когда она вышла к воротам, и он встретил её у кареты. Блестящие чёрные волосы идеально уложены, непроницаемые гипнотизирующие глаза под тёмными разлётами бровей на открытом лице настолько выразительны, что перехватывало дыхание, ко всему его черты подчеркивала присущая всем аристократам немного бледноватая кожа на фоне чёрного с серебряной каймой жакета и чёрными брюками. Как и всегда, куда бы Ламмерт ни отправлялся, на

руках чёрные перчатки из тонкой кожи. Пальцы украшали серебряные перстни поверх.

Прокручивала в голове всё, что сегодня случилось, с того момента как пришёл Аскил с просьбой от Ламмерта. Сначала она хотела отказаться от поездки и закрыть дверь, но в какой-то момент поняла, что поступает как настоящая эгоистка, обиженная на слова Ламмерта, что они не подходят друг к другу, хотя он, наверное, прав, но почему же было так невыносимо горько? В конце концов, взяв себя в руки, Фабиана всё же собиралась с мыслью о том, что нужно вернуть долг Ламмерту за его заботу и защиту. Она ведь многим ему обязана, и пора прекращать обижаться и дуться, как избалованная девица. Не зря он так называл её. Пора действительно взрослеть и брать на себя обязанность.

Но Фабиана и не думала, что вечер закончится именно так — в горячих ласкающих объятиях милорда. Это был сон, Фабиана хотела себя ущипнуть, чтобы проснуться, потому что... Потому что это было слишком хорошо.

Она больше не хотела себя сдерживать и тоже свободно касалась его горячей руки в ответ. Их пальцы сплетались, пуская по телу мурашки. Но выражение лица Хэварта оставалось неизменным — тёмным и задумчивым, а внутри Фабианы всё больше возникало непонятных чувств: желание, страх, блаженство от заботы и поглаживаний Хэварта, неопределённость, неизвестность и снова страх на грани обречённости. И тошнота...

...Карета выехала на главную улицу людного по вечернему часу Вальштора, и Фабиана, немного отвлёкшись, смотрела на неспешно прогуливающиеся парочки, освещённые множеством огней лавки и трактиры. Пока незаметно они не выехали из города. Волнение перед тем, что будет, когда они окажутся в замке, и одновременно облегчение, что они, наконец, в безопасности, переполняли.

...Карета плавно въехала во двор и остановилась. Хэварт вышел первым, помогая выбраться и Фабиане, заботливо придерживая за локоть. В окнах замка кое-где тускло горели огни — в покоях Хэварта и в комнате Фабианы, а ещё в столовой и хозяйской части.

Фабиана подумала об Игнес — она, должно быть, уже спит, не хотелось сейчас с ней сталкивать. Ей ведь ничего не стоит найти предлог привлечь к себе внимание Хэварта и всё испортить. Испортить? Всевидящая! Она уже была готова остаться с ним?! Фабиана вспыхнула. Кто бы мог подумать, что она станет умолять об этом высших?!

Поднявшись на крыльцо, они бесшумно вошли в холл.

— Вот ты и попалась, фиалка, — прошептал на ухо Фабиане в неподвижной тишине.

Хэварт в темноте притянул её к себе, скользнув губами по виску, вдыхая запах волос, жадно, глубоко, будто всё это время только этого и ждал. Он был весь напряжён, и Фабиана невольно почувствовала в этом свою вину, что заставила его сдерживаться столько времени. И когда его губы почти накрыли её, он приставил к своим губам указательный палец,

— Тш-ш-ш, — серебро тускло сверкнуло, бликом отражаясь в чёрных глазах.

Это выглядело так, будто они замыслили какое-то несусветное озорство, глаза Ламмерта действительно озорно блеснули в темноте, а на губах хитрая улыбка, заставлявшая улыбаться и пылать от предвкушения, но Фабиана быстро поняла, о чём он хочет её предупредить — не привлечь внимание мисс Ларси. Как ему это удаётся — уметь расслабляться и находить повод для веселья тогда, когда на них столько всего навалилось?

На них...

Тряхнула головой, подавляя улыбку. Ламмерт молча поймал её руку, сжал в своей и повёл за собой. Фабиана безропотно доверила ему вести себя в темноте. Возле лестницы он остановился и одним лёгким рывком поднял девушку на руки. Фабиана беззвучно охнула, не успев опомниться, как Ламмерт преодолел лестничный пролёт и пронёс к порогу своих покоев. Отпер дверь и внёс девушку в тускло освещённую комнату, поставил на пол, поворачиваясь к порогу.

Оставшись на миг без опоры, Фабиана слегка покачнулась, голова дико закружилась от осмысления происходящего.

Хэварт запер изнутри дверь, Фабиана только успела мельком заметить роскошную обстановку — дорогую мебель, широкую кровать, тяжёлые портьеры и рояль, — как Ламмерт развернул её к себе, обхватив за талию, и притянул почти рывком, нависая опасно скалой. Некоторое время смотрели друг другу в глаза напряжённо и проникновенно. Его грудь тяжело вздымалась на вдохе, губы сомкнуты, тёмные пряди чертили на лице резкие тени. Безумно хищно красив, заставлял тянуться, как к огню, чтобы прикоснуться.

Хэварт, нахмурившись, опустил взгляд, прожигая им кожу губ.

— Тебе понравился сегодняшний вечер? — спросил он, начиная издалека, а может, пытался понять, что она испытывает, о чём думает.

— Да, — ответила коротко, не находя больше слов.

Хэварт склонился, приближая свои губы к губам Фабианы, порывисто вжался, пробирая до мурашек так, что она потеряла на миг опору. Пьянящая лёгкость сменилась тяжестью, опускаясь в живот, растекаясь по бёдрам раскалённым сплавом, одновременно ударяя в голову. Фабиана сжала непослушными пальцами плотную ткань жакета Хэварта, пахнущего так безумно пряно и горячо, что голова начинала кружиться сильнее.

— Ты, должно быть, понимаешь, фиалка, что назад дороги уже нет? — прозвучал глубокий волнующий голос Ламмерта, стиснувшего её сильнее, давая ощутить свою дрожь.

— Знаю...

Хэварт прерывисто выдохнул, быстрыми движениями сорвал перчатки с рук. Коснулся её лица, шеи — жар его чутких пальцев обжег кожу. Чёрные, как ночь, глаза остро сверкали из-под ресниц. Умелые пальцы скользнули вдоль шеи, уверенно поддели подбородок, заставляя сердце гулко и горячо стучать.

Мужчина склонился, зарываясь носом в её шею, его восхитительно пахнущие волосы скользнули мягко по её щеке. Жар бросился к лицу, зажимая дыхание, когда мягкие губы неожиданно прихватили мочку уха, а следом сладко кольнуло в животе, когда губы сменились зубами, что слегка прикусили нежную кожу. И, кажется, стало так жарко и мучительно тесно в груди, что Фабиана уже не могла просто бездействовать, ей хотелось ответить.

Но не успела — рука Хэварта потянулась к завязкам корсажа. Страх смешался с предчувствие чего-то большего, вожделенного. Уже скоро корсаж стал просторным, а дыхание свободнее. Фабиана потянула с плеч Хэварта жакет, лишь для того чтобы побороть это бешено пульсирующее волнение. Стянув его прочь с мужчины и не отдавая себе отчёта, скользнула руками под рубашку, ощутив тугие мышцы живота Ламмерта. Хорошо, что в покоех было мало света, стыд залил девушку до самой макушки и кончиков ушей.

Хэварт позволил касаться себя и не мешал. Наверное, она в его глазах слишком неопытная, и он просто не хочет вводить её в неловкость. Но в ответ на её прикосновение дыхание Ламмерта вдруг сделалось глубже, а мышцы стали твердеть и сокращаться, говоря лишь об одном — его это возбуждает. И всё же неловкость не давала зайти дальше.

— Давай я сам, — предложил Хэварт, принявшись расстегивать многочисленные запонки своей рубашки, развязывая безупречный узел шейного платка.

Всё это время он с предельной строгостью смотрел на неё неотрывно, будто опасался, что Фабиана сорвётся с места и убежит. Но куда ей? Собственное тело отказывалось слушаться, ноги ватные, как и руки, она вся как воск — мягкая и податливая, невыносимо чувствительная к жару его тела и взгляду.

Он ведь должен был найти какое-то возражение, например, что ему нужно отдохнуть, что он должен быть подготовлен и собран, но милорд ничего такого не говорил. Вместо этого без предупреждений подхватил Фабиану на руки, на миг она оказалась в воздухе, а потом прижатая к крепкой груди.

Ламмерт пронёс её к кровати, сорвал покрывало и опустил на белый шёлк простыней. Навис сверху тяжестью тела, проминая матрас. Его глаза буравили, как две чёрные бездны, утягивая в тягучую пропасть, и Фабиана едва ли могла удержаться где-то на краю, чтобы не утонуть, что даже стало и страшно, и восхитительно одновременно.

Он провел рукой по шее, холод металла обжёг кожу ложбинки между ключиц. Сильные пальцы сжали лиф и потянули вниз, обнажая грудь, живот, следом он со сдержанной злостью сорвал нижнее бельё, купленное им, которое Фабиана тоже надела. И осталась совершенно голой перед ним. Взгляд Ламмерта медленно скользнул вниз...

Нет, он стекал чёрной горячей смолой по её телу, лаская и обволакивая. Разве можно ласкать взглядом? Фабиана убедилась — да. Дикое волнение и стыд захлестнул удушливой хваткой. Впервые мужские глаза смотрели на её тело. Желанные глаза желанного мужчины, того, с кем она хочет провести эту ночь.

Ладонь Хэварта легла на грудь. Фабиана замерла, чувствуя, как его пальцы чуть сжали её. И всё же корбящее смущение толкало прикрыться руками, но Фабиана усилием сдержалась, напряжённо,

почти не дыша комкая гладкую простыню.

— Я так давно хочу тебя, с самой первой встречи, — сказал чуть хрипло Хэварт после затянувшегося молчания.

Его голос неведомым образом действовал утешительным бальзамом, умиряя и без того рвущееся из груди сердце. Он отстранился, чтобы сорвать с себя распахнутую рубашку. Жар его тела окутал Фабиану терпко-пряным мандариновым запахом, ставшим ещё ярче, головокружительнее. Последний мост, на котором она ещё каким-то образом удерживалась, сгорал.

Он снова склонился, впиваясь беспристрастно в губы Фабианы, уже рывком стянув её платье до конца, невесомо прильнул почти оголенным телом к её обнажённому. Желанная тяжесть заставила призывно выгнуться навстречу.

— Я бы хотел, чтобы это случилось в другое время, при других обстоятельствах.

— Не говори... те так, — ответила, чувствуя, как внутри что-то щемит и саднит.

Она робко провела рукой по его предплечью, ощущая бугры твердых мышц под гладкой кожей. Ладонь Хэварта бесстыже скользнула от груди к низу живота. И в то время, когда его губы накрыли её, пальцы коснулись внутренней стороны бедра, обжигая место, которое Фабиана сама стыдилась касаться.

Лицо предательски вспыхнуло жаром, но она об этом быстро забыла, когда низ живота сладко потянуло, с губ невольно сорвал тихий стон, который тут же заглушил ворвавшийся в рот язык Ламмерта, в то время как пальцы продолжали гладить, заставляя извернуться и одновременно свободно позволить трогать себя.

Фабиана подалась бёдрами навстречу его ладони, ощущая влагу, свободно потёрлась о его пальцы. Вздрогнула и распахнула глаза, когда пальцы немного проникли в горячую, жаждущую наполненности тесноту. Так сладко и мало, что до отчаяния захотелось ещё, полнее почувствовать его внутри себя, хоть Фабиана и никогда не знала каково это.

— Мстительная искусительница, — прошептал Хэварт в её губы.

В его голосе и словах слишком откровенные и безмерно соблазнительные нотки, как и в уверенных движениях — будто он знал, как доставить удовольствие именно ей. Всё что он делал, безысходно соблазняло Фабиану, дурманило, как тягучий нектар. Он сам весь как этот нектар, который хотелось пробовать на вкус, чтобы проник в неё, в кровь, заполнил всю, этот затуманенный желанием взгляд чёрных глаз из-под прикрытых век, затемнённых ресницами. Он само соблазнение: то, как он выглядит, как двигается, как сложено его тело — горячая грудь, упругий живот, твёрдость, которая вжималась в её бедро даже через ткань брюк раскалённая горячая. Фабиана запоздало поняла, что он всё ещё в одежде.

Мысли запутались, когда его пальцы продолжали ласкать вниз, заставляли предвкушать, что между ними произойдёт уже скоро. Фабиана никогда не представляла себе близость с мужчиной даже в мыслях, пугалась и стеснялась, будто их мог кто-то прочесть, отгораживалась от собственных ощущений, не допускала. Хоть она прекрасно знала, как рождаются дети — в пансионе всякого наслушалась от девушек, которые были довольно-таки разными особами.

В какой-то миг Хэварт, перестав её трогать, отстранился. Послышался шелест, бряцанье обручей на запястьях мужчины — это немного отрезвило. Фабиана рассмотрела его силуэт чуть замутненным взглядом. Ламмерт быстро вернулся к ней, не позволяя подняться. Соприкосновение тел вызвало глубокую дрожь. Дыхание перехватило, когда Фабиана явственно ощутила желание милорда, и эти ощущения без одежды совсем другие: волнующие, будоражащие, чувственные. Фабиана прикусила губу, ощущая горечь цитруса, когда он чуть придавил её к матрасу, нависая сверху.

— Позволишь мне показать, что такое настоящие небеса, фиалка? — от горячего шёпота, проникновенно-порочного взгляда всё тело покрылось мурашками.

— Да... — кажется, Фабиана, уже не отдавала отчёт ни в чём, выдавая глупые ответы, желая только одного — принять его, желание настолько сильное, что пальцы на ногах вдавливались в матрас.

Фабиана ахнула, когда Хэварт, оторвав от неё сводящий с ума взгляд, скользнул губами к груди, бесстыдно обхватил чувствительную вершинку, туго сжав губами. Дыхание в груди зашло, сердце ухнуло в живот, а потом гулко застучало в горле.

— Ты почувствуешь это со мной, — отстранился, — ...обещаю, что тебе понравится, фиалка, — горячо выдохнул на влажную кожу и снова захватил, на этот раз зубами, осторожно прикусив, втянул в себя и выпустил, передвигаясь ниже, одновременно разводя ноги девушки, подтягиваясь к её лицу. Фабиана сглотнула, когда твёрдая плоть прижалась к её животу. — Я постараюсь, чтобы

тебе было не так больно, фиалка, но потерпеть придётся...

Фабиана сглотнула, ответить обернулось трудностью, только могла кивнуть. Хэварт, устроившись удобнее между стройных ног, опёрся руками по обе стороны от головы девушки. Стало слишком тесно, слишком горячо. Чувствовать его было необычно. Неизвестность пугала, но безумная жажда ощутить больше овладела всецело, выталкивая все лишние мысли из головы, только ощущения тел, трущихся чувственно друг о друга, жаждущих друг друга.

Но как бы Фабиана ни была готова, первый мощный толчок вынудил глухо зашипеть и протрезветь. Сладкое напряжение резко сменилось болью и жжением. От чувства распираания внизу глаза мгновенно затуманились. Хэварт склонился к губам Фабианы, заглушил волнение нежным поцелуем, задержался, давая время привыкнуть.

Привыкнуть было почти невозможно, но всё же боль притуплялась.

— Своенравная искусительница, — прошептал Ламмерт горячо и вместе с тем нежно, — непредсказуемая, взбалмошная, моя...

Невольная мысль о том, что Ламмерт решил таким образом отомстить ей за все препирательства с её стороны, посетили внезапно. Однако насколько же изощрённая тактика у милорда. И вместе с тем сладкая, притягательная, что хотелось поддаться навстречу и погасить немедленно эту горячую, тяжёлую, сводящую с ума пульсацию там, внизу.

Фабиана скользнула руками по плечам мужчины, обхватила шею и, забыв обо всех приличиях — уж было не до них, чуть потянувшись, прижалась губами к горячей шее Ламмерта и, когда милорд вытянулся, немного откинув голову, потеряв бдительность, сомкнула зубы, прихватывая кожу. И тут же ахнула, выдыхая в горячую шею мужчины, ощущая его внутри себя неожиданно полнее, едва Хэварт качнул бёдрами.

Зашипел, твёрдый кадык скользнул по горлу. Он крепко перехватил Фабиану и начал двигаться в ней, сначала медленно, потом быстрее, и снова размеренно. Сильные короткие толчки сменялись медленными и плавными, раскаляя её, заставляя тело звенеть и раскалываться от стремительно нараставшего напряжения. Заставляя Фабиану взлетать куда-то в небо, в парящие облака, а потом разбиваться о скалы, вздрагивая от вбивавшегося в её бёдра мужчины, стремившегося слиться, проникнуть полнее, до предела.

Это было похоже на смерть — мучительную и прекрасную одновременно, заставляющую кричать от наслаждения и всхлипывать от того, что мир вокруг рушится, проваливается в пропасть, чтобы вновь возродиться.

Испарина проступила на спине, шее Хэварта, у неё между грудей. Эта сладко-мучительная пытка, казалось, не закончится никогда, заставляя выгибаться, цепляться за плечи Ламмерта, обхватывать его бёдра ногами, впуская глубже, пронизывать чёрные пряди и тянуть назад, а потом притягивать и снова отталкивать, схлёстываться в огненном порыве вновь.

Восхитительно и мучительно. Фабиана не понимала, что с ней творилось, хватала ртом воздух, стремясь лишь к одному — избавиться от этого тягучего комка внизу живота, сковывавшего до спазмов всё тело. В какой-то миг напряжение достигло предельной грани, внезапная оглушающая волна накрыла её с головой, заставляя хватать губами воздух и выгибаться.

Хэварт запустил пальцы в волосы Фабианы, сгрёб их в кулаки, потянул до боли, заставляя смотреть на него. Фабиана запрокинула голову и замерла, пронаблюдав, как по красивому в этот момент лицу мужчине прошла судорога так, что черты лица исказились в какой безысходном мучительном наслаждении. Подхватив под спину, прижал девушку к себе, заставляя Фабиану уткнуться ему в плечо и стонать от блаженства, принимая резкие и быстрые, почти хаотичные толчки мужчины, пока он не начал стонать.

Совершив несколько сильных твёрдых движений, вызывая в теле сладкую судорогу, Хэварт замер.

Некоторое время тяжело дышали. Хэварт посмотрел на неё затуманенным взглядом, в котором Фабиана видела себя, растерянную и обессиленную. Ламмерт не спешил размыкать объятия, хотелось удержать как можно дольше это молчаливое единение сладкого опустошения.

Немного странно и ново для неё, и вместе с тем потрясающе, что хотелось глупо улыбаться. Пошевелилась, не уверенная в том, что вообще сможет это сделать. Хэварт всё же отстранился, лёг на постель, не позволив девушке уползти далеко, притянул к себе, прижимая к своей груди.

Под гулкие горячие удары сердца Ламмерта дыхание успокоилось совсем. Он зарылся носом в волосы, словно хищник, провел ладонью по плечу, лаская. Фабиана теснее прильнула к его разгорячённому боку, чувствуя себя по сравнению с ним крохотной. Подумала о том, что сейчас было между ними, но мысли безжалостно путались, а внутри всё перевернуто с ног на голову.

Возможно, утром Фабиана всё осмыслит и будет мучиться от стыда, упрекать себя, но жалеть, как сказал ей Ламмерт совсем недавно — нет. По крайней мере, думать об этом она не хотела сейчас, находясь в руках мужа. Лежать вместе расслабленными и утомлёнными, дыша запахами друг друга.

— Похоже, мне нужно всерьёз взяться за твоё перевоспитание, фиалка, — сказал Хэварт, вдохнув глубоко, поднял руку и провёл ладонью по шее, прямо по тому месту, где она укусила его, оставив багряный след.

Проснувшийся стыд заставил Фабиану зажмуриться, скомкать простынь и едва не уткнуться в неё лицом. Как она могла себе такое позволить? Фабиана сейчас не могла понять.

— Зато справедливо, не находите?

— Не могу с этим поспорить, — усмехнувшись, согласился Хэварт, безмятежно огладив её волосы. — Но не думай, что это сойдёт тебе с рук, — пригрозил он на ухо так, что Фабиана вновь покрылась мурашками.

Глава 17

Фабиана

Он молчал долго, прижав её к себе, а потом накрыл руку ладонью, поднёс к своему лицу, прикоснулся мягко горячими губами к середине. Отголоски напряжения растеклись по телу горячими волнами, собираясь в укромном месте, где всё ещё было дискомфортно и вместе с тем необычно горячо.

Постепенно усталость накатывала и утяжеляла веки, но Фабиана не хотела так быстро уснуть, желая продлить эти напоенные ласками мгновения. Хэварт ещё долго молчал, мягко и неспешно целовал пальцы, гладил волосы, плечи, необычайно чутко, невыносимо нежно. Но он продолжал даже после соития о чём-то думать, что-то выстраивать в голове и размышлять, казалось, с ещё большим грузом, чем раньше.

Мысли постепенно возвращались и к самой Фабиане, а вместе с ними и память о том, что предстоит Ламмерту совершить. Страх тупой иглой кольнул сердце, стоило только представить, что если вдруг ничего не получится и план провалится. Беспокойство застыло льдом в груди, разгоняя безмятежность. Воздух будто сгущался и холодел.

Но все же будущее представлялось уже не таким ужасным и безвыходным, как было вначале, будто между ними случилось что-то особенное и это что-то изменило, дало надежду и тепло. Невероятное чувство, настолько сильное, что хотелось прижаться к Ламмерту ещё сильнее, ещё крепче обнять, невыносимо хотелось что-то сделать...

— Хэварт, — сорвалось само собой с ее губ. Пальцы, что плавно гладили её руку, вдруг замерли и чуть сжались. Фабиана, осмелившись, приподнялась, посмотрела на мужчину. — Может, мне нужно уйти? — глупый вопрос прозвучал неестественно и чуждо.

На самом деле она хотела сказать другое, сказать, что хочет, чтобы у него всё получилось и всё прошло удачно, как-то поддержать, ободрить, что угодно, но отчего-то не сказала. Вновь испугалась, испугалась этого нового чувства, которое едва только пустило корни, ещё хрупкие и слабые.

Глаза Ламмерта потемнели — вопрос явно не понравился ему. Он тяжело вдохнул отвлёл руку, собрал в кулак простынь и потянул, плотно закутывая её и себя.

— Снова говоришь не то, — чуть с укором произнёс, сжав в объятьях крепко, будто она и в самом деле собралась уходить, склонился к её лицу, — когда ты уже поймёшь, что я хочу видеть рядом с собой только тебя, слышать твой голос, который заставляет что-то внутри надламываться... Видеть твою улыбку... — мягко коснулся пальцами щеки, — только от тебя я хочу детей, — последние слова оборвались, как и что-то внутри у Фабианы, то, что заставило сердце стучать как обезумевшее. Он выдохнул тяжело, — ...спи, фиалка, тебе нужно отдохнуть, — велел твёрдо, без всяких возражений со стороны.

Фабиана улыбнулась, кажется, уже третий раз успев испытать что-то глубокое и сильное. Легла, устраиваясь на его груди удобнее, чувствуя надёжность, защищённость, которые она не испытывала уже очень давно.

Они так и лежали, пока Фабиана не начала проваливаться в сон, ощущая сквозь дремоту размеренное глубокое дыхание Ламмерта. Они так и уснули вместе.

...Ночь для Фабианы была странной. Первая ночь, которую она провела в объятьях мужчины — горячих, надёжных, будоражащих даже сквозь сон. Несколько раз Фабиана просыпалась, не

понимая, где находится, чувствуя рядом с собой Хэварта, который даже во сне обнимал её, прижимая к сильному телу. Тяжесть его руки на бёдрах, горячее дыхание сзади в шею — всё это напоминало о том, что случилось между ними. И даже сквозь дремоту это осознание будоражило и давило. Но Хэварт будто чувствовал её тревоги, чуть менял положение, сжимал в руках сильнее с какой-то непривычной для неё нежностью. И Фабиана вновь уплывала в безмятежное тёплое забытьё.

Но когда она открыла глаза в следующий раз, холодный утренний свет окутывал её, струясь из большого — до пола — окна, разливаясь тусклыми бликами по гладкому дереву огромной рояли. Едва только всходило солнце где-то в тумане, но сна уже не было, и хотелось встать. Когда тяжёлая мужская рука покинула её бедро и скользнула на пояс, задержавшись, Фабиана поняла, что Ламмерт уже давно не спит. Он пошевелился, чуть наклонившись вперёд, горячие губы коснулись виска, скулы, шеи.

— Доброе утро, фиалка, — сладко прошептал на ухо, тревожа дыханием пряди на плече, провёл ладонью по животу, опуская её настырно ниже, безысходно пуская по телу тугие волны жара.

Нежно обгладив там, вернул руку на живот и вверх, сжимая грудь, заставляя дыхание окончательно сбиться. Такого волнующего кровь пробуждения у Фабианы ещё никогда не было. Не вынеся пытку, Фабиана всё же повернула голову, посмотрев в слишком лукавые по раннему часу карие глаза. На красивое лицо, чуть припухшие ото сна веки, полные мягкие губы. Его всегда идеально уложенные волосы беспорядочно взъерошены, что придавало ему совсем другой, не менее очаровательный, затмевающий всё вокруг вид. Взгляд Фабианы произвольно скользнул ниже и задержался на шее, где красовался синеватым подтёком след. Её укус безжалостно напоминал о том, что ночью милорд слегка пострадал.

Он погладил её лицо, проведя пальцами от скулы к подбородку, коснулся большим пальцем нижней губы, продолжая гипнотизировать взглядом. Фабиана поняла, что привыкла к его рукам и уже не замечала некоторых изъянов.

— Вы играете на рояле? — спросила она, вдруг вспомнив об инструменте.

Ламмерт посмотрел поверх головы Фабианы, вернул взгляд обратно.

— С этим как-то не срослось. Отец в молодости увлекался музыкой. Ристол — замок моего деда, и все вещи либо его, либо отцовы. Я здесь почти не жил, не считая шести месяцев после возвращения.

Фабиана вспомнила, что на портрете в кабинете изображён не Хэварт, как она ошибочно думала. Надо бы ещё раз взглянуть на него.

— Сыграешь мне? — вдруг предложил Ламмерт, как-то подозрительно сверкнув глазами.

— С чего вы взяли, что я могу? — смутилась Фабиана, но, конечно, она могла, с самого детства, а в пансионе только улучшила этот навык, но никак не думала, что станет играть для... своего мужа. Сердце как-то нервно ударилось о рёбра. Подумать только!

— Уверен, что можешь, — конечно, опытный взгляд мужчины не обмануть, особенно взгляд аристократа, особенно Хэварта Ламмерта. — Прошу, госпожа Ламмерт.

Фабиана облизала губы, раздумывая.

— Только если вы, расскажете о вашей магии и о том, что произошло с вашими руками, и что это за braslety, — глянула на металл на его запястьях.

— «Ты», говори мне «ты», — с притворной злостью прошипел Хэварт, ласково погладив шею Фабианы.

— Ты... расскажешь мне о своей магии...

Фабиана, сощулив глаза, задумалась, ища какой-то подвох, но любопытство — что же скрывают эти обручи и магия милорда — брало верх. Завозившись, старалась не смотреть на победный взгляд Ламмерта. Придерживая простыню, потянула на себя, сев на кровати, завернулась в ткань, подхватила сбившееся к краю покрывало и не глядя бросила на бёдра — так спокойнее — оставшегося без укрытия мужчины. Осмотрев некоторый беспорядок вокруг, склонилась и подняла рубашку милорда, положив на прикроватную тумбочку, а вот где было её платье, Фабиана так и не отыскала взглядом.

Поднявшись с постели, босыми ногами прошла к инструменту, восхищённо оглядела. Даже пальцы запылали, предчувствуя прохладные клавиши. Проведя по гладкому дереву, села на стул. Почти невозможно было настроиться под пристальным взглядом Ламмерта, которого она всё же видела

боковым зрением, знала, что он смотрит на неё, волнуяще лаская взглядом каждый изгиб. Он явно приготовился слушать, лёг на бок, раскинувшись на кровати, положив голову на согнутую в локте руку, молодой и сильный, и в тоже время хищно-изящный, давал повод для ещё большего волнения.

Открыв крышку, Фабиана потёрла руки, разогреваясь, задумываясь над тем, что сыграть, но одна мелодия всё же просилась быть исполненной. Пальцы прошлись по клавишам, выдавая нужные ноты, пока мелодия не полилась по воздуху ровным темпом, заполняя покои, проходя сквозь всё тело.

Неуверенность и дрожь постепенно уходили из пальцев, движения становились увереннее, и вскоре Фабиана погрузилась всецело в исполнение, забыв на миг о неловкости и даже о Ламмерте, который оставался на своём месте, слушая её. Пальцы двигались сами, помня каждую ноту, грациозно и плавно.

Рояль, по словам Хэварта, уже много лет стоит здесь, но издавал удивительно чистые звуки. Льющаяся мелодия ненароком поднимала в груди волнение и какую-то неясную щемящую тоску.

Фабиана подумала, что, наверное, зря начала с этой композиции. Оборвала где-то на середине, сложив руки на коленях, застыла, возвращаясь мыслями в покои, будто до этого где-то блуждала.

Фабиана напрягла спину, когда Ламмерт зашевелился, откинув пресловутое покрывало как ненужную тряпку, поднялся с постели.

Невольно повернулась и заморгала часто, да уже поздно: прежде чем она подумала, взгляд успел захватить больше, чем желала бы Фабиана — увидеть обнажённое мужское, несомненно, безупречное везде тело милорда: широкие плечи, рельефную грудь, плавно перетекающую в узкую талию, бёдра и...

Фабиана с шумом втянула в себя воздух, прикрыла веки, унимая головокружение. Ноги у милорда тоже идеальные.

Тревожно заелозила на стуле, давя нещадно вспыхнувшее смущение, которое охватило с головы до пят, разрывая на мелкие частицы. Пытаясь собраться с мыслями, Фабиана поправила и без того тугой оборот простыни на себе, запахла плотнее на бедре. Наверное, со стороны она выглядела растерянной и слишком суетливой, хотя ей простительно — полностью обнажённого мужчину она видела при белом-то свете впервые, с которым, между прочим, провела ночь.

Хэварт приблизился к ней. Вот и подвох! Фабиана запрокинула голову, чтобы смотреть лишь на его лицо, чувствуя обонянием сумасшедше пленительный аромат его тела. Разозлилась от того, как мгновенно голова наполнилась туманом и обездвижилось тело.

— У тебя великолепный слух, — произнёс он, глянув на клавиши, — красивая мелодия. Чья она?

Признаться, что сочинила её сама, было дико стыдно.

— Я уже не помню.

— Не ври, — посмотрел твёрдо, разоблачая.

— Это неважно, — сглотнула Фабиана, раздражаясь на собственную глупость и упрямство.

Да, она, конечно, не Игнес которая наверняка нашла бы что ответить, преподнеся себя с достоинством. Фабиана не могла ни того, ни другого.

Сжав кулаки, поднялась со стула — кажется, ей пора уходить.

— Уже скоро завтрак, — бессвязно проговорила, ища взглядом вещи, стараясь не смотреть на Хэварта, — мне нужно привести себя в порядок и...

Мужские руки перехватили и задержали, не позволив сделать и шага к креслу, где и обнаружила своё платье.

— В чём дело, Фабиана? — чуть сердито пророкотал голос над ухом. — Скажи.

Фабиана упершись ладонями о его горячую грудь, застыла, чувствуя удары. Всевидящие, и что же с ней такое? Куда она и в самом деле рвётся?

— Прости, просто подумала, что Игнес...

Хэварт утробно зарычал, подводя взгляд к потолку.

— Будь уверена, она сегодня же покинет Ристол.

— Нет, я не об этом, — замотала головой.

— Тогда что?

Что? Хотела бы она знать... Просто самый завидный мужчина в Вальшторе сейчас обнимает её, говорит всякие волнующие сердце слова, нежно ласкает, смотрит так, будто дегустирует самый изысканный торт. А её вдруг раздражают сомнения по поводу его выбора, и это после того, когда уже всё случилось!

— Наверное, я не слишком... — Фабиана закусил губы, но, кажется, пора учиться развязывать язык и говорить открыто ему о своих сомнениях и страхах — это так странно, — ...я не так опытна для... тебя.

Кажется, она опять сказала какую-то несусветную чепуху.

Хмурость сошла с лица Ламмерта, сменяясь любопытством и интересом.

— Может быть, перестанешь говорить глупости и решать за меня? — Его руки вдруг скользнули по спине, ухватились за край простыни и решительно потянули. — Хочешь, расскажу тебе одну тайну? — с лукавством спросил, меняя тон на терпеливый и интригующий, не отводя от Фабианы взгляда, продолжая разматывать плотную ткань так завораживающе, что она не могла сопротивляться этому. — Мне это и нравится в тебе, твоя непосредственность, что так изысканно сочетается с целомудрием. Нравится, — ещё один разворот простыни, — смелость и любопытство, казалось бы, несовместимая с застенчивостью и робостью, которые пленят и, — последний разворот, — обезоруживают. Тебе, — жадно скользнул по телу горящим взглядом, возвращая на лицо, утягивая в чёрную пропасть, — Игнес и в подмётки не годится, и перестань себя сравнивать с ней. Я тебе запрещаю.

Фабиана решительно задержала скользнувшую с её тела простыню. Глаза Ламмерта темно вспыхнули, в то время как губы сжались в напряжении. Что-то всё же мешало открыться и безоговорочно толкало на то, чтобы одеться и немедленно уйти.

Фабиана уже хотела было закутаться обратно, но неожиданно внутри что-то треснуло и осыпалось пылью, обнажая её настоящие чувства, впуская тягучий взгляд Ламмерта. Разве этого она хочет? Уйти? Фабиана теперь его не только формально, с ним она испытала самые невероятные чувства. Зачем ей куда-то убежать и прятаться, когда она и себе-то не принадлежит.

Сжав шёлк в пальцах, не отводя взгляда от мужчины, потянула с себя простынь, откидывая её назад, представая перед взором Ламмерта полностью обнажённой.

— Просто я... боюсь тебя потерять, — прошептала тихо Фабиана, и казалось, что стены рухнут от ее признания.

Она боялась этого с самого начала, с того момента как Ламмерт привёз её в Ристол в качестве служанки, боялась и до сегодняшнего дня затапливала страх подальше, запирая на замок, игнорируя, не желая допускать его и тем самым так тщательно отгораживалась от хозяина Ристола, чтобы не привыкать... Чтобы потом не было больно...

Ламмерт ещё долго смотрел в глаза, будто пытался что-то осмыслить и понять, а следом его губы тронула едва заметная горькая улыбка, скорее, вызывающая тревогу, а затем пальцы Хэварта взяли её за плечи и чуть сжали.

— Это всё? — спросил вдруг он. — Всё, что тебя беспокоит?

Фабиана кивнула, облизав пересохшие губы.

— Ты не потеряешь, если сама не решишь... уйти, — вдруг сказал он, пронизывая взглядом, притягивая к себе ближе так, что их тела соприкоснулись. Больше не желая ничего слушать, Ламмерт подхватил её под бёдра, что Фабиана только и успела охнуть и обхватить его за шею, чтобы удержаться. — Но сейчас я тебя никуда и не отпущу, что бы ты ни решила, — проговорил в губы, сделав вместе с ней шаг в сторону, опустил на холодную деревянную поверхность инструмента, посадив перед собой.

— Ты обещал рассказать! — возмутилась, когда поняла, что милорд собирается делать.

— Обещал, — он сжал её бёдра и свободно подтянул к себе ближе, — ты задала целых три вопроса, на одну мою просьбу кто-то недавно говорил о справедливости, разве нет? — сверкнул провокационно-мстительным взглядом. — Ко всему считай, что это компенсация за это, — чуть повернул голову, указывая пальцем на след на шее.

— Здесь? — в ошеломлении спросила, осматриваясь, понимая — место для этого не то чтобы неподходящее, а жутко неподобающее.

— Именно, — с невозмутимостью ответил.

— На мой взгляд, не слишком... — прикусила язык, но всё же продолжила, — удобно.

— Мы проверим, — бесцеремонно отнял последние попытки сбежать.

Подхватив колени Фабианы, Ламмерт раздвинул их, прижимаясь неприлично и до жуткого жара тесно, налившая плоть предельно ощутимо упиралась в бедро. Взгляд Ламмерта мгновенно налился магмой и голодом, таким, что по спине Фабианы прошла колючая волна, собираясь внизу живота знакомой предательской, такой же колючей тяжестью. Фабиана подавила желание закрыться руками, свести колени, снова безысходно предаваясь стыду. Это положение, в котором они находились сейчас, слишком откровенное для неё. Дыхание сперло, когда Ламмерт наклонился, опираясь ладонями на поверхность рояля, чуть нависнув, заставил немного откинуться назад.

— В этот раз больно не будет, так что кусать меня не обязательно, фиалка, — сказал предельно серьёзно Ламмерт, — ...но если тебе это нравится, буду весь в твоих отметинах, — коварно сощурил глаза, давая понять, что тогда она точно с ним не расплатится по счетам.

И как у него получается так легко заставить желать его и стыдливо краснеть, сгорая, словно её сунули носом в печку? Ламмерт, бессовестно воспользовавшись её замешательством, качнул бёдрами — на этот раз плавно. Фабиана задохнулась от ощущения наполненности, в глазах потемнело. Не знала, что делать, оказавшись в таком весьма обескураживающем положении, но когда мужчина отстранился и тут же вернулся, вцепилась в его плечи, обхватив ногами пояс, позволяя свободно двигаться. Ламмерт в ответ на это довольно изогнул бровь, чем вызвал ещё больший приступ неловкости.

Он намеренно это делает! Нравится заставить её врасплох и наслаждаться этим!

Боли и в самом деле не было, а было невыносимо сладкое ощущение его внутри себя, от одного этого едва не меркло сознание. Покои плавно закачались от размеренных движений, прикрыв веки, Фабиана почувствовала себя словно где-то над пропастью, встречая каждый толчок тихим стоном, не веря собственному голосу, который безжалостно её предавал, как и нараставшее в глубине тела удовольствие. Такого горячее, пробиравшего до судорог в пальцах.

Дыхание Хэварта участилось и стало сбивчиво-горячим, будоражащим до дрожи.

Ночью она не понимала, что происходило и чего ждала, но сейчас — знала. Выгнулась дугой в то время, когда напряжение током прошло по телу, невольно сжалась, вызывая тем самым судорожный спазм в горле Ламмерта, так что он чуть запрокинул голову, давя рвущийся наружу стон, а следом сгрёб девушку в охапку, задвигался быстрее и твёрже.

Фабиана потеряла опору в то время как окружение завертелось в огненном вихре и сразу же опрокидывало в охлаждающую волну блаженства.

Но это был ещё не предел.

Прижав её к себе, Ламмерт стал проникать так глубоко и сильно, что в глазах темнело. Фабиана жадно хватала воздух, ощущая подкатывавшую давящую волну удовольствия, которая внезапно ударила сразу во все частички тела, оглушая и ослепляя.

Обхватил затылок Фабианы, Ламмерт с жадностью вжался в её губы, заставив задохнуться, продолжив проникать, содрогаясь от накатывающего экстаза, требуя двигаться вместе с ним, одновременно, в одном едином темпе. Сердце заколотилось гулко от нехватки воздуха, но когда мужчина толкнулся в неё, с напряжением вжимая в неё пальцы, Фабиана выгнулась. Бурная волна блаженства разлилась по телу, горячим свинцом заставляя надолго сплестись воедино.

Фабиана без сил прижалась к Ламмерту, повиснув на его плечах. Распаленная, дрожащая, дышала в его шею, пытаясь прийти в себя. Ламмерт тоже не двигался, придерживал девушку за спину, дышал так же рвано, как и она.

Но постепенно марево густого тумана сходило, Фабиана повернула голову, ненароком коснувшись кончиком носа его горячей гортани, жадно втянула мужской запах, одурманивающий, пробирающе-терпкий и сладкий. Притягательного оголенного тела Хэварта хотелось касаться до мурашек, и Фабиана, насмелившись, провела ладонями по широким лопаткам, позвоночнику, впадине на поясице, идя той дорогой, которой он её вёл — чувственности и страсти.

Хэварт обхватил её разбурявшееся лицо ладонями, прошёлся языком по припухшим пылающим губам, заставляя чуть ли не застонать в его рот. Он знал её всю, знал, как вызвать в ней каскад

ощущений, разогнать по телу звенящие осколки блаженства и заставить упасть в его сети.

Игнес не зря пытается его вернуть, поняв, кого потеряла.

Неожиданная горечь встала в горле.

— Какой первый вопрос ты задала? — спросил Хэварт глухо, посмотрев на неё из-под ресниц ещё заволокшимся туманом взглядом. Какой? Если бы она помнила! Все мысли выветрились из головы, и Фабиана мало что сейчас могла сообразить. Но Ламмерт помог: — Рассказать о моей магии?..

Фабиана лихорадочно кивнула, вспоминая, что это именно то первое, что она хотела бы знать о нём.

— ...Она проявилась не сразу, — начал он издали, не откладывая разговор на потом, не отходя даже от этого рояля, где она так бесстыдно только что отдавалась ему, — в тринадцать лет, как раз возраст самого созревания. Сначала у меня, потом у Вита... Отец был не очень рад этому, не знаю почему, хотя ко всем магам он относился равно. Наверное, потому что это навлекло на нашу семью определённое внимание, обязанности и, разумеется, сложности...

— Что за обязанности?

Ламмерт посмотрел в окно, от яркого света зрачки немного сузились, делая его взгляд острым, будто он сейчас смотрел в прошлое.

— Ежегодно появляться на собрании, где мы обязывались рассказывать о том, какие изменения происходили с нами. Этот долг лежит на всех магах до совершеннолетия.

— Почему именно до совершеннолетия?

— Потому что после, магия останавливается в своём развитии. Ты же ведь знаешь, что способности могут проявляться в разных умениях, и это зависит от её мощности? Эти браслеты, — Хэварт отнял руку от девушки и продемонстрировал запястье, скованное металлом, — сдерживают её потоки, потому что её воздействие разрушительное как на окружение, так и на самого носителя магии... Её сложно самостоятельно контролировать.

И тут-то в голове всплыло воспоминание. Игнес ведь говорила что-то об этом в кабинете, когда Ламмерт её выгонял.

— ...Теперь, — продолжил Ламмерт, — хочешь знать, что это? — спросил, выдёргивая Фабиану из размышлений, смотря на неё сверху.

Солнце уже поднялось над горизонтом, и первые утренние лучи, проникавшие в покои, ложились яркой полосой на глаза Ламмерта, заставляя его немного щуриться и нежится в их тепле. А Фабиану любоваться им, наслаждаться.

— Да, хочу, — без колебаний ответила.

Хэварт чуть приподнял подбородок и с каким-то подозрением посмотрел на неё, будто в голове анализировал что-то, но взгляд его стал меняться, делаясь таинственным и явно что-то замышляющим. Он взялся за браслет и снял его с руки.

— Что ж, думаю, сейчас подходящий случай, — сказал, чуть усмехаясь, кладя металл на рояль.

Фабиана недоуменно моргнула, пронаблюдав за его действиями — что он имеет в виду?

— Что ты собираешься делать? — не удержалась от вопроса.

— Сейчас увидишь, — усмехнулся Ламмерт, поворачиваясь к шкафу.

Фабиана насторожилась, напрягшись всем телом, и в то же время стало до мурашек любопытно, что Хэварт ей хочет показать.

Ламмерт поднял руку, по ней от локтя потянулись тонкие паутинки зеленоватого тусклого свечения, которое Фабиане однажды довелось увидеть. Они плавно стекли к мужскому запястью, устремляясь через ладонь к кончикам пальцев, задержались лёгким сиянием на подушечках и вернулись обратно, будто Ламмерт управлял их движениями, сгустились на ладони, распределяясь по следам ожогов.

Фабиана с замиранием перевела взгляд на лицо мужчины. В полумраке свечение отражалось малахитовым блеском в его чёрных глазах, даже сердце замедлило ход, каким прекрасно завораживающим был он в этот миг: лицо мужчины спокойное, а взгляд неподвижен, он управлял

магией и был сейчас её хозяином. Свечение, растворяясь внутри ладони, будто впиталось обратно в кожу, исчезло совсем, и если Фабиана думала, что на этом магия закончилась, то ошиблась.

Хэварт перевёл взгляд на шкаф у противоположной стены, протянул руку, чуть расставив пальцы, будто пытаясь что-то ухватить.

Глухой щелчок раздался вдали. Фабиана вздрогнула и застыла, когда ручка шкафа вдруг повернулась, а петли скрипнули, поддавшись невидимому воздействию, и раскрыли створку. Фабиана так и раскрыла губы, одеревенев, каждый волосок на её коже поднялся от ошеломления. Это было невероятно! Вразрез шло с её привычным восприятием, но всё же Фабиана видела это, хоть и с трудом верила глазам.

Но то, что последовало дальше, повергло в шок: небольшая коробка, стоявшая на верхней полке, вдруг соскользнула вниз и застыла в воздухе.

Фабиана быстро перевела взгляд на Ламмерта, который оставался сосредоточенным и в то же время спокойным. Хэварт вытянул шею, чуть приподнимая подбородок, опустил немного руку, разворачивая ладонь вверх, притянул коробку к себе. Она, свободно пролетев по воздуху, оказалась в его руке так стремительно, что Фабиана едва успела уловить этот момент.

Ламмерт моргнул, посмотрел на побледневшую девушку и тут же нахмурился.

— Испугалась, фиалка? — с какой-то тревогой вдруг спросил, коснувшись свободной рукой её щеки, убирая прядку за ухо.

Фабиана сглотнула и покачала головой, смотря на коробку в руке мужчины. Испугалась? Да она в лёгком потрясении! Как это вышло? Это так... восхитительно, что у неё слов не нашлось что сказать.

— Никогда ничего подобного не видела, — прошептала лишь, смотря на мужчину с восторгом.

Хэварт усмехнулся.

— Ты бы и не смогла увидеть, магия запрещена в Вальшторе и окрестностях, только избранные и те, кто находятся в окружении, короля могут получить разрешение на её пользование. А особенно запретна моя магия... О том навыке, который я развил, не знает никто. Подержи, — вдруг отдал ей коробку и, взяв браслет с рояля, надел его обратно на запястье, чуть морщась, сведя брови, будто что-то доставляло дискомфорт.

Фабиана посмотрела на коробку, взвешивая её тяжесть. Что там?

— Магия притягивает все предметы или только определенные?

— Определенные, те, что состоят из сплавов различных металлов.

Вот поэтому створка шкафа поддалась, и дверь, которую она заперла на ночь, когда Ламмерт смог открыть её и ворваться в комнату, и её драгоценности, которые он запросто нашёл, будто точно знал, где она их спрятала! Фабиану пробрало онемение.

Ламмерт взял из рук девушки коробку и открыл крышку, посмотрев на Фабиану с каким-то заставляющим заволноваться блеском в глазах. Отложил крышку. Фабиана опустила взгляд. В утренних лучах сверкнул жемчужно-розовой тонкий обод браслета. Да, это был именно браслет, Фабиана не ошиблась.

Хэварт взял его с белой бархатной подушечки, отставил коробку.

Фабиана посмотрела на мужчину растерянно, бегая взглядом по его лицу, в голове сразу столько мыслей, что она не успевала ухватываться хоть за одну.

Металлы. Запретная магия. Артефакт.

По телу прошла зыбкая дрожь от осознания полного представления о Хэварте эрн Ламмерте.

Он взял запястье Фабианы, немного сжал в горячих пальцах, немного отрезвляя.

— На самом деле я давно купил это украшение. Для тебя. И давно хотел подарить, — вдруг сказал он, обескураживая окончательно, — ...но подумал, что ты не так меня поймёшь... Ведь наш брак считался фиктивным. Позволишь?

Купил для неё... давно?

Поняв, что Ламмерт хочет сделать, Фабиана задержала дыхание.

— Насколько давно? — спросила чуть хрипло — голос перестал слушаться.

Хэварт посмотрел на неё предельно серьёзно, будто всё это очень важно для него, во взгляде не было насмешки и отчуждённости, он твёрдо готовился сделать ей подарок.

— После того как мы стали мужем и женой, — края губ мужчины чуть дрогнули в волнительной улыбке.

Дыхание спёрло, и Фабиане сделалось совсем душно, она ощущала, как на щеках сгущается жар, а горло сдавило от разыгравшегося волнения.

— Это изделие сделано из ценной породы, которые только начали добывать маги. Оптон уже прославился своим особым сплавом.

Его пальцы скользнули по кисти девушки, сжали пальцы. Ламмерт неспешно надел украшение на руку Фабианы, и она видела, как в его лице отражается удовольствие подарить ей такую вещь. Кисть проскользнула в обод, обжигаясь о холод металла, что лёг на запястье непривычной тяжестью. Удивительное и потрясающе красивое, изысканно украшенное драгоценными камнями, будто сбрызнутыми росой, оно ослепительно сверкало в солнечных лучах. Сколько же оно стоит? Фабиана и представить не могла.

Ламмерт посмотрел на неё.

— Так и думал, — сказал он, усмехаясь каким-то своим мыслям, не выпуская пальцев, поднёс к своим губам, мягко коснулся ими самых кончиков, — украшение безупречно подчеркивает твою трогательную немыслимую красоту, моя нежная фиалка.

— Это те ценные породы, которые находит тот артефакт, созданный магами, что ты должен... украсть?

Ламмерт застыл, а оптом остро посмотрел на неё.

— Да, — ответил с неохотой.

Фабиана опустила взгляд на своё запястье, теперь скованное украшением, и тут же подняла на Ламмерта, высвободила руку. Хэварт не стал задерживать, но холодная тень отчего-то легла на его лицо. Фабиана протянула руку и коснулась его щеки, заглядывая в глаза.

— Если ты останешься без своих обручей, магия тебя... убьёт?

Хэварт сглотнул.

— Да, как и Вита...

Фабиана поджала губы. Эти мерзавцы, кто его похитил, без промаха знали, на что давить. Хотелось задать ещё один вопрос, но не смогла — в дверь вдруг постучали.

Хэварт повернул голову, а Фабиана спряталась за ним, будто в покои может кто-то войти, хотя она прекрасно помнила, что дверь закрыта.

— Извините, милорд, вы просили вас разбудить. Время подходит к завтраку, милорд, — раздался извиняющийся тон Аскила за дверью.

Глава 18

Хэварт

Хэварт уже забыл, что велел Аскилу поднять его до завтрака, если он всё же после вечера в Фрокколе проспит утро. Но вечер окончился тем, о чём он даже и в мыслях не думал. Не думал, что Фабиана ответит на его предложение поехать с ним, и эта ночь обернётся самой страстной и будоражащей в его жизни.

Ночь с фиалкой. Любимой и нежной.

Внутри что-то сжалось от этой мысли. Хэварт и не ждал такого подарка — прижимать её к себе, когда она пыталась прикрыться, как только в дверь постучали, стесняясь своего совершенного прекрасного тела с плавными изгибами, белой гладкой кожей, которую хотелось целовать не останавливаясь, проходить по шее кончиком языка, трогать линию ключиц, гладить шею, искать самые слабые места за ухом, на вершинках грудей, и сходиться с ума от её пьянящего, изысканного, тонкого аромата, оседающего сладким нектаром на языке, будоража кровь. Терять голову от её

прикосновений — робких и неумелых, от того, как она цеплялась тонкими пальчиками за его плечи и тихо стонала в его рот, негромко, чтобы слышал только он. Она хотела, чтобы он остановился, а сама прижималась теснее, выгибаясь навстречу, вынуждая его срываться в огненную пропасть, такую бурную, невыносимо возбуждающую.

Истинное удовольствие было слизывать языком с её пухлых горящих губ дрожь экстаза, когда её руки продолжали исследовать его тело, касаясь лопаток, спины, поясницы, бёдер. Заставляла дышать тяжело, наливаясь твёрдостью плоть, жаждать до ломоты в паху быть в ней. Но он должен был быть предельно осторожен с ней, должен был подготовить её, чтобы потом она раскрылась сама, не сдерживая своих желаний. Но фиалка превзошла все его ожидания, хотя он и не ждал, наслаждаясь только по-настоящему глубоким ощущением, что она с ним рядом, его.

Весь вечер после её признания он пытался противостоять своему желанию. Но не мог. Представлял за общим столом, как будет её брать... Отвлекался на всё что можно, чтобы гнать это настойчивое, упрямо нарастающее напряжение в своём теле. Возвращение до Ристола, казалось, сведёт с ума окончательно, ко всему не мог ни на секунду расслабиться, следя за дорогой.

Впервые он боялся, боялся за свою фиалку.

Хэварт повернулся к Фабиане, когда шаги Аскила заглохли за дверью, ловя растерянню смущенный взгляд голубых чистых глаз, видя, как по бледным щекам растекается лихорадочный румянец, делая её невыносимо привлекательной, что Хэварт подумал всё же задержаться. А когда она облизала свои розовые губы, которые стали соблазнительно блестящими, подняли в нём испуганную волну жара. Хитрая искушительница. Любимая. Его.

— Нужно выбираться, — сказала фиалка, явно догадываясь о неладном.

Решение, как удар. И Фабиана была, к сожалению, права. Он бы мог велеть принести завтрак в покои, но тогда неизвестно, когда они спустились бы вниз. Ко всему у него сегодня назначена встреча с одним важным человеком, а ещё нужно раздобыть подходящую одежду... потому что уже завтра — последний день.

— Да, нужно, — повторил он, убеждая себя в этом.

Но всё же не удержался, провёл ладонью по налитым грудям с возбуждающе-розовыми вершинками, затвердевшими от его прикосновений, коснулся шеи губами, слегка обхватывая её ладонью, притягивая Фабиану к себе ближе, поймал её рот, срывая ещё один поцелуй, и едва не зарычал — как же не хотелось выпускать её!

Слишком мало, мало времени, проведённого вместе! Мало поцелуев, прикосновений. Оставалось лишь усмирить себя тем, что у них будет ещё время, чуть позже, после. Обязательно. Он сделает всё, чтобы как можно быстрее быть с ней и окутать своей любовью, ласками, своей страстью, собой, не позволит сделать и передышки, чтобы измучить её и измучиться самому, опустошиться без остатка раз за разом, чтобы вместе тонуть в обжигающей слабости и бессилии.

Обхватив её за тонкую талию, поставил на пол, сползая ладонями к пояснице.

— Вы не ответили на последний вопрос — откуда эти ожоги, но расскажете после. Я вам напомню, — сказала соблазнительно, приглушённо, нарочно должным тоном, при этом невинно посмотрев на него из-под длинных изогнутых ресниц, растягивая губы в лукавой улыбке.

— Я согласен на это, — ущипнул за упругие ягодицы, заставив ахнуть девушку и поддаться вперёд, прильнуть к его телу.

Невинная и порочная, невыносимо пленительная. И если они ещё немного задержатся, то...

Хэварт тяжело выдохнув, всё же разомкнул руки, и чтобы не терзать себя и её, отошёл, подхватив с прикроватной тумбочки рубашку.

Они одевались вместе. Фабиана торопливо и вместе с тем изящно справлялась со своим платьем — Хэварт в молчаливом удовольствии наблюдал за ней, но когда дело дошло до шнуровки, фиалка запыхтела, пытаясь вывернуть руки и упрямо справиться с задачей самостоятельно.

Накинув на шею платок, приблизился к ней.

— Помогу? — спросил, подойдя сзади, обхватил плечи, склонился к уху, коснувшись мягкой мочки, ощущая, как по замершему в его объятиях телу Фабианы пронеслась дрожь.

Она согласно кивнула, сжавшись, смущённо посмотрев на него из-за плеча.

Взявшись за тесьму, принялся стягивать шнуровку корсета, наслаждаясь тем, какая же нежная и

гладкая у неё кожа.

— Сегодня предпоследний день... — вдруг начала она, — может, я могу чем-то быть полезной? — предложила Фабиана.

Хэварт только усмехнулся, качнув головой.

— Думаю, это будет плохая затея, — провёл по линии позвоночника пальцами, наслаждаясь тем, как неровно задышала фиалка, — уже почти всё приготовлено, остались мелочи, и с ними я справлюсь сам, — завязав тесьму, снова он не смог удержаться от ещё одного поцелуя в плечо, притянул за подбородок её лицо к себе, — всё что ты можешь для меня сделать, это оставаться в Ристоле, — накрыл её губы своим ртом, проникнув языком, почувствовав горячую глубину, скользнул по нижней мягкой плоти, легонько втянул и прикусил.

Фабиана протяжно вздохнула и обмякла в его руках. Сладкая, какая же она вся невыносимо сладкая!

Фиалка быстро пришла в себя, всполошилась, рассеяннo моргнула:

— Хэварт... — позвала, с дрожью выдохнув, сжимая его плечи.

— Да, — провёл краями губ её влажного рта. Отстранился и повлёл её за собой к выходу.

...На лестничной площадке оказалось холодно и пусто после хранивших тепло и запахи их тел покоев. Стоило оказаться за их пределами, мышцы напряглись, будто опасность могла подстергать на каждом шагу. Фабиана тоже немного насторожилась, хоть старалась держаться естественно.

Переглядываясь и обнимаясь, вошли в столовую, но Фабиана вдруг задержалась у порога, вынуждая застыть и Ламмерта. Громкие гулкие хлопки раздались по полупустой зале эхом. Игнес, сидящая за столом, чуть откинулась на спинку кресла и продолжала ударять ладонями.

— Какое исполнение! Bravo, заслушалась!

Хэварт стиснул кулаки. Ярость раскаленным сплавом обожгла грудь и горло, затопляя голову багряным жаром. Фабиана будто почувствовав его всплеск, чуть сжала руку, которую нашла сама.

Игнес, наконец, перестала издевательски аплодировать.

— Очень трогательно, я даже прониклась, — демонстративно стёрла со щеки невидимую слезу, а следом превратившееся в мрамор лицо исказилось: ровные брови изогнулись в подобии удивления и изумления, она чуть поддалась вперёд, опершись ладонями на стол, и уставилась презрительно-изумлённым взглядом в Фабиану. — Вот это да! Хэварт, объясни, это же твоя горничная, не так ли? Что-то я ничего не пойму, Фабиана О-Лидер — горничная и твоя жена? — Игнес запрокинула голову и истерически засмеялась.

Фабиана подняла взгляд на Хэварта, будто хотела сказать этим что-то. Но не обращать внимания на выверты Ларси было невозможно. И, кажется, фиалка потерялась, не зная, что делать, пока Игнес изливала свой безумный смех — она могла только беситься и язвить от невозможности сделать что-либо ещё, хоть как-то слить свой яд.

Хэварт увлёл Фабиану за собой к столу — он не доставит такого удовольствия Ларси, чтобы Фабиана ушла, и сам не намеревался уходить. Кажется, пришло время поставить на место Игнес эрн Ларси. Внутри всё сотрясало от нахального и дерзкого поведения, если бы не Фабиана, он принял бы более жёсткие меры, и не оставил бы её сидеть за столом.

Ламмерт отодвинул стул, приглашая Фабиану сесть. Игнес всё же прекратила смеяться, наблюдая за этим с какой-то кислой гримасой на лице — её способ привлечь к себе внимание не венчался успехом. И всё же она продолжала улыбаться отвратительно, въедливо, паялилась то на него, то на Фабиану.

Аскил разбавил накалившееся молчание. Вид управляющего был такой, будто он до этого выполнял какой-то непосильный труд: покрывшийся потом лоб поблёскивал, тревожный и вместе с тем суровый взгляд ложился на Игнес тяжёлой недоброжелательностью — видимо, мисс Ларси успела с утра потрепать мужчине нервы.

Оставив завтрак, Аскил ушёл, хотя уже ни о какой еде не могло быть и речи.

В зале повисла тишина, Фабиана старалась сидеть непринуждённо, но у нее плохо получалось — она предельно переживала, сжимала на коленях складки платья и стискивала зубы. Хэварт, положив локти на стол, перевёл взгляд на Игнес. Которая продолжала паялилась на Фабиану

колючим, неприязненным, почти ненавидящим взглядом. Это он во всём виноват, оставив её в Ристоле. Но теперь уже поздно.

— Чего ты добиваешься, Игнес? — спросил Хэварт прямо.

Девушка перевела на него затуманенный спесью взгляд, брови изогнулись, губы скривились, дрогнув в едкой ухмылке.

— Чего я, добиваясь, Хэварт? Ты меня удивляешь, милый. Я всего лишь хочу, чтобы ты выполнил своё обещание, которое ты мне дал недавно, — заявила она.

Впрочем, другого он и не ждал. Звон ярости оглушил Ламмерта. Стерва, какая же дрянь, нашла подходящий случай, чтобы ударить, чтобы захлопнуть ловушку.

Фабиана глянула на него и быстро отвела взгляд, но он успел почувствовать её волнение.

— Что ты молчишь? — спросила Игнес, переведя вдруг взгляд на сидевшую неподвижно Фабиану: — Ты, должно быть, не знаешь, — перешла сразу на фамильярность, — Хэварт, он такой непостоянный, а ты, видимо, поверила всему, что тебе он наговорил. Скажу тебе по секрет: красиво говорить — это его самое изысканное достоинство. Многие, такие как ты наивные девицы, покупаются на это.

Взгляд Хэварта потемнел, кулаки сжались сами собой.

— Что ты несёшь? — прошипел Ламмерт сквозь зубы, почти теряя контроль.

— Что я несу, милый? Правду. Разве нет? А ещё самое большое достоинство эрн Ламмерта — это то, что он выполняет свои обещания. Хочешь знать, что он мне пообещал?

По позвоночнику поползла свинцовая тяжесть. Неужели она настолько... Насколько гнилая внутри?!

— Обещал выставить тебя из Ристола, как только я расскажу ему кое-что о его врагах. А именно: расскажу, что, между прочим, твой женишок — Бордант эрн Груно — да наш министр во всём этом замешаны. И ты подставила его! — выпалила ядовито Игнес.

— Замолчи! — Хэварт шарахнул ладонью по столу так, что посуда жалобно звякнула, а Фабиана испуганно вздрогнула.

— Что-то не сказала разве? — продолжила, будто не слышала его угрозы, с вызовом смотрела на него, не собираясь останавливаться. — Хэварт, как нехорошо пользоваться доверием невинных девушек, сколько раз тебе говорила, плохой мальчик.

Фабиана бегло глянула на Ламмерта, но Хэварт успел поймать в её взгляде что-то такое, что заставило лопнуть терпение, и в тот миг, когда он хотел схватить за шкурку эту стерву и выставить вон, Фабиана вдруг подняла взгляд и прямо посмотрела на Игнес, усмехнулась:

— На этот счёт вы ошибаетесь, госпожа Ларси, — величественно приподняла подбородок. — Насчёт обмана, да и насчёт невинности — тоже.

Хэварт, ошеломленный таким ответом, посмотрел на Фабиану. О чём она говорит?

Фабиана вдруг повернулась к нему, и то, что Хэварт увидел, затопило его с головой чернотой: её улыбка — извиняющаяся, холодная, чужая — словно предательство, красноречивее слов. Замешательство смешалось с чувством ярости, заставив его упасть в кипящую лаву, а мышцы налиться свинцовой твёрдостью.

Что с ней такое? Что за улыбка, которую он не видел раньше? Хотелось схватить фиалку за плечи и встряхнуть хорошенько, чтобы это отвратительная грязная улыбка сползла с её невинно-чистого лица.

— Что ж, пора во всём признаться, не так ли? — оторвав от мужчины льдистый взгляд, Фабиана поднялась со своего места. — Если честно, меня немного утомил весь этот спектакль, — коротко и отчужденно снова глянула на Ламмерта.

Это заявление, будто удар в живот, выбило воздух из лёгких. Хэварт смотрел на неё и уже не мог думать, видя, как лицо девушки становилось непроницаемым. Не понимал её сейчас, своей фиалки, и это непонимание, кажется, причиняло боль, которая настойчиво пробивала грудь словно тупым обухом.

— Не стоит так волноваться, госпожа Ларси. Моим мужчиной будет и останется эрн Груно, — улыбнулась лицемерно вежливо Игнес, и тут же перевела взгляд на Ламмерта: — Я здесь, чтобы проследить за вами, милорд. Уж простите за такую прямоту, — притворно мило улыбнулась и ему.

Хэварт фыркнул — что за абсурд она несёт?

— Я всё доносила о вас, если так угодно. Всё было подстроено, начиная от нашей с вами встречи и заканчивая этого утра, — натянула на губы улыбку. — Я должна была выяснить, что вы, милорд, тот, кто нужен для уважаемого господина. И в этом плане ваше репутация безупречна, — сказав это, Фабиана выпрямилась и, усмехнувшись, вышла из-за стола, — приятного вам завтрака, — направилась к двери.

Если это ложь, то самая нелепая которую он только слышал от неё.

Хэварт посмотрев перед собой, дёрнул напряжённо желваками, дёрнулся, чтобы её догнать и встряхнуть объяснения, но собственное тело не слушалось. Перед глазами тёмные всполохи, и это омерзительная снисходительная улыбка на её губах, которые он ещё недавно любил, не выходила из головы. В висках болезненно пульсировала кровь, всё тело ломило от перенапряжения.

Что она там сказала? Что мисс О-Лидер всё это время следила за ним?

Хэварт усмехнулся, но эта усмешка горечью отразилась на его губах, а горло сжал давящий спазм. В голове одно за другим пронеслись воспоминания. Той их первой встречи, сразу показавшейся ему странной и подозрительной. Тогда он и в самом деле принял её за подосланную. Но неужели это всё...

— Не ожидала, — подала голос Игнес, выдёргивая его из пропасти. — Что ж, хорошо, что всё выяснилось. Не так ли? — она тут же смолкла, когда Ламмерт глянул на неё.

Неимоверным усилием переборол желание схватить её, вздёрнуть на ноги и вытолкнуть вон. Нет, фиалка не могла притворяться. Он знал. Всё это специально сделала, чтобы он не выгнал Игнес. Но где-то внутри всё равно точила горечь сомнения, а к горлу подпирал сухой ком. Дыхание стало тяжёлым, возникающие в голове мысли разбивались о какую-то преграду, что отгораживала его от приступа бешеной ярости.

Хэварт рывком поднялся из-за стола.

— Ты куда? — пискнула Игнес.

Широким шагом Ламмерт вышел из столовой.

Он не видел ничего перед собой, пересек коридор и лестницу и поймал Фабиану, схватил её за локоть и втащил в комнату, закрыл за собой дверь. Бросил на девушку потемневший взгляд, понаблюдав, как спокойно фиалка встретила его, румянец с её щёк сошёл, оставляя бледность и невозмутимость.

— Зачем? — шагнул к ней, нависа. — Зачем ты это сделала? Ты ведь это всё выдумала, да? Зачем?! — рывком он громко, так что Фабиана всё же вздрогнула, но продолжила смотреть на него прямо, делая вид, что ей безразлична его ярость.

Смотрела совсем не так, как ещё недавно в его покоях. Что с ней такое? Хотел понять. Немедленно, сию минуту. Протянул руку, но фиалка отвернула лицо и зажмурилась, будто ей вдруг стали противны его прикосновения, настолько открыто показывая это, что обескуражило. Она отстранилась совсем, делая шаг назад. Он схватил её за плечи и рывком повернул к себе, обхватил подбородок пальцами, заставляя смотреть на него. Ресницы девушки дрогнули, но больше ни одной эмоции на лице и в голубых глазах, которые вдруг покрылись коркой льда.

— Если это так, то зря. Да, я обещал ей, но тогда думал, что ты не захочешь остаться со мной... Говори же! — обхватил шею, чуть сдавливая.

Её молчание убивало, разбивало его вдребезги.

— Я уже всё сказала, — произнесла таким твердым надменным тоном, даже голос не дрогнул. Откуда в ней столько храбрости и решимости разом? Интересно знать... — Вы мне не интересны, милорд. К сожалению.

Что?

Всё вокруг задребезжало и посыпалось.

— Что ты сказала?

— Вы были правы, когда не поверили мне в первый вечер, — бесцветно выдавала.

— Лжешь.

Фабиана застыла, а следующий миг её губы скривились в полуулыбке, так что Хэварт почувствовал себя дураком, купившимся на дешевый трюк. Фабиана дёрнула головой, чтобы высвободиться из жёсткой хватки, но Хэварт вдавил в неё пальцы сильнее — не выпускать, но сознание толкало остановиться. Он делает только хуже. Так от неё ничего не добьётся.

Выпустил.

Фабиана, смахнув с лица прядь, смотря на него, схватила за своё запястье и рывком сдернула браслет. Протянула ему:

— Заберите.

Хэварт застыл, все тело стало тяжёлым, только гулкие удары сердца давали понять, что он ещё жив. Если это даже ложь, и она снова играет какую-то игру, то это перебор.

— Заберите же, всё же не следовало терять на это время.

Хэварт усмехнулся, сузив гневно глаза, даже искры посыпались.

— Оставь себе, пусть будет напоминать тебе, когда будешь отдаваться своему любимому, о хорошо проведённом времени со мной, и твои громкие стоны не были притворством, — процедил сквозь зубы.

Фабиана глянула на него, в глазах пронеслась смесь чувств, которых Хэварт больше не собирался понимать.

— Даже если это всё ложь, которую ты выдумала, вряд ли смогу тебе это простить когда-либо, мисс О-Лидер. Можешь проваливать, — бросил он, сжимая кулаки, оторвав от неё взгляд, отступил, развернулся и пошёл прочь из комнаты, ощущая, как что-то тяжёлое давит на грудь, грохнул дверью так, что стены дрогнули.

Дойдя до кабинета, Хэварт ворвался в него, резко распахнув дверь, напугав до хриплого карканья Борта — ворон, хлопая крыльями, едва удержался на месте. Хэварт прошёл к столу и одним яростным движением смёл всё с него: газеты, бумаги, чернила, книги — всё полетело на пол, схватил графин и шарахнул его о пол, ударив кулаками по столешнице. Борт всё же слетел с жерди и ринулся к каминной полке, зацепив крылом плечо Ламмерта, прибил к стене, заклокотал испуганно.

Грудь тяжело вздымалась, в голове шумело.

Хэварт всё не мог понять её. Если всё так, как она говорит, зачем ей нужен был этот брак с ним?

Взгляд опустился на газеты. Хэварт нахмурился и, пройдя по осколкам, раздавливая их подошвами, остановился перед листовками, которые теперь были залиты водой — дешёвая печать быстро растворялась под её воздействием. Все эти провокационные статьи и его скандальный брак, облетевший весь Вальштор — для отвода глаз от Груно. Чтобы отвлечь внимание и выставить лорда чистым.

...Моим мужчиной будет и останется эрн Груно...

...Вы мне не интересны, милорд. К сожалению...

Жестокая. Хэварт ядовито усмехнулся, наступив на газеты, прошёл к креслу, опершись одной рукой о столешницу, другой пронзил волосы, сжал и потянул до боли. Если это всё так, как же ловко фиалка запудрила ему мозги. Только зачем ей это нужно? Ради денег или некоторого влияния? Или постели с эрн Груно?

Ревность отравленным клинком резанула по груди. Говорила, что он ей отвратителен, а сама мечтала о постели с ним. Фиалка... Невинная и опасная, убивающая его изнутри.

Хэварт уже ничего не понимал, одурманен ею настолько, что уже не видел, где правда, а где ложь. Ненависть всплеснулась, обжигающей кислотой. Ощущая адский пожар внутри себя, медленно уничтожающий его. А эта ночь с ним, чтобы усыпить его и ударить в последний раз, растерзать окончательно? Что ж, это ей тоже удалось.

Горечь предательства встала комом в горле, он не мог дышать. Его фиалка, нежный цветок, оказался с ядовитыми стеблями. Отравила его.

В дверь постучали, заставляя Ламмерта вынырнуть из пропасти, поднять голову и выпрямиться.

— Да, — ответил он управляющему — только он мог так стучать.

— Милорд, — Аскил оглядел творящийся беспорядок, но на лице мужчины это никак не выразилось.
— Вы просили подать карету ко времени.

— Да... спасибо, Аскил. — Управляющий кивнул. — Я буду, скорее, поздно вечером. На тебе будет обязанность, Аскил...

Хэварт тяжело вдохнул. Какая бы буря внутри ни творилась, он должен всё выяснить, но сейчас не было времени на это, не было времени думать, теперь уже нет.

— Я слушаю, милорд.

— Не выпускай Фабиану из замка, чтобы она тебе ни говорила. Отвечай, что это мой личный приказ.

Всё же, что бы она ни замышляла и кем бы ни была, в первую очередь она для него до сих пор жена.

— Хорошо, милорд, сделаю всё от меня возможное.

— Постарайся. Если Игнес захочет уехать — её не задерживай.

— Да, милорд.

— Можешь идти.

Управляющий кивнул и вышел из кабинета. Хэварт повернулся к боковому зеркалу возле камина, встряхнул головой, приводя волосы порядок, завязал узлом шейный платок, смотря на себя остекленевшим взглядом.

Через десять минут вышел из замка. Погрузившись в карету, велел Вернеру ехать в Вальштор. Он вернёт Витлара, сделает для этого всё. И это то, о чём он должен сейчас думать.

Заехав в одну из лавок, Хэварт приобрел нужные вещи и направился по указанному адресу, где ему передали ценные схемы, которые он выкупил у одного торгаша, сбывающего незаконно разные антикварные вещи. И, надо заметить, нелегальная торговля в Вальшторе набирала немалые обороты.

Хэварт открыл свежую прессу и узнал, что в королевской резиденции пройдёт званый вечер, на который приглашены разные представители власти, кажется, наряду с этим пройдёт какой-то аукцион, а ещё демонстрация ценных горных пород, в том числе оптона.

Любопытно. Сложил газету.

С одной стороны, охрана усилится в сто крат возле хранилища, но с другой — торжество сыграет на руку, ведь подозреваться будет каждый, кто присутствовал на нем. И пока будут искать, он заметёт следы.

Пока Ламмерт разобрался со всеми нужными делами, к вечеру на Вальштор напозли тучи, а затем хлынул холодный ливень. Возвращаться в Ристол так рано не хотелось, и Хэварт попросил Вернера остановиться возле одного из трактиров у главной дороги. Сейчас ему явно нужно что-то покрепче, чтобы избавиться от этого напряжения и хотя бы на время забыться.

Ливень разогнал людей под крыши заведений, и потому в зале, где уединился Ламмерт, быстро стало шумно. Хотя он сидел за самым дальним столом в полумраке, потягивая густое красное вино, всё равно был на обозрении у многих. После пары бокалов голова затуманилась, а по телу разлилось желаемое тепло, расслабляя мышцы.

Неизвестно сколько прошло времени, пока Хэварт понял, что вторая бутылка явно будет лишней, ко всему на него стали обращать внимание посетители, что сидели за соседними столами. Особенно одна дама, случайно, видимо, попавшая в это место из-за дождя. Она бросала цепкие взгляды на мужчину, тихо переговариваясь о чём-то со своими спутницами. И Хэварт понял, что пора возвращаться. Раньше он не прочь был завязать недолгую интрижку, но сейчас это всё претило.

Покинул трактир, расплатившись с лакеем, и всё же взял ещё одну бутылку. Прошел под дождём в карету и велел Вернеру возвращаться.

Всё же вторая бутылка была лишней. Выйдя из кареты, Хэварт, пошатываясь, направился к замку. Войдя в холл, на ходу стянул мокрый от дождя жакет, бросил его на софу, отправился в кабинет. Подниматься в покои, где наверняка витал ещё запах Фабианы, не хотелось, как и лечь в постель, примятую её телом.

Ввалился в уже прибранный, видимо, новой горничной, кабинет, рывком развязал шейный платок, встряхнул головой, смахивая с волос морось, завалился на софу, откинул голову на спинку и

сглотнул, закрыв веки. Голова кружилась, тошнота подкатывала к горлу комом, он снова сглотнул, проведя рукой по лицу, чувствуя холод перчаток, сорвал их с рук и откинул куда-то прочь. Глянул на браслеты, блеснувшие тускло в полумраке. Так паршиво он себя ещё никогда не чувствовал, невольно возникла дурная мысль сорвать их и выкинуть в окно. И умереть.

Скрип двери заставил повернуть голову. Густой свет лёг на пол полосой, и женская тень скользнула по ковру. Хэварт усмехнулся: конечно, кто могла войти без стука? Только она. Игнес.

Как бы он хотел видеть сейчас не её. До одури хотел Фабиану. Почему не она?

— Милый, ты вернулся? — спросила эрн Ларси тихо, пройдя к нему зачем-то оставляя дверь открытой.

Хэварт скользнул по ней затуманенным взглядом, только сейчас разглядел, что девушка была в одном легком пеньюаре.

Она медленно приблизилась и бесшумно села рядом, поджав ногу под себя, поставив локоть на спинку софы, посмотрела долго.

Хэварт почти забыл о ней, едва не погружаясь в сон от создавшейся тишины, пока не почувствовал, как рука Игнес поворошила влажные волосы, скользнула по груди, забираясь под рубашку, коснувшись горячими пальцами кожи.

— Зачем ты так напился, Хэварт? Холодный какой, — прильнула ближе, касаясь другой рукой скулы и шеи, — мокрый.

Хэварт отвернулся от её рук, как тут же женские губы коснулись его открывшейся шеи, влажно скользнули по коже. Болезненная дрожь прошла спазмом по телу. Хэварт стиснул зубы, вонзил пальцы в её волосы, сжал и потянул, вынуждая, отстраниться от него.

— Оставь меня в покое, — прошипел, поворачиваясь к ней, отталкивая.

Игнес встрепенулась, но тут же, как кошка, приластилась вновь.

— Я понимаю, ты... расстроен и напряжён. Эта вертихвостка и волоска твоего не стоит, Хэварт. Знаешь, я ведь почти поверила, что ты с ней серьёзно, что ты испытываешь какие-то чувства к этой... — Игнес не договорила. Ламмерт глянул на неё, но перед глазами сразу расплылась муть, размывая черты лица и её горящий в темноте взгляд. — Я помогу тебе забыть обо всём, — Игнес обняла его за пояс, положила ладонь на живот, спустила медленно вниз, с нажимом погладила пах.

Хэварт нехотая подумал о том, как бы хотел сейчас видеть на месте Игнес Фабиану, чувствовать на себе её руки, ощущать на себе её губы, взгляд, здесь, в полутьме, брать её, ловить её стоны, вбиваясь в неё яростно. Горячая волна возбуждения прошла по телу будоражащим жаром. Перед глазами от притока крови поплыло, лицо Игнес смазлось, и появились голубые до непомерной глубины глаза фиалки, её пленительно розовые губы, чуть улыбающиеся. Он поддался вперёд, потянулся. Она обхватила его шею, продолжая ласкать рукой. Дыхание участилось, и мышцы налились упругой твердостью.

— Мой, как по тебе соскучилась, Хэварт, — зашептала горячо фиалка, вбиваясь в его губы.

Хэварт с нетерпеливым рыком перехватил её за пояс, переместил себе на колени, заставляя девушку изящно перекинуть через его бедро ногу и оказаться сверху, прогнувшись в пояснице в его руках. Ламмерт стиснул её, когда светлые пряди упали на его лицо, набросился, целуя везде: шею, лицо, подбородок, грудь, плечи, не останавливаясь, всю покрывая поцелуями, гладил её плечи, сминал грудь, сжимал бедра.

Фабиана, постанывая, склонилась над ним, торопливо расстегнув, чуть ли не разрывая рубашку на его распалённой груди, потянулась пальчиками к брюкам, в то время когда он с жадностью впился в её рот, стиснув в пальцах ягодицы, вжимаясь в неё пахом, отчаянно жаждая оказаться в этой сводящей с ума горячей тесноте. Девушка, почувствовав его возбуждение через ткань, охнула, прерывая поцелуй.

— Фабиана... — прошептал он в её раскрывшиеся губы, содрогаясь от бешеного возбуждения, толкающего кровь в венах, слыша собственные гулкие удары сердца.

Девушка застыла, давая понять, что что-то не так, а следом терпкий запах, проникший в горло, отрезвил Хэварта. Туман рассеялся, и перед ним оказалась вовсе не Фабиана. Глаза Игнес — темные, как две воронки смерча, и в них сверкали яростью молнии. Хэварт скривился от пронизывающей боли, сжал жёстко Ларси и сорвал с себя её руки. Но Игнес вцепилась в его горло

пальцами, врезая в кожу ногти.

— Фабиана? Ты думал, что ты с ней, да? — низким голосом требовательно спросила.

— А ты думала, что о тебе? — выпалил Хэварт, злясь.

Громкая пощёчина оглушила слух и опалила скулу. Хэварт не почувствовал удара, он вообще ничего не чувствовал, весь превратившись в скальную глыбу, но удар был явно сильный потому что голова всё-таки откинулась, а в глазах вспыхнули искры.

Он повернулся к ней, сжимая челюсти.

— Пошла, вон, — процедил сквозь зубы каждое слово.

Игнес застыла, но не шевельнулась. Ламмерт рывком сдёрнул её с себя, поднялся с софы и тут же взялся за голову, унимая круговерть. Игнес собрала ворот пеньюара на груди, продолжала сидеть на месте, уставившись на него.

— Ты не слышала меня? — покосился на неё, смотря потемневшим взглядом. — Это последнее моё предупреждение. Ты мне отвратительна. Убирайся.

Ларси горько поджала задрожавшие губы, пальцы сильнее стиснули ткань, её глаза затуманились. Всё зашло слишком далеко, и он позволил сам это распутство.

— Как же я тебя ненавижу, Хэварт Ламмерт, — процедила, подпрыгивая с софы, будто пружина, продолжая стискивать на груди ткань. — Ты ничтожество, мерзавец и дурак, она тебя ни во что не ставит, а ты защищаешь её, что в ней такого скажи, что нет во мне? — Игнес смолкла тяжело дыша, не дождавшись ответа, выдохнула: — Я зря тратила на тебя свои силы и время. Ты пожалеешь обо всём, клянусь — за каждое слово пожалеешь. Ты и эта твоя потаскуха.

Хэварт схватил её за шею и грубо толкнул к двери.

Игнес, отлетев, вздрогнула будто её ударили, сжав плечи, ринулась в дверь.

В глазах Хэварта резко потемнело. Надрывно дыша, он обвёл тяжелым взглядом полутемную комнату и направился к двери, открыл её резким движением. Покинул кабинет, прошел через гостиную. Оказавшись на втором, спальном, ярусе, прямоком прошёл в ванную, открыл кран и сунул голову под струю ледяной воды, умывая лицо, пока мысли не стали проясняться, а кожа неметь.

Взяв полотенце, всё же вернулся в свои покои, вытирая досуха волосы, и отшвырнул полотно, оглядев взбитую постель, простыню, которая так и осталась лежать на рояле, пустую коробку из-под украшения — все остро напоминало утро. Отсекая от себя все мысли, Ламмерт потянул с себя мокрую рубашку и, раздевшись, рухнул на кровать, смежил веки, желая поскорее провалиться в небытие. И если он думал, что сон придёт сразу, то он ошибался...

Утром громким стуком в дверь его снова разбудил Аскил, кажется, постучавшись не единожды. Хэварт с трудом разлепил веки и поднялся, не давая себе больше никакой пощады. Нужно было привести себя в должный вид и собираться. Несмотря на нещадную головную боль и сухость в горле, всё же оделся, велел управляющему подать легкий завтрак в его кабинет и не беспокоить его до полудня.

Сегодня вечером он должен быть на месте. После полуночи он проникнет в тайник, а утром передаст артефакт посреднику. И заберёт Витлара.

Принеся в кабинет обед, Аскил оповестил, что Игнес покинула Ристол ещё ранним утром. Конечно, ещё бы после их последнего разговора она этого не сделала! Даже не верилось, что эрн Ларси наконец-то его услышала.

А вот Фабиана...

Фабиана была в комнате и не выходила, хотя ещё когда Ламмерт был в Вальшторе, как сказал Аскил, сделала попытку покинуть Ристол. А потом заперлась у себя и не выходила. Не искала с Хэвартом встреч.

Он откинул прочь мысли о ней и, пообедав, принялся собирать все необходимые вещи.

Было полной неожиданностью, когда в кабинет ворвалась без стука мисс О-Лидер, кажется, чем-то недовольная и разъяренная. Хэварт втянув в себя больше воздуха, беря себя в руки, когда взгляд скользнул по ней с жадностью. Проклятье, он за эту ночь уже так истосковался по ней, и

единственное, что ему хотелось — стиснуть её в руках и впиться в губы, забыть обо всём, что она говорила.

Он уже готов был услышать ряд обвинений и грубостей по поводу того, что запретил ей покидать Ристол, но Фабиана начала с другого вопроса:

— Зачем вы это сделали?

— Что именно? — сложил бумаги, запрещая себе смотреть на неё.

— Игнес, она уехала. Вы её выгнали?

Хэварт поднял на неё взгляд, недоумевая, почему О-Лидер должно это волновать, попутно отмечая нездоровую бледность фиалки и красноту ее глаз. Неужели миледи так расстроилась, что он не пустил её никуда из замка, что проплакала всю ночь? И всё-таки рёбра сдавило от её вида.

— Выгнал или нет — это моё личное дело, — ответил, ввергая тем самым девушку в оцепенение, и фиалка чуть поубавила пыл, вдруг поникла. Проклятье, и почему он так реагирует на неё, отмечая, как она прикусывает нижнюю губу, и та наливается краснотой... — Это всё? Если да, то лучше вернись в свою комнату, — взял со стола перчатки.

Фабиана проследила за ним.

— Вернуться в комнату? — вдруг всполошилась она.

И Хэварт мог удержаться, видя её невинную растерянность и волнение, чтобы не приблизился и не заключить в объятия. Сказать, чтобы она дождалась, и тогда они всё обсудят. Потом. Обязательно.

Фабиана, оторвав от него взгляд, мотнула головой, дыша неровно и глубоко. Не так он хотел с ней расстаться перед отъездом, совсем не так. Холодная и отчужденная, она смотрела с каким-то колючим отторжением.

Надев перчатки, вышел из-за стола, намереваясь позвать Аскила, чтобы тот перенёс вещи в карету. Но когда Хэварт поравнялся с Фабианой, она вдруг повернулась. Маленькая, встревоженная, хрупкая, не его.

— Я не ваша собственность, — подтвердила его мысль, — вы не можете удерживать меня здесь силой, — заявила вдруг она, гордо приподнимая подбородок, холодные льдинки глаз подрагивали блеском. Такая далёкая, недостижимая.

Хэварт опустил голову, усмехнувшись, и повернулся к ней, снова посмотрев сверху.

— Если ты так хочешь уехать... — горло сдавило от собственного напряжения и усилия говорить, — ...можешь ехать куда хочешь, я тебя не буду больше держать.

Неизвестно, каким усилием он это сказал, желая совсем другого — сейчас же схватить её, отнести самому в комнату и запереть на замок, чтобы её упругая попка сидела ровно на месте. Но он не мог её заставить остаться, не мог и отпустить. Вот беда.

Мысль о том, что едва он пересечет порог, фиалка пустится к своему... мужчине, обожгла изнутри почти болью. Которую тут же заглушила ослепляющая ярость на себя, на то, что испытывает.

— Прощай...фиалка, — сказал он, сглотнул сухость, качнувшись, но удержался.

Фабиана вздрогнула, раскрыв губы, посмотрев на него как-то странно, мутно.

Хэварт хмыкнул и, отвернувшись, направился к выходу, чтобы уж быстрее поторопить Аскила и оказать как можно подальше от неё. Чувствуя на затылке взгляд своей чужой любимой.

Глава 19

Фабиана

Фабиана так и осталась стоять посреди кабинета, уставившись на дверь, в которую только что вышел Хэварт Ламмерт. В груди болезненно сдавливалось, перед глазами стояла пелена. Противоречивые чувства рвали в клочья и заставляли задыхаться. Фабиана не знала, что делать, внутри такая сумятица, что хотелось просто закричать. Но, сделав пару глубоких вдохов, направилась прочь из кабинета.

Нужно найти выход. Что-то сделать. Но что?

Что может остановить Игнес? Или эрн Груно, когда тот получит своё?

Если бы Фабиана знала, что это он, министр, выкрал Витлара, она бы давно вернулась к дядюшке и вымаливала бы прощения за свой проступок, попыталась подкрасться к Бортолду ближе, пусть ей бы это обошлось собственной свободой. Почему Хэварт не сказал ей об этом? Что это он! Почему!?

Услышав о Бортолде от Игнес, Фабиану сначала это ошеломило, парализовав всё тело до костей. Не могла поверить собственным ушам. Бартолд эрн Груно замыслил это преступление — выкрал Витлара и шантажирует этим Ламмерта! Чудовищная реальность сдавила в тиски, и страх холодной змеей лёг на грудь. Страх за Ламмертов. Выходит, она собственным согласием, став женой Хэварту, подставила его. И Игнес... Фабиана видела в её глазах боль и жажду мести, если бы Ламмерт выгнал её, она, несомненно, не оставила бы это просто так.

А совсем недавно Фабиана узнала от Аскила, что Игнес покинула замок... От этого известия показалось, что стены начали рушиться, погребая её под завалами, как и со всеми надеждами, что Ламмерт не сделает такой ошибки. Игнес первая, кто выдаст его.

Слишком много у Хэварта врагов, слишком малая вероятность выйти из этого всего невредимым — они не позволят. Бартолд эрн Груно, даже если Ламмерт не понадобится ему в дальнейшем, такого оскорбления со стороны милорда не оставит. Игнес может пойти и сдать Хэварта — ей ничего это не стоит, теперь уже нет, когда он оборвал последние ниточки, что её ещё держали. Она слишком много знает. И Фабиана не сомневалась, что Ларси сейчас именно тем и занята. А Хэварт, он просто не хочет этого видеть, думает, что у Игнес не хватит решимости отомстить ему, что её слова — это пустой звук, но Фабиана видела, сколько было яда в её взгляде, когда они ещё утром вошли в столовую вместе... Она готова была испепелить, собственноручно убить своего возлюбленного. Что ей оставалось, как ни уступить, запутать Игнес, потому что Хэварт — Фабиана видела — готов был предпринять жёсткие меры в отношении Ларси.

После их ночи Фабиана поняла, что не может без него, она всецело принадлежит ему. И потому невыносимо было слышать его резкие слова, когда он ворвался в комнату и потребовал объяснений, и почти невозможно было держаться стойко и не давать малейшего повода на отмену своей лжи. Возможно, Ламмерт теперь её ненавидит и презирает, но она не могла допустить, чтобы он из-за неё пострадал, пострадал его брат, который для Хэварта единственный родной человек.

Фабиана свернула в другую сторону от своих покоев и направилась в башню, буквально вбежала по ступеням, приподнимая подол, подошла к окну, выглянула в него.

Во дворе мелькнул Аскил с небольшим кожаным саквояжем. Через время вышел Хэварт, он что-то сказал управляющему, тот твёрдо кивнул. Сердце застучало так быстро и больно, что Фабиана схватилась за горло, унимая в пальцах дрожь. Даже издали она видела, как Ламмерт над чем-то задумался, пока Аскил клал ношу в карету.

Фабиана резко отпрянула от окна, едва Хэварт повернулся и поднял взгляд. Застыв, она несколько секунд не дышала, а когда осторожно выглянула в следующий раз, Ламмерт уже сидел в карету.

Хотелось пуститься обратно и остановить, сказать что-то, предпринять, но это было бы безрассудно. Только усугубило бы сложившуюся ситуацию. Всё, что она могла сейчас — это наблюдать, как он уезжает. И неизвестно что будет дальше. Фабиана, прикрыв ресницы, попыталась взять себя в руки. Что ж, одного она добилась — она может свободно выехать из Ристола, никто её запереть в замке не собирался.

Нужно остановить Игнес, только как? Мысли лихорадочно замесались, и тут Фабиана застыла. Эммер! Он ведь предлагал помощь, но Хэварт отказался, и единственной причиной этому то, что он не хочет раскрывать себя, своих тайн. И Фабиана тоже не могла их выдать. Да только кому они станут нужными, если его поймают?! Насколько можно доверять Эммеру, Фабиана тоже не знала.

Что же остаётся? Остаётся то, о чём она думала всю ночь, кусая губы: она сама придёт к эрн Груно и попытается выяснить что-нибудь о Витларе. Эта мысль отчаянно билась горячими толчками в виски, почти причиняя боль. Фабиана сжала кулаки, меряя шагами площадку, взвилась, словно пойманная в силки птица. Остановилась, тяжело вздохнув, ощущая себя камнем, падающим куда-то в бездну. Бессилие душило, затмевало всё мраком.

Где Бартолд может держать младшего Ламмерта? Вряд ли где-то за городом с учётом того, что юноша обладал магией и требовал постоянного наблюдения. И потому надёжного укрытия. Единственным местом может служить собственный замок, который, по разговорам, походил на целую крепость. Нужно отправиться к лорду. Как бы тошно ни было, прикинуться виноватой, раскаяться, разрыдаться, признать свои ошибки, да всё что угодно лишь бы попасть внутрь! Только что будет потом? Как Груно на это отреагирует? Либо выставит вон, либо... Фабиана задержала дыхание, в то время как перед глазами помутилось.

— Я уже не маленькая пугливая девочка, правда? — прошептав с дрожью самой себе, сглотнула судорожно.

Особенно, когда на кону жизни других, особенно — жизнь любимого.

Достойный выбор, чтобы пожертвовать собой, не так ли?

Сердце болезненно сжалось, когда перед глазами предстало лицо Ламмерта, чуть бледное с заострёнными чертами, сжатыми губами и его гневный взглядом, с каким он смотрел вчера, прожигая душу, в глубине которой пряталось что-то большее, чем просто резкие слова, то, от чего Фабиане становилось трудно и больно дышать.

Моргнув, сбрасывая оцепенение, больше не позволяя себе слабости, Фабиана решительно покинула башню, не давая повода для ненужных раздумий, больше не теряя время, торопливо спустилась вниз. Задержалась, ожидая Аскила, чтобы попросить подать к воротам ещё одну карету, но тот долго не возвращался. Повернувшись, глядя на приоткрытую дверь кабинета.

Смутная тревога поднималась всё больше. Что-то не давало покоя. И вспомнила про газету, которую успела заметить на столе Хэварта — кажется, там что-то упоминалось о ценном металле. Только как это поможет?

Подумав немного, Фабиана всё же прошла через зал напрямик в кабинет Ламмерта.

Борт недовольно всполошился, когда девушка приблизилась к столу. Отыскав взглядом газеты, вспомнила, что Хэварт не был доволен тем, как Игнес рылась в его вещах, и замешкалась — ведь собирается поступить так же, но, отбросив эти мысли, взялась за прессу.

Ничего полезного не нашла, даже той статьи, и хотела уже бросить, как наткнулась взглядом на нужный заголовок. Быстро принялась читать. В выдержке говорилось о сегодняшней конференции в королевском замке и... Фабиана перевела взгляд на браслет, который подарил ей Хэварт, торопливо продолжила читать дальше.

Закончив, медленно сложила газету и положила обратно на стол. Пригладила выбившуюся прядь, втянула в себя воздух, пытаясь упорядочить всё прочитанное в голове. Конечно, что этот металл необычен, ей уже объяснил Ламмерт: его недавно начали добывать, и, как говорилось в статье, свойства оптона ещё не исследованы, но какие-то результаты уже есть, и это будут обсуждать на званом вечере наряду с аукционом, который, скорее всего, просто для отвода глаз, а точнее — внимания третьих лиц. И самое любопытное, если верить заявленному — этот металл уже запретили сбывать.

Фабиана хмыкнула. Но дыхание почему-то участилось, что-то подобное она уже точно слышала или видела, но когда и при каких обстоятельствах...

И тут её даже слегка встряхнуло от прозрения.

Ну конечно!..

Резко развернувшись, быстро пошла из кабинета, но, едва ступив на порог, чуть не врезалась в управляющего, который уже вернулся с улицы и спешил закрыть дверь.

— Простите, миледи, — извинился он, удивлённый её присутствием в кабинете милорда.

— Аскил, проводи меня в комнату младшего Ламмерта, — попросила, сдерживая взыгравшееся волнение.

Мужчина недоумённо нахмурил брови, а потом приподнял их, недоверчиво посмотрев свысока, искры подозрения — зачем леди понадобилось в комнату молодого господина — холодно кольнули.

— Мне очень необходимо. Прошу, открой, — и добавила уже твёрже: — немедленно.

Отказать он не мог, как-никак она ещё супруга эрн Ламмерта, да и Фабиана сама бы вырвала из его кармана ключи, если бы тот не согласился, но, скорее всего, услышав в голосе едва ли не отчаяние, мужчина отступил:

— Хорошо. Если вам так нужно, то... прошу.

Дойдя до комнаты Витлара, Аскил отпер дверь, снова посмотрел на девушку с сомнением, но всё же впустил в покои.

Фабиана прошла внутрь, направляясь к шкафу.

— Я могу ещё чем-то быть полезен? — поинтересовался управляющий.

Фабиана повернулась.

— Спасибо, Аскил, — улыбнулась коротко, — пока ничего не нужно.

Мужчина нахмурился, но ничего не сказал и оставил девушку в комнате.

Фабиана повернулась к стеллажам и аккуратно взяла книги, которые и сама составила когда убирала здесь ещё горничной. Сложила их на стол и принялась одну за другой перелистывать. Ключки исписанной бумаги, вырванные страницы газет лежали в них. Фабиана взяла один обрывок и, наконец, вспомнила, когда прочла заголовок, похожий на тот, что в сегодняшней статье, в котором упоминалось о том же самом оптоне. В ней тоже говорилось о нахождении необычного слитка металла. Видимо, когда его только добыли. Витлар явно был заинтересован этим, раз оставил выдержку себе.

Фабиана перевела взгляд на исписанные листы бумаги: какие-то знаки, формулы — она ничего не поняла. Уставилась на почерк молодого господина и задумалась. Этот металл явно имел какую-то ценность, раз власти всерьёз взялись исследовать его, убрав со всех прилавков. А значит — Фабиана отложила листы и взялась за браслет — его нужно беречь, убрать подальше от чужих глаз. Одёрнула рукав ниже на запястье, пряча украшение.

Интересно, Хэварт знал, что его брат делал в свободное время? Скорее всего, нет. Либо не воспринимал всерьёз его увлечение магией и наукой. Так и есть, усмехнулась Фабиана, вспомнив, как о нём говорили на вечере у госпожи Маргрет.

В дверь неожиданно постучали. Фабиана повернулась, пряча созданный беспорядок за спиной.

— Прошу прощение, миледи, — извинился вернувшийся Аскил, — но к вам гости.

Сердце дрогнуло и быстро заколотилось.

— Гости? — облизала вмиг пересохшие губы.

— Вас просит господин Танор О-Лидер.

Фабиана изумлённо приподняла брови. Танор?! Здесь?!

— Хорошо, я сейчас спущусь, — очнувшись от оцепенения, быстро сложила всё назад и торопливо вышла в коридор, направляя напрямик в гостинный зал.

Думать о том, что брат снова вздумает её немедленно вернуть дядюшке, не хотелось, хотя стоило бы, ведь другого повода его визита Фабиана не могла представить. Настороженность росла с каждым шагом.

Мужчина стоял возле окна и повернулся, когда Фабиана вошла в зал. Задержала дыхание, видя на лице брата вовсе не самоуверенность, которую ожидала, а тревогу и какую-то странную задумчивость.

— Добрый день, Фабиана, — поздоровался он, заложив руки за спину.

— Что-то случилось? — остановилась на расстоянии, оглядывая его внимательней.

Сейчас Танор был не в военном обмундировании. Синий жакет и брюки очень ему шли, аккуратно повязанный белый платок придавал представительный вид. Фабиана в который раз поняла, как Танор повзрослел.

— Приехал с тобой поговорить, если позволишь.

Фабиана посмотрела на него пристальней с явно ослабшим недоверием, этот его ответ окончательно ввёл в растерянность, усилив и без того разыгравшуюся тревогу.

— Хорошо, давай поговорим, — сбросив оцепенение, пригласила пройти, — только у меня нет времени засиживаться, — предупредила сразу, пройдя к дивану возле камина.

— Что-нибудь пожелаете? — появился в дверях Аскил.

— Да, Аскил, будь добр, принеси нам чая.

Мужчина кивнул и удалился. Фабиана перевела взгляд на Танора, присела.

— Ты куда-то торопишься? — нахмурившись, поинтересовался в свою очередь ее брат, присаживаясь в кресло напротив.

— Есть важные дела, — ответила уклончиво.

Говорить открыто после той их встречи, закончившейся ссорой и недопониманием, Фабиана не могла, как бы того ни хотелось. Сейчас Танор казался чужим, и это корбило страшно, и его тревога и напряжение передавались и ей.

Сложив ладони на коленях, Фабиана ожидала объяснений.

— Я приехал извиниться, Фабиана, — наконец, произнёс Танор, потерев переносицу пальцами, выказывая своё волнение, чем ввёл в замешательство Фабиану.

Извиниться? Он? Фабиана на некоторое время потерялась, даже не знала, что ответить, вспоминая его последние жёсткие слова и нежелание слушать, когда она пыталась ему объяснить. Возможно, он тогда многое не понимал, а теперь что-то разузнал? Но как бы то ни было, сердиться она точно долго на него не могла. Хотя хотел он сделать не самое приятное — это правда.

— Я был глупцом, не захотел слушать тебя, — подтвердили её мысли, глянув виновато синими глазами. — Я был недавно у опекуна, — холодно произнёс, запустив пальцы в светлые волосы, взъерошил их, будто пытаясь хоть как-то упорядочить мысли, и продолжил, — и знаешь, что?..

Фабиана напрягла плечи, обратившись вся камень.

— ...Ты была права насчёт него. Я просто слепец, не видел того, что Витор давно всё присвоил себе, строил свои планы, когда нас не было дома, этот алчный... — Танор до скрежета стиснул зубы, сдерживаясь с трудом, чтобы не выругаться покрепче, и лишь с горечью усмехнулся, в глазах вместо растерянности вспыхнула злость.

Мужчина смолк, вжавшись пальцами в подлокотник, когда в зале снова появился управляющий. Благодарно кивнув, Фабиана пронаблюдала, как Аскил поставил поднос, посмотрел на девушку, показывая своим взглядом, что он будет поблизости, если вдруг понадобится его услуга.

— Это хорошо, что ты понял, — ответила Фабиана брату, когда Аскил ушел. Но сейчас она не могла думать об опекуне. — Это всё, что ты мне хотел сказать?

— Нет, не всё. Я хочу забрать у Витора своё, то есть наше с тобой по праву, — посмотрел прямо.

Фабиана даже растерялась — настолько он решителен? Танор сжал кулаки, шея напряглась от едва сдерживаемого гнева, который только распалялся.

— И что ты хочешь предпринять? — спросила всё же Фабиана, уже волнуясь за брата, чувствуя, как пересохло горло. Взяла чашку, поднесла к губам, обжигаясь, сделала маленький глоток.

— Я уже всё придумал, знаю, как поставить Витора на место.

Фабиана приподняла брови и отставила чашку, видя, как глаза Танора недобро темнеют, он сузил их, будто сейчас смотрел не на неё, а сквозь.

— Это хорошо, Танор, но... — Фабиана поднялась, сейчас ей было вовсе не до этого. Слишком не вовремя.

— Постой, — поймал её руку, задерживая.

— Танор, давай перенесём этот разговор, — попыталась высвободить руку.

— Я не могу, Фабиана, — поднялся следом мужчина. — Не могу это отложить. Сегодня в королевской резиденции состоится одно собрание. Там будут нужные и очень важные лорды, которые помогут нам отстоять свои интересы. И мне нужно, — он сжал руку крепче, пристально вглядываясь в глаза, — чтобы ты поехала со мной.

Фабиана уставилась на него. Встреча? Та самая, о которой говорилось в утренней прессе!

— Нам нужно объединиться, сестрица, — заговорил он уже тише и спокойнее, унимая свой пыл, — ты должна мне помочь. Конечно, у тебя сейчас другие заботы, но очень прошу уделить немного своего времени.

— Я не знаю Танор, прошлый раз ты хотел силой меня увезти, как я могу теперь тебе довериться?

Танор сухо сглотнул.

— Я правда думал, что Витор о тебе заботится и решил поддержать его.

— То есть, мои доводы — что я против, ты совершенно не воспринимал? — злость снова подкатила к горлу.

Танор пожал плечами.

— Я был уверен в словах Витора. Он убеждал, что ты просто испугалась.

Фабиана хмыкнула. И что с него взять?

— А где Ламмерт? — поинтересовался. — Если нужно, я буду просить его.

— Не нужно, Хэварта нет в Ристоле, — Фабиана расправила плечи. — Хорошо, я поеду с тобой и надеюсь, в этот раз ты меня не заставишь делать того, чего я не хочу.

— Я хотел для тебя как лучше, Хэварт эрн Ламмерт не тот человек, который тебе нужен.

Фабиана подняла подбородок — вот как?

— И не нужно на меня так смотреть, — буркнул брат.

— И почему же ты так решил? — Фабиана вспомнила, как Танор был не рад тому, что она оказалась в Ристоле. О Ламмерте он знал намного больше, чем она и — как она поняла — не самое хорошее.

— Многим известно о его тёмных делах, которые он проворачивал за границей. Его репутация под сомнением у власти, а господин Бартолд эрн Груно уважаемый и очень влиятельный человек, он подходит тебе больше. Можешь на меня злиться, но я всё равно против твоего брака с Ламмертом, — в синих глазах снова вспыхнули искры негодования и пыла.

— Ты его совсем не знаешь.

Танор хмыкнул.

— Ну да, зато ты успела узнать.

Фабиана вздёрнула бровь в недоумении — о чём это он? И тут же вспыхнула, жар негодования и злости прилил к щекам вместе со стыдом.

— Когда опекун это всё затеял, — начала Фабиана, — я искала встречи с тобой, думала, ты мне поможешь, но угодила... — смолка, вспоминая тот ужасной вечер у борделя, — ...попала в неприятность. И его поступки не сравнятся с хвалёным благородством эрн Груно, который купил меня у дядюшки, как какую-то вещь.

— Да, дядюшка жадный до денег — не спору. Но какая разница? Пусть и купил, зато ты была бы в высоком статусе и влияла на многие вещи.

— Например, какие? — усмехнулась этой чуши. — Меня бы в его доме ни в грош не ставили! — вспыхнула Фабиана, унимая рвущийся наружу гнев. — Как бы на меня смотрели его сыновья? А мне бы с ними часто приходилось сталкиваться, знаешь ли. Но не в этом дело, мне противен этот лорд, ясно?

Танор сомкнул губы, вытаращил на неё глаза, вид его был такой, будто проглотил колючку, а потом внимательно оглядел Фабиану.

— За Ламмерта ты вышла без оглядки, — вдруг выдал он. — Ты, я смотрю, по уши втрескалась в этого преступника, защищаешь его... — с укором проговорил, вытянув губы в твёрдую линию, — хочешь сказать, что он бескорыстно взял тебя в жёны? Или ты всё-таки чем-то ему заплатила? — взгляд отвратительно красноречиво скользнул по её телу, что Фабиана почувствовала себя грязной.

— Хватит! — всплеснула руками отворачиваясь. — Ты не смеешь так говорить!

— Ладно, извини, мышка, — сцепив зубы, встряхнул головой Танор, — не хочу об этом больше, я высказал своё отношение к твоему выбору, и Хэварт Ламмерт — последний, с кем я хотел бы видеть свою сестру.

— Зря ты так, — горько поджала губы.

— Просто... — мужчина шумно выдохнул, — ...я за тебя переживаю. Если тебя он устраивает — оставайся с ним, сколько хочешь, я не буду препятствовать, но наше состояние нужно вернуть, — решил благоразумно закончить разговор.

Фабиана туго втянула в себя воздух. Какая разница, будет он препятствовать или нет, вряд ли Хэварт захочет с ней даже разговаривать после того, что она сделала и наговорила вчера. Да и сердиться на Танора глупо, он верит злым слухам и не знает настоящий расклад дел. Фабиана видела, как Хэварт хочет избавиться от прошлого, прогоняя Игнес, закрываясь ото всех. И его слова правдивы. Он не желает этим заниматься и ради этого вернулся в Вальштор. Намеревался начать всё сначала. Танор ничего об этом не знает, как и то, что младший Ламмерт в опасности, в заложниках у этого самого достопочтенного Бартолда эрн Груно.

— Подожди меня. Сейчас соберусь и спущусь, — ответила ровно.

— Хорошо, — кивнул, отступая.

Оторвав от него взгляд, направилась из зала к лестнице.

Нужно было привести себя в порядок, ведь на вечере будет много знати, а значит необходимо выглядеть подобающим образом. И неважно, что творится внутри.

Волнение поднялось против воли — она сможет хоть на немного приблизиться к Хэварту и Бартолду. Он наверняка будет там. А значит, у неё есть возможность что-то предпринять, узнать что-то, как-то помочь.

Похолодевшие пальцы протрясла лихорадочная дрожь. Да. Слишком опасно и рискованно. Но хуже всего сидеть и ждать неизвестно чего. Невыносимо, Фабиана сойдёт с ума в ожидании, а потом будет горько жалеть, что ничего не сделала. Ну уж нет! Поговорит с Груно. Слишком долго бегала от него, пора понять, что ему нужно, возможно — Фабиана сжала зубы — она как-то ещё сможет повлиять. Все же это будет встреча не в его замке, а в людном месте. Он не посмеет ничего плохого предпринять против нее.

Вытащила шпильки из скрученных узлом волос, тяжёлые завитки упали на плечи и спину, запах цитруса тут же окутал, будоража до дрожи. Запах Хэварта ещё оставался с ней. Такой горячий, терпкий и густой, осязаемый, что голова закружилась, а тело отяжелело, вспоминая его прикосновения, будто он сейчас обнимает её крепко сзади, прижимает к своему твёрдому телу, медленно скользит губами сначала по плечу, потом по коже шеи. Дыхание застыло в груди, там что-то предательски кольнуло. Взгляд помутился влагой.

Воспоминания накатывали беспощадно, и от этого стало только хуже, такая муť внутри, что не разобраться. И вместе с тем Фабиана почувствовала почти физическую боль, которая отдавалась ломотой в висках. К горлу подкатил тугой ком, и острое отвращение от мысли, что к ней может прикоснуться другой мужчина, сжало в тиски, разрывая в клочья сердце. Фабиана стиснула пальцы в кулаки, так что ногти вонзились в ладони. Разозлившись на собственную слабость, сделала порывистый глубокий вдох, запрещая себе чувствовать.

Фабиана подняла руки и решительно принялась за волосы.

Платье — из тёмно-синего бархата — выглядело бесподобно, как раз для этого вечера. Облегало тело и струилось тяжёлыми складками к полу, подчёркивая бледноту её кожи. Накинув поверх жакет, повернулась к зеркалу и застыла, видя вовсе не своё бледное лицо с глазами загнанной лани, а Хэварта. Темный тягучий взгляд чёрных глаз поглощал, будто он стоял перед ней сейчас. Вздвогнув от наваждения, Фабиана отвернулась от зеркала и, больше не медля, прихватив перчатки, вышла из комнаты.

Танор тут же поднялся с дивана, как только Фабиана появилась. Он уже был весь на иголках — намереваясь поскорее разобрать всю эту сложную ситуацию с опекуном.

— Я надеюсь, нас туда пустят, — сказала она, замечая оценивающий, слегка удивлённый взгляд Танора.

— За это не беспокойся, фамилия О-Лидер получила приглашение.

Фабиана не успела ответить — Аскил, что вышел проводить гостя, застопорился, увидев девушку при параде.

— Миледи, вы покидаете Ристол?

И почему он спросил именно так?

— Я её украду на вечер, — вмешался Танор, беря на себя ответственность, — но обещаю, что она вернётся скоро, передайте милорду Хэварту Ламмерту, что лично буду в ответе за леди перед ним.

Аскил сурово свёл брови — это ему явно не понравилось, мужчина перевёл взгляд на Фабиану.

— Всё в порядке, Аскил, мы скоро вернёмся, — ответила, чуть улыбнувшись, Фабиана, позволяя Танору увести её.

Вместе вышли к воротам.

Небо казалось каким-то тревожным и холодным, несмотря на лёгкие золотые лучи, пронизывающие облака. Фабиана чувствовала, что надвигалось что-то нехорошее. Обернулась, оглядывая замок. Вернется ли сюда ещё? Фабиана не знала.

Погрузившись с Танором в карету, кучер тронулся с места.

Всю дорогу ехали молча. Танор если и разговаривал, то на отвлечённые темы — он был полностью сосредоточен на предстоящей встрече. Фабиана, как могла, боролась с внутренним волнением.

В Вальшторе сегодня было особенно людно, пришлось долго пробираться через город в самую сердцевину, и карета то и дело останавливалась, пропуская другой экипаж или стояла в создавшемся стопоре. Добрались, когда уже на город напал густой сумрак, правда, пришлось ещё долго ожидать у ворот, пока их приезд отметили, а приглашение подтверждено привратником. Ещё пришлось проехать длинную аллею, пролегающую через зелёный парк. Фабиана наблюдала в окне остриженные кусты самых разных форм, лужайки с фонтанами и скульптурами.

Прохладный воздух окутал Фабиану, когда она, наконец, вышла из кареты, даже жакет не спасал — зябь пробиралась под платье и холодила спину.

Осмотрела обширную территорию резиденции. Здесь уже было множество карет: Прибывшие гости ожидали лакеев и разговаривали между собой, коротая время до знаменательного события.

Их пока ещё никто не заметил, и Фабиана никого из присутствующих не знала. Волнение разыгралось до такой степени, что она не смогла толком оценить огромный дворец, который раскинулся на обширное расстояние, оценить его великолепие и убранство.

На улице находиться пришлось довольно долго, наблюдая, как всё ярче становились огни в многочисленных окнах дворца.

В отличие от Фабианы, Танор выглядел спокойным, будто не раз бывал у короля на приёме. Хотя, может, и бывал — он не рассказывал. Танор потянув девушку за собой, когда гости стали неспешно подниматься к парадным дверям.

Повсюду, буквально на каждом шагу, истуканами стояли королевские жандармы — во дворце их было гораздо больше, чем снаружи. Горло сжала тревога — как Хэварт сможет пройти такую охрану? Фабиана не представляла. Миновав приёмный зал, направились по широкому коридору.

Общая отделка дворца была выдержана в кремовых и золотых тонах, пахло чем-то пряным и в то же время горьким, будто табачным дымом. А вскоре, когда они вошли в широкий обильно освещенный зал, который тоже наполнился лордами и их спутницами, стало ясно почему. Не сказать, что все были празднично одеты — всё же это не бал, а что-то вроде собрания, где будут обсуждаться важные вопросы, связанные с артефактом и магами напрямую. Фабиана отметила, что женщин намного меньше, что заставило её больше беспокоиться: быть у всех на виду, когда должна остаться в тени — меньшее из того, что она хотела. Стало совсем не до оглядки по сторонам, когда Фабиана заметила Витора в компании зрелых высокородных господ. Ну конечно, как без него могло обойтись это событие?!

Танор его тоже заметил, и на лице мужчины отразилась едва сдерживаемая неприязнь. Потом Фабиана заметила Ульмана — лекарь был в компании худенькой и миловидной женщины в строгом зелёном платье, видимо, это была его жена.

— Сейчас будет небольшая торжественная часть, — отвлёк Танор, — потом лорды соберутся в отдельном зале для обсуждений. Заключительной частью станет аукцион. А вот и Его Величество, — поднял он взгляд.

Фабиана обернулась, заметив всеобщее оживление. Вытянула голову пытаясь ухватить фигуру короля. Это был высокий крепкий мужчина, на нём торжественный светлый камзол и брюки, заправленные в высокие сапоги. Его уже успели увлечь разговором, и Фабиана смогла видеть профиль Людвига, ровно стриженные светлые волосы зачёсаны назад, твердый чуть выпирающий гладкий подбородок, нос с небольшой горбинкой придающий ему благородства, высокий лоб и густые брови. Фабиана насторожилась, вспоминая какие разговоры ходят вокруг его величества, особенно в отношении магов, но между тем вечер как раз посвящён именно этому классу знати и теперь многое станет ясным.

Фабиана закусила губу. Отвела взгляд и перевела на зал, отвлекаясь от тяжёлых мыслей разглядывая гостей. И тут же застыла, позвоночник будто раскалился, и по телу прошла колючая волна дрожи. Эти чёрные волосы, бледнота кожи, таинственная полуулыбка и росчерки бровей...

Хэварт Ламмерт...

Моргнула, кажется, переставая дышать. Милорд здесь, в этом зале, и совсем скоро её обнаружит.

Сжав пальцы в перчатках, Фабиана следила, как милорд спокойно и расслабленно разговаривал с какими-то господами, пока ещё не заметив её. В ушах застучала кровь, а во рту разом пересохло.

Фабиана не могла оторвать взгляд от мужчины, всё тело будто онемело — не шевельнуться. Среди серой массы он будто годионский хрусталь — очаровывал своей элегантностью и неотразимостью. Фабиана не могла не заметить, что многие женщины уже приметили молодого лорда и, забыв о присутствии короля, обращали на него острые сверкающие взгляды.

Втянув воздух в грудь, Фабиана напряглась, но Ламмерт за долгое время впервые появился на званом вечере, и неудивительно, что приковывал столь пристальное внимание. Только Фабиана знала, что это отвлекающий манёвр, и совсем скоро он отлучится...

Но стало совсем тошно, когда в парадных дверях появился не менее влиятельный лорд — Бартолд эрн Груно, министр обороны. И в груди развезлась пропасть.

Фабиана резко отвернулась, к счастью, взгляд Танора был устремлён вовсе не в зал, он не видел того, что происходило за его спиной, торопливо доставал из внутреннего кармана жакета какие-то бумаги. А Фабиана старалась унять бешено колотящееся сердце.

— Идём за мной, — поманил брат, уводя от толпы и от Хэварта Ламмерта, невольно не позволив её обнаружить.

Танор приблизился к одному господину, стоявшему в компании других мужчин. Один — невысокого роста, с узким лицом — имел быстрый взгляд, несмотря на то, что вокруг век залегли глубокие морщины. Кажется его имя Джер эрн Сеппэль — Фабиана не запомнила, мысли её были в другом месте рядом с милордом и министром. Они начали о чём-то говорить, брат показывал бумаги. А Фабиане казалось, что Ламмерт сейчас подойдёт к ней. И что тогда будет, даже представлять не хотела. Хотя с чего бы ему подходить? Она ведь ясно дала понять милорду, что не желает с ним иметь ничего общего.

И он отпустил...

Сердце судорожно сжималось, ладони вспотели. Господин Джер эрн Сеппэль оглядывал девушку, спрашивал о родителях, опекуне и её жизни в пансионе, Фабиана отвечала коротко, не вдаваясь в подробности, собираясь с мыслями, пытаясь связать вопросы друг с другом. Сеппэль кивал, снова смотрел в бумаги, снова задавал вопросы, что-то выяснял у Танора и, наконец, сложил все пергаменты в стопку и выпрямился.

— Я вас услышал, — ответил Джер эрн Сеппэль Танору, — ждите моего ответа, ваши заявления сегодня же окажется на столе Его Величества, я лично буду настаивать на рассмотрении этой непростой и вопиющей вашей ситуации... — посмотрел теперь на Фабиану как-то особо пристально и заинтересованно.

Фабиана поёжилась, не разбирая, что было в его взгляде, но потом он вдруг продолжил:

— Вы очень похожи на госпожу Рэнейт эрн О-Лидер. Уважаемая леди покоряла своей добросердечностью и великодушием, — напомнил он о занятии матери, которая при жизни содержала приют бездомных детей.

— Благодарю, господин, — ответила Фабиана, признательно склонив голову.

Джер кивнул и отлучился, направляясь к Его Величеству.

— Ну вот, остаётся теперь дело за малым, — довольно улыбнулся Танор, поворачиваясь к ней, но его улыбка тут же исчезла, на её место легла тревога: — Ты как? Выглядишь неважно, — мужчина посмотрел на зал и сомкнул губы в твердую линию, его взгляд поledenел. — Не волнуйся, ты будешь со мной, — проговорил он, ввергая Фабиану в ещё большее оцепенение.

Она медленно повернулась и почти сразу схлестнулась взглядом с Бартолдом эрн Груно.

Да, она хотела поговорить с ним, хотела всё выяснить, но не тогда, когда Хэварт рядом, чтобы он подумал, будто все, что она наговорила ему — правда!

Не этого она хотела. Нет.

На лице лорда появилась пробирающая до омерзения ухмылка, Бартолд смотрел так, будто Фабиана есть и остаётся его собственностью, которая попала в его сети.

Но в следующий миг его лицо закаменело, а взгляд сделался безразличным, будто Фабиана стала не интересней вон тех колонн у входа. Груно отвлёкли разговором, и больше в её сторону он не смотрел, и Фабиана отвернулась. Стало жутко не по себе.

Возле короля собиралось всё больше гостей, зал наполнился гулом голосов, из распахнутых дверей полилась негромкая музыка. А вскоре народ потянулся в главный зал. Танор повёл Фабиану за остальными, занимая место у стола, другая часть гостей прошла в другой зал на собрание.

— Ты разве не пойдёшь? — спросила Фабиана, оглядываясь.

— И оставить тебя одну?

Конечно, на сбор не пускали всех прибывших, а только лично отмеченных королём. Танор получил приглашение, и он мог бы присоединиться к остальным.

— Я не хочу, чтобы ты из-за меня чувствовал неудобства.

Она должна найти способ поговорить с Бартолдом. Но этот его взгляд сбивал с толку. Груно не станет её слушать, но она должна попытаться и сделать всё, чтобы помочь Хэварту.

— Здесь много людей, думаю, со мной ничего не случится, — спокойно улыбнулась Фабиана. — Я буду ждать тебя здесь.

— Да уж, интересно, что будет обсуждать высшая свита, — признался он.

— Иди, я найду, чем себя развлечь, — заверила.

Танор ушёл, покидая главный зал. Фабиана огляделась. Оставшиеся большинство — женщины, но Фабиана никак не ожидала, что тоже может стать мишенью для внимания, хотя стоило, ведь её портрет висел на всех улицах Вальштора, и разыскивалась она как сбежавшая невеста, которая стала женой таинственного высокородного лорда.

Всё больше она ловила скользкие взгляды одних, осуждения других, зависть третьих, и чистый интерес. Наверняка теперь пойдут слухи, почему молодая жена явилась на вечер отдельно со своим мужем.

Фабиана отвернулась и, дабы занять себя хоть чем-то, взяла наполненный белым вином бокал, ожидая, что кто-то не сдержит своего распирающего любопытства и подойдёт. Но, к счастью, никто не прерывал её одиночества. Фабиана могла спокойно собраться и прийти в чувства.

Радоваться было рано, в дверях раздался чей-то приглушенный смех, по позвоночнику Фабианы прокатился холодок неприязни, она не ошиблась, когда, повернувшись, увидела Игнес эрн Ларси.

Фабиана сжала стекло в пальцах так, что едва его не раздавила. Игнес была не одна, а в сопровождении молодого мужчины. Сердце туго стукнуло о рёбра и ухнуло в пропасть — потому что Фабиана узнала его. Эти светлые глаза, влажные губы, которые сейчас, казалось, блестят при свете канделябров. Это он поймал её там — в подворотне, он трусливо бросился в побег, когда Ламмерт отбил её у этого проходимца.

Игнес заметила Фабиану сразу. Едва столкнулись взглядами, её сияющее красивое лицо исказила гримаса презрения и ненависти. Она повернулась к сопровождающему её мужчине и что-то сказала. Острый взгляд метнулся на девушку. Фабиана задержала дыхание, но мужчина как-то вяло улыбнулся. Он не узнал её. Не узнал. В следующий миг пара направилась к ней.

Фабиана отвела взгляд, призывая всю свою стойкость и почти жалея, что позволила Танору оставить её.

— Надо же какая встреча, — усмехнулась мисс Ларси.

От её голоса и тона, внутри всё покорибилось. Призвав спокойствие, Фабиана повернулась к парочке. Как же быстро Ларси нашла замену Хэварту! Хотя что-то подсказывало, что у этой дамы запасных вариантов множество. Растерянность сменилась злостью — Игнес не стоит Ламмерта и заслуживает полностью такое отношение, с каким он обращался с ней. И все эти её горькие слёзы — всего лишь от удара по её самолюбию, не больше. Как же Фабиана обманывалась на ее счёт! Горечь осела на языке.

— А что же ты одна?

Фабиана вытянулась — вопрос явно с подвохом.

— А, милый, вот... — встrepенулась вдруг Игнес, обращаясь к мужчине, — познакомься, это Фабиана О-Лидер собственной персоной.

Мужчина заметно напрягся, и едкая ухмылка сменилась пристальным вниманием.

— А это...

— Олистр, — оборвал он девушку, — Олистр эрн Груно.

Фабиана судорожно сглотнула, не веря ушам — перед ней сын того, кому она должна была стать мачехой. Тошнотворное чувство поднялось мутью.

Кажется, вечер оборачивался худшим, чем Фабиана представляла, и что-то ей подсказывало, что это лишь начало. Игнес неслучайно здесь. Острым шипом кольнул страх — Ларси пришла, чтобы собственными глазами посмотреть, как Хэварт Ламмерт будет пойман.

Фабиану бросило в панику. Бросила взгляд на дверь — покинуть этот зал и найти Бартолда, что-то предпринять, остановить, сказать, что их сделка сорвётся. Фабиана может это сделать, попытаться.

Олистр пристально осматривал Фабиану, и на его лице становилось всё больше неприязни, отражающей в его какой-то пошлой ухмылке.

— Пойдём, малышка, — поманил за собой Олистр Игнес, уводя ее, — у нас есть занятие поинтереснее.

Игнес широко улыбнулась ему, глаза похотливо сверкнули, так что стало дурно от этого всего.

— Конечно, милый, — промурлыкала, — идём. Нас ждёт много чего интересного.

Ларси поддалась в руки своего нового ухажёра, вперёд посмотрев на Фабиану, вкладывая свой взгляд весь яд своей ненависти и презрения. И Фабиана не усомнилась, что она что-то задумала или уже сделала. Холод продрал плечи и спину.

Как только они погрузились в зал, сливаясь в толпе гостей, Фабиана сорвалась с места и пошла прочь.

В гостевом зале почти пустынно, Груно и Ламмерт находились в зале собрания, и неизвестно, сколько они там пробудут, но Фабиана должно встретиться министром и сказать о том, что их сделка может сорваться.

Вышла в коридор, который охраняли жандармы. Нужно подождать окончания собрания.

Направилась в сторону закрытой террасы. На улице уже давно опустились сумерки, повсюду горели огни, освещая декоративные деревья и тропки. Фабиана свернула и прошла к колоннам, вдыхая прохладный воздух, сжимая подрагивающие пальцы. Нужно успокоиться, но как, когда сердце сдавливает в тиски страха?

Позади что-то хрустнуло. Фабиана обернулась и заметила, что по террасе шли двое мужчин в тёмных одеждах. И всё бы ничего, можно было подумать, что господа вышли побыть в тишине и развеять мысли, но они направились к ней. Фабиана огляделась: как назло, поблизости ни души, видимо, с этой закрытой части дворца не посчитали нужным ставить охрану. И кричать было тоже бессмысленно — вряд в шумном зале её крик услышат. К тому же если это люди Груно, подсказывала собственная интуиция, то звать на помощь точно бессмысленно.

Больше не медля, Фабиана пустилась прочь, сбегая с порога, потому что путь во дворец был перегорожен. Преследователи оказались куда быстрее.

Свернула в заросли, надеясь найти какую-нибудь аллею, шипастые стебли роз только цеплялись за подол, как когти птиц, царапали руки, не пускали вперёд, заманив в ловушку. Паника накрыла с головой, а вместе с ней и тень надежды, что удастся вырваться.

Один из преследователей настиг без особого труда, схватил и зажал широкой ладонью рот, не позволив произнести и звука, а следом Фабиану резко оторвали от земли и понесли прочь.

В зале для собрания было душно. Хэварт посмотрел на настенные часы — скоро нужно покинуть незаметно помещение и двигаться дальше. Он был спокоен в том, что всё получится, к этому достаточно подготовился. Тревожило далеко не это, а Фабиана, которая осталась в Ристоле. Всё же Ламмерт сейчас сильно сожалел, что не запер её в комнате.

Нехорошие предчувствия душили и мешали сосредоточиться на главном. Если бы у него было время, он вернулся бы и сделал так, как всё же нужно было, и пусть бы она ненавидела его, но он не собирался её отпускать. Теперь уже нет. Фиалка его, какую бы чушь она ни несла. Никто не посмеет к ней приблизиться. Хэварт давно всерьёз погряз и не будет этого отрицать. Никого не видел возле себя, кроме безумно соблазнительной и порой невыносимой О-Лидер.

Он вернётся и разберётся с ней, обязательно, потребует объяснений и не отпустит никуда, как бы та ни выпускала свои острые ядовитые шипы. Она только его.

Хэварта разрывало на части от злости на себя, что дал фиалке волю решать самой, и теперь его душило неведение. Куда она так рвалась? И где она сейчас? В замке, или эту упругую попку понесло совершать очередные глупости?

Глянул на министра. Тот внимал речи одного из достопочтенных лордов по магическим наукам и никак не реагировал на присутствие Ламмерта. И Хэварт не мог его понять, что скрывается за этой равнодушной холодной маской. Предугадать его шаги было невозможно.

Скоро всё прояснится, когда он вернётся с артефактом.

Наконец, разговоры стали утихать, и гости неспешно начали расходиться, спеша промочить горло напитками покрепче.

Хэварт направился к выходу, бросив взгляд на охранявших двери стражей, вышел в коридор.

Самое сложное — пройти парадную часть дворца, а там он разузнал о потайных ходах, которые не охранялись никем. Хорошо, что Его Величество не заострил на Ламмерте внимания, даже как-то подозрительно, в связи с тем, какие разговоры ходили о нём за эти последние недели.

Все карты Хэварт досконально изучил и запомнил. Он вышел на один из балконов, погружённых в полумрак, лишь для того чтобы отвести внимание. Наблюдал, как внизу, прогуливаясь после долгого разговора в общем зале, лорды что-то бурно обсуждали, шутили и посмеивались. Сейчас у всех небольшое расслабление, а дальше аукцион и застолье, и снова бесконечные разговоры.

— Добрый вечер, милорд, — раздался сзади женский голос.

Ламмерт повернулся. И даже приподнял бровь, не ожидая увидеть на этом вечере госпожу Листит эрн Хорис. Насколько Хэварт знал, она недавно стала вдовой. Её муж держал несколько текстильных фабрик, пока с ним не произошёл несчастный случай, и овдовевшая госпожа сейчас снова стала лакомым куском для многих холостяков. Но, видимо, мисс Хорис не слишком торопится с выбором, справляясь неплохо и сама. Да и зачем, когда можно менять ухажёров каждый месяц?

— Добрый, миледи, — принял её руку в кружевной чёрной перчатке, слегка касаясь губами.

Глаза девушки сверкнули, а на маленькие губы легла таинственная ухмылка. Он выпустил руку, но девушка не спешила отстраниться.

— Что же вы один? Поговаривают, вы женились, это правда?

— Слухи не врут, — ответил Хэварт, глянув отвлечённо вниз.

— Вы всегда были полны, тайн. Странно, что вы не с супругой.

— Для Фабианы неинтересны такие вечера.

Листит небрежно фыркнула.

— Насколько я знаю, эта юная особа не отличалась общительностью и раньше, я даже не завидую вам, Хэварт, — подалась чуть вперёд, скользнув взглядом по его лицу, — на какую скучную жизнь вы себя обрекли.

Хэварт задержал дыхание, стискивая зубы.

— Фабиана О-Лидер — самая лучшая из женщин, которую я когда-либо мог встретить, — проговорил он вкрадчиво, отстраняясь, видя, как глаза эрн Хорис округлились в непонимании, а в следующий миг в них вспыхнула сухая ревность. — Мне нужно идти. Всего доброго, — отступил Ламмерт

Вернулся в коридор.

По времени стражу должны уже были менять у северного крыла. Пришлось даже немного поспешить. Поднявшись по лестнице, где было значительно тише и безлюдно, вошёл в одну из мужских туалетных комнат. Дождавшись пока несколько мужчин покинут её, достал приготовленный заранее саквояж, который он принёс сюда и спрятал в одной из тумбочек, как только прибыл. Выйдя в коридор, когда за дверью стихли шаги и голоса, удаляются прочь, быстрым шагом направился в противоположную сторону от двери и сразу свернул в подсобку, предназначенную для слуг.

Конечно, она оказалась пуста, потому что все слуги сейчас носились как ошпаренные там внизу обслуживая господ. И если бы даже он столкнулся с одним из них, ничего безобиднее нет притвориться что заблудился и извиниться.

Хэварт заперся и раскрыв сумку вытащил приготовленные вещи. Сорвал с плеч жакет, стянул рубашку облачаясь в более удобные одежды из тёмной ткани, повязал и чёрный платок на шею, на случай если всё придётся ускользать от преследователей. Сложив всё в сумку, подняв её с пола, отворил дверь и выглянув наружу. Убедившись, что коридор чист, вышел, направляясь всё дальше от главного зала в северную часть дворца.

Ему нужно было добраться до закрытой лестницы, которую во дворце называли «чёрной», запасная предназначенная на случай, если дворец будет захвачен или какого-то мятежа. Лестница пронизывала весь замок и вела к подземному ходу, который выводил куда-то за пределы резиденции в раскинувшийся полудикий парк.

Хэварт преодолевал с лёгкостью барса холодные каменные пролёты узкой лестницы, отмечая, что на каждой площадке имелись двери, которые вели в разные части замка. Этих «чёрных» ходов во дворце было пять, и Ламмерт выбрал не самый короткий, слушая интуицию что короткие всё же могли охранять.

Точной информации всё же не удалось раздобыть.

Наконец оказавшись перед нужной дверью, что вела в сердце тайника, Хэварт замедлил шаг, ступая по каменному полу бесшумно и грациозно, погружаясь во мрак, он будто оказался в какой-то пещере. Здесь он и оставил саквояж, взяв нужные вещи, в том числе и поддельный артефакт, пододвину сумку ногой к стене, сорвал с руки перчатку и браслет. Зеленоватый свет расползающийся по кисти осветил дверь и замочную скважину. Хэварт провел рукой, отпирая сложный механизм, который к неудаче немного заржавел, но всё же поддался воздействию и глухо щелкнул.

Ламмерт подождал немного, проверяя есть ли поблизости стража — определив это по наличию стали из которых были сделаны оружия. К удаче по ту сторону ничего подобного не обнаружил. Открыв дверь вышел в такой же прохладный полумрак. Двинулся по выстеленному ковру, оглядывая полуголые стены и высокие кованые канделябры. А дальше потянулся черёд комнат, небольших залов смежные с друг другом напоминали лабиринт. Хэварт безошибочно двигался в направлении тайника чувствуя, как ладони тяжелеют, и магия скапливается на самых кончиках пальцев неприятно покалывали будто у него онемели фаланги, всё же пришлось одеть браслет назад, потому что давление становилось почти невыносимым.

Главный вход тайника охраняли двое стражей, обойти их было проще простого. Хэварт воспользовался тайным ходом, который мог пользоваться только король.

Войдя в полутёмную комнату, он остановился возле арочной низкой двери, занавешенный тяжёлым балдахином. Хэварт осторожно отодвинул его и прищурился, от синеватого свечения царившее в помещении. Рассеянный свет лился откуда-то сверху. Источником которого был подвешенный в воздухе, размером с яблоко, магический шар, он и давал это необычное для глаза свечение. В тайнике также находились защитные артефакты, которые в случае чего сигналили тревогу.

Хэварт скользнул взглядом по полкам, многочисленным шкафам, которые тянулись до самого потолка — здесь находилось много ценных вещей.

Приоткрыв ещё немного шире занавесу, снова обвёл взглядом помещение выискивая артефакт. Но пока ничего особенного не заметил.

Торопливо сняв браслеты, сосредоточился на ощущении. У

каждого металла были свои особенности и Хэварт легко их распознавал и определял тем или иным

ощущением в ладонях. Он нашёл защитные артефакты сразу — два у входа и ещё два по углам. Осталось их только обезвредить. Не зря он купил инструкции у того антиквара и потратил время на их изучение.

Обезвредил сначала два у входа, перепутав внутри движение атомов, с другими двумя пришлось повозиться, их устройство немного отличалось.

Но и с ними было покончено.

Хэварт одел браслеты, когда руки начало нещадно жечь, всё же металлов здесь было слишком много, требовалось с передышкой пользоваться магией. Зато есть время оглядеться.

Ламмерт свободно вышел в широкое помещение, чем-то напоминающая на архивную библиотеку или даже лабораторию. Прошёл между столами с различными механизмами. Оглядывая книги и свитки на стеллажах, видимо хранившие много тайного.

Остановился перед столом что возвышался в центре, скользнул взглядом по различным артефактам. Снова снял браслет провел рукой по верху ощущая вибрации и движения потоков, останавливаясь на нужном. Круглой формы будто слеплен из множеств треугольников артефакт был создан из стекла, сквозь которое виднелись светящиеся спирали. Теперь оставалось его взять так чтобы ненароком не активировать. Проверять здесь слишком рискованно.

Хэварт привлёк металл своей магией поднимая его в воздухе притянул к ладони, не касаясь её, он по-прежнему тускло светился, не подавая никаких признаков своего действия. Вытащив подделку Хэварт положил её на место настоящего. На тот случай, если всё же кто-то решит проверить что всё на месте.

Держа артефакт магией, он вышел тем же путём скрываясь за тяжёлым балдахином. И уже быстрым шагом направился обратным путём.

Всё чётко и размеренно, никаких лишних движений, никакой передышки. Ещё было рано расслабляться.

Ламмерт выше на лестницу, замкнул дверь. Взяв саквояж, спустился по лестнице, но не дойдя до середины остановился, когда руку начало снова адски жечь. Стянув с шеи платок, он расстелил его на каменном пороге, положил на него артефакт. Вытащив из кармана браслеты быстро одел. От неприятного ощущения, выступила испарина висках, покалывал шею ворот куртки. Подождал немного, когда невыносимая боль немного стихнет.

А после всё же решился взять украденный артефакт в руки. Холодный металл чувствовался в ладони ощутимой тяжестью, покрутив добычу в пальцах Хэварт завернул его в платок и сунул во внутренний карман.

Двинулся дальше. С лестницы слышались голоса гостей. По обрывкам слов доносившиеся из-за закрытых дверей, Ламмерт понял, что аукцион в самом разгаре.

Спустился дальше по лестнице подсвечивая путь магией, минул коридор, погружаясь в каменный ход, ступая по гравию шёл тем путём который помнил на карте, проходя многочисленные ответвления, которые вели либо в тупик, либо запутывали и делали путь длиннее. Через время повеяло сырой прохладой, и Хэварт с облегчением выдохнув свободно вышел к глубокому рву заросший ивами. Туннель выходил прямо под каменной мощной стеной дворца. Где-то поблизости была дорога и ожидавший Вернер с каретой.

Всё прошло гладко, как Хэварт и думал. По-другому и не могло быть. Пробравшись через заросли мужчина вышел на каменную дорогу. Чуть дальше, в несколько метров, стоял экипаж. Вернер ожидавший столько времени бодро оживился, увидев вышедшего из дебрей мужчину, настороженно сжал поводья глядя в темноту, но, когда Ламмерт приблизился, расслабил плечи. Конечно, он сначала и не узнал своего господина в этой одежде, которая ко всем провоняла плесенью туннеля. Бросив в карету саквояж, Хэварт снял куртку швырнул на сиденье, погрузился в карету и закрыл дверь.

Прикрыв веки несколько минут сидел, не двигаясь, а затем открыл глаза.

— Трогай, — велел Вернеру, раскрывая сумку вытаскивая жакет, перекладывая артефакт в сумку.

Вернер знал куда ехать. Осталось встретится с посредниками Груно. Встреча назначена в безлюдном месте поблизости от дворца.

Но не успела карета отъехать от крепостной стены резиденции, выезжая на ровную дорогу, впереди

послышался топот копыт. Кто-то из всадников поравнявшись с каретой громыхнул по ней чем-то тяжёлым, вынуждая кучера немедленно остановиться, потому что впереди дорогу им тоже преградили. Хэварт выглянув в окно, выхватывая взглядом королевских жандармов. Сердце горячим ударом ткнулось о рёбра.

— Проклятье, — выругался сквозь стиснутые зубы в тот миг, когда дверца отворилась.

— Милорд, прошу на выход, — грубо заявил один из представителей охранного ордера.

Переведя взгляд на окруживших карету жандармов, Хэварт взял перчатки и вышел на дорогу.

— Чем могу служить? — поправил ворот куртки, оглядел остальных всадников, которых было шестеро.

Хэварт напряжённо передернул плечами, хоть всем своим видом выказывал непринужденность.

— Что вы везёте? — задал следующий вопрос жандарм.

— Свои вещи, — ответил Хэварт, возвращая взгляд на представителя охраны. — Может, вы всё же объясните, что не так?

— Вы Хэварт эрн Ламмерт, не так ли?

— Так.

— Был отдан приказ вас задержать.

По позвоночнику пробежал неприятный холодок.

— На каком основании?

— Оснований нет. Приказ короля, — отрезал тот коротко и сухо, — покажите, что у вас в сумке.

Хэварт не двинулся с места, только искры гнева взрывались пред глазами каскадом, ослепляя. Кто его мог сдать? Как они узнали? Его кто-то заметил в тайнике? Или там были ещё следящие артефакты, которые он пропустил?

Жандарм подал знак коротким кивком, и в следующий миг двое из охранников подступили и схватили с обеих сторон, заламывая руки за спину, резко толкнули к карете, так что он ткнулся в неё грудью, ударившись скулой о выступающий каркас.

— Вам лучше не оказывать сопротивление, иначе будет хуже, — прозвучало предупреждение.

Глава ордена по-хозяйски нырнул в карету и достал саквояж. Злость душила, подступая к горлу, и Хэварт дернулся, пытаясь вырваться, но кто-то схватил его за волосы и сильнее придавил к карете щекой. Жандарм, раскрыв сумку, вытаскивал вещи, бросая их прямо на землю, затем перевернул сумку и просто вытряхнул её. Сверток с артефактом тяжело упал поверх жакета. Жандарм застыл, потом, откинув саквояж в сторону, подобрал находку, развернул чёрный шёлковый платок. Зеленоватое свечение артефакта осветило каменное лицо главы, приковывая к себе взгляды остальных жандармов.

— Сковать его руки, — отдал короткий приказ, поднимая голову.

В следующий миг Хэварт почувствовал, как холодные оковы сжали запястья тяжестью, что-то щёлкнуло.

Хэварт поморщился и зло прошипел через стиснутые зубы от ломоты в запястьях чужеродного металла, который начал жечь кожу, пробираясь кислотой к кости.

— Так-то лучше. Вы обвиняетесь в краже королевского владения, господин эрн Ламмерт, — сказал он, явно довольный собой.

Позади послышался топот и какая-то возня, хватка ослабла, Хэварт повернул голову посмотреть, что происходит на дороге. К жандармам подъехал ещё один отряд из восьми всадников. Послышались обрывки слов.

— Да господин... поймали... нашли... артефакт у него.

Ламмерта будто ударили под дых, когда он выхватил взглядом выехавшего вперед Бартолда эрн Груно. Глава охранного ордера чванливо выпятил грудь, увидев министра, приветствовал кивком.

— Поймали вора, ваша светлость, — отчеканил он.

Бартолд перевёл взгляд на Ламмерта. Сухой взгляд Груно не выражал ничего. Но Хэварт знал, что он здесь неслучайно, знал. Сделка сорвалась, ему стоит это признать. Хэварт не смог передать ему артефакт. Но министр зачем здесь?

Груно спешился, передав своего жеребца одному из жандармов. Приблизился к карете, вставая напротив Ламмерта. Один из жандармов схватил его за ворот, встряхнул, заставляя развернуться. Хэварт смотрел на Бартолда прямо. Тот, оторвав от него взгляд, перевёл на главу.

— Поймали, говоришь?

— Да, ваша светлость, вот, — развернул платок и показал артефакт.

Хэварт видел, как желваки застыли на скулах Бартолда, веки лорда чуть дрогнули от напряжения. Министр забрал артефакт из рук жандарма артефакт.

— Это хорошо, — завернул в ткань ценность, — я сам отвезу артефакт и милорда, куда следует.

Глава сжал кулаки, разжал и снова сжал, пожевав раздражённо губами, но покорно кивнул, спорить с министром, сколько бы отличий не имел глава ордена, не решился.

— Хорошо, ваша светлость, — склонил голову, — как вам будет угодно, — стискивая зубы, метнул взгляд на Хэварта.

Бартолд кивком головы приказал жандармам посадить Ламмерта в карету. Вернер, что сидел впереди за поводьями, был отправлен прочь, только и было слышны его ворчание, но сделать что-то против он не мог. Ламмерта грубо втолкнули внутрь, так что он плюхнулся на сиденье, головой ударившись о стенку, дернул плечом, но руки были надёжно скованные наручами.

Дверца раскрылась шире, на сиденье опустился министр, размещаясь напротив Ламмерта.

— Кажется, господин, у нас с вами будет серьёзный разговор, — закрыл дверцу, — поехали! — крикнул жандарму, что занял место Вернера.

Карета тронулась. Хэварт глянул на министра из-под взъерошенной чёлки:

— Где Витлар? — спросил, не сводя глаз с лорда.

Тот буравил его серыми, как сталь, глазами и о чём-то думал. Горло Хэварта сжал спазм напряжения.

— Не торопитесь, милорд, — наконец, сказал министр, будто нараспев, наслаждаясь бьющимся внутри Хэварта ураганом безвыходности. — Вы сделали много ошибок. Просветили во всём свою любовницу, которой вы так и не смогли заткнуть рот.

Хэварт нахмурился — причём здесь Игнес?

— Это она сдала вас. Не ожидали? Теперь вы уяснили один хороший урок — обиженная женщина страшнее смерти, — усмехнулся Бартолд, сохраняя безукоризненное спокойствие. — И вторая ошибка, самая неприятная, пожалуй, потому что первую я бы мог опустить, списав на вашу неопытность, но вторую не смогу спустить вам с рук...

Хэварт прищурился, сжимая кулаки за спиной. Министр говорит загадками.

— ...Вы увели мою невесту, когда должны были предать мне в руки. Взяли её в жёны, унизив моё имя. Этого я вам не прощу, — Бартолд вперился взглядом в Ламмерта, и некоторое время Хэварт мерил его твёрдым взглядом.

— Вы сами её упустили, не так ли? — Мускул на лице Бартолда всё же дрогнул. — Но я рад, что ей удалось от вас скрыться, и она теперь моя, — добавил.

В следующий миг Хэварт откинулся в сторону, когда кулак Бартолда впечатался в скулу, отдаваясь тупой болью в затылке. Ламмерт застыл, очухиваясь, потом тряхнул головой, вновь возвращаясь в прежнее положение, смотря исподлобья на министра, ощущая на губах что-то солёное и горячее.

— Будьте осторожны в выражениях, милорд, — так же спокойно произнёс он, разминая кисть. — Фабиана О-Лидер никогда не будет вашей. Очень жаль, я был уверен, что нашёл достойного союзника, ваша находчивость и способность меня радовали. Но теперь у вас появились серьёзные проблемы. И не обольщайтесь на тот счёт, что Фабиана ваша. Она в моём замке.

Что? Хэварт, не веря, сузил глаза, всматриваясь в лицо Бартолда. Фабиана у него?

— Она поплатится, что посмела от меня сбежать, и за этот брак — тоже. Эта курица серьёзно думала, что сможет спрятаться от меня...

Всё-таки фиалка соврала, что заодно с Груно... Зачем она это сделала? Зачем он её отпустил? Хэварт стиснул зубы, проклиная себя. Бартолд смотрел пристально, неподвижно шлифуя Ламмерта взглядом.

— ...Но с ней я разберусь чуть позже, а сейчас... Я отдал приказ снять обручи с этого щенка. Когда карета подъедет к замку, он будет уже мёртв.

Холод обжег внутренности, опускаясь по позвоночнику, стылым страхом сковывая всё тело.

— Я же выполнил условия, — голос прохрипел, будто от холода, Хэварт стиснул кулаки, сдерживая пронимающую лихорадкой дрожь. — И достал артефакт.

— Да, выполнил, а последствия — результат твоих ошибок, и за них ты отвечаешь, — сказал с превосходством в голосе министр.

Этот подонок не блефует, Хэварт видел в серых глазах пляшущие адские огни. Внутренности скручивало от ярости и страха, так что грудь распирало и плавало, будто в лёгкие налились раскаленным железом. Стало чудовищно трудно дышать. Хэварт готов был броситься, как зверь, разорвать глотку зубами и уничтожить эту тварь, только что это изменит? Он уже отдал приказ... Боль стучала в висках и затылке набатом, напряжение свело мышцы невыносимой судорогой.

Бартолд долго смотрел на Ламмерта, а затем расслабленно откинулся на спинку сиденья, явно довольствуясь, как внутри Ламмерта всё разрывается на куски. В следующий миг внутри что-то лопнуло, и взрыв ярости оглушил, отдаваясь в теле дребезгом. С утробным рыком Хэварт бросился вперёд, ударяя головой в лицо министра, тот перехватил его за горло, сдавил, зажимая ладонью своё лицо, корячась от боли.

— Стой! — гаркнул кучеру.

Скованные руки не позволяли наносить удары. Карета остановилась, дверь распахнулась. Затянутые мутью ярости глаза министра сузились, из разбитого носа и рта по его подбородку текла кровь. Он сдавил горло ещё жёстче, пытаясь вытолкнуть из кареты Ламмерта, ему это удалось лишь потому, что от нехватки воздуха сознание стало плыть. Хэварт почувствовал, как его дёрнуло назад. Потеряв всякую опору, он рухнул спиной на землю. От мощного удара лёгкие прошибло болью, и Ламмерт снова на время лишился дыхания. С трудом разлепил веки, наблюдая сквозь мутную пелену, как его окружили, видя только множество ног в мокрых от росы сапогах. Немного очухавшись, он перевернулся на бок и попытался подняться со скованными за спиной руками. Резкий удар под рёбра снова свалил его на землю. Не успел он обернуться, как последовал ещё удар носком сапога в другой бок. Ламмерт в немом рыке скривился, а следом, не позволяя боли затопить тело, рванулся с земли, но едва смог накинуться на стоявшего поблизости жандарма, как что-то тяжелое ударило его по спине, снова сбивая с ног. Хэварт упал на колени, сбивая их, ткнулся плечом землю, кажется, что-то хрустнуло, и новая вспышка боли тут же выстрелила от лопатки к ключице, вынуждая вырваться из горла глухой рык. Череда ударов посыпались со всех сторон, выбивая остатки дыхания и сознание.

— Достаточно, — голос министра обрушился сверху плитой. Послышалось откуда-то сбоку шуршание. Хэварт прошипел, когда Бартолд схватил его за волосы на затылке и дёрнул, заставляя запрокинуть голову. — Будешь гнить в тюрьме, пока не сдохнешь, я об этом позабочусь. Как и о твоей жене, которую буду брать, а потом рассказывать тебе, как это было.

Министр выпустил голову Ламмерта и отступил. Жандармы подхватили Хэварта и потащили к карете, швырнули на сиденье, а через время экипаж тронулся с места.

Глава 21

Фабиана

Фабиана не видела, куда её везут, хотя ехали они не так долго. Она не могла ничего видеть, потому что на голову ей надели мешок, в котором она задыхалась. Ко всему связали и руки, полностью обездвижив. В голове туманная муть от нехватки воздуха, Фабиана желала только одного — поскорее глотнуть свежего воздуха.

Карета остановилась ещё нескоро, один из мужчин, что сидел рядом, схватил её в охапку и грубо вытолкнул наружу. Не видя ничего, Фабиана едва не упала, запутавшись в подоле платья, опершись плечом на дверку. Что это за место? И что они хотят от неё? Ответов не было. Только чернота — тесная и давящая. Её куда-то повели сначала по траве, потом по каменной дорожке, вынудили остановиться. Послышался скрип дверных петель, её толкнули в помещение и повели дальше. Запахи тоже Фабиана не могла ощущать, но внутри было тепло, каблуки стучали по деревянному

полу гулко, а значит здесь было пустынно. Когда перед ними предстала лестница, похитители тоже не церемонились — поволокли девушку, хватая за ворот. Фабиана спотыкалась о высокие пороги, не успевая, но ей не давали останавливаться. Грязные ругательства то и дело обдирали слух. Лестница, к великому облегчению, закончилась, а дальше был, по-видимому, какой-то зал — Фабиана буквально кожей ощущала пространство, заталкивая страх как можно глубже.

— Стой, — дернули, вынуждая остановиться.

Клацнул замок, потом ещё один, и ещё, Фабиана напряглась в тот миг, когда её пихнули в плечо, вынуждая войти в комнату, и тут же подхватили за локти и потащили куда-то вперёд. И снова тычок в плечо. Потеряв опору, она рухнула, но, оказалось, на что-то мягкое — кажется, софу. А в следующий миг тряпку с её головы сдёрнули, разметав волосы, которые тут же налипли на лицо. Фабиана поморгала, привыкая к свету, сквозь влагу видя только размазанные очертания лица похитителя.

— Посидишь пока тут, — процедил тот.

— Развяжи ей руки, — приказал другой похититель откуда-то со спины, — на ней не должно остаться никаких повреждений.

Фабиана стиснула зубы, задержав дыхание, когда мужчина развернул её и грубыми рывками принялся рвать путы, причиняя боль. Отступил, намотав веревку на кулак, оглядывая таким оценивающим взглядом, что стало не по себе. Фабиана потёрла затекшие конечности, озираясь затравленно на стоявших перед ней мужчин. Тот, кто развязывал путы, подступив, схватил Фабиану за подбородок и жёстко вдавил пальцы, причиняя боль.

— Какая беленькая, — выпустил подбородок и вцепился в волосы, сжимая в кулак.

Фабиана вонзила ногти в руку, пытаясь содрать с себя лапу мерзавца и оттолкнуть.

— Не смейте так обходиться с леди! — голос со стороны заставил ее застыть.

Они тут были не одни? Фабиана, насколько могла, повернула голову и выхватила взглядом в тусклом свете оплывших свечей мужской силуэт.

— Сними с него браслеты, и пусть уже заткнётся, — раздражённо рыкнул наёмник своему поделнику, и тот двинулся с места.

Фабиана смотрела распахнутыми глазами. Браслеты? В голове тут же всё сложилось. Она перевела взгляд снова на силуэт в тени, понимая, кто это. Витлар эрн Ламмерт. Фабиана не смогла рассмотреть черты, лишь светлые волосы, стройное тело, ещё по-юношески тонкое — особенно это видно по сравнению с надвигавшимся на него заматерелым широкотелым мужчиной. Не успел тот что-либо сделать, как юноша вскинул руки и сам сорвал браслеты — сначала один, потом другой — и швырнул их на пол. И те глухо упали на ковер.

— Подавись, — зло выпалил младший Ламмерт.

— Нет! — вскрикнула Фабиана, осмысливая произошедшее, подскакивая с софы, но тут же её вернули назад, бросая на твёрдость мебели как тряпичную куклу. Тот наёмник подобрал браслеты и, распрямившись, резко сделал выпад, ударяя юношу, заставляя отлететь к стене. — Перестаньте! — закричала Фабиана, срываясь с софы, бросилась к поделнику, преграждая тому путь, чтобы остановить, и тут же была сдавлена за горло огромной лапшей.

— Не порань это одуванчик, — одёрнул второй с насмешкой, — поехали лучше выпьем чего-нибудь покрепче.

Тот оскалил зубы, бросив свирепый взгляд на Фабиану, но отступил.

Они ушли, оставляя заложников в комнате. Достаточно широкой, но без лишней утвари и мебели, на единственном окне стояла решетка — это комната явно предназначена не для приёма гостей.

За спиной послышался шорох. Фабиана развернулась и бросилась к юноше, рухнула на колени, содрогнулась при виде заляпанных в крови белых манжет и ворота рубашки. Из носа и рассечённых губ беспрерывно текла кровь. Торопливо достала из складок платья платок, протянула юноше, тот взял его без лишних возражений и приложил к носу, закрывая веки.

— Кто вы и почему оказались здесь? — спросил вдруг он.

Фабиана сложила руки на коленях, сцепляя их в замок. Что ответить и не знала... то, что является женой Ламмерта? Но так ли это в действительности?

— Фабиана эрн О-Лидер. Я близкая знакомая вашему... брату Хэварту.

Витлар раскрыл глаза и, продолжая зажимать нос, глянул на неё. Серые пронзительные глаза уставились в неверии.

— У моего брата не может быть близких знакомых, — ответил он, вновь отворачиваясь.

— Почему же? — удивилась, хотя поняла, что он прав. Хэварт никому не открывался, как это не знать родному брату? — Значит, появились, — ответила какую-то нелепицу, но что ещё она могла сказать? То, что она его случайная супруга — вызовет ещё большее недоверие. Но думать нужно не о том.

— Они сняли браслеты, — проговорила Фабиана, — я знаю, что они сдерживают магию, — Фабиана смолкла, паника начала накатывать с новой силой.

Значит, его изначально хотели убить, и не о какой сделке не могло быть и речи? Значит, всё было зря? Острое, как лезвие, сожаления полоснуло сердце. Нужно было обращаться к Эммеру сразу же. И что теперь с Хэвартом? Удалось ли ему украсть артефакт? Где он сейчас? Что предъявит ему Груно? Знает ли он, что сделают с его братом? Лёд страха сполз по позвоночнику. Осознание, как холодная лавина снега, обрушилась на неё, погребая пот пластом тяжести. Это месть, и виновата во всём она — Фабиана. Виновата, что осталась в замке Ристол. Она собственными руками подставила Ламмертов!

— Вам плохо? — вырвал из оцепенения Витлар.

— Нам нужно что-то придумать! — глянула на него. — Немедленно! — Фабиана подскочила на ноги и заметалась из стороны в сторону.

Витлар поднялся следом, смотря на девушку немного удивлённо, но спокойно. Несмотря на то, что он ещё юн, младший Ламмерт выше Фабианы на полголовы. Он убрал платок, делаясь совершенно расслабленным, будто у него всё, что происходит вокруг, под контролем.

— Я уже придумал, — ответил коротко. Фабиана округлила глаза, вся напрягшись, сердце застучало быстро и горячо. — Правда... — Витлар задумчиво глянул на свои запястья.

Как же он был похож в этот миг на Хэварта — те же жесты и мимика.

— Что? — поторопила с ответом.

Юноша вздохнул, поднял на неё взгляд, опуская руки.

— Ничего... ерунда.

Фабиана сглотнула, всматриваясь в лицо юноши.

— Что же вы задумали?

— Выйти отсюда, — поднял голову и посмотрел на дверь.

— Я уже много раз пробовал, но на двери и окна наложены магические печати, скрепленные защитными артефактами. Они убрали все металлы, которыегодились бы мне, — вернул взгляд на девушку, чуть сощурил глаза, совсем так, как это делает Хэварт, когда догадывается о чём-то. Вдруг шагнул к Фабиане и посмотрел куда-то на макушку. — Позволите? — протянул руку, выдёргивая из волос шпильку.

Фабиана недоуменно посмотрела на неё в испачканных пальцах кровью поблескивающую металлическую принадлежность.

— Думаете, ей можно открыть все эти замки? — хотелось понять, что же он задумал.

Витлар не ответил, погружаясь в свои мысли, сжал в кулак шпильку и, развернувшись, направился к столу, зашёл за него и присел на корточки. Фабиана решительно прошла к нему, видя, как юноша, подцепив пальцами край деревянной панели, оторвал её, за ней оказалась глубокая ниша, в которую он сунул руки, пытаясь что-то достать.

— Принесите свечу сюда, пожалуйста, — попросил молодой господин.

Фабиана взяла латунную чашку с огарком и опустилась на пол, поставив свечу рядом. Витлар раскрыл сверток ткани, в котором оказались разные предметы: куски металлов, различные ёмкости, в которых были какие-то порошки и стружки.

— Я их целый месяц собирал, — объяснил он, видя недоумение на лице девушки, — пока бывал в

мужской комнате, — усмехнулся, взяв за кусок железной обивки, отодранной от какой-то мебели.

— И как это поможет? — даже голова заболела от непонимания.

— Был бы Хэварт здесь, он бы открыл дверь без усилий, но моя магия немного другая, — сосредоточено принялся раскладывать всё содержимое свёртка.

— И в чём же заключается ваша магия?

Витлар посмотрел на неё из-под чёлки и снова усмехнулся, положив металл в одну из ёмкостей, накрыл ладонью. На лице юноше отразилось некоторое напряжение. Прошло немного времени, и он убрал руку.

Фабиана глянула вниз и охнула — от того куска вензеля не осталось ничего, точнее осталось — жидкий сплав. И, видимо, ещё горячий!

— Вы его что, раскалили? — подняла ошарашенный взгляд на Ламмерта младшего.

— Да. Я сделаю артефакт, который... — он потёр висок кончиком пальца, глянул на дверь, — вскрыет ее, и мы сможем выйти. Надеюсь, до того, как они вернутся, — добавил не без доли тревоги.

Оставалось только поражаться, теперь можно было в полной мере понять, почему в нынешнее время магов ограничивали. Их способности потрясают и пугают одновременно. Конечно, советчики короля опасаются таких, опасаются, что маги смогут выйти за рамки дозволенного. Поэтому ведётся такой контроль.

— А разве в замке больше никого нет? Если нас услышат?

— В этой башне никого нет уже давно, она заброшена, а эти мерзавцы приезжают хоть и часто, но ненадолго.

— А что это за место, я думала, это замок эрн Груно?

Юноша нахмурился, смотря на неё серьёзно.

— Груно? Почему вы так решили?

Фабиана осеклась, конечно же, Витлар мог и не знать, кто его похитил. Должен знать, чьих это рук дело.

— Потому что он вас похитил, заставил вашего брата путём шантажа пойти на грязное дело — украсть из королевского тайника созданный магами ценный артефакт, — выпалила на одном дыхании Фабиана.

Витлар смотрел на неё долго, на его испачканном кровью лице только полное сосредоточение, и слегка видимая усталость.

— Я примерно о том догадывался, — ответил он тихо и спокойно, не выказывая никаких эмоций.

Опустил взгляд и взял очередную ёмкость. Фабиане оставалось только наблюдать и не мешать, хотя несколько раз порывалась помочь, Витлар мягко просил не мешать. А потом стало волновать совсем другое: хоть юноша был полностью сосредоточен над своим делом. На его висках проступила испарина, а пряди липли ко лбу — вид младшего Ламмерта успокоил всё больше, когда Фабиана потянулась за выскользнувшую из пальцев Витлара деталью, протянув руку, случайно их пальцы соприкоснулись, Фабиану накрыла настоящая паника, потому что пальцы юноши были огненные! Он же как ни в чём не бывало продолжал собирать артефакт. Фабиана ничего не стала спрашивать, давя в себе страх, подступавший к горлу.

Больше не в силах выдержать это напряжение, Фабиана поднялась, бесцельно прошла по комнате, оглядывая пустые стены, посмотрела в окно, взявшись за холодные жерди железной решётки, дёрнул, но они намертво были посажены в стены.

Время перешло далеко за полночь, разливаясь крошечной чернотой на небосводе, в глубине которого колюче поблескивали звёзды.

Если они даже и выйдут отсюда, то Витлар вряд ли протянет долго, до того момента, когда найдутся новые браслеты... Внутри похолодело до ломоты в костях от этой мысли и хотелось лезть на стены от безысходности. Что же делать?

Фабиана закусила губу, на глаза неожиданно навернулись слёзы. Но не нужно плакать, показывать своей слабости, признавать поражение. И всё же она не удержалась и всхлипнула. Это предел. Она думала, что сильная, но ошибалась, это всё слишком для неё, вся эта жестокость и

несправедливость. Фабиана душила слёзы, смотрела на звездное небо, прислушиваясь к любому звуку, казалось, что сейчас обернется и увидит Витлара лежащим на полу.

Это всё она, всё из-за неё! Глупая дура! Зачем она только сбежала из дома?! Сейчас бы Ламмерт совершил сделку, и всё бы разрешилось само собой. Хэварт нашёл бы способ избавиться от давления Груно. А теперь слишком поздно. Она не думала ни о ком, кроме себя. Для чего такая плата, почему? Убежав от воли опекуна, она нашла что-то ценное и теперь теряет.

За спиной стало тихо, Фабиана, сжав оледеневшие пальцы в кулаки, повернулась.

И смогла выдохнуть. Витлар всё так же склонялся над разложенными предметами, продолжал создавать артефакт. Он коротко глянул на девушку, подбирая очередную железку.

— Можете дать ещё одну шпильку? — попросил так же спокойно.

— Конечно.

Фабиана вытерла ладонью слёзы и подняла руки. Выдернув шпильку, прошла к младшему милорду и протянула её. Витлар потянул руку, чтобы забрать, и Фабиана ужаснулась, когда увидела на руках красные зияющие пятна ожогов.

Он торопливо забрал шпильку, хмурясь от того, что напугал девушку.

— Не пугайтесь, — сказал он, вновь склоняясь над артефактом, — долгими днями мне нечем было заняться, и я тренировался подолгу обходиться без обручей.

— И насколько долго получалось?

Он не отвечал, и Фабиана поняла, что не так много. И всё же заметила, как подрагивают его руки — магия попросту сжигает его.

— Сделать эту штуку успею...

— Но зачем вы её делаете, если не сможете отсюда выйти? — голос всё же дрогнул.

— Вы сможете убежать, — поднял на неё твёрдый взгляд.

Фабиана сощурила глаза, сдерживая подступающие слёзы, в горле встал ком, и она долгое время не могла говорить.

— Но ведь должен быть какой-то способ сдержать магию? — почти шёпотом спросила, втянув в себя воздух, которого стало не хватать. — Знаете, куда я не пойду и останусь здесь.

— Не переживайте так, если вам удастся сбежать вы сможете донести властям о королевском предателе.

— Кто меня станет слушать?

— Почти готово, — ответил совсем другое младший милорд.

— Это не останется без внимания, поверьте. А ещё расскажите то, что я понял свойства оптона.

Фабиана резко подняла голову, обращая на него взгляд, вспомнив те записи, которые она просматривала в комнате Витлара. Фабиана моргнула, сбрасывая оцепенение, задрала рукав своего платья, показывая браслет — подарок Хэварта. Схватила его и сорвала с руки, протягивая Витлару.

— Его?

Витлар поднял голову, стирая со лба проступивший пот, и застыл. На его лице застыло неверие с тенью сомнения.

— Откуда он у вас? — наконец спросил, положив артефакт на пол.

— Я думаю, это сейчас не столь уж важно, — ответила Фабиана, слушая собственный грохот сердце, — так скажите же, что у него за свойства? Может, это поможет?

— Позвольте? — попросил юноша украшение.

— Конечно, берите, — протянула Фабиана незамедлительно.

Витлар взял его в руку и весь будто превратился в твёрдую глыбу, напрягая плечи, пальцы

судорожно сжимали обод. Он некоторое время его рассматривал, но Фабиане казалось, что прошла целая вечность. Юноша, наконец, выдохнул, и в этом жесте было всё: и облегчение, и надежда, и... выход. Фабиана видела, как изменилось его лицо. Витлар усмехнулся краем губ.

— Вы моя спасительница, Фабиана О-Лидер, — сказал он, бросая на девушку короткий взгляд.

— Это как-то поможет?

— Ещё как! — с превосходством улыбнулся он шире.

В висках горячо стучало, горло сжимало от взывавшего волнения.

За дверью послышался топот. Витлар резко повернул голову, а Фабиана оцепенела.

— Они вернулись, — проговорила, ощущая, как страх снова сковывает всё тело. В следующий миг Витлар схватил её за запястья.

— Поднимайтесь, — велел, — скорее сюда, — увлёк за собой. Быстрым шагом приблизившись к софе, юноша рухнул на неё. — Притворитесь, что вы напуганы, — сказал он, сжимая в кулаке браслет.

Фабиана успела твёрдо кивнуть в тот миг, когда последний замок клацнул и дверь распахнулась. Витлар закрыл глаза, а Фабиана так и осталась стоять возле софы обескураженная и растерянная. Поворачиваясь спиной к столу — лишь бы они ничего не заметили, что находится за ним.

— Ну что тут, не сдох ещё? — подошёл наёмник внутрь, глянув на Витлара, а потом склонившись, схватил того за волосы.

— Что вы делаете?! — подступила Фабиана, когда наёмник повернул голову юноши и выпустил. Голова Витлара откинулась в сторону, будто он был и в самом деле без сознания.

— Хватит с ним возиться! — подал голос его поделник. — Бери девчонку и поехали.

Наёмник повернулся к Фабиане, и в этот миг Витлар приоткрыл веки. Фабиана глянула на него, предупреждая взглядом, чтобы тот ничего не делал. По крайней мере один из них выйдет из башни. И милорд это понимал.

Они вытолкнули её из комнаты и всё равно заперли дверь. Витлар остался внутри.

Тот, что стоял в коридоре, дёрнул Фабиану за руку.

— Шевелись! — рыкнул, толкая к лестнице, так что она полетела вперёд, едва успев зацепиться за перила рукой и удержаться от падения.

На этот раз на голову ей ничего не стали надевать, подхватили под локти и повели прочь, спускаясь по лестнице. Башня была и в самом деле заброшенной, облупленные стены и раскрошившиеся некоторые ступени говорили о том, но всё же здесь присутствовала кое-какая мебель, но это было неважно. Куда на этот раз они хотят её отвезти? У господина Груно появились другие планы? И с чем это связано?

Подумала о Хэварте, и внутри нехорошо дрогнуло сердце. Неужели с ним что-то случилось? Но не может же этого быть, нет. Разве только Игнес...

Дальше Фабиана не могла ни о чём думать, погружаясь в пропасть тревог и щемящего отчаяния, смешанного со страхом.

На неосвещённом дворе ничего не разобрать, но вокруг башни было пусто, только несколько лошадей и карета, в которой её привезли. Подвели к ней и грубо втолкнули внутрь. Фабиана, смахнув прядь волос с лица, замерла, вслушиваясь, но наёмники ни о чём не говорили. Просто встали рядом и чего-то ждали. Только чего?

Они не собираются её увозить? Зачем тогда заперли здесь? Фабиана глянула на каменную башню, в которой в одном-единственном окне всё ещё тлел огонёк.

Если у Витлара всё получится, то это наверняка привлечет внимание этих подонков, тогда они точно поймут, что всё это притворство, и покончат с милордом.

Болезненная дрожь пронеслась по плечам. Фабиана поёжилась, вцепившись в края сиденья. Всё было тихо кругом. Неизвестность поглощала в чёрную пропасть, время текло, словно вязкая смола — тягуче и долго, эта ночь казалось нескончаемой.

Фабиана стала замерзать, обхватив себя руками, смотрела то на окно башни, то на пустынный двор, ограждённый высокой каменной стеной, заросшей диким виноградом. Они ждали кого-то — это стало очевидно, и Фабиана молилась, что Витлар помедлит.

Терпение было на пределе, что внутри от перенапряжения всё начало трястись. Как пережить это всё — Фабиана не знала. Чего ждать? А самое важное — где сейчас Хэварт? Почему с Витлара сняли браслеты?

Фабиана гнала прочь мрачные мысли, но всё меньше ей это удавалось, нервы были на пределе. Она насторожилась, когда внезапно наёмники оживились и направились куда-то в сторону стены. Фабиана буквально прилипла к стеклу, чтобы хоть что-то рассмотреть, пронаблюдав, как на площадку выехала ещё карета, запряженная в двойку лошадей.

Нехорошее предчувствие засвербело где-то под сердцем. Предчувствия тут же подтвердились, когда прибывшие всадники спешили и к карете подошёл один из мужчин, в которой Фабиана узнала Бартолда эрн Груно.

Фабиана вцепилась в обивку онемевшими пальцами. Бартолд сам открыл дверку кареты, а один из приспешников лорда вытолкнул кого-то из её нутра. Это был мужчина с чёрными волосами и связанными за спиной руками.

Фабиана застыла, когда он поднял голову — она узнала Ламмерта. Одна сторона его лица залита кровью, сочившейся из открытой раны у виска, на другой скуле темнели синяки, губы и нос разбиты. Фабиана сжала трясущиеся кулаки, когда Ламмерт посмотрел будто прямо на неё, но это лишь показалось ей — Хэварт словно смотрел в себя каким-то стеклянным и пустым взглядом, в чёрных глазах из-под влажной от собственной крови чёлки, налипшей на лоб, тлела боль и что-то ещё, от чего у Фабианы внутри что-то оборвалось, и стало больно в сердце.

Фабиана дёрнулась и изо всех сил ударила по двери кулаками. Но створка, конечно, не поддавалась. Фабиана закричала, ударяя по ней снова и снова, коленом, кулаками, но это ничего не принесло.

Груно пихнул милорда в плечо, заставляя идти к башне, Хэварт зашагал вперёд, чуть пошатываясь, Бартолд следовал за ним. Всё сложилось в голове Фабианы в единую картину: они сняли с Витлара браслеты, чтобы показать Хэварту, что его младший брат мёртв.

Когда мужчины скрылись в дверях, Фабиана смежила ресницы, задышала часто и глубоко, скользнув пальцами по запотевшему стеклу. В голове отдавался звон и отголоски собственных криков, в висках стучала горячими толчками боль.

Его всё же подставили. И Хэварт даже не знает, что Витлар невредим. Не знает. Фабиана вздрогнула, когда сквозь затуманенный разум толкнулась новая волна звуков. Она открыла глаза и снова посмотрела в окно. Те наёмники, что стояли возле кареты, на которой привезли Хэварта, вдруг всполошились и ринулись в рассыпную, а в следующий миг один из них был сбит с ног въехавшим на площадку всадником в красном мундире, другого постигла та же участь — он грузно кувыркнулся по земле.

А дальше Фабиана уже ничего не понимала. Послышались крики, ржание лошадей, и топот копыт... Что происходит?! Фабиана пребывала в ошеломлении, но когда среди создавшейся толкотни заметила знакомый мужской силуэт и узнала в нём Эммера, не могла поверить глазам. Но это был он — Эммер эрн Лорей.

Фабиана схватилась за ручку и со всем отчаянием начала дёргать её. Открыть карету никак не выходило.

— Проклятье, откройся же! — ударила кулаком.

Никто из жандармов не спешил проверить экипаж, но всё же кто-то из прибывших заметил ее. Дверь, наконец, поддавалась, и, путаясь в юбках, Фабиана вылетела из кареты, не чувствуя под собой ног, ошарашенный жандарм, которого она чуть не сбила, отступил. Фабиана пустилась в бег, спеша к Эммеру, не замечая того хаоса, что творился вокруг: наёмников брали в плен, заламывая руки, когда те пытались бежать.

— Эммер! — крикнула Фабиана, охрипшим голосом.

Мужчина, наконец, услышал её и, оставив своих людей, шагнул к ней. Выйдя на свет, Фабиана увидела, сколь ошарашенным он выглядел, явно не ожидая встретить здесь супругу Ламмерта.

— Фабиана? Что вы тут делаете?!

— Они внутри, там Витлар.

— Я знаю, — ответил Эммер, глянув в сторону башни. — Сейчас жандармы окружат и возьмут штурмом Бартолда. Он королевский изменник, теперь в этом нет сомнений.

Фабиана так и застыла.

— Вы всё знали? — даже дышать перестала.

— Мы были вынуждены подождать, поймать Груно на месте преступления и...

Эммер не договорил — оглушительный трескающий взрыв над головой, как раскат грома, заставил вздрогнуть и отшатнуться. А потом застыть в оцепенении, наблюдая, как выбитое стекло зазвенело переливом, разбиваясь вдребезги о камни из пробитого окна заструился дым.

Пробирающая дрожь запоздало пронеслась по всему телу, Фабиана с леденящим ужасом осознала, что произошло... Сердце пропустило удар и застыло, сжатое тисками боли и оцепенения... Резко от затылка до пят пробрало волной слабости. Ноги подогнулись, не ощущая тверди.

— ...Вперёд! Пошли! — гаркнул стоявшим истуканами жандармам очнувшийся первым Эммер.

Его окрик отдался в ушах, захотелось зажмуриться, и когда Фабиана это сделала, по щекам скользнула горячая влага. Вокруг раздавались голоса и топот ног. Фабиана сжала кулаки, подавляя собственный вой, шагнула вперёд и сорвалась в бег к башне.

Глава 22

Хэварт

Хэварт ободрал всё запястье, но снять один браслет с правого удалось, а там и разомкнуть магией наручи. Сделал это только для одного — чтобы убить Груно. На это у него ещё хватит сил. Пусть Хэварт умрёт, но этот выродок не прикоснётся к Фабиане. Хотя её он сможет спасти...

Карета остановилась, Хэварт, не снимая наручей, сунул браслет в карман брюк в тот миг, когда Груно мелькнул перед окном, а следом дверца отворилась. Вытолкнули из кареты, наёмники окружили. Хэварт сквозь замутнённый взгляд увидел башню, в которой, по-видимому, держали Витлара. Ламмерта пихнули в плечо, заставив шагать к входу. Едва приблизился к порогу, он почувствовал спиной неладное, обернулся, чтобы понять.

— Вперёд, — снова грубый тычок в спину. Хэварт только поморщился от простреливающей боли в плече. Кажется, у него сломана ключица и он, не сомневался, повторно рёбра, которые ему пересчитали палками. Теперь Хэварт знал, что тогда, когда он возвращался в Ристол после игры с Бартолдом, его подстерегли именно его приспешники. Отобрав выигрыш, Бартолд ещё не знал, что Фабиана была у Хэварта.

Хэварт зло усмехнулся своим мыслям, но лишь почувствовал внутри слепую обреченность.

Поднявшись по лестнице, Бартолд прошёл к двери первым. Ламмерта держали двое, будто всё ещё остерегались, что он сможет что-то сделать — и не зря, потому что Хэварт мог. И сделает. Хэварт скорее умрёт, чем будет слушать, как этот подонок станет рассказывать ему о Фабиане. Умрёт и потащит его в пекло за собой.

Хэварт почувствовал тепло в ладони, когда Бартолд начал открывать замки, в которых были вставлены защитные артефакты, что для магии Витлара непосильны. Здесь они его держали всё время — у заброшенных кварталов на самом отшибе Вальштора. Эта башня когда-то служила якорем для путников глухого квартала.

Дверь открылась, Бартолд вошёл первым, следом ввели Ламмерта, шаги глушил расстеленный на полу ковёр. Ламмерта пихнули к министру. Он скосил взгляд на софу и застыл. На ней лежал Вит. Его губы рассечены, на лице кровь, как и на белой рубашке, его запястье без браслетов.

Хэварт с трудом расслабил мышцы лица, чтобы не выдать всего, что закипело внутри: ярость, отчаяние, боль, настолько стискивающую рёбра, что дышать получалось через раз. В глазах потемнело. Ламмерт стиснул кулаки до боли в костяшках. Остались лишь глухая ненависть, безумие и горькая отравляющая пустота. Хэварт отвернулся, не в силах на это смотреть.

Бартолд повернулся.

— И что тут у нас? — министр опустил безразличный взгляд на лежавшего Витлара и хмыкнул. — Да, незадача. Подвёл тебя братец, — сказал он, омерзительно ухмыляясь.

Гнида! Это последняя ухмылка в его жизни. Хэварт сам лично вырвет ему кадык и спустит

министра в ад.

Хэварт посмотрел чуть назад на наёмников — они остановят, если нападёт прямо сейчас, тогда он не успеет нанести удар, который положит этого отморозка здесь, на этот пол, навсегда.

Бартолд продолжал кривить губы, в его глазах играло дьявольское пламя — он, кажется, наслаждался всем этим. Наслаждался проигрышем Ламмерта, растерянностью и подавленностью.

— ...И в этом виноват ты, — сказал министр и перевёл взгляд на Витлара.

Хэварт скользнул взглядом по столу, выискивая хоть что-нибудь, что поможет ему убить министра, хотя он мог и с закрытыми глазами ощутить нужный предмет — достаточно воспользоваться магией, ведь второй браслет до сих пор лежал в его кармане. Только вокруг ничего не нашлось, а на столе пусто. Должно же быть тут что-то! Впрочем, Хэварт усмехнулся своей мысли, его магия может это сделать, нужно лишь выпустить её.

— Теперь ты будешь до конца дней мучиться — это я тебе обеспечу.

— Как бы ты сам не угодил в свою же петлю, — процедил Хэварт. Его голос звучал хрипло и принадлежал будто не ему.

Он сглотнул, почувствовав в ладони жар, который тёк к его рукам откуда-то с пола. Хэварт нахмурился, не ожидая подобного, и едва удержал себя, чтобы не глянуть в направлении источника, прищурил взгляд, слыша запах смеси металлов, самых различных, соединяющиеся в одном единственном... механизме. Хэварт быстро глянул под стол и замер, видя поблескивающий в тусклом свете свечи металлический предмет. И, наконец, понял, что это артефакт. И не просто артефакт, а взрывающий механизм.

Неужели Вит смог его сделать? Но сомнений не осталось, когда Хэварт разобрал состав. Он собрал артефакт, и тот готов к действию. Нужна всего лишь искра магии. В голове за считанную секунду выстроилась вся логическая цепочка.

— Что же ты не смотришь на своего щенка?

Бартолд подступил и в следующий миг схватил Ламмерта за волосы. Развернув, ткнул в лежащего юношу, вынуждая едва ли удариться лбом в его подбородок. И только тут Хэварт внезапно ощутил кожей движение воздуха, едва слабое дыхание, а в следующий миг Витлар приоткрыл веки. Хэварт сдержался от того, чтобы не выдать себя и не усмехнуться, радость разлилась горячим волнением в груди. Он жив и, более того, задумал целый план. Хэварт по движению глаз младшего брата в сторону стола понял, что именно. Софа, на которой лежал Витлар, Груно, стоявший позади в метре от стола, и артефакт.

— Ну что, нравится? Как тебе такое, выродок?! — прорычал Груно яростно, стискивая в кулаке волосы на затылке жёстче.

Хэварт сжал зубы, когда Бартолд рванул его назад. Хэварт поддался лишь для того, чтобы освободить запястье, рывком сбросив наручи, и одним точным ударом локтя в лицо министра заставил того вскинуть руки и отшатнуться, сбить стол. Наёмники ринулись к нему, но Хэварт с глухим рычанием бросился вперёд всем своим весом, сбивая софу, толкая её ладонями, опрокидывая вместе с собой и Витларом, закрывая брата своим телом, а следом мощная волна жара ударила в спину и затылок.

Последнее, что увидел Хэварт, как Бартолда отшвырнуло к стене, а потом тьма заволокла сознание, утопив Ламмерт во мраке, кажется, теперь уже совсем.

Горячая и давящая темнота окружила со всех сторон, она душила и утягивала за собой на самое дно, она не отпускала и держала крепко, пока где-то вдалеке не послышался знакомый аромат. Он заставил улыбнуться в этой темноте в мыслях, сладкий дурманный разум запах фиалки. Его фиалки. Женский всхлип заставил вернуться, побороть обволакивающую тьму и вырваться из её тугих пут. Нежный тонкий голос стал ближе, совсем рядом у его лица, а следом Хэварт ощутил прикосновение тёплых нежных губ на своей щеке. Во рту сухо, в затылок стучала боль, в носу стоял запах гари и дыма. И Хэварт вспомнил всё, что случилось.

— Хэварт, очнись, прошу, ты слышишь? Хэварт! — родной голос взволновал кровь, разгоняя по венам толчками, заставляя задержаться дыханию.

Хэварт приоткрыл тяжелые веки, но смотреть было больно, чувствительные к свету зрачки сфокусировались плохо, язык тоже не слушался, чтобы ответить, что всё хорошо, что он слышит. Слышит...

Фабиана? Удивление пробило твердый панцирь, который его так крепко сковывал. Откуда она здесь

взялась?

Хэварт оглядел расплывающимся взглядом помещение, затопленное рассеивающей пеленой смога и дыма, кругом жандармы и какая-то суета. Королевские жандармы здесь? Одни выносили кого-то в дверь, другие выводили схваченных наёмников.

Витлар! Толкнулось в грудь болезненным спазмом. Хэварт попытался подняться — оказалось, его кто-то держал. Попытка увенчалась полным провалом, всё тело будто вырубленное из камня — тяжёлое неповоротливое, но всё же целое.

— Лучше пока не спеши, — раздался голос Витлара рядом.

— Хэварт, как ты себя чувствуешь? — голос фиалки, как бальзам, вливал сил, заглушая боль, которая гуляла по всему телу.

Зрение вернулось окончательно, и он разглядел бледное, слишком бледное лицо Фабианы и заплаканные красные от слёз глаза. Она и в самом деле здесь, сидит перед ним на коленях, ему вовсе не грезилась. Он не умер.

Хэварт нахмурился, видя её напуганные такие большие и чистые голубые глаза, наполненные влагой, её бледно-розовые губы подрагивали. Фабиана, протянув руки, едва касалась его лица дрожащими пальцами. Он всё же приподнялся, притянул её к себе, так остро нуждаясь в ней, желая немедленно успокоить, лишь бы только она больше ничего не боялась.

— Не плачь, фиалка, всё хорошо. Всё закончилось, — голос прозвучал хрипло и слишком тихо, но Фабиана услышала.

К сожалению, его слова вызвали обратный эффект — фиалка разрыдалась, безутешно сотрясаясь в его руках, утыкаясь лицом в его плечо. Она испугалась за него, его нежная, ранимая фиалка, которой он не безразличен. Маленькая лгунья. Хэварт зарылся пальцами в её волосы, стиснул сильнее. Теперь он её никуда не отпустит.

— Попрошу Витлара, чтобы он создал с десятков артефактов и поставил на двери, чтобы ты не смогла никуда сбежать.

Фабиана затихла и, отстранившись, посмотрела в глаза, всхлипнула. В её лице столько боли, искренности и любви, что быстро бьющееся сердце стиснуло рёбрами. Хэварт притянул её к себе, поцеловал жадно и в тоже время ласково, чувствуя солёный вкус губ, понимая, как этого мало, как же хочется прижать её к себе и почувствовать полностью, сжал её затылок, притягивая к себе теснее, прикусил её губы, вбирая себя, чтобы сполна напиться ею. Распирающее желание вызывало стон боли, Фабиана поняла это по-своему, отстранилась торопливо.

— Я сделала больно? — с долей испуга спросила.

Хэварт горько усмехнулся. В груди, там, где билось сердце, действительно было больно и горячо.

— Да, в тот момент... — он перебрал её волосы, оглаживая шею, посмотрел в глаза, приближая своё лицо, — ...когда моя фиалка отказалась от меня.

Фабиана застыла. Всевидящий! Как же он соскучился по ней, по её мимике, по этому незапятнанному грязью взгляду, по её непосредственности!

Она вдруг тряхнула головой, на бледных щеках наконец-то появился лёгкий румянец.

— Это не так! Я... просто... я...

— Я знаю, — перебил её Хэварт, любясь ею, лаская взглядом.

А на глазах фиалки вновь появились слёзы, заставляя Хэварта вдохнуть больше воздуха и сквозь боль расправить грудную клетку.

— Давайте выйдем отсюда, здесь столько дыма, что дышать нечем, — предложил Хэварт, глянув на Витлара.

Младший брат помог подняться, и всё же тошнота скрутила внутренности, и пришлось немного выждать, чтобы темнота перед глазами рассеялась. Фабиана прижималась к нему, осторожно поддерживая за пояс, кто-то из посторонних вызвался помочь, но этого не требовалось. Обойдя софу, которая ещё тлела, направились в коридор. Втроем спустились по лестнице во двор, полный королевских жандармов. Они добрались до одной из карет. Хэварт облегчённо облокотился на нее, не выпуская Фабиану из рук, прижимая к себе, полез в карман брюк, чтобы достать браслет и надеть его. Витлар в свою очередь вытащил из жакета что-то металлическое.

— Благодарю, — протянул он Фабиане.

Это был её браслет. Хэварт вопрошающе посмотрел на неё, но всю ответственность Вит взял на себя, пускаясь в рассказ о том, как Фабиана побывала с ним в плену. Хэварт злился на себя — как так вышло, что он не заметил её на собрании? Признаться, он и не думал, что она явится туда, даже пусть и с Танором, которому не мешало бы голову оторвать за то, что оставил сестру без присмотра. Хэварт не сомневался, что его фиалка весьма проницательна и догадалась о тайне браслета, и как бы он ни злился, что подвергла себя опасности, но был благодарен, что она не позволила Витлару умереть.

А потом брат переключился на свои исследования, которые Хэварт до этого момента не воспринимал серьёзно, и только теперь понял, что парень действительно повзрослел. Хэварт узнал, что оптон может регулировать магию в теле, и не нужно носить эти браслеты — всего несколько грамм этого металла при взаимодействии с кожей способны обезопасить носителя магии. Более того, если носить оптон несколько дней, то без него можно проходить месяц и — магия будет вести себя спокойно. Хэварт был поражён и одновременно восхищён Витларом. Его долгие пребывания за книгами не были беспочвенными фантазиями, как считал Хэварт.

— Вот мы и встретились, — раздался со стороны знакомый голос.

Хэварт, напрягшись, повернулся.

Эммер прошёл к карете, давая какое-то указание шедшему рядом с ним жандарму.

Мысли смешались, Хэварт не мог понять, каким образом эрн Лорей оказался здесь? Хотя уже Витлар упомянул, что жандармы во главе Эммера выслежили Груно.

Лорей встал перед Ламмертом, посмотрев на него с хитростью и озорством, будто ничего не случилось.

— Да, Ламмерт, не думал, что ты настолько... как бы это сказать правильно... способный, но я до последнего надеялся, что ты откроешь карты.

— А ты врал всё это время, прикидываясь, что ничего не знаешь?

Эммер усмехнулся, глянул на Фабиану и снова на Хэварта.

— Королевский приказ, извини, но если бы ты...

— Он мёртв? — перебил его Хэварт.

Ухмылка Эммера потускнела.

— Да.

— И что теперь будет? — явно затревожилась Фабиана, оживляясь, и Хэварт погладил её по спине, успокаивая.

— Простите мисс, а что будет?

Фабиана растерянно глянула на Хэварта.

— Несчастный случай. Магия Хэварта нестабильна, чем и способствовала активации артефакта, которым Витлар хотел вскрыть дверь, чтобы выйти из плена.

Фабиана теснее прижалась к Хэварту, надавливая на повреждённые рёбра — фиалка точно раздавит его, если продолжит беспокоиться.

Хэварт кивнул Эммеру в знак благодарности, что тот всё смог понять.

— На счету у Груно целый ряд преступлений, и самый тяжёлый — это заговор против короля. Ему была обеспечена смертная казнь. Его Величество давно подозревал министра, и как только весь этот заговор раскрылся, осталось только взять его под стражу. И он оступился.

— Хочешь сказать, что король позволил мне выкрасть артефакт и передать его Груно?

— Именно так, — усмехнулся довольно он. — Камера тебе не светит — король знает, что эрн Груно шантажировал тебя, вынуждал идти на преступление, но сильно не обольщайся, потому что теперь ты под пристальным наблюдением Его Высочества.

— Если я должен воспринимать это за честь, то я не впечатлен.

— Знаю. В Вальшторе ты чист, твоя жизнь за границей не волнует короля. И это главное.

— А как же то, что Его Величество против магов? — спросила Фабиана.

— Это не совсем так, Людвиг только несколько лет на престоле, он хочет не только выявить врагов и заговорщиков, но и тех, кто может стать союзником, верным и честным, — обратился взгляд на Хэварта и Витлара.

Фабиана, выслушав, нахмурилось — видимо, ей этот ответ не совсем понравился.

— Уже скоро рассвет, — начал о другом Эммер, — Хэварту нужен лекарь и отдых, возвращайтесь в Ристол, чуть позже обсудим всё остальное, — с этими словами он отступил к жандармам, и вскоре один из них приблизился к карете, поднимаясь на место кучера.

Путь до Ристола оказался неблизким, фиалка успела задремать, положив на его здоровое плечо голову. Хэварт не выпускал её ни на миг, слушая Витлара, который, ещё больше удивляя, посвятил во все подробности того, как его похитили из Ристола и привезли в башню, чем он занимался все эти дни в плену. И, несмотря на то, что эта сделка едва не обошлась ему высокой платой, гора с груди свалилась, что брат рядом, а любимая тихо дышала в его шею.

В Ристоле их встретил Аскил, который тут же послал за лекарем. Фабиана не отходила, осторожно помогла раздеться и принялась стирать с его лица кровь выжатым в тёплой воде платком. Хэварт смотрел на неё и не мог оторвать глаз, не мог поверить, что она рядом, что заботится о нём. Первые лучи солнца заиграли в её льняных волосах серебряным блеском, коснулись бархатной кожи. Этот рассвет они встретили вместе.

— Это всё закончилось, да? — спросила Фабиана после долгого молчания.

Хэварт улыбнулся:

— Ещё не веришь?

Фабиана покачала головой и, кажется, опять собралась плакать, и он понимал — ей столько пришлось пережить. Но фиалка справилась и вновь принялась стирать кровь и сажу, убирая волосы Хэварта со лба, проведя платком над бровью, у виска.

— Скажи, фиалка, если я сейчас закрою глаза ненадолго, ты ведь никуда не сбежишь от меня?..

Фабиана удивлённо взглянула на него. Сначала в её глазах отразилось недоумение, а потом такая нежность, что в груди защемило и сделалось тесно — не вздохнуть. Это мгновение будто замерло, заставляя сердце биться ещё сильнее и горячее. Хэварт поддался чуть вперёд, приближая свои губы к её.

— ...Хочу, чтобы так было всегда: открывать на рассвете глаза, видеть тебя и сгорать, когда ты вот так смотришь, фиалка, — прошептал глухо, лаская взглядом её губы, трогая дыханием чуть испачканные в сажу завитки волос на её щеке.

Фабиана глубоко вздохнула, а на лице её отразилось столько всего, что заставило его задохнуться, а по телу разлиться волне дрожи. Фабиана подтянулась ближе, опуская взгляд на его губы.

— Я никуда не денусь, Хэварт, — твёрдо и серьёзно ответила. — И буду с тобой всегда, — сладкое горячее дыхание толкнулось в его губы, — я люблю тебя, Хэварт эрн Ламмерт. Очень люблю, — всё же всхлипнула она, но снова сдержала слёзы, прикусив губы, которые тут же соблазнительно налились, будто гранатовым соком.

Хэварт перевёл взгляд в её глаза, утопая в их безбрежности. Кажется, такого восхитительного пьянящего голову утра у него ещё не было никогда. Надо же, как вышло. Она изменила его жизнь, которая была в чёрно-белых тонах, обманчивых сиюминутных эмоций побед от игр, сделок, хождения по краю. Но радость превосходства гасла уже на следующий день, и снова ему нужно было идти и брать, и снова играть, и снова ходить по краю, чтобы хоть немного заглушить эту бездну в своей душе.

Теперь он обрёл что-то ценное, настоящее, то, что осветило самые тёмные углы его души, наполнило до краёв целительным нектаром и заставило чувствовать себя живым, чувствовать, как горячо и неистово колотится о рёбра сердце и рвётся дыхание из груди. В нём лишь желание заботиться о той, кто распалила его своей чистотой и ранимостью, гордостью и упрямством, тонкой красотой и чуткостью. Его фиалка, самая необыкновенная и желанная, сейчас в его руках, рядом с

ним, близко.

Опустив веки, Хэварт погладил такое маленькое плечо Фабианы, лаская, перемещая ладонь на шею, скользнул пальцами по щеке, касаясь волос, хотел прижаться к её губам, но за дверью послышался шум и топот. С глухим стоном Ламмерт выдохнул, а фиалка с нежеланием отстранилась в тот миг, когда дверь открылась, и в комнату вошёл Ульман в сопровождении Аскила.

Хэварт устало откинулся на подушки.

А дальше проходил долгий осмотр, обработка ран и перетягивание жёсткими жгутами повреждённых костей, но, к счастью, обошлось без переломов, правда, пара трещин всё же были. А после принятие горьких снадобий Хэварта со страшной силой потянуло в сон, и он уже не мог бороться с действием лекарств, проваливаясь в небытие, зная, что фиалка рядом и никуда от него теперь не денется. Она обещала.

Эпилог

Фабиана

Месяц спустя

Фабиана открыла дверь и вошла в кабинет.

Время близилось к ужину, но Ламмерт, похоже, не спешил к столу, сидел в полумраке свечей, склонившись над какими-то бумагами. Но когда в кабинет вошли, он поднял взгляд.

Чёрные глаза проглотили Фабиану — блестящие, хищные, пронизательные, от которых у нее всегда слабели колени. За эти дни после того жуткого события с артефактами она всё никак не могла оправиться, и Хэварт старался, чтобы она забыла обо всём, купал её в огне своей любви и нежности, настолько головокружительной и будоражащей, что засыпали они только под утро уже которую ночь. Она и не знала, что можно так постигать друг друга, бесконечно, сплетаясь телами, дыша в унисон... И всё же когда она, уставшая и разморенная негой, засыпала на его груди, ей снились кошмары, она старалась не тревожить ими Хэварта, но он был невероятно чуток к её сну, особенно за две последние недели, когда Фабиана вдруг почувствовала себя неважно и всё списала на переживание. Но Хэварт настоял, чтобы её осмотрел Ульман.

Господин Бранс обошёлся парой вопросов и внимательным взглядом, чтобы понять, в чём дело, от чего Фабиана залилась краской на глазах у мужчины и скрылась из кабинета. Ламмерт пришёл к ней чуть позже... До сих пор она видела его взгляд и ту восхитительную, полную сумасшедшей любви ночь, которую он ей подарил.

Утром пришла весточка от его Его Высочества, в которой говорилось, что Хэварт должен снова прибыть в резиденцию, чтобы решить некоторые вопросы о Витларе.

О младшем милорде слух разбежался быстро, и король, заинтересовавшись им, пригласил пройти обучение в его резиденции. И Витлар согласился с охотой, присоединившись к рангу магов, которые создавали артефакты. Витлар оказался ценной находкой. Хэварту эта затея не слишком нравилась, но запретить и не взять в счёт желание самого Витлара он не мог. Позволил ехать.

Фабиана обошла стол и подошла к Хэварту со спины, скользнула взглядом по чёрным уже отросшим волосам, которые пришлось немного остричь из-за опалённых огнём концов, по сильной шее, так соблазнительно открытой — настоящее искушение прикоснуться, что Фабиана и сделала, скользнув по широким плечам мужчины руками, обвив его, прильнула к пульсирующей вене губами. Хэварт погладил её кисти, обхватил запястье и, развернувшись всем корпусом, подхватил Фабиану, посадил себе на колени так проворно, что она и охнуть не успела. Ладонью прошелся по щиколотке к колену, волнуяще погладив, бессовестно задирая платье, и скользнул по бедру, чуть сжимая, поглаживая пальцами, рождая в глубине живота пульсирующее тепло. Как же было уютно в его руках. Фабиана никогда не чувствовала себя настолько защищенной и любимой. Минувшие переживания сметались горячим напором этого мужчины. Бартолд эрн Груно был мёртв, дошли слухи что его сын отбыл за границу, не перенеся такого позора и давления властей. И уехал ни один, а с молодой девушкой. Не сложно было понять, что Игнес взяла его в оборот.

Обняв его за шею, глянула на стол.

— Что это? — спросила, увидев исписанные ровным почерком бумаги с какими-то подписями.

Хэварт, вспомнив о своём занятии, посмотрел на стол.

— Я тут кое-что подумал и решил, — начал он. — Поднял дедов архив и нашёл ценные документы. Ойген эрн Ламмерт имел несколько приисков ценных металлов и рудников на юге от Вальштора.

Фабиана приподняла бровь, рассматривая документ лучше.

— Он оставил своё дело, когда уже не мог справляться. Отец, видимо, не стал вести его... Хотя несколько раз упоминал об этом, — Хэварт взял пергамент из дорогой бумаги.

— Ты хочешь взяться за это? — спросила Фабиана, обращая на мужа взгляд.

Хэварт вздохнул и отложил лист.

— Да, хочу. Тем более моя магия к этому располагает.

Фабиана глянула на кисть Хэварта — на пальце сверкало кольцо, сделанное под заказ специально для него. Хотя советники короля твердят, что металл ещё не исследован, но Хэварт уверен в исследованиях Витлара. И Фабиана тоже.

— А как у вас с Танором обстоят дела?

Ах да, она совсем забыла рассказать. Танор навещался утром.

— Наш вопрос по опекунству решён, Витор эрн О-Лидер лишён этих прав, всё наследство переходит ко мне и Танору, — улыбнулась Фабиана. — Сейчас Танор разбирает последние детали. Дядюшка надолго в доме не задержался, куда-то уехал и никто не знает куда именно. А ещё...

Хэварт нахмурился, слушая её внимательно.

— Танора подняли в ранге, теперь он в личной охране у короля.

Не сказать, что Фабиана этому была рада, всё же ей было бы спокойнее быть не на глазах у властителя, которому что-то постоянно нужно от них: от Хэварта, которого то и дело дёргают в резиденцию, и Витлара заграбастали маги, переманили его из Ристола, а теперь ещё у Танора на плечах высокая ответственность и, соответственно, опасность для жизни. Нет, она не в восторге, но, может, всё дело в её положении, в котором она пребывала, сделали её излишне тревожной и чувствительной?

— Не волнуйся, — будто услышал её мысли Ламмерт, — всё хорошо. Кажется, всё налаживается.

Фабиана улыбнулась — Хэварт был как всегда прав.

— Сегодня..., — он повернулся взял какой-то конверт, — ...пришла весточка от Эммера. Он приглашает нас на церемонию бракосочетания.

— Хоть одна хорошая новость, — пробурчала Фабиана, зарывшись пальцами в волосах Хэварта.

Ламмерт отложил письмо и положил руку на её живот, и стало совсем спокойно и невозможно тепло, когда он так делал, беспокойство уходило. Фабиана склонилась к его шее, втягивая такой пьянящий запах сладкого цитруса и хвои, что голова закружилась, Хэварт повернул голову, поймал её губы и поцеловал сначала медленно и проникновенно — его мягкие губы ласкали, будоражили, разжигая Фабиану — потом глубже и горячее.

— Кажется, мы на ужин немного задержимся, — проговорил Хэварт, подхватывая Фабиану под бёдра, и, поднявшись, посадил её на стол, размещаясь между её колен.

Жар прихлынул к её лицу. Но Ламмерт быстро устранил неудобства, заперев магией замок — теперь он мог пользоваться ей, даже не снимая кольца: одно из положительных и, несомненно, ценных свойств этого металла.

— Теперь нам никто не сможет помешать.

Хотя в кабинет никто и не зайдёт, кроме Аскила, который может позвать на уже наверняка давно накрытый стол. Сдвинув на край стола бумаги, Хэварт склонился над Фабианой, прожигая горящим желанием взглядом, в котором так хотелось утонуть. Хэварт опустил его, склонился, скользнул губами к шее Фабианы, оставляя след на коже, мягкие волосы мужчины коснулись подбородка, Фабиана запрокинула голову, позволяя захватить губами вершинку, и вздрогнула, когда со стороны послышалось недовольное карканье.

Хэварт замер и хмуро глянул на сидевшего на жерди ворона.

— Отвернись, — бросил он.

Чудным образом, но Борт послушался, разворачиваясь, встряхивая крыльями.

— Как ты смог его так приучить? — удивилась Фабиана, переводя взгляд на мужа — птица уже не раз демонстрировала свой навык.

— Ничего сложного, давно пора научить некоторым приличным манерам.

Фабиана долго посмотрела на Хэварта, протянула руку и коснулась щеки.

— Ты удивительный, Хэварт эрн Ламмерт, — проговорила Фабиана, не отрывая взгляда.

— Нужно было всё же предупредить Аскила, чтобы принёс ужин в нашу спальню, — чуть отстраняясь, Хэварт расстегнул пуговицу на жилете и сорвал его с себя.

Она открыто любовалась им, когда он вот так, не отводя от неё жаждающего взгляда, срывал с себя одежду и принимался раздевать и ее. Но сейчас пожар охватил их с такой силой, что на неё не было сил. Ламмерт просто спустил с её груди лиф, оголяя чувствительные вершинки, с глухим хрипом притянул Фабиану к себе за бедра, прижимаясь горячо, так что она вздрогнула, ощущая его твердое достоинство, о которое бесстыдно потерлась, обвила шею Хэварта, прильнув к сильному телу мужчины, и охнула, когда Хэварт проник в неё.

— Я без ума от тебя, моя фиалка, — прошептал с хрипом Ламмерт в её губы, двигаясь, просунул руки под ягодицы, придерживая почти на весу.

Трудно было ответить, Фабиана утонула в этом огненным водовороте, видя взгляд мужчины, его чёрные, топкие глаза, полные любви, нежности, обожания, заботы. Стоны блаженства срывались с её губ, сплетаясь с его тяжёлым и частым дыханием, пока сильные пальцы мужчины не вжались в мягкое место жёстче, Фабиана выгнулась, чувствуя, как настигает иступлённое блаженство, поддаваясь бедрами нарастающему темпу.

— Хэваа-аа-арт, — простонала имя любимого, вздрагивая от твёрдых и глубоких толчков.

— Люблю тебя... — горячий шепот раздался в раскрытый рот, который тут же накрыли губы Ламмерта, утешая и лаская.

Фабиана опустила руки, скользнула ладонями по гладкой кожи его твердой груди, очерчивая рельефные мышцы живота, медленно приходила в себя, вдыхая их запахи.

— Хэварт, — позвала Фабиана, когда дрожь немного схлынула.

Ламмерт обнял её и прижал к себе, зарываясь носом в волосы, кажется, не собираясь выпускать.

— Да.

Фабиана облизала распухшие от поцелуев губы.

— Ты бы хотел, чтобы наш ребёнок перенял магию? — задала вопрос, который волновал её с недавних пор, после того как узнала, что носит под сердцем частичку любимого мужчины.

Сердце беспокойно забилося, когда Хэварт долго не отвечал.

— Если это случится, я не огорчусь, фиалка.

— Правда? — облегчение опьяняло, так что глазам стало горячо, почему-то это было очень важно для неё слышать.

Хэварт отстранился, чтобы посмотреть на неё. Его взгляд был слегка укоризненный от того, что она не верит, и вместе с тем полный терпения и ласки.

— Правда.

— Значит, мы сможем преодолеть трудности, связанные с этим?

— После всего, что с нами случилось, ты ещё сомневаешься, фиалка?

Фабиана невинно взмахнула ресницами и улыбнулась, покачав головой. Нет, она не сомневалась и больше не станет. На ресницах Фабианы блеснули слёзы, но теперь уже от счастья.

Конец